

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АХМАДЕЕВ

Камиль Наилевич

**Крымскотатарское сообщество современной России:
проблема самоопределения**

Специальность 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Александр Вячеславович Курочкин

Санкт-Петербург

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	16
1.1 Этнополитические процессы как объект политической науки	16
1.2 Этнополитическая мобилизация крымскотатарской этнической группы: теоретико-методологические особенности анализа	32
ГЛАВА 2: БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАДИЦИОННОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА	38
2.1 Политико-правовые и социокультурные институты традиционного крымскотатарского общества	38
2.2 Этнодемографическая динамика крымскотатарской этнической группы	60
ГЛАВА 3: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ	70
3.1 Факторы и динамика политизации крымскотатарского этносообщества после 1944 года	70
3.2 Содержание крымскотатарского этнополитического процесса в условиях политико-административной трансформации Крыма в составе РФ	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	164
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	165
ПРИЛОЖЕНИЯ	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Совместное проживание на территории полуострова Крым множества этнических групп, относящихся, в том числе к разным цивилизационным типам, стало фактором, детерминирующим активизацию этнополитических процессов на данной территории. Историческое развитие Крыма предопределило высокую интенсивность межэтнических, межрелигиозных и междивизиационных контактов. Географическое положение полуострова предопределило его важное политическое, военно-стратегическое и экономическое значение для всего Причерноморского региона.

Современная этнополитическая ситуация в Крыму имеет глубинные корни и обусловлена многофакторностью историко-цивилизационного развития региона.

Однако события, произошедшие на полуострове в 2014 году, оказали наиболее значительное влияние на характер и динамику этнополитических процессов в Крыму, самым интенсивным и неоднозначным из которых является крымскотатарский этнополитический процесс. Его динамика характеризуется высокой этнополитической мобилизованностью крымскотатарской этнической группы, что является фактором, придающим исследованию дополнительную актуальность.

Разработанность темы исследования. Вопросы этничности, межэтнических и государственно-этнических отношений, проблемы этногенеза достаточно широко представлены в трудах классиков исторической и социологической науки М. Вебера¹, Л. Гумпловича², Ю. В. Бромлея³, Дж. Ротшильда⁴ и др. Социобиологическое направление этнологии активно развивалось в трудах Л. Н. Гумилева⁵, С. М. Широкогорова⁶, П. ван ден Берге⁷, Т. Ванханена⁸.

Во второй половине XX века рост национальных движений в Африке, Азии, Латинской Америке и последующий за этим распад колониальных империй вновь привлекли внимание исследователей к этническим процессам. Падение социалистической системы в Европе и крушение таких крупных этнонациональных федераций как СФРЮ и СССР еще более усилило актуальность данной проблематики.

Методологические вопросы национализма и этнополитических процессов поднимались в трудах: Э. Геллнера⁹, Э. Смита¹⁰, Б. Андерсона¹¹, Л. Гринфилда¹², М. Хроха¹³, Б. Шафера¹⁴, Т. Эриксона¹⁵, К. Калхуна¹⁶, Р.

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990.

² См.: Гумплович Л. Основы социологии. - СПб., 1899.

³ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983; Он же: Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988; Он же: Бромлей Ю.В. Этнология. - М., 1994.

⁴ См.: Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. - N. Y., 1981.

⁵ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.

⁶ См.: Широкогородов С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. - Шанхай: Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета, 1923.

⁷ См.: Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. - N. Y.: Elsevier, 1981.

⁸ См.: Vanhanen T. Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism (Vol. 7). - Stamford, Connecticut: JAI Press, 1999.

⁹ См.: Gellner E. Nations and Nationalism. - Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983.

¹⁰ См.: Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. - М.: Праксис, 2004. - 466 с.

¹¹ См.: Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - L.: Verso, 1983.

¹² См.: Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. - UK: Harvard University Press, 1992.

¹³ См.: Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. - Cambridge, 1985.

¹⁴ См.: Shafer B.C. Nationalism: Myth and Reality. - London: Gollancz, 1955.

¹⁵ См.: Eriksen Th. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives / Th.H. Eriksen. - L.: Pluto Press, 1993.

¹⁶ См.: Calhoon C. Nations matter. Culture, History and the cosmopolitan Dream. - L.; N.Y., 2007. Он же: Калхун К. Национализм. - М., 2006.

Брубейкера¹⁷ и др. Теоретические особенности национализма в России рассматривались в работах В. А. Тишкова¹⁸, Р. Г. Абдулатипова¹⁹, А. В. Авксентьева²⁰, Л. М. Дробижевой²¹, А. Р. Аклаева, В. В. Коротеевой, Г. У. Солдатовой²², В. Ю. Зорина²³, Э. А. Паина²⁴, В. С. Малахова²⁵, М. А. Аствацатуровой²⁶, В. А. Шнирельмана²⁷, В. И. Мукомеля²⁸ и др.

Одним из первых среди российских исследователей, который предложил термин «этнополитические процессы», был Д. В. Драгунский. В его трактовке этнополитические процессы раскрываются как «процессы взаимодействий довольно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, этнической идентичностью, с другой - установленными институтами суверенитета»²⁹. Исследованиями проблем формирования и сохранения национальной идентичности в современном глобальном, мультикультурном мире наиболее последовательно занимается отечественный политолог В. А. Ачкасов³⁰. Он же является и автором учебного пособия по

¹⁷ См.: Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. - Cambridge, 1996.

¹⁸ См.: Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame*. SAGE, 1997. – 334 p. Он же: Тишков В.А. *Очерки теории и политики этничности в России*. – М.: Русский мир. 1997. – 532 с., Он же: Тишков В.А. *Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)*. – М.: Наука. 2001. – 552 с., Он же: Тишков В.А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. – М.: Наука. 2003. – 544 с., Он же: *Политическая антропология*. - Нью-Йорк, 1996.

¹⁹ См.: Абдулатипов Р.Г. *Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях*. - М., 2005.

²⁰ См.: Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. *Этнические проблемы современности и культура межнационального общения*. - Ставрополь, 1993.

²¹ См.: Дробижева Л.М. *Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России*. - М., 2003.

²² См.: Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. *Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг.* — М., 1996.

²³ См.: Зорин В.Ю. *Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива*. - М., 2003. – 287 с.

²⁴ См.: Паин Э.А. *Между империей нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России*. - М., 2004.

²⁵ См.: Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология*. - М., 2005.

²⁶ См.: Аствацатурова М.А. *Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион)*. - Ростов н/Д; Пятигорск, 2002.

²⁷ См.: Шнирельман В.А. *Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России*. - М.: Academia, 2004.

²⁸ См.: Мукомель В.И. *Миграционная политика России: Постсоветские контексты*. - М.: Диполь-Т, 2005.

²⁹ Драгунский Д.В. *Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис*. - 1995. - № 3.

³⁰ См.: Ачкасов В.А. *Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблем безопасности*. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2012. – 232 с.

этнополитологии³¹. Взаимосвязь этнополитологии и политической антропологии подробно раскрыта в работах В. А. Попова³².

В западной политической науке вопросы теоретико-методологического обоснования этнополитической мобилизации подробно исследованы в трудах К. Дойча, впервые проанализировавшего социальную мобилизацию на национальной основе³³, Ф. Барта, интерпретировавшего этническую мобилизацию прежде всего как фактор, приводящий к активизации и ужесточению этнических границ и барьеров³⁴, М. Гроха, который предложил трехфазную модель этнополитической мобилизации для описания генезиса национальных движений Центральной и Юго-Восточной Европы в период утверждения там капитализма³⁵, С. Олзака и Дж. Нейджла, выделивших социально-экономические изменения общества в качестве факторов этнополитической мобилизации³⁶, а также отечественных ученых: М. Н. Губогло³⁷, В. А. Ачкасова³⁸, З. В. Сикевич, определившей вероятность негативного влияния этнического фактора на устойчивость социальной системы и обозначившей это термином «этнический риск»³⁹, Э. А. Паина, выдвинувшего идею о существовании так называемого «этнополитического

³¹ См.: Ачкасов В.А. Этнополитология. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2005.

³² См.: Попов В.А. Политическая антропология и этнополитология: объекты и предметы изучения // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. - СПб., 2006. - Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе.

³³ См.: Deutsch K.W. Nationalism and social communication. - Camb., 1953.

³⁴ См.: Ethnic groups and boundaries / ed. F. Barth. - Bergen, 1969.

³⁵ См.: Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 121–145.

³⁶ См.: Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations / Ed. by S. Olzak, J. Nagel. - L., 1986. – P. 14; Olzak S. The global dynamics of racial and ethnic mobilization. - Stanford, 2006.

³⁷ См.: Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998.

³⁸ См.: Ачкасов В.А. Риски этнополитической мобилизации в условиях кризиса развития // Политика развития и политико-административные отношения: сб. статей / отв. ред. Сморгунев Л.В., Морозова Е.В. - Краснодар, 2009.

³⁹ См.: Сикевич З.В. Проблема этнического риска и национальные меньшинства в постсоветских государствах // Расы и народы. Ежегодник. - 1997. - № 24. Современные этнические и расовые проблемы. - С. 277.

маятника»⁴⁰. Вопросы религиозного и, в частности, исламского фактора в этнополитических процессах поднимает в своих трудах А. В. Малашенко⁴¹.

Что касается непосредственно изучения крымскотатарской этнополитической проблематики, то здесь, прежде всего, стоит отметить работы М. Н. Губогло⁴², С. М. Червонной⁴³, Г. Т. Бекировой⁴⁴, В. И. Мукомеля и С. Р. Хайкина⁴⁵, Р. А. Старченко⁴⁶, Э. С. Муратовой⁴⁷, Н. В. Киселевой, А. А. Форманчука, А. В. Мальгина и В. П. Петрова⁴⁸, Е. В. Возгрин⁴⁹, О. В. Рябцева⁵⁰, Э. Х. Аетдинова⁵¹, В. А. Кряжкова⁵², И. Айдынгюна⁵³, А. Фишера⁵⁴, Г. Зассе⁵⁵, Э. Уилсона⁵⁶, Дж. Доусона⁵⁷ и др.

⁴⁰ См.: Паин Э.А. Этнополитический маятник (Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России). - М., 2004.

⁴¹ См.: Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998. – 222 с. Он же: Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996. – 182 с. Он же: Малашенко А.В. Ислам для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.

⁴² См.: Крымскотатарское национальное движение / ред. М.Н. Губогло, С.М. Червонная, Серия: «Национальные движения в СССР», ЦИМО. - М., 1992. – Т. I. История. Проблемы. Перспективы.

⁴³ См.: Червонная С.М. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения // Крымскотатарское национальное движение. 1994–1997 годы / под ред. М.Н. Губогло. - М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. - Т. 4. - 342 с. Она же: Червонная С.М. Проблемы возвращения и интеграции крымских татар в Крым: 1990-е годы. – М., 1997. – 154 с.

⁴⁴ См.: Бекирова Г.Т. Крымские татары. 1941-1991: (опыт политической истории). - Симферополь: Тезис, 2008. Она же: Крымскотатарская проблема в СССР (1944-1991) / сост. Г. Бекирова. - Симферополь: Центр информации и документации крымских татар, 2004.

⁴⁵ См.: Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133).

⁴⁶ См.: Старченко Р.А. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.: причины и последствия // Вестник российской нации. - 2015. - № 1 (39). - С. 182-206.

⁴⁷ См.: Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5. Она же: Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года / Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. - С. 133-144.

⁴⁸ См.: Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. – Симферополь: Салта, 2015. – 352 с.

⁴⁹ См.: Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.

⁵⁰ См.: Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2007.

⁵¹ См.: Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. - 2009. - Т. 5, № 3. - С. 49-64.

⁵² См.: Кряжков В.А. Крымский прецедент: конституционно-правовое осмысление // Сравнительное конституционное обозрение. - 2014. - № 5 (102). - С. 82-96.

⁵³ См.: The Crimean Tatars in the Crimea: source of conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians / Ethnic relations and population migration. 2004. – Vol. 6, № 30. Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. – 2007. - Vol. 33, № 1. - P. 113-128.

⁵⁴ См.: Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. – 260 p.

⁵⁵ См.: Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. - Cambridge: Harvard University Press, 2007. - 359 p.

⁵⁶ См.: Wilson A. The Crimean Tatars. A Situation Report of the Crimean Tatars for International Alert. - Sidney-Cambridge, 1993.; Он же: Crimean Tatars. Repatriation and Conflict Prevention. Open Society Institute, Forced Migration Projects. – N. Y., 1996.

⁵⁷ См.: Dawson J. Ethnicity, Ideology and Geopolitics in the Crimea // Communist and Post-Communist Studies. – 1997. - Vol. 30, № 4. – P. 429.

Вместе с тем, практически отсутствуют работы по исследованию современного этнополитического процесса в Крыму, в условиях его политико-правовой трансформации в последние годы.

Целью исследования является проведение анализа крымскотатарского этнополитического процесса в условиях включения Крыма в состав Российской Федерации.

Поставленная цель предопределила формулировку следующих **задач исследования:**

1. Проанализировать теоретико-методологический базис, наиболее адекватный исследованию крымскотатарского этнополитического процесса.
2. Исследовать политико-правовые и социокультурные институты традиционного крымскотатарского общества, включая их взаимосвязь с современными явлениями этнополитической жизни.
3. Выявить особенности крымскотатарского этнополитического процесса.
4. Провести сравнительный анализ этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы в различные исторические периоды: период становления национального движения после 1944 года, период нахождения в составе украинского государства, а также в условиях включения Крыма в состав Российской Федерации.
5. Проанализировать мотивы и ценностные установки крымскотатарской этнической группы в условиях включения Крыма в состав Российской Федерации.
6. Исследовать структуру идентичностей крымскотатарской этнической группы после 2014 г.

Объектом исследования является крымскотатарская этническая общность в политическом процессе.

Предметом исследования является динамика крымскотатарского этнополитического процесса и определяющие ее факторы.

Теоретическая и прикладная новизна работы заключается в том, что в данном исследовании с позиций историко-компаративистского подхода подробно изучен процесс этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы в период, предшествующий 2014 году и последующий за ним. В работе представлен комплексный анализ факторов, оказывающих влияние на этнополитический процесс крымскотатарской этнической общности, а также исследование особенностей воздействия на нее внешнеполитических акторов.

Теоретическая и практическая значимость. Положения исследования могут быть использованы для оптимизации управления этнополитическими процессами в Крыму в условиях политико-административной трансформации полуострова, при подготовке аналитических и программных документов территориального развития. Результаты исследования представляют научный и практический интерес как для специалистов в области этнополитологии, этноконфликтологии, так и для органов государственной власти, занимающихся выявлением и прогнозированием этнополитических процессов в регионе. Результаты исследования также могут быть использованы в учебном процессе при разработке специальных курсов и отдельных тем основных курсов таких дисциплин, как: международные отношения, этнополитология, политическая регионалистика.

Источниковая база. Данное исследование потребовало анализа широкого круга документов и материалов, которые можно классифицировать по следующим категориям:

1) Труды отечественных и зарубежных специалистов по вопросам этнополитологии, этноконфликтологии, этнологии и этнографии, теории национализма и этнополитической мобилизации;

2) официальные документы органов власти Российской Федерации, Республики Крым, Автономной республики Крым, Украины, СССР и пр.;

3) тексты публичных выступлений и статьи политических деятелей;

4) статистические данные;

5) данные средств массовой информации, в том числе электронных.

Методология исследования. В качестве базовой методологии в работе используется характерный для этнополитических исследований междисциплинарный подход, а также эмпирический, психологический и историко-компаративистский методы.

Эмпирический метод нашел свое проявление в изучении и систематизации обширной базы полевых исследований, фокус-групп, глубинных и экспертных интервью, что позволило проанализировать политическое поведение и политическую культуру крымскотатарской этнической общности. Данный метод представляется весьма эффективным при объяснении поведения этнических элит и масс путем обращения к этнической традиции. Его важное значение определяется также возможностью сопоставления политической культуры этнической группы с набором политических и общекультурных ценностей, присущих другим этническим группам, вступающим в интеракции с исследуемым объектом. Исторически сложившийся полиэтничный характер полуострова Крым предопределил важность данного метода для настоящего исследования.

Психологический метод нацелен на изучение субъективных механизмов политического поведения, специфики восприятия политических лидеров, политических институтов и политических действий этническими сообществами, а также типичных механизмов психологических мотиваций. Данный метод представляется весьма эффективным при исследовании исторической памяти крымскотатарского этносообщества, его основных маркеров и паттернов политического поведения на современном этапе.

Историко-компаративистский метод (историческое описание, сравнение, периодизация, ретроспективный подход) базируется на сопоставлении современных этнополитических явлений с аналогами в истории данной этнической общности. Он позволил исследовать современное этнополитическое состояние крымскотатарской этнической группы в неразрывной связи с политико-историческим контекстом, в котором оно возникло.

Границы исследования охватывают период с середины 1940-х годов по настоящее время. Значительное внимание в работе уделено периоду с 2014 года по настоящее время, связанному с активизацией этнополитических процессов в Крыму в силу кардинальных изменений его политико-административного положения.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Важным этнополитическим итогом событий 2014 г. стало увеличение межэтнической дистанции между жителями полуострова. Деструкция в сфере межэтнических отношений выражается в росте бытовой ксенофобии, сокращении числа смешанных браков, что вызвано увеличением неприятия данного явления, а также в падении уровня доверия к другим этническим группам.

2) Исследование показало, что результатом вхождения Крыма в состав России стал рост групповой сплоченности крымскотатарского этносообщества.

Процесс этнической консолидации и группового сплочения уменьшил внутригрупповое разделение по некоторым аспектам. Наиболее показательным здесь является изменение отношения к представителям ряда исламских религиозных течений из числа лиц крымскотатарской этнической группы.

3) На протяжении всего периода после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. происходило фактическое замещение коренного населения Крымского полуострова, что стало частью актуальной исторической памяти крымскотатарского этносообщества и ресурсом его этнополитической мобилизации в настоящее время.

4) События 2014 г. оказали существенное влияние на расстановку общественно-политических и религиозных акторов полуострова, изменили структуру и характер взаимоотношений ключевых сил, определяющих этнорелигиозное состояние крымскотатарского и, шире, мусульманского сообщества Крыма.

5) Несмотря на рост групповой сплоченности и этнической консолидации, современное положение внутри крымскотатарской этнической группы характеризуется ростом политической конкуренции этнополитических акторов (организаций, движений), политико-правовые статусы которых различны, а идеологические позиции - противоположны.

6) Крымскотатарская этническая группа на современном этапе является политически мобилизованной, что подразумевает в целом схожесть политических взглядов, ценностей и установок большинства его членов, а также групповую готовность к сохранению и/или завоеванию новых политических статусов для своей этнической группы.

7) Этнодемографическая и социокультурная специфика Крыма, связанная с особой ролью крымскотатарского этносообщества в исторической судьбе полуострова, оказавшемся при этом вследствие исторических и политических процессов в демографическом отношении этническим меньшинством, обуславливает проблему справедливости волеизъявления с использованием мажоритарных механизмов.

Содержание работы соответствует областям исследований 8,9,10,15,16 «Паспорта специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии».

Диссертационная работа прошла обсуждение на заседании кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Теоретические положения, предложения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, излагались автором в ходе научных конференций и семинаров:

- VI международная молодежная конференция «Неонацизм в Европе и на постсоветском пространстве: уроки Второй мировой войны» (2015 г., г. Санкт-Петербург),

- VII международная научно-практическая конференция «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история» (г. Москва, 2018),

- Международная научно-практическая конференция «Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов» (г. Уфа, 2017).

Основные положения и выводы диссертации отражены в 4 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, которые включены Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук:

1. Ахмадеев К.Н. Базовые характеристики традиционного чеченского общества: хозяйственно-экономический и политико-правовой аспекты / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9. С. 20-24.⁵⁸

---

⁵⁸ Ахмадеев К.Н. Базовые характеристики традиционного чеченского общества: хозяйственно-экономический и политико-правовой аспекты / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9. С. 20-24.

2. Ахмадеев К.Н. Этнополитическая мобилизация в контексте этнополитического исследования / Ахмадеев К.Н. // Вопросы политологии. 2018. - №2.⁵⁹
3. Ахмадеев К.Н. Языковой и диаспоральный факторы этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - № 2.⁶⁰
4. Ахмадеев К.Н. Турецкий фактор в крымскотатарском этнополитическом процессе / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - №3.⁶¹

Общее количество публикаций автора – 9:

1. Ахмадеев К.Н. Базовые характеристики традиционного чеченского общества: хозяйственно-экономический и политико-правовой аспекты / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9. С. 20-24.
2. Ахмадеев К.Н. Реконструирование и политизация С. Бандеры и Р. Шухевича в качестве украинского этнического наследия в рамках этнополитической мобилизации / Ахмадеев К.Н. // Материалы VI международной молодежной конференции «Неонацизм в Европе и на постсоветском пространстве: уроки Второй мировой войны», 24 апреля 2015 г. Санкт-Петербург. – 2015. - №1. – С. 11-14.
3. Ахмадеев К.Н. Хозяйственно-экономический аспект традиционного крымскотатарского общества / К.Н. Ахмадеев // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сб. ст. по материалам VII Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история». – № 1(5). – М., Изд. «Интернаука», 2018. – С. 7-10.

---

⁵⁹ Ахмадеев К.Н. Этнополитическая мобилизация в контексте этнополитического исследования / Ахмадеев К.Н. // Вопросы политологии. 2018. - №2.

⁶⁰ Ахмадеев К.Н. Языковой и диаспоральный факторы этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - № 2.

⁶¹ Ахмадеев К.Н. Турецкий фактор в крымскотатарском этнополитическом процессе / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - №3.

4. Ахмадеев К.Н. Теоретические, методологические и философские основы исследования этнополитических процессов // Философия социальных коммуникаций. 2017. № 3 (40). С. 7-9.
5. Ахмадеев К.Н. Исследование этнополитических процессов: теоретические и методологические основы // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2017. С. 185-187.
6. Ахмадеев К.Н. Этнополитическая мобилизация в контексте этнополитического исследования / Ахмадеев К.Н. // Вопросы политологии. 2018. - №2.
7. Ахмадеев К.Н. Языковой и диаспоральный факторы этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - № 2.
8. Ахмадеев К.Н. Некоторые стратегии государственного управления крымскотатарским этнополитическим процессом в современных условиях / Ахмадеев К.Н. // Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции «Государство, общество и политика: история становления, современное состояние, перспективы развития». Санкт-Петербург, 2018. С. 5-10.
9. Ахмадеев К.Н. Турецкий фактор в крымскотатарском этнополитическом процессе / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - №3.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, библиографического списка, списка сокращений и приложения. Материалы исследования изложены на 187 страницах машинописного текста, иллюстрированы 8 таблицами, 3 графиками и гистограммой. Перечень используемой литературы включает 172 источника.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1.1 Этнополитические процессы как объект политической науки

В современном мире постоянно растет научный интерес к этническому фактору в политических процессах. Стремление к этническому возрождению и утверждению своих культурных ценностей актуализировало потребность в научном осмыслении этничности, поэтому закономерно то, что с 80-х годов XX столетия произошла институционализация такой научной дисциплины как этнополитология. Несмотря на то, что фундаментальные идеи, послужившие основой для этнополитологического знания, были заложены еще в античности (так Геродот в V веке до нашей эры осуществил попытку этнографического очерка Скифии, а Ш. Монтескье в эпоху Просвещения развил эту идею, введя понятие «народного духа», обусловленного географическим фактором), предметная область этой науки появилась гораздо позже – ближе к концу XX столетия. Возникнув на стыке политологии и этнологии, этнополитология являет собой междисциплинарное знание, предметом которой в самом общем смысле выступает взаимосвязь этнической и политической сфер жизнедеятельности. При этом, как утверждает профессор В. А. Ачкасов, «этнополитология еще находится в стадии формирования своего предметного поля, уточнения понятийного аппарата, разработки концептов»⁶².

Этнополитология, как область человеческого знания, выполняет ряд значимых функций в сфере общественных наук. К ним относятся:

- Теоретико-познавательная, которая заключается в изучении, систематизации и обобщении определяющих тенденций развития

---

⁶² Ачкасов В.А. Этнополитология. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2005. - С. 4.

этнополитической сферы общества и различных теорий этнополитических процессов.

- Дескриптивная (описательная), которая предусматривает исследование реальности с ее сопоставлением с уже существующими стандартами в этнополитической области, на основании чего можно получить ответ, какова эта реальность.

- Интерпретационная (объяснительная), которая предоставляет трактовку причинно-следственной природы тех или иных событий, явлений, тенденций и направлений этнополитической реальности.

- Мировоззренческая (воспитательная), при реализации которой формируются этнополитическое сознание и этнополитическая культура межэтнического общения; участие этнонациональных образований в политике становится сознательным и эффективным.

- Прогностическая (предсказательная), которая на основе реализации функций описания, интерпретации дает возможность прогнозировать (предсказывать) развитие этнополитических процессов и явлений.

- Технологическая (инструментальная), которая направлена на поиск ответов на вопросы, касающиеся выбора форм и видов практических этнополитических действий с целью достижения конкретного результата.

- Программная (идеологическая), которая связана с выбором определенной системы идеологических ценностных ориентаций при формировании этнополитики социума и разработки стратегий и направлений ее развития.

Важно понимать, что проблемы этнических и межэтнических процессов изучают также и другие дисциплины с приставкой этно-: этноконфликтология, этносоциология, этнодемография, этнопсихология и ряд других, что несколько осложняет для этнополитологии поиск своего места в системе научного знания.

Отличительной чертой этнополитологии является именно «изучение политической обусловленности этнических явлений и процессов»⁶³.

Этнополитологию, как научное знание, можно отнести к гибридным дисциплинам, сформированным, либо формирующимся на стыке нескольких смежных с ней дисциплин, где фундаментальными понятиями являются: общество, государство (как система политических институтов и взаимоотношений между ними), этническая общность и язык, как важнейшее средство коммуникаций. По утверждению М. Н. Губогло, взаимосвязанность изучаемых явлений, относительная аморфность и гетерогенность предметной области и проблематики каждой науки, а также возникновение в сопредельных, приграничных областях проблемных пустот, заполнение которых неизбежно ведет к гибридизации, служат основанием и оправданием междисциплинарных интерференций⁶⁴.

При исследовании политического процесса в центре внимания политологов стоят задачи анализа функционирования правовых и политических институтов, выделение и изучение политико-социальных механизмов, обеспечивающих конкуренцию или равновесие акторов, а также их взаимодействие между собой, в том числе через выявление имплицитно содержащихся в практиках их поведения правил и норм игры. Все это, так или иначе, и является элементами политического процесса. При этом возросшая с прошлого века активность этнорегиональных групп и последовавшая за этим их неизбежная включенность в общий политический процесс дали толчок к выделению в особый проблемный блок этнополитического процесса, который можно понимать, как процесс взаимодействия этнических групп между собой и с государством на территории определенного региона с целью консервации или преобразования своих статусных состояний (прежде всего политического, а также социального и экономического). Непременным условием активизации этнополитического процесса является политизация этнической общности, при

---

⁶³ Ачкасов В.А. Этнополитология. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2005. - С. 5.

⁶⁴ Губогло М.Н. Этносоциология и этнополитология в орбите социологического знания // Русин. - 2006. - № 3.

которой этничность приобретает функции субъекта политических отношений. Сам же этнополитический процесс являет собой череду сменяющих друг друга этнополитических событий (ситуаций). Поэтому анализ этнополитического процесса включает в себя объяснение и осмысление структуры этнополитических событий, сменяющих друг друга и имеющих под собой общую логическую основу, с обязательным учетом факторов внешней среды, оказывающей на них влияние. Что касается типологизации этнополитических процессов, то критерий их дифференциации определяется по следующим признакам:

- а) по степени общегосударственной значимости: периферийные и базовые;
  - б) по модели реализации процедур: демократические и недемократические;
  - в) по степени возможности оценивания изменений: закрытые и открытые;
  - г) по характеру осуществления: очевидные (явные) и скрытые;
  - д) по масштабу осуществления: глобальные и регионально-локальные;
  - е) по степени критичности: стабильные и нестабильные;
  - ж) по взаимодействию со средой: внутрисистемные и переходные;
- з) по степени законности в рамках действующей правовой системы: легальные и нелегальные.

При этом важно понимать отличие между понятиями «этнополитический процесс» и «этнополитический конфликт». Первый не предусматривает обязательного столкновения этнических групп, как субъектов политики между собой или с государством, но при этом и не исключает этого. Исследование этнополитического конфликта состоит в изучении конфликтной фазы этнополитического процесса. Таким образом, понятие «этнополитический процесс» шире и включает в себя анализ также и неконфликтных состояний.

Авторитетный исследователь Э. Паин в своей работе «Этнополитический маятник (Динамика и механизмы этнополитических

процессов в постсоветской России)» выдвигает идею о существовании так называемого «этнополитического маятника». Суть его заключается в том, что после распада СССР на территории Российской Федерации произошли значительные изменения в этнополитической активности доминантной этнической группы и нерусских этнических групп, которые совпали хронологически с периодами президентств Б. Ельцина и В. Путина. Эти изменения характеризовались сначала низкой этнической активностью этнического большинства в годы деятельности первого президента и усилением активности нерусских этнических групп, а с начала 2000-х годов – ростом этнополитической активности доминантного этнического большинства и спадом активности прочих этнических групп⁶⁵.

В динамично трансформирующихся обществах в условиях глобального мира власть нуждается в перманентной легитимации, требуется постоянная забота власти о своем общественном признании, о доверии и поддержке населения, что в свою очередь служит средством укрепления гражданского сообщества, строительства современных наций⁶⁶. В этой связи очевидным представляется то, что от качества проводимой государством этнической политики в существенной мере зависит имидж самой государственной власти, а эффективно проводимая государственная политика в сфере межэтнических, государственно-этнических и смежных с ними (межконфессиональных, государственно-конфессиональных, миграционная политика) отношений может выступить средством, легитимирующим государственную власть. В свою очередь государственная этническая политика должна иметь в качестве основы определенную этнополитическую стратегию.

---

⁶⁵ Паин Э.А. Этнополитический маятник (Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России). - М., 2004.

⁶⁶ Мартыянов В.С. Справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. - Екатеринбург: УрО РАН, 2006. - Вып. 6. - С. 244-257.

Отечественный этнополитолог М. А. Фадеичева определяет три типа этнополитических стратегий, которые по-разному влияют на легитимацию и делегитимацию власти⁶⁷:

1. Стратегия этнополитического дистанцирования. Она, как правило, берется на вооружение властями в тех государствах, где вопрос межэтнических и государственно-этнических отношений не является первостепенным. Данная стратегия, которую Фадеичева именуется «стратегией “политической близорукости”»⁶⁸, сводящаяся к игнорированию дискриминации этнических меньшинств, социальных проблем автохтонного населения, самоустранению от миграционных процессов, может привести к возникновению этнической напряженности. Среди последствий такой напряженности могут быть конфликты, вплоть до вооруженного противостояния. Данная стратегия может восприниматься как свидетельство слабости и неэффективности политической власти.

2. Стратегия этнонационализма. Сущность данной стратегии заключается в принятии дискриминационных нормативных актов по отношению к этническим меньшинствам, в установлении официальной идеологии «государствообразующей нации», в распространении негативных этнических, расовых, культурных, религиозных стереотипов и предрассудков. В данной стратегии ставится задача по легитимации политической власти среди этнического/религиозного большинства при очевидной делегитимации среди этнических/религиозных меньшинств. Политическая выгода при кажущейся опоре на этническое/религиозное большинство является мнимой, поскольку данная стратегия вносит раскол в общество, активизируя центробежные тенденции (в случае многосоставного государства) и/или межэтнические конфликты горизонтального типа (по линии этнос-этнос).

---

⁶⁷ Фадеичева М.А. Этнополитические стратегии государств в глобальном мире // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия: материалы VI Всероссийского конгресса политологов, Москва, 22-24 ноября 2012 г. - М.: РАПН, 2012. - С. 474-475.

⁶⁸ Фадеичева М.А. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти // Социум и власть. - 2013. - №2 (40). - С. 46.

3. Стратегия этнического согласия. Сущность данной стратегии заключается в активном государственном участии в установлении посредничества в отношениях между этническими группами. Целью стратегии этнического согласия является создание и развитие социально-экономического, политического и культурного сотрудничества между этническими группами. Оно достигается путем содействия удовлетворению этнокультурных потребностей этнических групп и реализации их интересов, предотвращения межэтнических конфликтов, а также, как указывает М. А. Фадеичева, «посредством продвижения гражданской идентичности»⁶⁹. Учитывая историко-цивилизационные характеристики Крыма, обусловленные полиэтничным составом населения, нам представляется наиболее обоснованной использование государством третьей этнополитической стратегии, направленной на установление этнического согласия.

Исходя из всего вышесказанного, крымскотатарский этнополитический процесс может быть осмыслен, с одной стороны, как комплекс динамичных, взаимозависимых действий крымскотатарской этнической группы, различных органов власти и других значимых субъектов политических отношений в регионе, направленных на последовательное решение вопросов общественно-политической, социально-экономической и этнокультурной жизни.

При изучении этнополитических процессов важно изучать не только взаимодействия данной общности с политическими институтами, но и исследовать всю политическую сферу как целостную и многомерную систему, в которой пребывает данная этническая общность. В этом заключается сущность системного подхода, примененного в данной работе. В этой связи мы вынуждены согласиться с исследователем А. В. Барановым, предложившим осмысливать этнополитические процессы «как совокупность фактов и событий,

---

⁶⁹ Фадеичева М.А. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти // Социум и власть. - 2013. - №2 (40). - С. 46.

становящихся реакциями субъектов политики на взаимодействия внутри этносферы, а также внешние воздействия на этносферу общества»⁷⁰.

Анализу крымскотатарской этносферы посвящена вторая глава настоящего исследования. В ней крымскотатарская этническая система анализируется через такие базовые характеристики общества, как политико-правовые и социокультурные институты, этнодемографическая динамика. Безусловно, полный анализ всякой этнической системы включает исследование более полного набора параметров, однако, данная работа носит не этнологический характер, описывающий и объясняющий этническую систему крымских татар, а этнополитический, что вынуждает нас ограничиться лишь теми аспектами традиционного крымскотатарского общества, которые имеют взаимосвязь с современными явлениями в этнополитической жизни. А это, в свою очередь, делает оправданным использование историко-компаративистской методологии этнополитического исследования (историческое описание, сравнение, периодизация, ретроспективный подход).

Как указывают в своей работе по этнополитологии признанные отечественные специалисты в данном вопросе В. А. Тишков и Ю. П. Шабаев, «как в политологии, так и в этнополитологии весьма значимым является психологический метод. Более того, в этнополитологии данный метод оказывается существенно важнее, поскольку этническое самосознание признается на сегодня этнологами, пожалуй, главным этнодифференцирующим фактором, ибо во многих случаях особенности быта, хозяйства и ряд других факторов утратили свою прежде значительную роль отличительных признаков этнической группы или сообщества. Особенно это касается государств и регионов промышленно развитого мира. Психологический метод нацелен на изучение субъективных механизмов политического поведения, специфики восприятия политических лидеров, политических институтов и политических действий этническими сообществами. Особую роль в этой связи играет

---

⁷⁰ Баранов А.В. Государственная национальная политика на юге России: приоритеты и направления реформ. – Краснодар, 2003. – С. 57.

изучение этнических стереотипов поведения, этнических установок на электоральное поведение, на принятие или отторжение политических и других решений»⁷¹.

Данный подход, заключающийся в объяснении политического поведения через потребность людей в позитивной этнической идентичности и безопасности, является весьма эффективным для рассмотрения структуры исторической памяти крымскотатарского этносообщества, а также специфических паттернов этнического поведения данного сообщества. Исследование структуры исторической памяти и его основных маркеров имеет большое значение для исследования этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы, при которой происходит конструирование традиции и мобилизация народности, создание (или воссоздание) своего рода опорных точек этнической/национальной идентичности: символов, мифов, обычаев, традиций с последующей их популяризацией в массах. Подробнее это будет рассмотрено в параграфе 1.2.

В этнополитическом пространстве существует три основных уровня взаимодействия: внутри этнической группы, между этническими группами в рамках макросоциума, а также между государством и группами-доминантами с одной стороны, и меньшинствами – с другой⁷². В нашем исследовании будут рассмотрены все уровни взаимодействия:

- на внутригрупповом уровне: взаимодействие основных политических субъектов крымскотатарского этносообщества между собой;
- на уровне крымского макросоциума: взаимодействие с иными этническими группами Крымского полуострова;
- на уровне взаимодействия с государством: взаимодействие с государственными структурами Украины в период ее контроля над

---

⁷¹ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. - Этнополитология - политические функции этничности. Учебник для вузов (Библиотека факультета политологии МГУ) – 2011. – С. 28-29.

⁷² Борисова О.В. Этнические группы в политическом процессе (концептуальные основы этнополитологии). - Ульяновск, 2003. - 172 с.

полуостровом, взаимодействие с государственными структурами Российской Федерации после включения полуострова Крым в состав РФ.

Руководствуясь теоретическими основаниями, на которых базируется типологизация этнополитических процессов, крымскотатарский кейс представляется возможным характеризовать как:

- Локально-региональный. Этнополитический процесс крымских татар является локальным и затрагивает в большей степени полуостров Крым и Причерноморский регион. Наличие трех государств, влияющих на данный процесс – Российской Федерации, Украины, Турции – все-таки не позволяют отнести его к разряду глобальных.

- Переходный, или транзитный. Регион переживает период полного изменения системы власти, включая ее институты и другие субъекты.

- Кризисный. Это объясняется отсутствием баланса и консенсуса ведущих социальных сил, выступающих субъектами крымскотатарского этнополитического процесса.

- Нелегальный. Это объясняется тем, что значительное количество событий в цепочке, составляющей этнополитический процесс, выходит за рамки правового поля, в силу того, что сам полуостров Крым является сегодня объектом территориальных разногласий между рядом международных акторов. Те этнополитические события, что являются легальными в рамках правового поля РФ, являются нелегальными с точки зрения некоторой части международных акторов.

Особенностью крымскотатарского этнополитического процесса, обусловившей его уникальный для современного мира статус, заключается в том, что он, как спорная (непризнанная) часть (юридическая или фактическая) двух государств – Украины и Российской Федерации – в той или иной степени подвержен влиянию общегосударственных процессов названных государств, оказывая в то же время определенное обратное влияние.

В большинстве современных государств акторами этнополитического процесса выступают лидеры этнических групп, государственные органы власти

и органы местного самоуправления, различные общественные и/или религиозные организации, имеющие наибольшее влияние среди членов данной этнической группы. В случае рассматриваемого крымскотатарского кейса наиболее заметную роль играют представительные органы данной этнической группы, а также религиозные организации, имеющие активную сеть сторонников. В этой связи важным представляется анализ решений и действий данных организаций, как ключевых акторов исследуемых нами блоков вопросов.

Как уже было сказано, основополагающим моментом в исследовании этнополитического процесса является изучение политической обусловленности явлений и процессов, так или иначе связанных с этническими общностями, где они выступают одним из ключевых акторов политики. Поэтому фундаментальной задачей для этих исследований является определение понятий «этничность» и «нация».

В современной науке сформировались три концепции этничности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм, однако многие специалисты сужают их до двух самых основных: реализм и конструктивизм. В основе этих концепций лежит проблема восприятия этничности как реально самосуществующей действительности или же как «воображаемого сообщества»; является ли этничность объективно существующей реальностью или же это сконструированная общность. В отечественной традиции долгое время господствовала примордиалистская традиция понимания этничности. В советскую эпоху наибольшее научное обоснование получила теория этноса, базирующаяся на историзме, как осмыслении социальных явлений в их продолжительном развитии. Существенный вклад в развитие данной теории внес исследователь П. Кушнер, акцентировавший внимание на значении территориального взаимодействия этносообществ для процессов их формирования и развития. Этническое самосознание выступало в качестве этнического определителя. Он предлагал изучать языковые аспекты этнических сообществ, их материальную и духовную культуры, чтобы различать этносы

между собой⁷³. Другой прославленный отечественный этнолог С. Токарев указывал на то, что ни один из признаков этноса (язык, территория, общее происхождение, политические объединения, культурные особенности, экономические связи, конфессиональный аспект) не обязательно должен быть присущ каждому этносообществу⁷⁴.

Родоначальником теории этноса является видный русский антрополог, этнолог С. М. Широкогоров. Несмотря на то, что термин «этнос» был известен в научном обороте еще с середины XIX в., в этнографию, в качестве одного из основополагающих понятий, термин «этнос» был введён именно им⁷⁵. Он определял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, объединённых верой в общее происхождение и обладающих определённым культурным комплексом, отличающимся от других групп людей. Сам этнос – явление динамичное, в котором действуют как центростремительные силы, так и центробежные.

Весьма близкой к концепции С. М. Широкогорова была концепция, разработанная его критиком, представителем социобиологического направления Л. Н. Гумилевым. Созданная им пассионарная теория этногенеза описывает исторический процесс как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами. Этнос, согласно данной теории, представляет собой естественно сложившееся сообщество людей, существующее в качестве системной целостности и противопоставленное другим исходя из ощущения комплементарности. Данная системная целостность формирует общую для всех своих представителей этническую традицию. Являясь одним из видов этнических систем, этнос входит в состав суперэтносов (этнических систем более высокого порядка) и сам состоит из субэтносов, конвиксий и консорций (этнических систем более низкого порядка). Л. Н. Гумилевым предлагается близкий к концепту С. М.

⁷³ Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. - М.: АН СССР, 1951. - 285 с.

⁷⁴ См.: Токарев С.А. Проблема типологии этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. - 1964. - № 11.

⁷⁵ Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. - 2003. - № 3. - С. 108.

Широкогорова четырехфазный процесс этногенеза, включающий в себя рождение, подъем, упадок и умирание этноса. В социобиологическом направлении также работали П. ван ден Берге, Т. Ванханен. Наиболее известный на Западе представитель примордиалистского направления П. Ван ден Берге определял этнос в качестве расширенной родственной группы. С его точки зрения существование этнических общностей объясняется генетической предрасположенностью человека к родственному отбору - непомизму. Наиболее авторитетным считается классическое определение этноса, данное Ю. В. Бромлеем, как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»⁷⁶. Этнос рассматривается как объективно существующая реальность, сформированная в прошлом и практически без изменений сохранившаяся поныне. Нация же рассматривается как результат исторической трансформации этноса (группы этносов).

На Западе же распространена конструктивистская концепция, в которую можно включить близкий ей инструменталистский подход. Согласно данной концепции нация является собой конструкцию, сформированную исторически на основе общеразделяемой культуры (или веры в нее). Этничность с точки зрения конструктивистов ситуативна и мотивирована культурно-идеологическими потребностями на различных исторических этапах. «Если примордиалисты стремятся ответить на вопрос, “каковы объективные характеристики, определяющие единство народа и отличающие его от других”, то конструктивистов прежде всего интересует, “каким образом это единство или различие производится и воспроизводится”. Таким образом, этническая общность, как и нация, это не реальность некоего набора объективных признаков, а реальность отношений, которые определяются множеством

---

⁷⁶ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - Изд. 2-е доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 440 с.

факторов и социально конструируются»⁷⁷. Яркий представитель данного направления в анализе этничности академик В. А. Тишков утверждает: «Нацию возможно рассматривать как семантико-метафорическую категорию, которая обрела в современной истории эмоциональную и политическую легитимность, но не стала и не может быть научной дефиницией»⁷⁸. Этничность выступает формой социальной организации культурных различий. «Процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных действий»⁷⁹. Немаловажным для конструирования этничности является политика этнического предпринимательства, заключающегося в мобилизации членов этнической группы для коллективных действий. Ключевая роль в процессе привлечения членов этногруппы к коллективным действиям принадлежит элитам. Инструменталисты идут еще дальше конструктивистов, этнос для них - это средство для разного рода политико-культурных манипуляций, используемое определенной социальной группой для достижения собственных целей в политической сфере. «Инструменталистские концепции часто опираются на социально-психологические теории, трактующие этничность как средство восстановления политического и культурного равноправия, как способ социальной терапии»⁸⁰. Следует иметь в виду, что инструменталистский подход в этнополитологии ориентируется не на поиск объективных основ этничности, а на выявление тех функций, которые выполняют этносообщества. «И если конструктивисты до некоторой степени признают объективный характер тех или иных этнических признаков, то инструменталисты наиболее последовательно отрицают объективность

---

⁷⁷ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2012. - С. 40.

⁷⁸ Тишков В.А. О нации. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html (Дата обращения: 22.01.2018).

⁷⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука. 2003. - С. 105.

⁸⁰ Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабаев Ю.П. - М.: Издательство Московского университета, 2011. - С. 47-48.

этнических систем. Для них этническая и национальная идентичность по преимуществу продукт манипулирования со стороны элит (“этнических предпринимателей”), наживающих символический и политический капитал на этнизации социальных проблем, на акцентировании и эксплуатации межгрупповых отличий и противоречий, которые формируются исключительно в этнических терминах»⁸¹. Возникновение инструменталистского подхода в середине 1970-х гг. является реакцией на невозможность примордиализма объяснить причины возрастания национальных движений современного мира.

Несмотря на очевидное взаимоисключение примордиализма и конструктивизма, считаем, что в настоящем исследовании следует опираться на примордиалистскую концепцию понимания этничности при использовании некоторых позитивных моментов конструктивизма. Можем согласиться с мнением, что конструктивистский и примордиалистский подходы при рассмотрении природы этничности не следует делать взаимоисключающими. Напротив, в исследовании следует использовать те полезные наработки, что имеются в данных подходах⁸². Исследование вопросов этничности нам видится перспективным, если осуществлять его с позиций интеграции наиболее ценных аспектов указанных подходов, образуя тем самым синтетический подход.

Даже один из наиболее последовательных конструктивистов в современной отечественной этнологии В. А. Тишков признает, что «все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими», что можно трактовать как возможность применения синтетического подхода к исследованию этничности⁸³.

В последние десятилетия в науке отмечаются попытки синтеза различных подходов к пониманию этничности. Рядом специалистов предлагается рассматривать этничность с позиции синтеза инструментализма и

---

⁸¹ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблем безопасности. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2012. – С. 42.

⁸² Иванов В.В. Феномен этничности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – Улан-Удэ, 2003. – 144 с.

⁸³ Тишков В.А. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 4. – С. 30.

конструктивизма, другими – с позиции синтеза примордиализма и инструментализма⁸⁴.

В настоящем исследовании примордиалистская парадигма применена в части, посвященной анализу этнической системы крымских татар, факторам и динамике их этнополитической мобилизации. Она требовалась для исследования объективных, устойчивых свойств данной этничности: этническое самосознание, историческая память, традиции, ценности.

Применительно к рассмотрению проблемы интеграции крымскотатарского этносообщества в российскую нацию, мы использовали конструктивистский подход, поскольку концепт российской политической нации, базирующейся на общероссийской гражданской идентичности, не исключает существования этнической идентичности. Более того, как утверждает в своей работе «Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях» Р. Г. Абдулатипов, «этнонациональная идентичность и идентичность гражданская как россияне утверждается не за счет других, а дополняя друг друга»⁸⁵. Впрочем, мы далеки и от идеализации некоторыми современными отечественными этнологами и этнополитологами современного состояния российской политической нации-согражданства, построенной не по принципу гражданской идентичности, а, как справедливо отметил проф. В. А. Ачкасов, скорее, по принципу лояльности государству и/или персонам, олицетворяющим его⁸⁶. Сам же концепт российской политической нации-согражданства еще требует подробного и всестороннего научно-академического обсуждения.

---

⁸⁴ Шакурова Г.Р. Современные подходы к изучению этничности. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059 (Дата обращения: 11.05.2018).

⁸⁵ Абдулатипов Р.Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. - М., 2005.

⁸⁶ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2012. – С. 185-186.

1.2 Этнополитическая мобилизация крымскотатарской этнической группы: теоретико-методологические особенности анализа

В рамках настоящего исследования важной задачей является подробное рассмотрение такого явления как этнополитическая мобилизация. После распада коммунистической системы феномен этничности стал одним из ведущих механизмов политической мобилизации и важнейшей причиной конфликтного противостояния между политическими акторами. Само понятие «мобилизация» достаточно широко используется в социологической лексике, являясь близким по смыслу понятию «политизация» в политологии. В самом широком смысле этнополитическая мобилизация означает групповую готовность к действиям или сами действия. В этом процессе подчеркивается активная, рационально-плановая составляющая. В. А. Ачкасов предлагает определить этнополитическую мобилизацию как «процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории (приписывающая себе принадлежность к таковой), в борьбе за политическую власть и лидерство с членами другой/других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как главный ресурс, во имя обретения общей идентичности и политической/государственной организации группы»⁸⁷.

Как и всякая разновидность мобилизации, она опирается на потенциал, необходимый для активации этнополитического процесса. Ресурсами для этнополитической мобилизации выступают средства, методы, формы организации, стили лидерства, идеологии, используемые группой (внутренние ресурсы), а также социально-экономические и политические условия (внешние ресурсы), которые благоприятствуют достижению поставленных целей⁸⁸.

---

⁸⁷ Ачкасов В.А. Этнополитология. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2005. - С. 185.

⁸⁸ Там же. - С. 184.

Этнополитическая мобилизация проходит три этапа. На первом этапе происходит конструирование традиции и мобилизация народности; создаются (или воссоздаются) своего рода опорные точки этнической/национальной идентичности: символы, мифы, обычаи, традиции с последующей их популяризацией в массах. Далее следует политизация этнического наследия - явление, при котором наследие, воссозданное этапом раннее, институционализируется - превращается в ресурс политической борьбы и приватизируется национальным движением. Завершает процесс этнополитической мобилизации «этническое очищение» - появление враждебности ко всему «иному» историко-культурному наследию; создание защитного механизма для сакрализованной к этому этапу культуры своей этнической общности и подавление на этой основе всяческих проявлений «иных» культур как внутри общности, так и вне ее. Происходит абсолютизация идеи общего происхождения как основа этноцентризма; явно и имплицитно формируется образ врага. Как указывает в своей работе В. А. Тишков, «элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то одной чертой (например, диалектом), а многими чертами. Предпринимаются особые усилия в поддержку процесса культурной дивергенции»⁸⁹. При этом следует сказать, что данная схема этнополитической мобилизации является идеально-типичной, и не все этнические группы проходят последовательно все описанные этапы.

Чешский исследователь М. Гох также предлагает трехступенчатую модель этнополитической мобилизации. В своей работе, посвящённой описанию эволюции национальных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе в период утверждения там капитализма, он рассматривает

---

⁸⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука. 2003. - С. 117.

этнополитическую мобилизацию как процесс, проходящий в своем развитии три фазы:

Фаза «А» характеризуется разработкой отдельными патриотически настроенными идеологами проблем культуры, традиций, обычаев и языка своих народов.

Фаза «В» характеризуется переходом к национально-патриотической агитации, в фокусе которой находились наработки по проблемам культуры, традиций, обычаев и языка, рассматриваемые в качестве факта общественного сознания.

Фаза «С» характеризуется возникновением массового национального движения за создание национального государства⁹⁰.

Одним из главных структурных элементов этнополитической мобилизации выступают внешние условия, благоприятствующие целям мобилизации этничности. Среди них особо выделяются следующие:

1. Урбанизация, обостряющая конкуренцию между представителями различных этнических групп, мигрирующих в города из районов их прежнего компактного проживания.

2. Индустриализация, обостряющая этническую конкуренцию за рабочие места.

3. Экономическое состояние периферийных территорий, на которых компактно проживают представители этнической группы. Это катализирует процесс генезиса этнических/религиозных политических партий и движений.

4. Национально-государственное строительство, воздействующее на этническое сознание, что, в свою очередь, приводит к массовому этнополитическому движению⁹¹. Отечественный исследователь З. Сикевич предлагает свой перечень внешних условий, ускоряющих этнополитическую мобилизацию. Он называет его «этническим риском» и определяет как

---

⁹⁰ Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 121–145.

⁹¹ Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations / ed. by S. Olzak, J. Nagel. - L., 1986. - P. 3–14.

«...вероятность негативного влияния этнического фактора на устойчивость социальной системы»⁹². В этот перечень входят такие факторы как: этнический состав территории; соотношение доли титульного населения государства или этнического большинства региона и доли национальных меньшинств; наличие этнотерриториальных претензий, особенно в случае их использования в качестве инструмента государственной политики; законодательное нарушение прав человека по этническому признаку или косвенным показателям принадлежности к национальным меньшинствам (знание государственного языка, ценз оседлости и т.д.); стремление национального меньшинства, проживающего анклавно, к национально-государственному самоопределению, особенно если этот анклав непосредственно соседствует с территорией основного проживания этноса; этнокультурные и конфессиональные различия соседствующих этнических общностей; курс на построение национального государства в условиях полиэтнического общества.

Этнополитическая мобилизация может выступать в двух качествах: оборонном и наступательном. Оборонная этнополитическая мобилизация наступает в условиях возникновения угрозы потери политического статуса этнической группы, а наступательная - при возникновении возможностей повышения статуса или иных преференций для группы.

Как отмечает Э. Х. Аетдинов, при изучении процессов этнополитической мобилизации важно учитывать готовность этнической группы к тому или иному коллективному действию и форме мобилизации⁹³. Близким к состоянию готовности этнической группы к мобилизации является такая характеристика, как способность к мобилизации. Как показывает история, не все этносы на планете обладают этим качеством. Вице-президент Казахстанского центра гуманитарно-политической конъюнктуры М. Асанбаев приводит в качестве примера отсутствия способности к политической

---

⁹² Сикевич З.В. Проблема этнического риска и национальные меньшинства в постсоветских государствах // Расы и народы. Ежегодник. - 1997. - № 24. Современные этнические и расовые проблемы. - С. 277.

⁹³ Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. - 2009. - Т. 5, № 3. - С. 49-64.

мобилизации североамериканских индейцев, впавших в перманентное состояние этнокультурной самоизоляции и идеологической дезориентации, а также талышей в Азербайджане и каракалпаков в Узбекистане. «Эти два этноса, судя по всему, так и не достигли в своем этногенезе достаточного для создания собственной государственности уровня развития. Скорее всего, им уготована печальная участь ассимилированных этносов. Подобных примеров, когда представители малых этнических и этнокультурных групп подвержены медленной аккультурации и ассимиляции со стороны этнического большинства, достаточно много»⁹⁴. Неизбежным итогом отсутствия способности к этнической мобилизации М. Асанбаев признает медленную, но верную аккультурацию и, как следствие, ассимиляцию в доминирующей этнокультурной среде. «Нация становится нацией в силу своей способности к этнической мобилизации, - пишет исследователь, выделяя при этом две формы выражения этнической мобилизации:

- Контролируемая этническая мобилизация (мобилизация по заданной траектории);

- Стихийная этническая мобилизация.

Игнорирование процесса стихийной этнической мобилизации является, по мнению ученого, непростительной ошибкой для любой этнической группы, т.к. неизбежно породит межэтнический конфликт в государстве⁹⁵.

Мы считаем, что применительно к крымскотатарскому этнополитическому процессу, как наиболее адекватная, подходит трехфазная модель, описанная М. Грохом. С момента принудительного выселения крымских татар в центральноазиатский регион СССР в 1944 г. отдельными представителями крымских татар проводилась ревитализация этнокультурного наследия, преобразованное впоследствии в общественно значимый ресурс этнополитической мобилизации. Третья стадия этнополитической мобилизации

⁹⁴ Асанбаев М. Этническая мобилизация и теории этнического конфликта / Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры. 2008. URL: <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/268-etnicheskaya-mobilizatsiya-i-teorii-etnicheskogo-konflikta.html> (дата обращения: 17.10.2017).

⁹⁵ Там же.

характеризуется возникновением массового этнонационального движения крымских татар за возвращение в Крым с полным восстановлением политических, культурных и земельно-имущественных прав. Поэтому в качестве хронологической точки отсчета исследования мы рассматриваем 1944 год, положивший начало крымскотатарской этнополитической мобилизации. Подробному анализу данного будет процесса посвящена третья глава исследования.

ГЛАВА 2: БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАДИЦИОННОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1 Политико-правовые и социокультурные институты традиционного крымскотатарского общества

Основной задачей данной главы является анализ базовых характеристик традиционного крымскотатарского общества и выявление их взаимосвязи с современными явлениями этнополитической жизни. Объективная этнологическая характеристика этничности необходима для понимания целей национального движения за возвращение в Крым после 1944 г., а также векторов этнополитической мобилизации крымских татар на современном этапе. Следует согласиться с утверждением крупнейшего исследователя крымскотатарского национального движения М. Н. Губогло, подчеркивавшего, что «необходим точный, взвешенный учет всех особенностей, всех деталей, всех моментов, дающих представление о традиционном образе жизни, культуре, трудовых навыках, творческих потенциях крымских татар, о том, что потерял с их “исходом” (эмиграция, ссылкой, - прим. авт.) и что приобретает с их возвращением Крымский полуостров, в каких направлениях желательно, возможно и необходимо новое городское, сельское строительство, развитие культурной инфраструктуры, языковой, религиозной политики, с какими народами и этническими группами соседних регионов и сопредельных государств выявятся наиболее тесные связи (или, напротив, возможны конфликтные ситуации, - прим. авт.)»⁹⁶.

В рамках этнической системы выделяют шесть основных подсистем:

- генно-ландшафтная;
- культурная;
- политическая;

---

⁹⁶ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 605.

- социальная;
- хозяйственная (экономическая);
- языковая⁹⁷.

Однако, учитывая, что наша работа носит не этнологический характер, описывающий и объясняющий этническую систему, а этнополитический, мы ограничимся лишь теми аспектами традиционного крымскотатарского общества, что имеют взаимосвязь с современными явлениями в этнополитической жизни.

Не вдаваясь в глубинный этнографический анализ, рассмотрим такие базовые характеристики традиционного крымскотатарского общества, как политико-правовые и социокультурные институты, а также хозяйственно-экономический уклад.

Полуостров Крым делится на три резко обособленные территории: степную, предгорную и южнобережную. В соответствии с этим проживающие на данных землях крымские татары подразделяются на три этнографические группы:

- Степные крымские татары.
- Горные или предгорные крымские татары.
- Южнобережные крымские татары.

Из-за этнокультурной близости горных и южнобережных татар иногда объединяют в одну этнографическую группу (проф. Г. А. Бонч-Осмоловский, 1925 г.). П. П. Семенов-Тяньшаньский объединяет в один тип степных и горных татар, подчеркивая близость данных крымских татар с татарами России, которых принято называть казанскими (иногда – волжскими).

Крымскотатарский язык является частью кыпчакской подгруппы тюркской группы алтайской языковой семьи. Структурно язык крымских татар близок к балкарскому и кумыкскому. В свою очередь, крымскотатарский язык подразделяется на три диалекта:

---

⁹⁷ Борисова О.В. Этнические группы в политическом процессе (концептуальные основы этнополитологии). - Ульяновск, 2003. – С. 27.

- степной (северный);
- горный (средний);
- прибрежный (южный).

Последний диалект – южный – стал основой развития крымскотатарского языка в конце XIX века, а после Великой русской революции 1917 г. основой стал средний диалект. Графической основой письменного крымскотатарского языка в течение многих столетий оставалась арабская графика, и, как отмечает М. Н. Губогло, самой распространенной разновидностью (почерком) арабской графики в средневековой крымскотатарской культуре был «дивани», на «котором созданы изысканные по своему графическому изяществу памятники старинной письменности крымских татар»⁹⁸. С 1929 по 1939 год крымскотатарская письменность, равно как и письменность большинства тюркских народов СССР, была переведена на латиницу. Как отмечает М. Н. Губогло, «в 1939 г., в связи с развернувшимся тотальным наступлением на многие самобытные национальные культуры»⁹⁹ латиница в спешном порядке была заменена на славянскую кириллицу. Последние десятилетия крымскотатарской этнической элитой отстаиваются идеи релатинизации своего языка, что обеспечило бы лингвистическое сближение крымскотатарской этнической группы с турецким языком.

Образ жизни и тип хозяйствования в традиционном крымскотатарском обществе был неоднороден.

Южнобережные татары (самоназвание «ялыбойлю») исторически занимались виноградарством, табаководством, садоводством и огородничеством. При этом виноградарство, учитывая исламскую религиозную принадлежность крымских татар, до 1917 года было слабо культивируемым типом хозяйствования. Климатическо-географические условия, в которых проживали исторически южнобережные крымские татары, способствовали именно таким типам хозяйствования, что оказало влияние и на образ жизни

⁹⁸ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 605.

⁹⁹ Там же.

данной этнографической группы. «Южнобережные татары, - пишет М. Н. Губогло, - всегда были наиболее обеспеченной и культурной группой татар. Эта разница лишь усилилась с ростом курортов, привлекавших в курортное хозяйство значительные массы татар»¹⁰⁰. Горные и предгорные татары были наиболее урбанизированной этнографической группой крымских татар. Города, являющиеся центрами крымскотатарской культуры и ремесла, располагались именно в предгорной местности, что определило образ жизни и тип хозяйствования данной группы татар. Основными занятиями городского крымскотатарского населения было производство войлока, выделка посуды, кожевенное и токарное дела. Горные и предгорные татары, проживающие в сельской местности, занимались примерно тем же, что и южнобережные крымские татары: садоводством, табаководством, зерноводством, лесным промыслом. Отличие от южнобережных крымских татар заключалось в относительной скудости земли, что отражалось и на качестве производимой продукции. «Произрастающие сорта (табака – прим. авт.) считались хуже южнобережных, однако доходы все равно были велики, и посеы табака неуклонно росли»¹⁰¹.

Отличительным моментом в традиционном образе жизни горных татар являлась их повышенная исламизация - явление, обозначающее глубокое укоренение исламских религиозных традиций во всех сферах общественной жизни, что делает их схожими с народами Северного Кавказа. Как утверждает известный антрополог и археолог Г. А. Бонч-Осмоловский, крымские татары предгорных областей, в силу разнообразия и интенсивности производств, состоятельнее степных крымских татар¹⁰². Наиболее развитой исторически формой хозяйства данной этнографической группы крымских татар было сельское хозяйство, в структуре которого преобладало садоводство, огородничество и табаководство.

---

¹⁰⁰ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 607.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: занятия и промыслы татар // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. - С. 86.

Степные татары (самоназвания - «мынгат», «ногаи») по образу жизни и типу хозяйствования были близки к традиционным кочевым народам, у которых преобладали скотоводство и земледелие. Их образ жизни и тип хозяйствования претерпел наибольшие изменения в связи с иноэтнической колонизацией, что проявлялось в отторжении земель, эксплуатации татар и их выталкиванию в эмиграцию. «Быстрое развитие товарного зернового хозяйства разрушили традиционное скотоводческое хозяйство степи», - указывает М. Н. Губогло¹⁰³.

На протяжении нескольких веков все этнографические группы крымских татар сливались в одну единую народность, что подтверждается интенсивными языковыми процессами. Происходила унификация материальной культуры: одинаковое общее убранство жилищ, одежда, свадебные и похоронные обряды, праздники. Исторически формировалось и общее самоназвание для всех крымских татар – «крымлы» или «къримлы».

Анализируя социальную структуру и хозяйственно-экономический уклад, как базовые элементы крымскотатарского традиционного общества, следует определиться с периодизацией исторического развития этого этнического сообщества. Историографическое изучение не является задачей настоящего политологического исследования, поэтому мы остановимся лишь на интересующих нас важнейших аспектах исторической периодизации. Авторитетные исследователи, среди которых знаменитый крымский историк У. Боданинский, определяют три этапа развития традиционного крымскотатарского производства и хозяйственно-экономического уклада.

- Ранний период – золотоордынский (XIII-XV вв.). В процессе постепенного оседания крымских татар в Тавриде и регулярного общения с новыми соседями (греками, готами, аланами) происходят изменения как в культуре традиционного общества, так и в экономическом отношении. Большое влияние на кочевой тип хозяйствования, завязанный на скотоводстве, оказывает распространение ислама.

---

¹⁰³ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. - С. 608.

- Османский период (середина XV – конец XVIII вв.) характеризуется формированием и укреплением национальных кустарных производств. Получило оформление цеховое устройство кустарей-ремесленников.

- Российский период (с конца XVIII в.) характеризуется как политическим, так и «социально-экономическим гнетом со стороны царских чиновников, помещиков, своего духовенства, беев (князей) и мурз»¹⁰⁴. В кустарной промышленности возникает кризис, и она начинает ориентироваться лишь на внутренние нужды крымскотатарского общества с незначительным промышленным развитием. Религиозный фактор на данном этапе выступил как сдерживающий, способствуя сохранению остатков традиционного хозяйственно-экономического уклада. Как отметил У. Боданинский, «в бытовой плоскости остались цеховые организации, и то только потому, что в структуре их были элементы воздействия шариата – правовых норм, изложенных в Коране, и большая доля пропаганды мусульманского духовенства»¹⁰⁵. Переселение ордынцев в Крым оказало существенное влияние на их традиционное родовое общество. Как уже было сказано, под воздействием межэтнических контактов с соседями происходили изменения как в культуре традиционного общества, так и в хозяйственно-экономическом укладе. Они заключались в трансформации типа экономики из экстенсивного в интенсивный. Если на прежнем месте их обитания были сравнительно большие, но скудные и безводные почвы, то Крым являл собой территорию с ограниченным количеством годной для кочевий земли. При этом данная земля, учитывая ее природно-климатические условия, органичным образом способствовала формированию иных форм хозяйствования: земледелие, скотоводство, разведение культур, пастушество и др.

Крымскотатарская семья была полигамной, а ее состав и размер зависели от материального достатка. Долгое время сохранялось деление

---

¹⁰⁴ Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму: искусство и производства // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – С. 65.

¹⁰⁵ Там же. – С. 66.

крымских татар на племена (аймаки) и колена, состоящие из родов и управляемые старейшинами (мурзами). Как указывает в своей работе Е. В. Возгрин, «в более позднее время это звание-должность становилось наследственным аналогично западноевропейскому институту майората»¹⁰⁶. Несмотря на последующий распад родового строя общества, в исторической памяти крымских татар сохранялась принадлежность к родам. Символом каждого рода была тамга – родовой знак. Данный феномен и сегодня имеет немаловажное значение в крымскотатарском этносообществе. Родовой знак правившей Крымским ханством династии Гераев, под названием тарак-тамга, используется сегодня крымскими татарами в качестве национального символа.

Говоря об этнических символах крымских татар, можно сослаться на исследователя Гвендолин Зассе, согласно которой национальные символы, остаются и поныне важным фактором формирования этнической идентичности. В своей работе «The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict» она подробно описывает этот процесс:

«"Общество Родины"¹⁰⁷ создало национальные символы, которые до сих пор остаются в центре внимания крымскотатарской национальной идентичности. Флаг был спроектирован в 1917 году как национальный флаг крымских татар и независимого крымского государства. Его бирюзовый цвет относится к пантюкистской идентичности и возник в пантюкистском движении в Стамбуле, а золотая трезубальная печать крымских ханов (тарак-тамга), обнаруженная на некоторых реликвиях ханства, запечатлена на верхнем левом углу флага. Она символизирует независимость крымских ханов и их преемников». Причем, как отмечает она же, «историческая достоверность была менее важной, чем символическая выразительность. Также в начале двадцатого века национальными кругами был воссоздан и давно забытый крымский термин Курултай (собрание). Эти фундаментальные символы остаются важными и

¹⁰⁶ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 171.

¹⁰⁷ «Общество Родины» («Vatan Cemiyeti») - организация национального движения крымских татар, созданная в 1909 г. активистами Дж. Сейдаметом, Я. Керчи, А. Шукри и Ч. Джиханом (Челебиевым) для тайного распространения среди крымских татар прокламаций о необходимости реформ в религиозной жизни.

понины»¹⁰⁸. На современном этапе национальный флаг крымских татар с тарактамгой являются безусловными символами крымскотатарского движения во всем мире. 30 июня 1991 г. вновь созданным Курултаем этот флаг был повторно принят в качестве национального¹⁰⁹. С 2010 г. в крымскотатарском этносообществе празднуется День крымскотатарского флага, в том числе и после 2014 г.¹¹⁰

Следует отметить, что цеховая структура крымских татар являла собой особый вид. Каждый цех существовал, как особая организация с органом управления, формируемым на выборной основе, и организационным уставом, который назывался «селеф-наме», что означает «правила предков». Цехи, число которых доходило до 50, были объединены в один союз под названием Эснаф, во главе которого стоял выборный Эснаф-баши. Вместе с Эснаф-баши выбирался и религиозный протектор – Накыб, который должен был происходить из потомков пророка Мухаммада – сейидов по линии его дочери Фатимы – жены халифа Али. На имя сейидов давались крымскими ханами особые ярлыки в подтверждение их прав на это звание. Как замечает У. Боданинский, «благодаря тому, что в структуре цехов существовал религиозный контроль, и в них не было элемента политического, старая государственная власть России не трогала их и смотрела на них сквозь пальцы. Вместе с этим, ни государство, ни тогдашние земства не обращали внимания на национальные кустарные промыслы и ничего не делали для того, чтобы им помочь наладить сбыт, создать сырьевое обслуживание, кооперировать, хотя в некоторых губерниях старой России шаги помощи кустарям со стороны земств предпринимались»¹¹¹. Таким образом, после присоединения Крымского ханства к Российской империи кустарные промыслы крымских татар замкнулись в

¹⁰⁸ Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. - Cambridge: Harvard University Press, 2007. – P. 76-77.

¹⁰⁹ Постановление Курултая от 30 июня 1991 года. ООО «Агентство «Крымские новости». URL: <http://www.webcitation.org/69iM3wqgQ> (дата обращения: 07.07.2018.)

¹¹⁰ Крымские татары отпраздновали День национального флага автопробегом // ИА «РИА» Новости от 26.06.2016. URL: <https://ria.ru/society/20160626/1452584073.html> (дата обращения: 07.07.2018.)

¹¹¹ Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму: искусство и производства // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – С. 66-67.

рамках национальной традиции и не смогли освоить технические достижения труда того времени, в том числе и более рациональную его организацию. Станки и орудия производства, как пишет У. Боданинский, вплоть до 1917 г. не изменились, оставшись в виде застывших архаических пережитков¹¹². Ручной труд производства детерминировал низкую производительность труда. «Затрачивая на производство много рабочей силы, кустарь не мог продавать своей продукции наверняка, ибо рынок сбыта был ограничен Крымом и только южной частью Украины»¹¹³.

Голод, возникший в Крыму в 1921-1922 гг., нанес сокрушительный удар по крымскотатарскому кустарному производству (см. табл.8). Однако не только социальные катаклизмы повлияли на упадок в кустарном производстве крымских татар. Происходившие культурные изменения после Великой русской революции 1917 г., связанные с коренным изменением основ традиционного быта крымских татар, негативным образом повлияли на кустарное производство. Это происходило в силу того, что кустарная промышленность держалась на удовлетворении бытовых хозяйственных потребностей крымскотатарского населения, а после 1917 года эти потребности стали меняться. Вот что пишет по этому поводу У. Боданинский: «Раньше к свадьбе готовилось приданное в виде комплекта медной посуды, обуви, женских ювелирных украшений, вышивок, платья, белья из домотканого холста, ковров, войлока и прочее. Все эти предметы изготовлялись кустарями: медниками, сафьянщиками, ювелирами, ткачами, ткачихами, вышивальщицами. Теперь же, под влиянием советизации быта, татарская свадьба происходит без всяких декоративных частей и без строгого соблюдения традиционных обычаев, просто в ЗАГСе. Современной девице-татарке не нужно дорогостоящее приданное, да и нет средств его приобретать. В деревнях

---

¹¹² Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму: искусство и производства // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – С. 67.

¹¹³ Там же.

Крыма редко происходят теперь свадьбы по старым обрядам, если и происходят, то значительно упрощенным методом»¹¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что разрушение традиционного хозяйственно-экономического уклада в виде кустарной промышленности крымских татар в советский период было вызвано лишением внутренней базы сбыта своей продукции при еще более раннем лишении внешней базы сбыта.

Народные крымскотатарские промыслы (производство тканей, ковров, войлока) претерпевали существенные изменения в соответствии с формами народного хозяйства и внешним влиянием, связанным с усилением контактов с соседними этносообществами. Переход от кочевого быта к оседлому изменил и традиционную хозяйственную форму крымских татар: с натурального скотоводства на сельское хозяйство. Стали развиваться виноградарство, табаководство, разведение плодовоовощных культур. Однако, как подчеркивает У. А. Боданинский, кочевнические привычки еще долго держались среди осевшего населения Крыма¹¹⁵. С переходом на земледелие, скотоводство стало у крымских татар подсобной хозяйственной формой, при этом в некоторых районах Крыма, благодаря природным условиям (Солончаковые степи), вплоть до XIX в. скотоводство оставалось основной хозяйственной формой¹¹⁶.

Важным фактором, оказавшем влияние на базовые характеристики традиционного крымскотатарского общества, стало принятие ислама в XIII веке, сменившее язычество. «На протяжении почти всего второго тысячелетия нашей эры, причем особенно концентрированно в период с начала XIII до начала XX века, крымскотатарская культура оказывается в теснейшей связи с исламом и выступает на восточно-европейской арене, прежде всего, как культура мусульманская, отличающаяся своими конфессиональными ориентирами от соседних (славянских, а также румынской, греческой, армянской, еврейской и других) культур и в силу тех же конфессиональных

---

¹¹⁴ Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму: искусство и производства // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – С. 68.

¹¹⁵ Там же. – С. 78.

¹¹⁶ Там же.

ориентиров особенно близкая турецкой культуре и культурам народов России, входящих в исламский ареал (Северного Кавказа, Поволжья)»¹¹⁷.

По конфессиональной принадлежности крымские татары – это тюркоговорящие мусульмане-сунниты ханафитского мазхаба (толка), этническая идентичность как самостоятельная группа которых сформировалась в XIV-XV вв. Ханафитский мазхаб являет собой одну из четырех богословско-правовых школ в суннитском исламе. Основателем школы, по имени которого она была названа, являлся мусульманский богослов VIII в. Абу Ханифа. Ханафитский мазхаб является наиболее распространенным среди всех правовых школ суннитского ислама в мире. На сегодняшний день последователями ханафитского мазхаба является около половины мусульман мира. Практически все тюркоязычные народы, исповедующие ислам, являются последователями ханафитской школы. В современной Российской Федерации ханафитский мазхаб также является одной из наиболее распространенных богословско-правовых школ среди мусульман. Другой такой школой, имеющей распространение среди мусульманского населения РФ, является шафиитский ислам. Данная богословско-правовая школа, основанная имамом аш-Шафии в VIII-IX вв., имеет значительное распространение среди мусульманского населения Северного Кавказа. Также среди крымскотатарских приверженцев ислама были и представители суфийского направления в исламе, во главе которых стояли шейхи.

Ислам сыграл важную роль в формировании не только культуры крымскотатарского этносообщества, но и в сфере образования. Как указывает известный специалист в области крымскотатарской этнопедагогике М. А. Хайрулдинов, «мусульманская модель образования строится, в первую очередь, на Коране и сунне, а также научных и теоретических достижениях ученых-энциклопедистов Востока Абу-али Ибн Сины, Ибн Рушда, аль-Газали и др.»¹¹⁸

Система народного образования в традиционном крымскотатарском обществе

¹¹⁷ Червонная С.М. Искусство татарского Крыма. – М., 1995. – С. 29.

¹¹⁸ Хайрулдинов М.А. Культура мусульманства и народная педагогика крымских татар // Культура народов Причерноморья. – 2002. - № 28. – С. 170.

всегда находилась на высоком уровне. Вот что пишет по этому поводу В. Е. Возгрин: «Всеобщее обязательное обучение в приходских школах (мектебе) для детей с 6 до 15 лет было введено здесь гораздо раньше, чем в России. Мектебе были в каждой деревне, где имелась мечеть. Всего же мечетей в начале XIX в. было 1556, т.е. одна школа приходилась на 700-800 человек, что также намного превосходило общероссийский уровень. Но шли годы, и царская администрация последовательно закрывала мечети, распускала школы, так что в 1890 г. осталось лишь 275 мектебе..., а новых школ для татар создано почти не было»¹¹⁹. Система образования в традиционном крымскотатарском обществе была двухуровневой:

- 1 уровень – начальное образование (мектебе);
- 2 уровень – среднее образование (медресе).

Мектебе и медресе содержались за счет мусульманской общины. «Несколько ... общин имеют одну соборную мечеть: несколько десятков их – одно медресе, высшую школу, где концентрируются и имеют источник все познания мусульман, откуда выходят их богословы, правоведы, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые»¹²⁰.

Присоединение Крымского ханства к Российской империи в 1783 году послужило фактором в деле распространения светских знаний в крымскотатарской среде. Роль национальных учебных заведений и образования на крымскотатарском языке стала постепенно сводиться к минимуму. «Российская администрация стала создавать русско-татарские школы, училища, учительские школы, которые в какой-то степени и были шагом вперед в деле распространения светских знаний среди крымских татар, но последовательно осуществлялся курс на сворачивание национальных учебных заведений и

¹¹⁹ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 369.

¹²⁰ Гаспринский И. Россия и Восток. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Казань: Фонд Жиен «Татарское книжное издательство», 1993. – С. 40.

образования на родном языке. Культурное развитие народа оказалось в полосе застоя»¹²¹.

В большой научной работе, посвященной исследованию ислама в Крыму, «Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов» утверждается, что исламские институты, к которым относятся мечеть, медресе, шариатский суд, вакуфы (земли, пожертвованные на содержание мечетей и медресе), суфийские обители стали основой социальных отношений, где прочные позиции занимали общности, семья, род, квартальная или сельская община, торгово-ремесленное объединение, суфийское братство. «Структура мусульманских духовных лиц, обеспечивающих функционирование данных институтов, включалась в систему государственного управления. При этом в Крымском ханстве сохранялись многие особенности государственной и судебной-правовой практики золотоордынского периода, в которой светская и духовная ветви власти функционировали отдельно»¹²². Данное разделение властей, исторически присущее традиционному крымскотатарскому обществу, может быть причиной, объясняющей существующее и поныне разделение властей в крымскотатарском этническом сообществе. В третьей главе, где подробно будет исследована структура акторов крымскотатарского этнополитического процесса, будет описано разделение власти на «светскую», представленную запрещенным на территории РФ Меджлисом крымскотатарского народа, и «духовную», представленную Духовным управлением мусульман Крыма в период, предшествовавший событиям 2014 года.

Для этнополитического исследования этнических групп, исповедующих религию ислам, важным представляется проанализировать религиозный фактор в этнополитической мобилизации. В этой связи уместно провести аналогию с национально-освободительным движением горцев Северного Кавказа XIX века,

¹²¹ Хайрулдинов М.А. Культура мусульманства и народная педагогика крымских татар // Культура народов Причерноморья. – 2002. - № 28. – С. 170.

¹²² Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь: Элиньо, 2009. – С. 30.

поскольку эпоха XIX века характеризуется для Российской империи временем установления контроля над значительными территориями, населенными народами, исповедующими мусульманскую религию. К 1860-м годам Россия постепенно установила контроль над землями Северного Кавказа от Черного до Каспийского морей, в результате чего большая часть горцев Западного Кавказа покинула свою родину. В 1820-е гг. к империи были присоединены северные провинции Ирана, включающие в себя азербайджанские ханства. В 1850-е гг. в состав России были окончательно включены территории современного Казахстана. В 1860-1880-е гг. российские войска завоевали территории Средней Азии, включая Кокандское ханство, часть земель Бухарского эмирата, туркменские территории (Закаспийская область). В результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. были присоединены Карская область и Аджария¹²³.

Данное движение было прочно завязано именно на исламском религиозном факторе, а в сознании горцев борьба с Российской империей воспринималась как борьба религиозного характера. В случае с Крымским ханством, лишившимся своей самостоятельности в 1783 г., в качестве мощного ресурса этнополитической мобилизации на рубеже XIX-XX вв. выступил не религиозный фактор, а идея пантюркизма, активно развиваемая ее основоположником и идеологом крымскотатарского движения конца XIX – начала XX вв. Исмаилом Гаспринским. При этом исламский фактор в его деятельности не стоит сбрасывать со счетов, учитывая тот факт, что он являлся одним из организаторов первой мусульманской партии в Российской империи «Иттифак аль-муслимин». Некоторые исследователи указывают, что речь шла не просто о генезисе единой тюркской нации, а генезисе российских мусульман, как политико-правовой общности. Его основной идеологической платформой, на которую он опирался в своей общественно-политической деятельности, была идея пантюркизма, основанная на нацеленности на объединение тюркоязычных народов государства в единое культурно-

---

¹²³ Хабутдинов А.Ю. «Русское мусульманство» Исмаила Гаспринского: единство в многообразии. – М.: ИД «Медина», 2011.

религиозное и политическое пространство «Великий Туран». Как указывает в своем исследовании О. В. Рябцев, «в соответствии с основополагающими принципами пантюркизма данное государство должно объединять следующие регионы: Малая Азия (Турция), часть Балкан, Крым, тюркоязычные ареалы Северного и Южного Кавказа, северную часть Ирана, Поволжье, Урал, Южную Сибирь, Центральную Азию, а также Восточный (китайский) Туркестан¹²⁴. Площадкой, вокруг которого стала оформляться данная идеология, была газета «Тарджеман», выступающая в качестве печатного органа тюркских народов Российской империи и своеобразного информационного рупора мусульманского сообщества. Существенной характеристикой указанного явления является то, что движение Исмаила Гаспринского было ориентировано не только на крымских татар, но и на все этнические группы Российской империи, исповедующие ислам. Как указывает в своей работе А. Ю. Хабутдинов: «Исмаил-бею удается объединить ту часть элиты российских мусульман, которая стремилась контролировать не отдельные населенные пункты или местности, а выстраивала свои сети в международном, всемирном или как минимум региональном масштабе. Это касалось миллионеров из числа нефтепромышленников Баку, хлопкопромышленников Туркестана и лидеров оптовой торговли у татар, суфийских шейхов, студенчества, типографов и книгоиздателей, мударрисов¹²⁵ и дворян¹²⁶.

Несмотря на решающее влияние мусульманских священнослужителей во всех житейских вопросах, исламу, однако, не удалось полностью вытеснить языческие элементы у крымских татар. В своем этнографическом исследовании Г. А. Бонч-Осмоловский указывает, что языческие элементы присутствовали в праздниках, в том числе и сугубо исламских религиозных, в культе некоторых умерших людей (поверье о зажигании зеленых огоньков на некоторых

¹²⁴ Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. – С. 62.

¹²⁵ Мударрис – преподаватель, знаток исламской религиозной юриспруденции и этико-правовых норм.

¹²⁶ Хабутдинов А.Ю. «Русское мусульманство» Исмаила Гаспринского: единство в многообразии. – М.: ИД «Медина», 2011.

гробницах), в существовании некоторых мифических персонажей из народных поверий (темных духов, богов, чертей, оборотней и т.д.)¹²⁷.

Крымскотатарское традиционное общество в Крымском ханстве было стратифицировано. Среди них имелись баи (богачи), имевшие, как пишет О. Ф. Домбровский, «от трех до четырех пар волов, две или три коровы, до 150 штук овец, от четырех до шести лошадей упряжных, верховых и для молотбы хлеба»¹²⁸. Бай нанимает одного или двух работников. Не-баи, редко имевшие трех-четыре волов, по большей части соединялись по несколько человек вместе, образуя совместное хозяйство. Помимо двух основных – животноводства (особенно коневодства) и земледелия – у крымских татар существовал еще один источник средств к существованию. Некоторый период в этнической истории крымских татар занимает феномен работорговли и набегов – разорительных военизированных походов на соседние земли с целью грабежа имущества и взятия в плен людей. Работорговля, как социальное явление, существовала и до возникновения Крымского ханства. Следует также иметь в виду, что набеги и работорговля, как источник средств к существованию, были распространены в те времена практически повсеместно. При этом основную долю среди участников набегов, представлявших Крымское ханство, были не сами крымчане, а степняки Причерноморья – ногайские татары. Они, как утверждает известный исследователь истории крымских татар В. Е. Возгрин в своей работе «Исторические судьбы крымских татар», были более приспособлены для этого, чем коренное крымскотатарское население, базировавшееся на Южном берегу и горной части Крыма. Южнобережные, горные и предгорные татары являют собой ядро крымскотатарского этноса в Крыму, т.к. в нем находились основные учреждения управления государством, а также потому, «что именно здесь сохранились древние устои, абсолютно

¹²⁷ Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: верования // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. - Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – С. 96-97.

¹²⁸ Домбровский Ф.О. Несколько слов о баштанах в Евпаторийском уезде // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – С. 170.

чуждые кочевникам-пришельцам, с готовностью откликнувшись на призыв к набегу»¹²⁹.

Подавляющее население крымских татар (татары Южного берега, предгорных и горных частей Крыма) было сельскохозяйственным, что объективно усложнило организаторам набегов рекрутизацию в разорительные к соседям походы. Таким образом, можно сделать вывод, что приписываемые впоследствии этнические стереотипы о крымских татарах, как разбойниках, живущих лишь набегами, являются несостоятельными в силу отсутствия для этого объективных причин, а именно - превалирования в крымскотатарском традиционном обществе мирного сельскохозяйственного труда. «Недолгий опыт набегов с его соблазнами быстрого обогащения стал тогда (с XVII в. – прим. авт.) уступать вновь по достоинству оцененным древним крымским традициям уже потому, что мирный путь развития экономики “совершенно совпадал с нравами и образом жителей полуострова”»¹³⁰.

До присоединения к Российской империи, в Крымском ханстве существовали следующие формы землевладения:

- султанский домен;
- землевладения хана и калги;
- владения мурз и беев;
- вакуфы;
- владения «джемаата» - владения общин;
- «заны» - полевые пахотные участки, «чаиры» - отгороженные участки

на государственных, помещичьих и общинных землях, существующих на основе положения шариата.

Органом управления в общине являлся сход старейшин, представителей духовенства и уважаемых людей (например, совершивших паломничество к исламским религиозным святыням). После присоединения Крыма к России,

¹²⁹ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 160.

¹³⁰ Там же.

земельные владения крымских татар резко сократились¹³¹. В XIX веке основная часть земель принадлежала дворянству и купечеству. В 80-е годы XIX в. крымские татары имели в Крыму 142 560 дес. земли, в то же время, например, немцы-колонисты имели 209 913 дес. земли¹³².

Языковая картина мира всякого этнического сообщества образуется совокупностью материальной и духовной культуры народа, что находит свое отражение в языке. Данная языковая картина отражает все этапы развития этноса, а также формы и способы его жизнедеятельности. Собственные имена – онимы - являются важной языковой единицей, позволяющей проанализировать разнородную информацию о предмете: место его нахождения, время его создания, язык именованья, народ, давший ему это имя, оценка его места в совокупной культуре этноса. Как указывает А. М. Эмирова, «собственные имена маркируют природную и социальную сферу жизни этноса и формируют то культурное пространство, в котором этот народ чувствует себя “дома”»¹³³. Будучи кумулятивными (агрегирующими в себя информацию об этногенезе, истории, религии, нравственных предпочтениях и оценках) культурными знаками, онимы являют собой один из инструментов этнической идентификации. В этой связи восстановление прежней топонимии стало одним из первых требований крымскотатарского национального движения в период с конца 1980-х годов, как фактор восстановления этнокультурного наследия крымскотатарского народа. Исторические названия сел, городов, рек, водоемов, гор, холмов и прочих природных урочищ, имевших крымскотатарское языковое происхождение, в директивном порядке было переименовано советскими и партийными властями в первые несколько лет после принудительного выселения крымских татар из Крыма. По мнению А. М. Эмировой, это было сделано из политических соображений – стереть всякие следы многовекового

¹³¹ Желтухина О.А. Крымские татары в XIX – начале XX вв. URL: <http://qrim.org/?p=34781> (Дата обращения: 02.03.2018).

¹³² Немцы в Крыму: очерки истории и культуры. – Симферополь: Таврия Плюс, 2000. – С. 20.

¹³³ Эмирова А.М. Крымскотатарские собственные имена как кумулятивные знаки этнической культуры // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 209.

пребывания крымских татар на этой земле¹³⁴. С этим трудно не согласиться, учитывая действия властей СССР всех уровней по целенаправленному искоренению крымскотатарского фактора из Крыма в период 1944 - кон. 1980-х гг. Подробнее данный аспект будет рассмотрен в третьей главе.

Крымскотатарскими средствами массовой информации часто допускается использование двойных названий географических объектов: Акъмесджит (Симферополь), Къарасубазар (Белогорск), Акъяр (Севастополь), Коккоз (Соколиное), Ай-Василь (Васильевка) и др. Крымскотатарские личные имена во многом имеют арабское происхождение, что связано с принятием крымскими татарами ислама в XIII-XIV вв. В период, предшествовавший депортации 1944 года, личные крымскотатарские имена стали подвергаться усиленному русскому влиянию, что нашло выражение в утрате традиционной формы совокупного именованья – личное имя + имя отца и/или прозвище: Мемет Ниязий, Керим Решид Джаманакълы, Сеид Абдулла Озенбашлы, Номан Челеби Джихан, Трош Айше Али и т.п. Совокупное имя стало оформляться, как пишет А. М. Эмирова, по русской формуле – личное имя + отчество на –ович/-евич, -овна/-евна + фамилия на –ов/-ев, -ова/-ева: Асан Сабри Айвазов, Эмиров Мемет Алиевич, Земине Мустафаевна Дагджи, Арифов Ягъя Джелиль и др. Русифицированное отчество часто в документах не записывалось¹³⁵. В условиях проживания в специальных поселениях крымскими татарами предпринимались попытки оформлять документы в соответствии с традиционной формулой, однако они сталкивались с административным воспрепятствованием. После репатриации в места исхода многими лицами крымскотатарской национальности стали предприниматься попытки возродить традиционную форму личных имен.

Как указывает исследователь И. И. Кальной, идентичность является конституирующим фактором общественной жизни. Она выступает

¹³⁴ Эмирова А.М. Крымскотатарские собственные имена как кумулятивные знаки этнической культуры // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 209.

¹³⁵ Там же. – С. 211.

скрепляющим началом жизни общества, ибо потенциал любой идеи может быть реализован только в том случае, когда эта идея укоренена в структуре личности через ее идентичности¹³⁶. Для Крыма в целом характерно сочетание региональной, этнокультурной и общегражданской идентичности. В современных исследованиях идентичностей жителей Крыма популярным становится утверждение о ярко выраженной региональной (крымской) идентичности, которая выражена сильнее, чем этническая идентичность. Выносятся тезис о крымском автономизме. «Ген автономности Крыма активно заявил о себе в XX веке. В эпоху революции и гражданской войны 1917-1920 гг. крымский автономизм оформился окончательно. Несколько попыток создания в Крыму автономных образований различными политическими силами завершилось созданием 18 октября 1921 года Автономной Крымской Советской Социалистической Республики – “автономным государством рабочих и крестьян” в составе РСФСР»¹³⁷.

Однако исключением здесь являются крымские татары. Они, в сравнении с остальными двумя крупнейшими (русскими и украинцами) этносообществами Крыма, обладают наибольшей этнической самоидентификацией. Согласно социологическому исследованию, проведенному Центром этносоциальных исследований, приоритетность этнической самоидентификации среди крымских татар составляет ок. 80%, в то время как у русских – 32%, у украинцев – 28%¹³⁸. Согласно некоторым данным серии социологических опросов, осуществленных исследователем С. А. Ефимовым¹³⁹, среди этнических русских и украинцев существует приоритет

¹³⁶ Кальной И.И. Контуры крымской региональной идентичности: pro et contra // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 245.

¹³⁷ Лантух Н.А. Об «островной направленности крымской региональной идентичности / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 260.

¹³⁸ Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 187.

¹³⁹ Ефимов С.А. Некоторые социологические штрихи к вопросу об идентичности крымчан / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.

региональной самоидентификации над этнокультурной (см. табл.4). При этом в структуре идентичностей преобладающим для всех жителей Крыма является региональная (крымская) идентичность (см. табл.5). Согласно этим данным, преобладающая крымская региональная идентичность прослеживается у русских, наименьшая среди трех крупнейших этносов Крыма – у украинцев. Крымские татары обладают большей приверженностью к сохранению республиканского статуса Крыма (см. табл.6). Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что крымскотатарское этносообщество обладает как ярко выраженным этническим самосознанием, так и желанием сохранения высокого республиканского статуса Крыма, но в составе Украины. Исходя из этого стоит согласиться с утверждением исследователя В. А. Темненко о том, что проблемы региональной идентичности и электорального поведения крымчан должны трактоваться в рамках крымской этнической триады: поиски единой «приграничной» идентичности в Крыму были бы поисками пустоты¹⁴⁰. Под крымской этнической триадой стоит понимать совокупность отношений русских, украинцев и крымских татар, составляющих больше 90% населения Крыма (см. табл.7).

Национальному самосознанию крымских татар присуще глубокое убеждение в собственном автохтонном происхождении от древнейших обитателей Крымского полуострова¹⁴¹. Это может послужить объяснением ощущения себя коренным народом полуострова в самосознании крымских татар. Данный факт находит отражение в историческом стремлении деятелей национального движения к утверждению этнонима «крымские татары», «кърымлар» (дословно – «крымцы») или «кърымлы» («крымские») в качестве единственно приемлемого. В данном случае, слово «крым» в этнониме является обуславливающим фактором привязки этой этнической группы к Крымскому полуострову, что вызывало сопротивление советских властей. Как указывает в

¹⁴⁰ Темненко В.А. Крым – выпавшее звено конфликтной дуги / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 273.

¹⁴¹ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 609.

своем исследовании М. Н. Губогло, «лидеры национального движения выражали бесчисленные протесты против того, что это историческое самоназвание не учитывали официальные статистические данные СССР и переписи населения, принуждавшие крымских татар записываться просто татарами, против оскорбительных для национального достоинства выражений вроде “лица татарской национальности, проживавшие в Крыму” вместо ясного и четкого – “крымские татары”»¹⁴². Детальное исследование данного аспекта будет проведено в третьей главе настоящей работы.

Историческая память, понимаемая как набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, рефлексий виктимного характера народа, выполняет важную функцию консолидации этничности. Крымскотатарская этничность на протяжении своего становления и развития сформировала определенные базовые маркеры этой памяти, с наличием значительного пласта виктимных факторов.

Аналізу демографического аспекта крымскотатарского этносообщества и выявлению его взаимосвязи с современными явлениями этнополитической жизни посвящен следующий параграф.

---

¹⁴² Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 609-610.

2.2 Этнодемографическая динамика крымскотатарской этнической группы

Крымскотатарское присутствие в Крыму имеет прочные исторические основы. В XV веке здесь было создано Крымское ханство. На протяжении трехсот лет (1475-1774 гг.) это государство находилось под протекторатом Османской империи, «для которой оно служило политической и экономической опорой, а также обеспечивало его безопасность»¹⁴³. Происходившая в 1768-1774 гг. русско-турецкая война завершилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, подразумевавшего признание Османской империей независимости Крымского ханства, хотя де-факто этого не произошло. На тот момент крымскотатарское население полуострова Крым составляло более 80% (см. граф. 3) В 1783 г. произошло присоединение Крыма к Российской империи, что повлекло за собой значительные политические и социальные сдвиги, которые в свою очередь привели к серьезным демографическим изменениям на полуострове. Данные, приведенные в графиках 2 и 3 и гистограмме 1 настоящего исследования (см. Приложения) позволяют нам заключить, что осуществляемая властями Российской империи политика была направлена, по сути, на замещение населения Крыма.

Государством создавались условия, способствующие исходу с полуострова населяющих его крымских татар и заселению колонистами из ряда губерний Российской империи. Как пишут в своей работе Д. В. Мухетдинов и А. Ю. Хабутдинов, «это не обозначало тотального изгнания мусульман, но отныне они должны были играть по правилам “Третьего Рима”. Несогласные, прежде всего, кочевники, погибали или эмигрировали. Для лояльных в

---

¹⁴³ Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30). – P. 135.

последние годы правления Екатерины II были определены рамки устройства духовной жизни мусульман бывшего ханства»¹⁴⁴.

Турецкий ученый И. Айдынгюн характеризует данный политический курс, как «курс на славянизацию Крыма»¹⁴⁵. Результатом данной государственной политики¹⁴⁶ стала массовая эмиграция крымских татар преимущественно на земли Османской империи, особенно после Крымской войны 1853-1856 гг. Как видно из граф. 3, численность крымскотатарского населения в 1897 г. снизилась до одной трети по отношению к 1783 г. За несколько лет до принудительного переселения народов, населявших Крым, в 1944 г. их доля не превышала четверти от всего населения данного региона. В крымской историографии обозначилось две волны массовой эмиграции населения из Крыма, существенную долю в котором занимали крымские татары:

- Период после присоединения Крыма к России в третьей четверти XVIII в.

- Период после Крымской войны в середине XIX в.

Для понимания сущности этнополитической мобилизации крымских татар важным представляется вопрос формирования диаспоры данной этнической группы. Мы считаем, что очагом возникновения крымскотатарского национального движения стала диаспора, стихийным образом сформированная в центральноазиатских республиках СССР. Некоторые исследователи предлагают рассматривать процесс формирования данной диаспоры в качестве предыстории возникновения национального движения¹⁴⁷.

Формирование крымскотатарской диаспоры происходило на протяжении трех исторических периодов:

¹⁴⁴ Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. - 2014. - № 4(36). - С. 52.

¹⁴⁵ Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30). - P. 135.

¹⁴⁶ Если определять государственную политику как целенаправленные действия органов государственной власти в какой-либо области, имеющие системный характер.

¹⁴⁷ Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. - 2005. - № 69. - С. 139-141.

- Период Крымского ханства (XV-XVIII вв.);
- Период Российской империи (1783-1917 гг.);
- Советский период (1917-1991 гг.);
- Постсоветский период (с 1991 г.).

Каждый из указанных периодов можно разбить на несколько этапов. Исторические детали этих этапов не являются предметом настоящего исследования, поэтому не будем заострять на них существенного внимания. Остановимся лишь на значимых с точки зрения политологического анализа фактах.

Начавшееся с XV в. миграционное движение из Крыма на земли Московии, Польши, Литвы, Швеции, Османской империи и других государств стало истоком формирования крымскотатарской диаспоры. Данный процесс, по утверждению крупного исследователя процессов формирования крымскотатарской диаспоры историка Э. Х. Сейдаметова, продолжался время от времени в тесной зависимости от существующих между странами дипломатических отношений на протяжении всего времени существования Крымского ханства. Оседая на новых землях, крымские татары принимали активное участие в общественно-политической, культурной, экономической жизни этих стран, играя немаловажную роль в дальнейшем этногенезе народов¹⁴⁸.

Формирование крымскотатарской диаспоры в период Российской империи, возникшее в 1783 г., явилось следствием эмиграционного движения, вызванного колонизаторской политикой новых властей в Крыму. По утверждению Э. Х. Сейдаметова, целью данной политики было вытеснение крымскотатарского народа из Крыма посредством проводимой политики политического, социально-экономического, национального и религиозного гнета, и последующего заселения территории полуострова колонистами из

---

¹⁴⁸ Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139.

внутренних губерний Российской империи и других государств¹⁴⁹. Вторая волна эмиграции пришлась на период после Крымской войны 1853-1856 гг. Причем, если в конце XVIII в. из Крыма эмигрировали в основном горные крымские татары, то с середины XIX в. более 90% эмигрировавших составляли степные крымские татары, что было вызвано как последствиями войны, так и растущим малоземельем и безземельем сельского населения¹⁵⁰. Третья волна эмиграции приходится на период с 1874 г. и была вызвана введением всеобщей воинской повинности. Крымскотатарские призывники обязаны были проходить службу в общевойсковых частях, что не предполагало ими исполнения религиозных предписаний. Эмиграция происходила преимущественно нелегально, без паспортов¹⁵¹. Таким образом, мы можем утверждать, что причиной формирования зарубежной крымскотатарской диаспоры в тот период была вынужденная эмиграция. Она осуществлялась в 1783-1917 гг. на территории, принадлежавшие Османской империи. Наиболее населенными выходцами из Крыма были земли Добруджи (ныне располагающейся на территории Румынии и Болгарии) и собственно Турции.

Четвертая волна эмиграции крымских татар происходила в 1920-1940-е гг., вплоть до принудительного их выселения в 1944 году. Эта волна состояла из нескольких этапов. Первый этап пришелся на начало 1920-х годов и был вызван последствиями голода 1921-1922 гг. По некоторым данным, под влиянием голода произошло сокращение численности всего населения Крыма на 21% (ок. 150 тыс. человек), из которых 100-110 тыс. погибло и около 50 тыс. человек эмигрировало¹⁵². Основным пунктом иммиграции была Турция и в меньшей степени США. Политика советской власти по коренизации в Крыму с начала 1920-х гг., целью которой, как справедливо утверждает Э. Х.

¹⁴⁹ Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139.

¹⁵⁰ Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. – Симферополь: Салта, 2015. – С. 23.

¹⁵¹ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 246.

¹⁵² Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. – Симферополь: Крымское уч.-пед. издательство, 2004. - С. 63, 67; Arıkan S. Kırim'daki soykırimi unutmamız. – Ankara, 1994. – S. 24 / цит. по Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) / Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139-141.

Сейдаметов, было укрепление своего авторитета среди коренного населения Крыма, а также «привлечение симпатий народов Востока к этой “справедливой” и “правовой” власти»¹⁵³, привела к сокращению эмиграционного движения крымских татар. Впрочем, уже к концу 1920-х гг. эта политика была свернута и заменена на репрессивную, что вызвало очередную волну эмиграции крымских татар. Следует отметить, что эмиграция в этот период была малых масштабов по причине усиления государственного контроля над эмиграционными потоками. Согласно подсчетам исследователей, в этот период Крым покинуло порядка 10 тыс. лиц из числа крымскотатарского населения¹⁵⁴. Фактором сохранения этнической идентичности крымских татар в период с конца XVIII в. на территориях Турции, Румынии, Болгарии можно считать существование крымскотатарских переселенцев в обстановке моноэтничного воспроизводства своей этнической группы, что способствовало сохранению крымскотатарского этнокультурного ядра.

Крымскотатарскую эмиграцию периода Второй мировой войны специалисты подразделяют на «западную» и «восточную». Эмиграция крымских татар на Запад проходила в годы оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками, когда с отступлением гитлеровцев с ними ушли, по данным М. Алтана, приблизительно 10 тыс. беженцев и военнопленных крымских татар¹⁵⁵. Вернувшиеся впоследствии 5 тыс. человек были подвергнуты арестам и осуждениям государственными властями СССР. Те, кто не вернулся в СССР, осели в Румынии, Болгарии, Австрии и Германии¹⁵⁶. По завершению Второй мировой войны, в 1948-1950-х гг., при помощи ООН 95% крымских татар эмигрировало из Германии в Турцию. В связи с экономическим кризисом в Турции в конце 1950-х гг. представители эмиграционных движений

¹⁵³ Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 140.

¹⁵⁴ Алтан М.Б. Письмо Эльдару Сейдаметову, 6.02.2005, 18.02.2005. – Архив автора; Кырымлы Х. Письмо Эльдару Сейдаметову, 12.01.2005. – Архив автора. / цит. по Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) / Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139-141.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 140.

1930-х, 1940-х гг. переселяются в Америку, в чем им была оказана помощь Фондом им. Л. Толстого¹⁵⁷. «Восточная» же эмиграция крымских татар произошла в результате принудительного выселения государственными властями СССР из Крыма в 1944 году на территорию Средней Азии, Урала, Сибири, Алтая и других регионов. Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: история возникновения диаспоры крымских татар началась с момента присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году, что повлекло за собой несколько волн эмиграции в течение последующих полутора столетий. Демографической базой диаспоры стали те лица из числа крымских татар, чье положение было разрушено либо значительным образом ухудшено в результате целенаправленной (колониционной) политики Российского государства (Российская империя, СССР до середины XX в.). На освобожденную территорию стремительно заселялись жители внутренних губерний Российской империи, преимущественно русские, о чем свидетельствуют данные, приведенные в гистограмме (см. Приложения). За относительно непродолжительный исторический отрезок времени (около 150-200 лет) этнорелигиозная структура полуострова Крым претерпела существенные изменения, что свидетельствует о фактически искусственном замещении властями Российской империи населения Крыма. В этой связи справедливым представляется следующее утверждение, предложенное упомянутыми выше российскими исследователями-учеными Д. В. Мухетдиновым и А. Ю. Хабутдиновым: «...логика российской политики в Крыму неизбежно заключалась в усилении влияния христианства, увеличении численности политической и экономической мощи христиан, желанию превратить Черное море из турецкого в российское “внутреннее море”»¹⁵⁸.

Таким образом, подведя итог анализу базовых характеристик традиционного крымскотатарского общества, исследовав социокультурные,

¹⁵⁷ Алтан М.Б. Письмо Эльдару Сейдаметову, 6.02.2005, 18.02.2005. – Архив автора; Кырымлы Х. Письмо Эльдару Сейдаметову, 12.01.2005. – Архив автора. / цит. по Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) / Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139-141.

¹⁵⁸ Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. - 2014. - № 4(36). – С. 52.

политико-правовые институты, хозяйственно-экономические и демографические особенности крымскотатарской этнической системы, мы можем заключить следующее.

Крымскотатарское сообщество в своей истории имело период длительного существования собственной национальной государственности, в рамках которой были сформированы основные этнические маркеры. Один из наиболее авторитетных мировых исследователей крымскотатарской проблематики Алан Фишер в своей фундаментальной работе «The Crimean Tatars», опубликованной в Стэнфорде в 1978 году, пишет по этому поводу следующее: «Крымское ханство на протяжении нескольких столетий было одним из наиболее значимых государств в Европе в период нач. XVI – кон. XVII вв., несмотря на то, что многие историки считали крымских татар в лучшем случае вассалами османского султана и северным продолжением агрессивной империалистической политики против христианского мира или полудивилизованными разбойниками, единственной функцией которых были набеги и опустошение степей»¹⁵⁹. По утверждению исследователя, крымскотатарское государство обладало всеми признаками современной государственности, жизнеспособным правительством с центральным управлением, обеспечивающим лидерство в военных, политических и экономических вопросах, а сама государственная администрация основывалась как на исторической традиции, так и на хорошо развитой правовой системе, которая была смоделирована, главным образом, по османскому подобию с сохранением собственных традиций¹⁶⁰.

Чувствительное отношение к собственному статусу на территории Крымского полуострова является отличительной чертой крымскотатарского этнического самосознания. Согласно статистическим данным (см. Приложения), крымскотатарская этническая группа сегодня в Крыму является численным меньшинством по отношению к русским и украинцам, находясь по

---

¹⁵⁹ Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. – p. 17.

¹⁶⁰ Там же.

демографическим показателям в положении национального меньшинства. Теоретически, в качестве правового инструмента социокультурной интеграции крымских татар в российское политико-правовое пространство может выступать Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1995 г.. В соответствии с данным нормативно-правовым актом, им может быть гарантировано право на создание автономии в форме местного или регионального объединения граждан, относящих себя к данному этносообществу, с целью самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Однако, осознавая себя коренным народом полуострова, экстерриториальный тип автономии для крымских татар, очевидно, является не приемлемым. Позиция крымскотатарского этносообщества по вопросу политического самоопределения строится на формировании национально-территориальной автономии¹⁶¹. Национально-культурная автономия же законодательно исключена из политического процесса. Претензии на особый статус – статус коренного народа Крыма – детерминирует категорическое отторжение современными деятелями крымскотатарского движения любых предложений, явно или косвенно умаляющих эти претензии. Подписанный президентом РФ В. В. Путиным указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» от 21 апреля 2014 г. предусматривает создание национально-культурных автономий репрессированных народов. Лидеры ставшего впоследствии запрещенного в России Меджлиса крымскотатарского народа, в отличие от ряда пророссийских крымскотатарских политиков, высказались категорически против закона, объясняя это лишь одним приемлемым для крымскотатарского народа

---

¹⁶¹ Постановление VI Курултая от 29 марта 2014 г. «О реализации крымскотатарским народом права на самоопределение на своей исторической территории – в Крыму». URL: http://www.qrim.ru/about/docs/samoopredelenie_qirimli (Дата обращения: 08.05.2018).

вариантом – национально-территориальной автономии¹⁶². Здесь возникает некоторая политико-правовая коллизия, связанная с одной стороны – с явной неготовностью или нежеланием властей РФ признать за крымскотатарским народом особый статус в Крыму, отличающего его от других, а с другой – с тем фактом, что национально-территориальная автономия, как вид автономии, в РФ не предусмотрена. Известный отечественный специалист в области конституционного права и прав национальных меньшинств В. А. Кряжков пишет по этому поводу следующее: «Автономная область и автономные округа, названные в Конституции РФ (ч. 1 ст.5, ч.1, ст.65), в сущностном плане являются субъектами Российской Федерации, которые равноправны с иными субъектами Федерации (ч. 2, 4 ст5). Образование же в составе Российской Федерации нового субъекта любого вида, согласно Федеральному конституционному закону от 17 декабря 2001 года “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”, может быть осуществлено только в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Федерации (ч. 1 ст.5), причем исключительно по инициативе заинтересованных субъектов Российской Федерации в лице их органов государственной власти, направляющих соответствующие предложения Президенту РФ, санкционирующему процесс данного объединения (ст. 10). То есть из сказанного следует, что крымские татары, хотя и схожи с титульными народами, например, республик в составе Российской Федерации, юридически лишены возможности в порядке самоопределения образовать субъект Федерации путем его выделения из Крымской Республики»¹⁶³.

Вместе с этим следует иметь в виду тот факт, что современное положение внутри крымскотатарской этнической группы характеризуется радикальной поляризацией акторов, политико-правовые статусы которых

---

¹⁶² Крым присоединили к реабилитации // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2457770> (Дата обращения: 08.05.2018).

¹⁶³ Кряжков В.А. Крымский прецедент: конституционно-правовое осмысление // Сравнительное конституционное обозрение. - 2014. - № 5 (102). – С. 91.

различны, а идеологические позиции - антагонистически противоположны. В этой связи представляется крайне затруднительным выявить консолидированную позицию крымскотатарского этносообщества по вопросу его самоопределения. Подробнее расстановка этнополитических акторов в крымскотатарской среде будет рассмотрена в третьей главе. В этом заключается одна из сторон проблемы самоопределения крымскотатарского этносообщества в условиях современной России. Учитывая проанализированные выше положения, мы можем констатировать, что для всего крымскотатарского этносообщества безусловным политически значимым фактором является претензия на особый статус их этнической группы в Крыму, что обусловлено историко-цивилизационными, социально-демографическими и общественно-политическими особенностями крымскотатарского социума.

ГЛАВА 3: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

3.1 Факторы и динамика политизации крымскотатарского этносообщества после 1944 года

Рассмотрим этнополитическую мобилизацию крымских татар и выявим объективные и субъективные факторы этого процесса.

Данные по численному составу депортированного крымскотатарского населения из Крыма в мае 1944 года приведены в таблице 1, согласно которой общее численность выселенных крымских татар составила 238,5 тыс. чел. 206 тысяч (или 86,4%) из них составляли женщины и дети. По данным М. Н. Губогло, «во время длинного и губительного пути на восток и за первые полтора года погибла значительная часть крымских татар, не выдержав болезней и голода, материальных лишений и моральных унижений». Он приводит сведения самих переселенцев, согласно которым только в поселениях Ташкентской области погибли 41% высланных туда крымских татар, в Самаркандской области – 54,7%, в Андижанской области – 46,1%. В некоторых местах нового поселения потери были еще более катастрофическими: в Ангрене погибло 56,2%, в Мирзачуле – 53,5% крымских татар, в том числе в Мирзачуле вымерло около 80% всех мужчин. За первые полтора года депортации крымскотатарский народ потерял 110 тысяч человек погибшими, что в четыре раза превысило потери этого народа за всю Великую Отечественную войну¹⁶⁴.

Проблематичным является анализ численности крымскотатарского народа в период СССР. В официальных переписях населения, проводимых в период до 1989 года, крымскотатарское этносообщество включалось в состав всех советских татар. По данным переписи населения СССР, проведенной в

---

¹⁶⁴ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 616-617.

1989 году, крымских татар на территории страны проживало 271715 человек. Однако эти цифры не следует считать точными, поскольку по данным Государственной комиссии, созданной в 1987 году для рассмотрения обращений представителей крымскотатарского народа, число крымских татар к концу 1987 года достигало 300-350 тысяч человек. М. Н. Губогло утверждает, что и эти цифры занижены, а реальная численность крымских татар в СССР на тот период могла достигать 450-500 тысяч человек. При этом, по утверждению ученого, существуют версии и о более высокой численности крымских татар, якобы установленной при «самопереписи» населения по регионам, - о 800 тысячах, одном и даже двух миллионах¹⁶⁵. В пользу версии о заниженном количестве проживающих в СССР крымских татар говорит тот факт, что в условиях существующей объективной дискриминации крымских татар по этническому признаку, связанному с их статусом «врагов народа», далеко не всеми из них представлялось рациональным записываться в переписных листах крымскими татарами.

В качестве важного этнического наследия крымскими татарами использовался язык своей этнической группы. По мнению М. Н. Губогло, между языковым и национальным самосознанием существует тесная и прочная этнопсихологическая связь, поэтому при анализе этнополитической мобилизации важно уделять пристальное внимание именно языковой проблематике¹⁶⁶. Родной язык, определяющий высокую степень готовности этнической группы к тому или иному коллективному действию и форме мобилизации, являлся важнейшим ресурсом этнополитической мобилизации крымских татар в годы СССР. Критерием степени этнического самосознания можно считать долю представителей этноса, считающих родным языком язык своей этнической группы. Согласно данным, приведенным в таблице 2, процент крымских татар, проживающих к 1989 году в шести союзных республиках СССР с наибольшей численностью крымских татар и признавших родным язык

---

¹⁶⁵ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 618.

¹⁶⁶ Там же. – С. 627.

своей национальности, составил 92,6%. Сохранение родного языка является важнейшим объектом межпоколенной коммуникации и выступает одним из значимых ресурсов, формирующих потенциал этнополитической мобилизации этнической группы. Крымскотатарскому этносообществу, в условиях отсутствия своего национально-государственного образования, в период депортации удалось в значительной мере сохранить свой язык. Приведенная цифра в 92,6% крымских татар, признавших родным язык своей национальности, превосходит по аналогичному параметру не только целый ряд народов, имевших в СССР свою автономную республику, но и некоторые народы, имевшие свою союзную республику: белорусов (70,9%), украинцев (81,1%), молдаван (91,6%) и армян (91,7%) (см. табл. 3). Наибольшее число крымских татар, признавших родным язык своей национальности, проживало в республиках Средней Азии и Казахстана, в условиях традиционной тюркоязычной среды, а также в Украине (от 87,5% в Туркменской ССР до 94,2% в Таджикской ССР). Наименьшее число таковых было в Эстонской ССР (50,0%), Литовской ССР (47,2%) и Белорусской ССР (36,2%). Однако на территории Эстонии, Литвы и Беларуси проживало менее 0,1% крымскотатарского населения, что не может свидетельствовать о подлинной ситуации в данном аспекте. Поэтому в таблице 2 приведены данные только по тем республикам СССР, где численность проживающего там крымскотатарского населения превышало 1 тыс. чел. Степень сохранения родного языка прямо коррелирует со степенью межпоколенных этнических связей внутри этнической группы. Таким образом, приведенные выше данные могут свидетельствовать о высокой степени этнического самосознания крымскотатарской этнической группы в экстремальных для себя условиях (климатическо-географические, социально-экономические, политико-идеологические).

Еще более наглядным подтверждением высокого уровня сохранения крымскими татарами своего языка являются данные, полученные из той же Всесоюзной переписи населения 1989 г., по которым из 56 национальностей, не

имевших своих национально-государственных образований, наибольший процент считавших родным язык своей национальности были абазины, белуджи, венгры, дунгане и крымские татары (свыше 90%)¹⁶⁷.

По данным этой же таблицы можно сделать вывод о том, что крымскотатарское этническое сообщество было высокоурбанизированным (68,9% городского населения против 31,1% сельского). По утверждению М. Н. Губогло, часть крымскотатарского населения, «всеми правдами и неправдами получив среднее или высшее образование, обретя специальность, старалось перебраться из спецрезерваций в города, в том числе в Москву и столицы других союзных республик»¹⁶⁸.

Приведенные выше факты, согласно которым процент крымских татар, считающих родным язык своей национальности, занимает промежуточное положение между этническими группами, имевшими в СССР союзную или автономную республики, в качестве национально-государственного образования, свидетельствуют о высокой степени развитости этнического самосознания крымскотатарского народа. Данное заключение позволяет сделать вывод об обоснованности самоопределения крымскотатарского сообщества в форме национально-государственного образования. Как свидетельствуют приведенные данные, крымскотатарское этническое сообщество к 1990 году имело признаки мобилизованной этничности. «Народ, сумевший – вопреки политике этноцида – сохранить в качестве родного язык своей национальности, оказался и во многих других отношениях способным к активному противостоянию, противодействию этой политике. Именно в этом противодействии, начавшемся стихийно, в массовом масштабе и задолго до возникновения каких бы то ни было формальных структур и организаций, заключались глубинные истоки крымскотатарского национального движения»¹⁶⁹. В этой связи справедливым представляется утверждение турецкого ученого И. Айдынгуна о том, что существуют народы, не имеющие

---

¹⁶⁷ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. - М., 1990.

¹⁶⁸ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 621-622.

¹⁶⁹ Там же. – С. 627.

своего государственного образования, но имеющие сильно развитое национальное самосознание, и крымские татары относятся к таковым¹⁷⁰.

Сравнивая крымскотатарское национальное движение в советский период с аналогичными движениями других народов СССР, можно выделить несколько отличий. Во-первых, все национальные движения в СССР можно разделить на две группы:

- Национальные движения народов, имевших на территории СССР свое национально-государственное образование (т.н. «титульные нации» в союзных и автономных республиках).

- Национальные движения народов, не имевших на территории СССР своего национально-государственного образования, либо лишенных его и не восстановленных после 1956 года.

К последней группе относились депортированные народы: месхетинские турки, советские немцы и крымские татары. Были еще и другие депортированные народы, которые, однако, имели свое национально-государственное образование, но не на территории СССР. Немцев Поволжья при этом следует отнести ко второй группе, учитывая существовавшую в 1923-1941 годах Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья и устоявшуюся в течение длительного времени территорию компактного их проживания.

Национальные движения второй группы имели ряд общих черт. Одна из них – это идея о восстановлении права на возвращение в места их проживания до акта депортации. При этом у немцев Поволжья было также и требование на свободный выезд за границы СССР на историческую родину немецкого народа. Главными требованиями крымскотатарского национального движения в период СССР было восстановление права на возвращение в Крым с полным возвращением крымскотатарскому народу всего, чего они были лишены, а именно – восстановления Крымской Автономной Советской Социалистической

---

¹⁷⁰ Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. – 2007. - Vol. 33, № 1. – P. 116.

Республики по модели 1921-1944 гг.¹⁷¹, восстановления земельных наделов и возвращения исторических названий культурно-географическим объектам на полуострове Крым.

Идейная платформа крымскотатарского национального движения отличалась от других тем, что она не предусматривала альтернативных целей своего существования, кроме возвращения всего крымскотатарского народа в места исхода в 1944 г. с полным и безусловным восстановлением политико-административного, земельного, языкового и топографического наследия. «Любые попытки примирить крымских татар со сложившимся положением вещей, с их расселением в разных республиках, найти пути национального возрождения на “чужой” земле отвергались как провокационные, враждебные по отношению к коренным интересам народа»¹⁷².

Для идеологического обоснования этих категоричных требований в крымскотатарской этносреде была укоренена идея «своей исторической родины» - единственной и безальтернативной территории исторического расселения крымских татар. «Пожалуй, ни в одном из национальных движений народов бывшего СССР идея своей национальной (этнической) территории, исключительного права данного народа на эту землю, концепция своей национальной государственности не выражается столь бескомпромиссно и столь категорично»¹⁷³.

Историческая память, являющаяся ресурсным потенциалом любой этнополитической мобилизации, может формироваться как целенаправленно, где проводником целей этнополитической мобилизации является этническая интеллигенция, так и стихийно, как результат компенсирования недостатка подлинных знаний и слабой развитости собственной историографии.

Историческая память, как регулярно развивающаяся система, состоит из ряда сюжетно-тематических блоков (элементов системы). Элементы данной системы не статичны и находятся в постоянном динамичном движении, в

---

¹⁷¹ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 628.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. – С. 629.

котором функциональные особенности одних могут ослабевать, а других – усиливаться, что зависит от многих факторов. К таким факторам, определяющим динамичность системы исторической памяти, относятся политико-правовые обстоятельства внешней среды (политико-административная среда), глубина межкультурных и межэтнических коммуникаций с окружающей средой, хозяйственно-экономическая динамика (развитие, стагнация или деградация), научно-образовательная динамика (динамика грамотности населения, степень охвата среди населения средних и высших учебных заведений, издательская деятельность и т.д.).

Основными сюжетно-тематическими блоками исторической памяти крымских татар являются:

- Депортация населения 1944 года: формирование своеобразной «книги памяти» - рассказов очевидцев событий того периода, последующее неравное положение крымских татар по отношению к другим народам СССР (как юридическое, так и фактическое).

- Вопрос крымскотатарского этногенеза и проблема интерпретации крымскотатарской истории: основные контуры древней и средневековой истории, роль Крымского ханства в мировой цивилизации, присоединение Крыма к России в 1783 году.

- Образование и существование Крымской АССР в качестве прототипа национального крымскотатарского государственного образования.

Динамичность исторической памяти крымскотатарского этносообщества как системы проявлялась и в том, что, начиная с 1960-х годов, новым сюжетно-тематическим блоком становится само национальное движение. Ресурсная база этнополитической мобилизации крымских татар стала пополняться новыми элементами – личностями из числа активистов крымскотатарского движения, кто столкнулся с уголовным преследованием за политические убеждения. «Описания всех перипетий национального движения, всех подробностей,

связанных с судебными процессами, арестами, преследованиями активистов, заполняют тысячи рукописных страниц “неформальных” народных архивов»¹⁷⁴.

Динамично развивающаяся историческая память крымскотатарского народа получила новый импульс своего развития в период Перестройки с 1985 года. Этот период характеризуется появлением альтернативных трактовок истории, лишенных идеологического контроля со стороны государства. В это время происходит популяризация философского и духовного наследия крымскотатарского народа, актуализируются труды просветителей, где фундаментальной темой была этническая рефлексия. Система исторической памяти и события, начавшиеся с 1989 года, связанные с началом массовой репатриации крымских татар в Крым, взаимно дополняли друг друга. Непосредственные активисты крымскотатарского национального движения имели значительную поддержку среди масс, что упростило процесс распространения ценностей, идей и установок от узких интеллектуальных групп народа до самых широких.

При анализе динамики развития крымскотатарского национального движения теоретики-исследователи выделяют пять его этапов:

- 1) 1944 – 1956 гг. – зарождение движения
- 2) 1956 – 1964 гг. – становление движения;
- 3) 1964 – 1969 гг. – период наибольшей активности движения;
- 4) 1970 – 1985 гг. – кризис движения;
- 5) С 1985 г.¹⁷⁵

Начало появления крымскотатарского национального движения датируется 1944 годом, с мобилизации внутренних сил репрессированного народа, целью которой являлось физическое и этнокультурное выживание крымских татар. Этот этап характеризовался усиленным репрессивным давлением со стороны государства, что выражалось в ограничении перемещения лиц крымскотатарской национальности внутри мест их

¹⁷⁴ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 631.

¹⁷⁵ Там же. – С. 632.

специального поселения, практике ежемесячных процедур регистрации по месту нахождения, ведении уголовного преследования за нарушение различных правил передвижения и перемещения переселенных лиц, запрете на какую-либо издательскую, духовно-просветительскую и иную деятельность, целью которой являлось поддержание крымскотатарской этнической идентичности.

Второй этап крымскотатарского национального движения начался в 1956 году, после проведения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. На данном съезде была впервые дана политическая оценка сталинизму, а также появился первый официальный государственный документ, непосредственно касающийся судьбы крымскотатарского народа – Указ Президиума Верховного Совета СССР (№27). Статья указа «О снятии с депортированных народов режима спецпоселения» содержала формулировку: «Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел», - далее следовал перечень народов, среди которых были и лица крымскотатарской национальности. Данное решение можно было бы считать актом политической реабилитации крымскотатарского народа, если бы не вторая статья этого указа, гласившая: «Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье 1 настоящего указа, не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и не означает, что они имеют право возвратиться на места, откуда они были выселены»¹⁷⁶.

Таким образом, несмотря на то, что режим спецпоселений для крымских татар был отменен, не было реализовано главное требование крымскотатарского национального движения, заключавшегося в реабилитации, репатриации и возвращении политического, исторического и культурно-материального наследия крымскотатарского народа, насильственно конфискованного актом 1944 года. Следует также иметь в виду, что обвинения в измене Родине с крымских татар снято не было. Лицам крымскотатарской

---

¹⁷⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.04.1956 «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5080.htm (дата обращения: 16.12.2017).

национальности были выданы паспорта граждан СССР, но с сохранением запрета на возвращение на историческую родину. При этом, как указывает М. Н. Губогло, без специальной расписки в том, что крымский татарин отказывается от претензий на оставленное в Крыму имущество, паспорт ему не выдавался¹⁷⁷.

Данный правовой документ не был решением крымскотатарской проблемы. Более того, из-за содержащихся в нем положений, приведенных выше, можно сделать вывод, что он лишь способствовал активизации крымскотатарского национального движения, цель которого заключалась в репатриации на историческую родину – полуостров Крым. Вот что пишет по этому поводу М. Н. Губогло:

«Указ 1956 г. подвел черту и стал итогом первого этапа борьбы крымских татар за свое выживание, за сохранение себя в качестве самостоятельного этноса. Вместе с тем стала еще более очевидной недостаточность этого указа для преодоления всех беззаконий и несправедливостей, допущенных по отношению к крымскотатарскому народу. Значение указа, как завершающего первый этап, заключалась лишь в том, что он открыл новые перспективы перед формирующимся движением, позволил продолжить борьбу, соединить интеллектуальные усилия по сохранению исторической памяти с разработкой организационных мер, придававших самому движению качественно новую структуру – уже не только стихийного, массового, но и организованного сопротивления. ...Публичное признание XX съездом КПСС порочности культа личности Сталина, незаконности выселения народов открыло дополнительные шлюзы движениям “наказанных” народов, которые смогли расширить и активизировать борьбу в защиту своих прав»¹⁷⁸.

Однако, несмотря на тот факт, что данным правовым актом крымским татарам запрещалось возвращаться в места исхода 1944 года, спецпереселенцы

---

¹⁷⁷ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 633.

¹⁷⁸ Там же.

полностью снимались с учета спецкомендатур и освобождались из-под административного надзора органов МВД.

Еще одним правовым закреплением нежелания советских властей возвращать крымскотатарское население на полуостров Крым можно считать Постановление Совета министров Украинской ССР от 15 декабря 1956 г. «О расселении крымских татар, немцев, греков, болгар, армян и других лиц, ранее проживавших в Крымской области, а ныне возвращающихся из мест поселений». В документе было признано нецелесообразным возвращение указанных народов на территорию УССР. Исполнительным комитетам областных, городских и районных советов было рекомендовано не принимать переселенцев, а прибывшим, прописавшимся и устроившимся на работу лицам вместе с семьями выехать за пределы республики¹⁷⁹. Из данного нормативно-правового акта следовал отказ в поселении выше перечисленных лиц не только на территории Крыма, но и на соседних с ним областях УССР – Одесской, Херсонской, Николаевской и Запорожской.

1964 год можно считать началом третьего этапа крымскотатарского национального движения в СССР. В этот год в г. Москве было образовано неформальное постоянное представительство крымскотатарского народа – непрерывно сменяющаяся делегация из числа этнической интеллигенции. В задачи этой структуры входила систематизация и предоставление правительственным учреждениям СССР писем и обращений крымскотатарских активистов. Издавались информационные бюллетени с целью информирования советской общественности о положении народа. Начиная с 1956 года в местах спецпоселений были повсеместно организованы «Инициативные группы содействия партии и правительству в решении национального вопроса крымскотатарского народа», состоявшие из представителей интеллигенции, а также авторитетных в этнической среде лиц. В функциональные обязанности указанных «Инициативных групп» входила организация различных

---

¹⁷⁹ Крымско-татарский народ: без права на Родину (первая половина 1940-х – начало 1990-х гг.). – 2-е изд. перераб. / вступ. ст., сост., коммент., именной указатель, геогр. указатель, перечень док., список сокращ. Р. И. Хаяли. – Симферополь: ДОЛЯ, 2006. – С. 41-42.

мероприятий, ставящих целью информирование государственных и партийных органов о социальном положении крымских татар. Методом их работы был сбор подписей под петициями в адрес союзного правительства и средств для отправки делегаций в г. Москву, а также для помощи семьям осужденных участников крымскотатарского национального движения. Другой функцией работы «Инициативных групп» в местах спецпоселений лиц крымскотатарской национальности была организация всеобщих собраний, состоящих из делегатов от каждого спецпоселения для выработки актуальной для крымских татар повестки дня. Однако, как пишет в своей работе М. Н. Губогло, власти оказывали всяческое давление на эти институты народного представительства: «Подверглись гонениям и репрессиям и делегаты народа в Москве, несмотря на то, что все они имели скрепленные тысячами подписей трудящихся мандаты с правом на представительство от имени народа. Нередко власти арестовывали, предавали суду, избивали и насильственно выдворяли их из Москвы»¹⁸⁰.

На этапе середины 1950 – начала 1960-х гг. крымскотатарского национального движения значительную роль в формировании его идеологии, а также в выработке организационных форм работы сыграла крымскотатарская интеллигенция, которая состояла из бывших партийных и советских работников, ветеранов Великой Отечественной войны и труда, представителей творческих профессий, журналистов, выселенных со всеми остальными, а также впервые – из представителей молодежи. Их мотивация деятельности была обусловлена стремлением к получению образования и социализации в существующее советское общество. Географические рамки крымскотатарского национального движения были ограничены местом максимального расселения лиц, относящихся к этому народу, т.е. Узбекской ССР, а преобладающей формой – широкомасштабная петиционная кампания в высшие органы государственной и партийной власти СССР (некоторые обращения собирали более 100 тыс. подписей)¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 635.

¹⁸¹ Там же. – С. 636.

В 1964 году состоялся Октябрьский пленум ЦК КПСС, в результате которого лидер страны Н. С. Хрущев был отстранен от должности. Следует иметь в виду, что фигуру Хрущева можно отнести в целом к негативным историческим личностям для крымскотатарского народа в силу следующих факторов:

- в период руководства Н. С. Хрущева крымскотатарское национальное движение преследовалось. Активисты «Союза крымскотатарской молодежи» - молодежного крыла национального движения, функционировавшего в Узбекской ССР, подвергались арестам и реальным срокам заключения в пенитенциарной системе СССР за «участие в антисоветской деятельности»;

- в период руководства Н. С. Хрущева произошла передача Крымской области из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР. При этом крымским татарам было запрещено возвращаться из мест спецпоселений в Крым.

- в период руководства Н. С. Хрущева были восстановлены Калмыцкая, Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская АССР. Однако Крымская АССР восстановлена так и не была. Депортированные предыдущим руководителем СССР народы, кроме крымских татар, немцев Поволжья и турок-месхетинцев, были реабилитированы с правом возвращения на места исхода.

Отстранение от власти Н. С. Хрущева дало для крымскотатарского национального движения, как пишет М. Н. Губогло, «прилив надежд на то, что новое советское руководство вернется к крымскотатарскому вопросу, исправит допущенные Хрущевым ошибки», что, безусловно, способствовало активизации движения¹⁸².

Третий этап крымскотатарского национального движения характеризуется расширением своего географического распространения. Очаги движения с 1964 года стали возникать и в других центральноазиатских республиках СССР, а также на Северном Кавказе. С 1967 года стихийным

---

¹⁸² Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 640.

образом стали возникать первые группы крымских татар, переселяющихся на полуостров Крым.

Другой качественной характеристикой этого этапа является изменение в методологии движения. От петиционной деятельности произошел переход к массовым акциям, среди которых были митинги, демонстрации, маевки, уличные шествия и собрания. Мероприятия привязывались к определенным датам, среди которых наибольшее значение имело 18 октября, т.к. в этот день в 1921 году состоялось подписание декрета о создании Крымской АССР и 22 апреля – день рождения В. И. Ленина, личности, подписавшей этот политически ценный для крымскотатарского народа декрет. Участились коллективные выезды активистов крымскотатарского национального движения в г. Москву для осуществления своих действий. Сами акции носили массовый характер, в них приняли участие десятки тысяч человек¹⁸³.

Таким образом, на третьем этапе качественным образом меняется и сам характер национального движения. Агентам этнополитической мобилизации, роль которых играла национальная интеллигенция, удалось распространить свои политические идеи, ценности, воззвания и установки на массовый уровень, что превратило крымскотатарское национальное движение в массовое в годы СССР. Другим методом движения стала нелегальная издательская деятельность («самиздат»). При этом какого-либо централизованного органа, управлявшего движением, не было. На втором и третьем этапе организующую роль играли так называемые «инициативные группы» - неформализованные местные ячейки, состоящие из активистов движения. Однако, если целью инициативных групп в конце 1950-х – начале 1960-х годов было решение кратковременных задач (сбор подписей под той или иной петицией, ходатайство в органы власти), и они создавались ситуативно, то со второй половины 1960-х годов инициативные группы стали постоянно действующими структурами со стабильным представительством в них людей, связанных друг с

---

¹⁸³ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 641.

другом общей и постоянной работой. При этом собрания инициативных групп были нелегальны.

На третьем этапе крымскотатарского национального движения происходит и изменение объектов воздействия акторов. Если на предыдущих этапах активисты крымскотатарского движения обращались к органам государственной и партийной власти с целью привлечения их внимания к существующим проблемам, то со второй половины 1960-х годов к представителям власти добавляются представители соседних народов, советская интеллигенция («Обращение 16-ти», апрель, 1968). Именно в этот период в СССР формируется диссидентское движение, в которое органично вписывается и крымскотатарское национальное. С третьего этапа учащаются приемы активистов в государственных и партийных кабинетах власти. В частности, за второй период лишь один раз в 1957 году состоялся прием у первого заместителя председателя Совета Министров СССР А. Микояна. В 1960-е годы приемы крымскотатарских активистов на высшем государственном уровне в г. Москве участились:

август 1965 г. – А. Микоян (на тот момент – председатель Президиума Верховного Совета СССР);

март 1966 г. – М. Георгадзе (секретарь Президиума Верховного Совета СССР);

июль 1967 г. – Ю. Андропов (председатель Комитета государственной безопасности СССР), М. Георгадзе, Р. Руденко (генеральный прокурор СССР), Н. Щелоков (министр охраны общественного порядка СССР)¹⁸⁴.

Таким образом, отличительной характеристикой данного этапа крымскотатарского национального движения от предыдущих является геолокационное смещение наиболее активной части движения с УзССР на г. Москву, где были сосредоточены общесоюзные органы государственного и партийного управления, а также на сам полуостров Крым. Несмотря на

¹⁸⁴ Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение: в 2 т. / М. Н. Губогло, С. М. Червонная; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1992. Т. 2. - С. – 108.

участившиеся приемы представителей крымскотатарского движения у первых функционеров Советского Союза, количество судебных процессов по активистам не уменьшалось. Задержаниям, арестам и последующим тюремным заключениям подвергались лица крымскотатарской национальности, которые участвовали в политической деятельности: демонстрации, митинги, пикеты, возложения венков к памятникам В. И. Ленину. Задержания происходили не только в местах их коллективного политического действия, но и индивидуально в гостиницах, автобусных остановках, вокзалах, различных государственных учреждениях. Всем вменялось нарушение законов РСФСР и УзССР, например, за нарушение общественного порядка, за мелкое хулиганство, а также более тяжкие обвинения, среди которых статьи 74 УК РСФСР («разжигание расовой и межнациональной розни») и 191 УК УзССР (за «антисоветскую агитацию и пропаганду»).

Апогеем третьего этапа крымскотатарского национального движения можно считать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму». Данный нормативно-правовой акт, а также последовавшее за ним Постановление «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года», явившиеся результатом предшествовавшей этому деятельности крымскотатарских активистов по выдвиганию требований высшим государственным и партийным властям СССР, снимали все обвинения с крымскотатарского народа за отдельные эпизоды коллаборационизма его представителей в годы Великой Отечественной войны. При этом это не являлось актом подлинной политической реабилитацией крымскотатарского народа в силу двух причин:

1) Данный указ не предусматривал репатриации принудительно выселенных крымских татар в места исхода 1944 года, а равно и требовавшейся для этого разработки государственной политики переселения.

2) В документе не содержалось наименования «крымскотатарского» народа. Вместо него, использовалась формулировка «татары, ранее

проживавшие в Крыму». Это необходимо было сделать для того, чтобы снять остроту притязаний активистов крымскотатарского национального движения на возвращение на историческую родину.

Вторым пунктом данного Указа подчеркивалось, что «татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик, они пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются депутатами Верховных Советов и местных Советов депутатов трудящихся, работают на ответственных постах в советских, хозяйственных и партийных органах, для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия»¹⁸⁵.

Такая формулировка, по мнению М. Н. Губогло, была использована как очередная попытка давления на общественное мнение, «будто татары, ранее проживавшие в Крыму, “укоренились” на территории Узбекской и других союзных республик... Указ пытался укрепить в общественном мнении мысль об адаптации крымских татар в местах спецпоселений»¹⁸⁶.

В действительности, вопреки заверениям указа, продолжалась дискриминация крымских татар. Так, например, в Узбекистане прием крымских татар в ряды членов КПСС был резко ограничен и поставлен в зависимость от их отношения к национальному движению. Если выяснялось, что крымский татарин положительно отвечает на вопросы о том, желает ли он вернуться в Крым, помогает ли активистам движения деньгами, сочувствует ли требованиям о восстановлении национальной государственности, то какими бы ни были все другие качества кандидата, ему отказывали в приеме в партию¹⁸⁷.

Постановление «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» разъясняло, что «граждане

¹⁸⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/670905.htm> (Дата обращения: 04.12.2017).

¹⁸⁶ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. - С. 647.

¹⁸⁷ Национальный вопрос в СССР. Сборник документов... С. 321. Цит. По Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. - С. 648.

татарской национальности и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме»¹⁸⁸.

Одним из последствий указанных нормативно-правовых актов стало возникновение первой волны стихийного переселения лиц крымскотатарской национальности из мест спецпоселения в Крым. По разным данным, в первые несколько месяцев действия указа количество переселившихся крымских татар составило от шести до нескольких десятков тысяч человек, однако добиться поселения удалось лишь единицам. Причиной этому стали целенаправленные действия местных властей по недопущению этого.

Среди административных барьеров, предпринятых властями Крымской автономной области по недопущению поселения на полуострове лиц крымскотатарской национальности, было искусственное создание ситуации «проживания без прописки», которая рассматривалась действующим законодательством как нарушение паспортного режима, влекущего за собой не только депортацию за пределы АО, но и различные тюремные сроки.

«3 июня, - рассказывала одна из потерпевших О. А. Смаилова, - нас судили за “незаконное” оформление дома, тогда как мы горим желанием законно его оформить. В ночь с 28 на 29 июня 1969 г. ...нас разбудил страшный стук в дверь. На вопрос: “Кто там?” было выломано окно, и в комнату ворвались несколько человек. Это была милиция и дружинники под командованием начальника милиции Белогорского района Новикова... Все они были в нетрезвом состоянии. Завязав мне руки, они вытащили меня через окно. Я стала кричать и звать на помощь соседей, но мне тут же заткнули рот. Затем вытащили сонных детей. Дети перепугались, плакали и кричали... Мы были отправлены в Краснодарский край, станицу Усть-Лабинская. Оставили нас под

---

¹⁸⁸ Постановление Президиума Верховного Совета СССР № 494. «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года». Москва, Кремль. 5 сентября 1967 г. № 1862-VII. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/6709051.htm> (дата обращения: 04.12.2017).

открытым небом, в незнакомом месте, без копейки денег, без пищи, с четырьмя детьми. Мы голодали в течение трех суток»¹⁸⁹.

Таким образом, в прикрымских регионах СССР (Запорожская, Херсонская области УССР, Краснодарский край РСФСР) формировались крымскотатарские общины, предпринявшие безуспешную попытку вернуться в Крымскую автономную область.

В 1968 году происходит новое качественное изменение крымскотатарского национального движения, связанное с состыковкой с общенациональным правозащитным движением. Данный процесс нашел выражение в инкорпорации повестки крымскотатарского движения в общую повестку правозащитного движения в СССР. Состыковка оказалась обоюдодоплезной как для крымскотатарского, так и для общегосударственного правозащитного движения. Как пишет М. Н. Губогло, «московские правозащитники получили богатый эмпирический материал по нарушению прав человека на примере судеб крымских татар, обогатили “самиздатскую” литературу живыми фактами из истории крымскотатарских спецпоселений, помогли крымскотатарским проблемам пересечь государственную границу и стать достоянием прогрессивной общественности на Западе»¹⁹⁰. Солидаризация активистов крымскотатарского национального движения с участниками общесоюзного демократического движения придало первому силу и политическую остроту.

Известная советская правозащитница Л. М. Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР...» приводит следующие факты:

«Около 200 активистов и лиц, причастных к движению, было осуждено в этот период в ходе многочисленных (свыше 50) судебных процессов, организованных в разных городах страны против крымских татар»¹⁹¹.

Активизация крымскотатарского национального движения в 1960-1970-е годы способствовала изменению политики СССР по данному вопросу. Не

¹⁸⁹ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. - М., 2001. – С. 57.

¹⁹⁰ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 652.

¹⁹¹ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. - М., 2001. – С. 61.

стремясь по выше перечисленным факторам удовлетворить цели крымскотатарского движения, государственная власть стала использовать другие методы по деактивации движения. Одним из методов стал социальный подкуп. Стратегическая цель этой политики состояла в ускоренном создании конформистской, послушной, готовой на сотрудничество с властями прослойки крымскотатарской интеллигенции, маленькой партийной элиты. Формирование такой элиты требовало определенной тонкости подхода, знания положения дел и расстановки сил внутри движения, системы сложившихся в нем авторитетов. К сотрудничеству с властными структурами на местах старались привлечь людей образованных, активных, способных оказать влияние на массы, даже имеющих в прошлом определенные заслуги перед национальным движением, пострадавших от репрессий 1960-х годов. Таких людей стали привлекать к работе в системе партийного, государственного и хозяйственного управления. Деловых молодых людей, наделенных честолюбием, склонных к социальной мобильности, “замечали” и выдвигали на престижную работу, давали им рекомендации-направления в высшие учебные заведения, стараясь сделать из них послушных исполнителей, “проводников политики партии” в крымскотатарском движении, а по возможности и непосредственно завербовать их в ряды осведомителей, в которых определенные ведомства всегда нуждались¹⁹². Использование метода социального подкупа должно было решить несколько задач:

- 1) Агитация за сохранение места жительства крымских татар в специальных поселениях.
- 2) «Смягчение» требований крымскотатарского национального движения, которые заключались не только в репатриации народа на историческую родину, но и в восстановлении национальной государственности крымских татар в Крыму.

---

¹⁹² Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение: в 2 т. / М. Н. Губогло, С. М. Червонная; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1992. Т. 2. - С. – 117-118.

3) Распространение сведений, порочащих честь и достоинство наиболее активных и непримиримых деятелей национального движения крымских татар.

4) Вычленение крымскотатарского национального движения из общесоюзного демократического движения; лишение поддержки со стороны лидеров правозащитного движения.

Расчет государственной власти при использовании данного метода заключался в том, что целенаправленное обличение деятельности радикально настроенных активистов крымскотатарского национального движения со стороны представителей самого крымскотатарского народа будет выглядеть убедительнее, а, следовательно, эффективнее, чем непосредственно от имени государства.

Формой реализации государством метода социального подкупа в отношении крымских татар являлась почтовая рассылка печатных материалов с соответствующим контентом, а также коллективные письма на имена лидеров общедемократического движения в СССР. Объектом воздействия метода являлись не только массы, не вовлеченные в национальное движение, но иногда и самые непосредственные участники.

По мере активизации крымскотатарского национального движения, усиления его позиций посредством сращения с правозащитным движением СССР государство предприняло еще один метод по его деактивации – метод «укоренения» крымских татар в районах их компактного расселения в УзССР. По планам предпринятой кампании предполагалось, что ряде районов Узбекистана крымским татарам будут выделены территории, в пределах которых часть номенклатурных должностей будут занимать лица крымскотатарской национальности. Однако эта попытка, предпринятая властями, не увенчалась успехом в силу отказа крымскотатарского населения от переселения в указанную область. Другая попытка использования этого метода была предпринята к концу 1970-х годов путем создания в УзССР новых административно-территориальных районов. Данные районы должны были

стать местом притяжения крымских татар с целью уменьшения интенсивности их устремлений на полуостров Крым. Эти места были бесперспективны для ускоренного социально-экономического развития в силу своих пустынных геоклиматических особенностей (Мубарекский район Джизакской области и Бахористанский район Кашкадарьинской области УзССР). Параллельно с этим должна была развиваться национальная культура крымских татар через открытие национальных школ и газет. Популяризация этих мест для переселения крымских татар велась с помощью средств массовой информации СССР. Однако данный метод государственных властей по деактивации национального движения не возымел успеха среди основных масс населения. В 1983 году была предпринята еще одна попытка по созданию нового крымскотатарского национального очага на территории УзССР. По указанию властей союзной республики все выпускники отделения татарского языка и литературы Ташкентского государственного педагогического института им. Низами были отправлены в Мубарекский район. Данное решение вызвало решительный протест студентов и впоследствии было отменено. В годы Перестройки советскими государственными и партийными властями планировалось создать на территории УзССР крымскотатарский автономный округ. Как указывает С. Ханья, властями был разработан проект для двух новых национально-территориальных образований: в Казахской ССР планировалось создать автономию немцев, проживавших ранее в Поволжье, а после ее реализации – создать в УзССР крымскотатарский автономный округ. Однако безуспешная реализация немецкой автономии на территории Казахстана и начавшееся с 1989 г. массовое возвращение крымских татар на свою историческую родину оставили данный план нереализованным¹⁹³.

Аргументация советского правительства о невозможности удовлетворения целей крымскотатарского национального движения строилась на следующих утверждениях:

---

¹⁹³ Ханья С. Целиноград, июнь 1979 г.: к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. – С. 233-234. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39425/1/ASI20_009.pdf (дата обращения: 18.12.2017)

- 1) Перенаселенность полуострова Крым.
- 2) Материально-экономическая затрудненность государства по репатриации крымскотатарского населения.
- 3) Нежелание современного населения Крыма принимать репатриантов, а населения Узбекистана – отпускать их.

С 1970-х годов возникает четвертый этап крымскотатарского национального движения. Он характеризуется усилением реакции государства, проявляющейся в ужесточении репрессий за нарушение паспортного режима, что, в первую очередь, относилось к переселяющимся на тот момент крымскотатарским семьям. Другой характеристикой этого этапа является возникновение разочарования ряда активистов в существующих формах национального движения. При сохранении сторонников продолжения старых методов петиционной активности возникли и те, кто решительно настаивал на необходимости отказа от «унизительно-просительного тона обращений к властям, остающимся глухими к национальным чаяниям крымских татар»¹⁹⁴.

Стоит отметить, что в этот период происходило интенсивное возвращение крымских татар в Крымскую область, которое имело стихийный характер. По мнению Р. И. Хаяли, на это повлияло подписание СССР Хельсинкского заключительного акта (1975 г.), принятие Конституции СССР (1977 г.) и союзных республик (1978 г.). Если в 1973 году в Крым въехало 32 человека (8 семей), то в 1977 г. уже 2162 человека (515 семей)¹⁹⁵.

При анализе этого этапа национального движения крымских татар и его качественных характеристик следует иметь в виду происходившую в тот период смену поколений в крымскотатарском движении. Активистами стали становиться те, кто родился и прошел социализацию в новых для себя условиях. Разочарование в петиционной методологии национального движения имело выражение в кардинальном уменьшении количества подписантов

¹⁹⁴ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 659.

¹⁹⁵ Крымско-татарский народ: без права на Родину (первая половина 1940-х – начало 190-х гг.). – 2-е изд. перераб. / вступ. ст., сост., коммент., именной указатель, геогр. указатель, перечень док., список сокращ. Р. И. Хаяли. – Симферополь: ДОЛЯ, 2006. – С. 161.

обращений в адрес властей. Из граф.1 видно, что обращение к XXIII съезду КПСС, прошедшему в 1966 г., собрало 130 тыс. подписей, к XXIV съезду (1971 г.) – 60 тыс., к XXV съезду (1975 г.) – 20 тыс. Всенародный протест, состоявшийся в 1979 г., собрал 4 тыс. подписей.

Государственным актом, направленным на деактивацию крымскотатарского национального движения, можно считать принятое летом 1978 г. Постановление Совета министров СССР «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области». Согласно данному постановлению, «лица, прибывающие в Крымскую область в неорганизованном порядке и проживающие без паспорта, по недействительным паспортам, без прописки и регистрации, несмотря на наложенное на них административное взыскание за нарушение паспортных правил, по решению исполнительных комитетов, городских, районных, районных в городах Советов народных депутатов удаляются из области органами внутренних дел»¹⁹⁶.

В этом же документе, который со всей очевидностью был направлен на уменьшение интенсивности процесса репатриации лиц крымскотатарской национальности в Крымскую область, содержались и санкции в отношении тех, кто допускал подселение к себе таковых:

«Граждане, являющиеся владельцами домов, нанимателями или поднанимателями жилых помещений либо проживающие в общежитиях, допускающие проживание у себя других лиц без паспортов, по недействительным паспортам, без прописки или регистрации, если они за эти нарушения дважды в течение года подвергались административному взысканию, выселяются из пределов Крымской области на срок до двух лет по решению исполнительных комитетов городских, районных и районных в городах Советов народных депутатов»¹⁹⁷.

---

¹⁹⁶ Постановление Совета министров СССР от 15.08.1978 №700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9736.htm (дата обращения: 16.12.2017).

¹⁹⁷ Там же.

Таким образом, данное постановление Совета министров СССР способствовало не только снижению интенсивности процесса репатриации в Крымскую область, но и, как указывает М. Н. Губогло, «созданию атмосферы антитатарского психоза среди местного населения Крымской области»¹⁹⁸, которое преимущественно было славянским. Это, в свою очередь, накладывало определенный негативный отпечаток на состояние межэтнических отношений в данном регионе. Другим правовым инструментом по уменьшению интенсификации процесса репатриации крымских татар в Крым стало указание министра внутренних дел УзССР (№221), которое устанавливало запрет органам внутренних дел выписывать из Узбекской ССР лиц крымскотатарской национальности без предоставления ими справок с будущего места жительства и трудоустройства¹⁹⁹.

Т.к. данная норма применялась только в одной союзной республике и только для лиц одной национальности, можно сделать вывод, что данная правовая норма носила выраженный дискриминационный характер по этническому признаку.

Столкнувшись с репрессивными мерами в отношении переселенцев в Крымскую область, активисты национального движения усилили работу над обращениями не только в советские государственные и партийные инстанции, но и в международные организации. Активист Р. Джемилев написал письмо королю Саудовской Аравии, в котором описывалась ситуация с правами крымскотатарского народа, а также призыв о помощи, заключающийся в консолидации международных усилий для давления на СССР²⁰⁰. В 1978 году было собрано 896 подписей под обращением в ООН с просьбой создать комиссию по расследованию положения крымских татар в Крыму²⁰¹. В этом же году делегация крымских татар приехала в г. Симферополь к первому

---

¹⁹⁸ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. – С. 660.

¹⁹⁹ Указание министра Внутренних дел Узбекской ССР внутренних дел УзССР №221 от 25 апреля 1978 г. «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму» (неопубликованное) // Хроника текущих событий. - Вып. 32. - С. 3-7.

²⁰⁰ Хроника текущих событий. - Вып. 51. - С. 114-115.

²⁰¹ Там же. – С. 111.

секретарю Крымского обкома КПСС для вручения протеста против выселений за подписью 750 человек, проживающих в Крыму. Делегация не была принята. Почти одновременно с этим более 2000 граждан крымскотатарской национальности обратились в советские инстанции и в ООН с заявлением-протестом – о выселении крымских татар из Крыма²⁰². В дальнейшем участились визиты делегаций активистов движения в г. Москву с требованием отмены постановления «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области» как антиконституционного.

Вплоть до прихода к власти в СССР М. Горбачева в 1985 году попытки крымскотатарского этносообщества вернуться в места исхода были безуспешными, однако активистам национального движения удалось привлечь внимание к своим проблемам не только деятелей общесоюзного правозащитного движения, но и обрести моральную поддержку общественности за рубежом.

На протяжении всего периода крымскотатарского национального движения в СССР политика государства в данном вопросе была направлена на закрепление спецпереселенцев в местах их компактного проживания после депортации 1944 года. Как указывает, в своей работе Н. Ф. Бугай, в справке о состоянии положения спецпереселенцев за 1956 г. отмечалось: «Учитывая, что Крымская область заселена в порядке планового переселения, наиболее целесообразным будет создание... областной автономии на территории Узбекской ССР, природные, климатические и экономические условия республики являются наиболее близкими к условиям их прежнего места жительства»²⁰³.

Альтернативным вариантом расселения крымскотатарского населения, предложенным советскими государственными властями, было поселение на территории Татарской АССР. В постановлении ЦК КПСС «О восстановлении

---

²⁰² Хроника текущих событий. - Вып. 51. - С. 111.

²⁰³ Бугай Н.Ф. Л. Берия И. Сталину. Согласно Вашему указанию... - М.: АИРО – XX, 1995. – С. 288.

национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» от 24 ноября 1956 г. содержался следующий пункт:

«Признать нецелесообразным предоставление национальной автономии татарам, ранее проживавшим в Крыму, имея в виду, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения, и что в составе РСФСР имеется татарское национальное объединение – Татарская АССР, а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР. Вместе с тем, учитывая стремление части татар, ранее проживавших в Крыму, к национальному объединению, разъяснить, что все, кто пожелает, имеют право поселиться на территории Татарской АССР. Обязать Совет Министров Татарской АССР и Татарский обком КПСС оказывать необходимую помощь в хозяйственном и трудовом устройстве татарскому населению, которое будет прибывать на постоянное местожительство в республику»²⁰⁴.

Таким образом, партийное и советское руководство видело решение крымскотатарского вопроса в недопущении возвращения лиц указанной национальности в Крымскую область при создании альтернативных национально-культурных очагов крымскотатарского народа вне Крыма, вплоть до попыток учреждения Крымскотатарского автономного округа на территории Узбекской ССР. Данная политика по решению крымскотатарского вопроса оказалась безуспешной. Выступая на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 года, председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов сказал:

«Прошли десятилетия, но справедливость в отношении них (депортированных народов – прим. наше) не восстановлена. Попытки решить вопросы автономии крымских татар в Узбекистане, советских немцев в Казахстане успеха не имели... Потому что лидеры республики хотели, а народы

---

²⁰⁴ Постановление Президиума ЦК от 24 ноября 1956 года «О восстановлении национальных автономий Калмыцкого, Карачаевского, Балкарского, Чеченского и Ингушского народов» / РГАНИ Ф. 3. ОП. 12. Д. 145. Л. 109-115.

– нет. Между тем годы идут, и решение этих проблем все больше осложняется»²⁰⁵.

Широкомасштабные общественно-политические трансформации в СССР, начавшиеся в середине 1980-х годов, открыли новые возможности для реформирования крымскотатарского национального движения. Необходимость реформирования была связана с растущей внутри движения необходимостью создания постоянно действующего координирующего органа, формирующегося из авторитетных представителей движения. В 1987 г. состоялось I Всесоюзное совещание представителей инициативных групп крымскотатарского народа, принявшее на имя генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева подписанное 16-тью видными представителями движения обращение. Спустя два года на уже V Всесоюзном совещании представителей инициативных групп подавляющим большинством голосов было принято решение об учреждении на базе существующих инициативных групп координирующего органа крымскотатарского национального движения - общественно-политической Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД). Как указывает И. Умеров, «новая организация стала преемником Центральной инициативной группы (ЦИГ), имела фиксированное членство, устав и программу. Центральный Совет и председатель организации (им стал Мустафа Джемилев) были избраны тайным голосованием сроком на один год»²⁰⁶. Однако ОКНД не смог объединить все инициативные группы, что давало существенное преимущество государственным и партийным властям для уклонения от конструктивного диалога с ОКНД. По утверждению И. Умерова это, наряду с всесоюзной тенденцией образования общенациональных демократических политических движений и организаций, стало причиной поиска лидерами движения взаимоприемлемой формы объединения всех структур движения на

---

²⁰⁵ Материалы Пленума ЦК КПСС 19-20 сентября 1989 года. – М.: Политиздат, 1989. – С. 78-79.

²⁰⁶ Умеров И.Р. Крымскотатарское национальное движение: современное состояние и перспективы // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 391.

более широкой платформе²⁰⁷. Результатом этого поиска стал созыв в 1990 году Второго Курултая крымскотатарского народа, обозначившего своей целью объединение всех интеллектуальных, духовных, экономических сил народа для скорейшего решения проблем, прежде всего, по возвращению в места исхода 1944 г. и восстановлению его государственности. Основной задачей Курултая было заявлено определение путей решения национальных проблем и выборы постоянно действующего органа – Меджлиса крымскотатарского народа.

Существование немногочисленной группы активистов национального движения, оппонировавшего Курултаю, не позволяет говорить о полной легитимности данного органа, претендовавшего на роль координатора всего крымскотатарского национального движения. Активист Ю. Османов, организовав и возглавив параллельную организацию «Национальное движение крымских татар» (НДКТ), вел усиленную агитацию на местах, призывая соотечественников саботировать выборы делегатов²⁰⁸.

Проведенный 26-30 июня 1991 г. II Курултай крымскотатарского народа сформировал как свои рабочие органы – президиум, секретариат, редакционную и мандатную комиссии, так и высший полномочный представительный орган крымскотатарского народа, действующий в период между сессиями – Меджлис. Курултай стал площадкой декларирования основных документов, результирующих итоги крымскотатарского национального движения, а также определяющих его дальнейшие пути. Среди них были документы, представляющие серьезный исследовательский интерес, к примеру, «Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа» и другие. Незамедлительно вслед за этим состоялось первое заседание Меджлиса крымскотатарского народа, на котором была утверждена его структура, а также решение о подготовке Положения о местных органах национального самоуправления. В последующие 2 года на территории всего

---

²⁰⁷ Умеров И.Р. Крымскотатарское национальное движение: современное состояние и перспективы // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. - 392.

²⁰⁸ Там же.

Крыма были сформированы региональные и местные органы национального самоуправления крымских татар (меджлисы всех уровней).

Наметившееся противостояние между основными акторами крымскотатарского национального движения начала 1990-х годов было непродолжительным в силу фактического прекращения деятельности НДКТ после гибели его руководителя Ю. Османова. Само же НДКТ стояло на позициях реставрации СССР и ориентации на коммунистическую идеологию²⁰⁹.

Проанализировав политизацию крымскотатарской этнической группы с 1944 г. можно сделать следующие выводы:

- Крымскотатарское национальное движение имело размытую организационную структуру. Элементами, обеспечивающими функционирование движения, являлись инициативные группы, составляющие сеть. Сетевой тип движения обеспечивал жизнеспособность в условиях авторитарного/тоталитарного политического режима.

- Отсутствовало формальное лидерство в движении, единый руководящий центр (до формирования Центральной инициативной группы с последующим преобразованием в Организацию крымскотатарского национального движения – ОКНД под руководством М. Джемилева).

- Ядром движения стали ячейки – инициативные группы, формирующиеся по территориальному принципу: в пределах улицы, села, района, города.

- Основными формами крымскотатарского национального движения, в зависимости от этапа его развития, были петиционные кампании, массовые политические акции (демонстрации, митинги, маевки, возложения цветов к памятникам, шествия в памятные даты и т.д.), а также делегации, направляемые к органам государственной и партийной власти СССР. Низкая эффективность петиционных кампаний, начиная с 1964 г., стала приводить к спаду их интенсивности. С этого момента изменился характер петиций: с просительного

---

²⁰⁹ Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение, 1994-1996 г. – М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии, 1997.

до критического по отношению к государственной национальной политике СССР.

- Отсутствовали изначально заданные критерии участия в движении. Членом инициативной группы крымскотатарского национального движения мог стать любой крымский татарин, желающий оказать посильную поддержку движению.

- Существовала координация внутри сети. Как указывает Л. М. Алексеева, «уличные группы одного города информировали о своих действиях городскую группу, та, в свою очередь, - областную, а областные – республиканскую, и каждая группа информировала о своей деятельности жителей своего участка»²¹⁰. Инициативные группы координировали свою деятельность через регулярно проводившиеся областные, республиканские (в УзССР) и всесоюзные совещания.

- Набор целей крымскотатарского национального движения в СССР оставался неизменным на протяжении всего периода своего существования. Он состоял из реабилитации и репатриации крымскотатарского населения в места исхода в 1944 году, а также восстановления крымскотатарской национальной государственности на полуострове Крым (в формате восстановления Крымской Автономной Советской Социалистической Республики 1921 г.).

- Изменяющаяся социальная структура крымскотатарского общества оказала влияние на характер самого крымскотатарского национального движения. В 1960-1970 гг. произошла смена поколений активистов движения. Ресурсом этнополитической мобилизации крымских татар в этот период стало само крымскотатарское национальное движение с присущим ему набором символов («ветераны», «узники»). Возник и слой крымскотатарской интеллигенции, состоящий из лиц, получивших высшее образование и готовых транслировать историческую память остальным членам крымскотатарского сообщества.

---

²¹⁰ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. - М., 2001. – С. 55.

- Усиление репрессивных мер государства по отношению к активистам крымскотатарского движения, выразалось в существовании правовых ограничений и неправовых практик, что, в свою очередь, способствовало выработке новых стратегий крымскотатарского национального движения. Одной из таких стратегий стало сращение в 1968 г. с общесоюзным правозащитным движением в СССР. Повестка крымскотатарского национального движения инкорпорировалась в общую повестку демократического движения СССР, получив новую силу и поддержку.

- В зависимости от этапа движения менялись и его географические рамки. Сначала оно ограничивалось УзССР, затем - УзССР и другими республиками Центральной Азии, после список локаций движения расширился городом Москвой и полуостровом Крым.

Исходя из выводов, приведенных выше, можно согласиться с утверждением И. Умерова о том, что «такой продуманный механизм децентрализации деятельности инициативных групп при их широкой народной поддержке не позволял власти, несмотря на различные формы репрессий, подавить национальное движение крымских татар»²¹¹.

---

²¹¹ Умеров И.Р. Крымскотатарское национальное движение: современное состояние и перспективы // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 390.

3.2 Содержание крымскотатарского этнополитического процесса в условиях политико-административной трансформации Крыма в составе РФ

Крымскотатарский этнополитический процесс, являющийся частью крымского этнополитического процесса, обусловлен факторами не только этнокультурного измерения, но и факторами, связанными с процессами реформирования всех сфер постсоветского общества – политики, экономики, права, социальной жизни. Эти аспекты детерминируют многие противоречия в сфере управления полиэтничным обществом. Поэтому учет объективных факторов внешней среды этнополитических процессов необходим при решении задач этнополитического характера.

Выгодное географическое и климатическое положение полуострова Крым определяет иерархию ценных ресурсов, являющихся объектом межгрупповой конкуренции за право обладание ими. Земля, находящаяся в прибрежной зоне, является тем ресурсом, борьба за который во многом определяет динамику политического процесса в регионе. Учитывая тот факт, что данный ресурс несет выгоду как наиболее перспективный для экономических инвестиций, можно согласиться с утверждением Т. Сенюшкиной о земельной проблеме в Крыму как катализаторе этнополитической напряженности²¹².

Находясь на стыке соприкосновения как минимум двух цивилизационных типов (славянского христианского и тюркского мусульманского), Крым характеризуется высокой степенью активности этнополитических процессов. На общую этнополитическую динамику в регионе оказывает влияние интенсивное возрождение культурно-цивилизационных основ мусульманской цивилизации, частью которого является крымскотатарское этническое

---

²¹² Сенюшкина Т.А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 376.

сообщество. Как справедливо отмечает исследователь Э. С. Муратова: «В течение последнего десятилетия Украина была охвачена процессом бурного возрождения религии. Этот процесс сопровождался резким всплеском религиозного самосознания, быстрым количественным ростом и консолидацией религиозных общин, возвращением и строительством культовых учреждений, развитием религиозного образования, формированием значительной социальной прослойки духовенства, установлением связей с представителями зарубежных религиозных центров и т.д. Особое место в конфессиональной жизни занял возрождающийся в Украине ислам. Наличие ислама в современной Украине – свершившийся факт. Сегодня ислам является неотъемлемой составной частью религиозной жизни общества и одной из наиболее развивающихся религий в стране. Одновременно необходимо отметить, что численность мусульман в Украине стала объектом определенных манипуляций, связанных со стремлением отдельных лиц преувеличить истинное число последователей ислама в стране»²¹³.

В структуре крымскотатарских этнополитических акторов до 2014 года ведущую роль играли Меджлис крымскотатарского народа и Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК). Обе организации были созданы в самом начале 1990-х годов и весь современный период характеризуются как наиболее значимые структуры внутри данного этнического сообщества. Меджлис являлся представительным органом крымских татар, формирование которого происходило в ходе Курултая крымскотатарского народа. Распределение функций внутри этнического сообщества между двумя организациями можно описать следующим образом: «светская» ветвь власти крымских татар принадлежала Меджлису, «религиозная» ветвь власти - Духовному управлению мусульман Крыма. Состав ДУМК формировался на Курултае мусульман Крыма. В компетенцию Меджлиса, согласно его Положению, входило решение вопросов политического и социально-

---

²¹³ Муратова Э.С. Ислам и национальные интересы Украины // Национальные интересы Украины / под ред. д.ф.н. проф. Габриэляна О.А. – Симферополь. ООО «Энергия Дельта», 2007. – С. 174-175.

экономического свойств, в компетенцию ДУМК – решение вопросов религиозного свойства. Меджлис крымскотатарского народа в период между сессиями Курултая являлся высшим полномочным представительным исполнительным органом всего этнического сообщества, избираемым Курултаем из числа его делегатов. Основными целями Меджлиса, как заявлено в его документах, является «ликвидация последствий геноцида, совершенного советским государством в отношении крымских татар, восстановление национальных и политических прав крымскотатарского народа и реализация его права на свободное национально-государственное самоопределение на своей национальной территории»²¹⁴.

Несмотря на полулегальный статус функционирования Меджлиса в период контроля над Крымом со стороны Украины, при президенте Л. Кучме была сделана весомая попытка легализации данной структуры. В 1999 г. был создан Совет представителей крымскотатарского народа при президенте Украины, главой которого являлся руководитель Меджлиса (с 1991 по 2013 гг. председателем Меджлиса был М. Джемилев). Сам же Совет представителей крымскотатарского народа в значительной степени состоял из членов Меджлиса. Можно сделать предположение, что одним из факторов поддержки властями Украины в тот период Меджлиса являлось восприятие Киевом крымскотатарского этносообщества в качестве противодействующей силы пророссийски ориентированным сепаратистским тенденциям в Крыму в 1990-х гг. В период президентства В. Ющенко положение Меджлиса ухудшилось, что связано с тем фактом, что в течение некоторого времени руководителем Министерства внутренних дел Автономной республики Крым был А. Могилев, критично настроенный по отношению к практике самовольного занятия крымскими татарами земельных участков. Значительное ухудшение отношений Меджлиса с официальным Киевом произошло в период президентства В. Януковича, что может быть объяснено призывом к соотечественникам со

---

²¹⁴ Положение о Меджлисе крымскотатарского народа. Принято в новой редакции с учетом дополнений и изменений на третьей сессии IV Курултая крымскотатарского народа, г. Симферополь, 12 сентября 2004 г.

стороны руководства Меджлиса голосовать на президентских выборах 2010 г. против В. Януковича и за Ю. Тимошенко. После победы В. Януковича летом того же года официальный статус Меджлиса был упразднен. Изменения коснулись и структуры Совета представителей крымскотатарского народа: отсюда исчезло упоминание о Меджлисе и его доминирующей роли²¹⁵. Мы выдвигаем гипотезу, что персональное негативное отношение Меджлиса крымскотатарского народа к президенту Украины В. Януковичу можно рассматривать в качестве одного из факторов поддержки Меджлисом новых властей в Киеве, образованных в результате политического кризиса в Украине в кон. 2013 – нач. 2014 гг., и негативного отношения к политико-правовым трансформациям в Крыму, происходившим в тот период.

Политику государственных властей Украины в вопросах, связанных с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов, можно охарактеризовать как половинчатую. Ратификация международно-правовых документов, касающихся данного вопроса, и последующая реализация на их основе государственных мер не соответствовали друг другу. В 1992 году РФ и Украина подписали «Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов». По нему государства, входящие в СНГ, «безоговорочно осуждают имеющую в прошлом тоталитарную практику насильственного переселения народов, национальных меньшинств и отдельных граждан СССР как злодеяние, противоречащее общечеловеческим, гуманным принципам;

Считая, что законодательные и другие нормативные акты, принятые бывшими союзными, республиканскими и местными органами власти и управления, должностными лицами о насильственном переселении народов, национальных меньшинств и отдельных граждан бывшего СССР, являются противоправными и недействительными с самого начала;

---

²¹⁵ Червоненко В. Меджлис: запрет, тюрьма и эмиграция / BBC Украина. 18 мая 2016. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/05/160518_ru_s_mejlis_tatars_history (Дата обращения: 22.02.2018).

Подтверждая право депортированных лиц, национальных меньшинств и народов на восстановление исторической справедливости и возвращение в места их проживания на момент депортации»²¹⁶.

Согласно данным Управления по делам депортированных Государственного комитета Украины по делам национальностей и миграции, по результатам распределения государственных земель в Крыму в 2004 г. обеспеченность земельными паями населения составила 39%, крымскотатарского – 18,5%, при этом средняя обеспеченность землей на одного взрослого жителя сельской местности составила 1,99 га, у крымских татар – 0,92 га²¹⁷. Автор доклада О. Власенко подчеркнула, что «многочисленные нарушения законодательства привели к устранению от землепользования десятков тысяч крымских татар из числа сельских жителей, для которых земля является единственным источником дохода»²¹⁸. По мнению Э. Х. Аетдинова, такое положение дел и обоснованные опасения вновь остаться без земли и средств к существованию становятся мощным фактором этнополитической мобилизации и веским мотивом к инициативному занятию земельных участков крымскими татарами в современной Украине»²¹⁹. Однако, если проанализировать весь комплекс государственных мер, принимавшихся Украиной по отношению к крымскотатарскому вопросу в период ее контроля над Крымом, можно зафиксировать важный шаг на пути к институционализации крымскотатарского национального представительного органа – Меджлиса крымскотатарского народа. Как уже было упомянуто выше, в период президентства Л. Кучмы был подписан Указ «О Совете представителей крымскотатарского народа» от 18 мая 1999 г.²²⁰ Подписание

²¹⁶ Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. - Бишкек, 09.10.1992. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=153> (дата обращения: 06.02.2018).

²¹⁷ Нет крымского татарина – нет проблем? // Голос Крыма. - 2008. - №5 (737).

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. - 2009. - Т. 5, № 3. - С. 49-64.

²²⁰ Указ Президента Украины №518/99 от 18 мая 1999 г. о Совете представителей крымскотатарского народа (на укр. яз.) // Сила права: Зб. законів України та міжнар.-прав. актів / Центр інформації та документації кримських татар // Уклад. Р. Чубаров. - Київ, 2002а. - С. 93.

было приурочено к юбилейной 55-ой годовщине одного из определяющих маркеров крымскотатарской этнополитической мобилизации – депортации 1944 г. Согласно данному указу и Положению №573/2000 от 7 апреля 2000 г.²²¹, «Совет представителей крымскотатарского народа является консультативно-совещательным органом при Президенте Украины»²²². Данные нормативно-правовые акты обозначили правовой статус Меджлиса, избираемого Курултаем как всенародное представительное учреждение. Меджлису был придан статус Совета представителей крымскотатарского народа. Как указывает исследователь Э. Х. Аетдинов, «данные шаги администрации Президента Украины явились, безусловно, шагом в сторону демократизации этнополитики Украинского государства, узаконили статус представительного органа крымскотатарского народа, существовавшего и действовавшего до того момента де-факто, но не де-юре, способствовали в целом дальнейшей институционализации этнополитического взаимодействия. В настоящее время крымские татары составляют численное меньшинство – около 13% от двухмиллионного населения Автономной Республики Крым и немногим более 0,5% всего населения Украины. Использование мажоритарных механизмов в такой ситуации не могло бы привести к созданию этнического представительства, и придание Меджлису крымскотатарского народа легального статуса представительного органа, на наш взгляд, было просто необходимым шагом на пути снижения этнополитической напряженности и к более широкой вовлеченности крымских татар во внутреннюю политику, способствовало учету их интересов»²²³.

В условиях интенсивной ревитализации духовных традиций крымскотатарского народа, начавшейся с конца 1980-х гг., духовная ветвь представительной власти имела сильное влияние среди верующей части

---

²²¹ Указ Президента Украины №573/2000 от 07 апреля 2000 г. о Положении о Совете представителей крымскотатарского народа (на укр. яз.) // Сила права: 36. законів України та міжнар.-прав. актів / Центр інформації та документації кримських татар; Уклад. Р. Чубаров. - Київ, 2002б. С. 93–95.

²²² Там же.

²²³ Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. - 2009. - Т. 5, № 3. - С. 49-64.

данного этносообщества. Как указывает в своем исследовании Э. С. Муратова, «отношения двух структур с середины 1990-х гг. (после избрания в 1995 г. муфтия Н. Мустафаева, а в 1999 г. – Э. Аблаева) были построены по принципу взаимного партнерства, в котором главенствующую роль играл Меджлис. Отношения были настолько близкими и слаженными, что ДУМК некоторые из его оппонентов нередко называли “карманным Муфтиятом” или “отделом при Меджлисе”»²²⁴.

Несмотря на этническую однородность мусульманского сообщества Крыма (большая часть мусульман полуострова – этнические крымские татары, см. Приложения), совокупность исламских религиозных организаций полуострова неоднородна. Разделение проходит как по структурно-организационной линии, так и по линии идей и внутриисламских течений. Фактором, способствующим возникновению разнородности исламского сообщества Крыма, стало либеральное законодательство Украины по этой части. Анализируя карту основных исламских групп, течений и организаций Крыма, можно составить перечень наиболее значительных акторов, чье влияние на мусульманское сообщество высоко. В авангарде ревитализации исламского наследия крымских татар на полуострове до 2014 года стояло упомянутое уже Духовное управление мусульман Крыма. Оно апеллировало к «традиционному исламу»²²⁵, настаивало на сохранении унаследованной от предков обрядовой религиозной практики. Муфтият характеризуется организацией, поддерживающей интенсивный международный контакт с Турцией и турецкими частными и официальными организациями, среди которых Управление по делам религии. Относительно новой структурой, возникшей в

²²⁴ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 163-171.

²²⁵ В современном исламоведении отсутствует четкое и разделяемое всем мировым исламским сообществом определение понятия «традиционный ислам». Сама же дихотомия «традиционного» и «нетрадиционного» ислама с богословской точки зрения является ненаучной. Однако в современном исламоведческом дискурсе на постсоветском пространстве понятие «традиционный ислам» обрело черты полноценного явления, отражающего совокупность исторических особенностей исповедания исламской религии ее последователями. В этом смысле понятие «традиционный ислам» используется как концептуальный противовес имеющим тенденцию к глобальному распространению не свойственных постсоветским последователям ислама мусульманским течениям, которых в современном исламоведческом дискурсе на постсоветском пространстве принято относить к «нетрадиционному исламу».

2010 г., стал Духовный центр мусульман Крыма (ДЦМК), так же, как и ДУМК стоящий на позициях «традиционного ислама». Конкурентный характер данных централизованных религиозных организаций объяснялся тем, что ДЦМК выступал своеобразным проводником Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ) в Крыму, а отношения между ДУМУ и ДУМК были конфликтными. Стоит также иметь в виду тот факт, что ДЦМК возглавлял муфтий Р. Велиев, являющийся учеником главы ДУМУ А. Тамима. Последнего, в свою очередь, причисляют к такому течению внутри ислама как хабашизм, названному так в честь своего создателя – религиозного деятеля из Эфиопии Абдуллы аль-Харари. Одним из факторов, обусловивших конфликтный характер взаимоотношений Духовных управлений Украины и Крыма, стала жесткая позиция ДУМУ по отношению к ряду зарубежных религиозных мусульманских организаций, которых в Киеве считали экстремистскими. В 2000 г. Духовным управлением мусульман Украины было отправлено открытое письмо государственным властям Украины, в котором от имени III Съезда мусульман Украины содержалось требование «...предпринять решительные меры по ужесточению государственного контроля над деятельностью всех организаций и движений, имеющих отношение к исламу»²²⁶. Данные организации находились в тесном сотрудничестве с Крымским муфтиятом (среди них «Альраид», «Зам-Зам» и др.), что стало причиной, в ряду и других, возникновения конфликтного характера отношений между ДУМУ и ДУМК. Организацию «Альраид», являющуюся по форме ассоциацией общественных организаций, также можно отнести к мусульманским структурам, имеющим влияние на исламское сообщество Крыма. Партнерами «Альрайда» выступали различные международные государственные и общественные структуры ближневосточного региона. Основной формой деятельности было проведение научно-образовательных курсов и конференций. Именно эту организацию тесно поддерживало ДУМ Крыма, что стало одной из причин ухудшения отношений с ДУМ Украины.

---

²²⁶ Открытое письмо государственной власти // Минарет. – 2000. - № 35. – С. 20-21.

Еще одной исламской организацией, оказывающей влияние на этнорелигиозные процессы в Крыму, была партия «Хизб ут-Тахрир»²²⁷. В идеологической основе данной партии, запрещенной в большинстве стран мира²²⁸, лежит идея о стремлении к созданию государства, основанного на теократических исламских началах. Методологией деятельности является пропаганда и ненасильственные призывы в свои ряды, а формой организации является сеть, состоящая из автономных ячеек без единого центра управления. По отношению к ведущим акторам этнополитического процесса крымских татар – ДУМК и Меджлису – партия выступала как оппонент. Формой противостояния стали акции протеста, митинги и конференции. Еще одним внутриисламским течением, имеющим определенное влияние на мусульманское население Крыма, стали джамааты (общины верующих), принадлежащие к идее салафизма. Их деятельность носила ярко выраженный непубличный характер и концентрировалась на изучении основ исламской веры. Их отличало внутригрупповая замкнутость, отрешенность от происходящих этнополитических процессов и критичное отношение ко многим крымскотатарским обрядам и традициям. Однако исключением из них выступал джамаат, объединенный вокруг общественной организации «Себат», которая в 2011-2013 гг. выступала посредником в решении земельного вопроса между участниками самовольного занятия земельных участков и властями. Его лидеры не признавали авторитета Меджлиса, считая, что последний намеренно не решает земельную проблему народа, получая от этого политические дивиденды. Активисты «Себат» участвовали в антимеджлисовских акциях протеста, организованных оппонентами Меджлиса, пытались в обход него напрямую с властью решать вопросы участников «полян протеста»²²⁹. Остальные же джамааты признавали Меджлис крымскотатарского народа

---

²²⁷ Деятельность «Хизб ут-Тахрир» запрещена на территории РФ.

²²⁸ Большинство стран мира, в том числе с преобладающим мусульманским компонентом, признало деятельность данной организации незаконной. В феврале 2003 г. Верховный суд РФ признал «Хизб ут-Тахрир» террористической организацией и запретил ее деятельность на территории РФ (см. Единый федеральный список террористических организаций URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>)

²²⁹ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 167.

представительным органом народа, не проявляли ему какой-либо оппозиционности и не участвовали в политических акциях. В 1998-2005 гг. в Крыму действовало региональное отделение политической партии «Партия мусульман Украины» (ПМУ), созданная известным бизнесменом из г. Донецка Р. Е. Брагиным. Действующие тогда по Украине духовные управления мусульман, по его мнению, были неэффективны в отстаивании интересов мусульман этого государства, что послужило причиной создания данной структуры: «Нынешние духовные центры Украины не в состоянии объединить мусульман и отстаивать их интересы в полной мере. Поэтому создание партии вызвано самой жизнью, а каково ее будущее – зависит от нас, мусульман Украины»²³⁰. Являясь мусульманской религиозной по форме, но не по сути, Партия мусульман Украины не смогла стать объединяющим центром приверженцев ислама всего государства, не имела существенной поддержки в Крыму²³¹, где преобладающим мусульманским населением были крымские татары, и в 2005 г. вошла в состав Партии регионов. Основные акторы крымскотатарского этнополитического процесса вступили в оппонирование ПМУ, что можно считать фактором, обуславливающим низкую степень поддержки данной политической силы среди широких масс крымскотатарского населения. Как заявил один из видных деятелей Меджлиса И. Умеров, эта партия «не больше чем вывеска, за которой нет ни исламских ценностей, ни гарантий прав крымскотатарского народа, а есть деньги донецких олигархов, создавших данную структуру для того, чтобы оттянуть крымских татар для угодного действующей власти кандидата. Партия мусульман – это Партия регионов, только в уменьшенном варианте, партия-спутник и для ее руководства также неприемлемы чаяния крымскотатарского народа, как и для партии власти»²³². Следует также иметь в виду, что на материковой части

²³⁰ Османов Д. Рашид Брагин: «Объединить мусульман и работать во благо их» // Голос Крыма. – 1997. – 17 октября.

²³¹ Однако несмотря на безуспешную политику партии потеснить позиции Меджлиса среди основной массы крымскотатарского населения Крыма, в ряде районов полуострова ПМУ смогла составить некоторую конкуренцию. С роспуском партии исчез и конкурент Меджлиса.

²³² Умеров И. О Февзи Якубове и других («Полуостров», 2004 г.) // Точка зрения / сост. А. Халилов. – Симферополь: «Оджакъ», 2005. – С. 20.

Украины в период с 1990-х годов существовало несколько крупных мусульманских централизованных организаций, объединяющих различные общины по всей стране. Среди них по степени влияния ключевые позиции занимали Духовное управление мусульман Украины (ДУМУ), Духовный центр мусульман Украины (ДЦМУ), Религиозное управление независимых мусульманских общин Украины «Киевский муфтият» (РУНМОУ «Киевский муфтият»), Духовное управление мусульман Украины «Умма» (ДУМУ «Умма»)²³³. По мнению исследователя Т. Сенюшкиной, существующая тенденция к религиозному расслоению крымскотатарской мусульманской среды может спровоцировать внутриисламское противостояние в Крыму²³⁴. Однако, как показала практика, каких-либо значительных конфликтов внутри исламского сообщества Крыма не было, что позволяет сделать вывод о стабильности отношений между всеми основными исламскими религиозными акторами в Крыму. Бесконфликтное существование на территории ряда разнообразных внутриисламских групп, течений и организаций свидетельствует, с одной стороны, об эффективности либерального законодательства государства по отношению к внутриконфессиональному плюрализму, а с другой - о высоком консенсусном потенциале политической коммуникации внутри мусульманского сообщества Крыма.

Что касается остальных акторов крымскотатарского этнополитического процесса, то ситуация после 2014 г. выглядит следующим образом. В противовес существующим Курултаю крымскотатарского народа, являющемуся представительным органом, и Меджлису, выполняющего функции исполнительного органа Курултая, претендующего на полномочное представительство крымскотатарского этносообщества, в период с 2014 года и по настоящее время сформировались либо формируются альтернативные им структуры крымскотатарского этнического представительства. К ним можно

---

²³³ Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь: Элиньо, 2009. – 432 с.

²³⁴ Сенюшкина Т.А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 375.

отнести общественную организацию «Милли Фирка», которую исследователь В. А. Баранов относит к партии²³⁵. Однако по организационной форме, данная структура, возглавляемая крымскотатарским общественным деятелем В. А. Абдураимовым²³⁶, относится к общественной организации. Слово «партия» используется лишь в названии (крым. «фъырка» - «партия»). Более того, если бы данная организация имела форму политической партии, то она не была бы зарегистрирована органами юстиции РФ в силу этнического признака ее построения²³⁷. К другим организациям, сформированным либо формирующимся под управлением РФ относятся общественные организации «Къырым бирлиги» во главе с С. Ниметуллаевым, «Поколение Крым» во главе с депутатом Государственной Думы ФС РФ Р. Бальбеком, «Себат» во главе с С. Гемерджи²³⁸, а также Общественный совет крымскотатарского народа, стремящийся к объединению пророссийских крымскотатарских сил. Сюда можно включить и попытку сформировать альтернативный Курултаю крымскотатарского народа другой Курултай, который бы состоял из лиц, поддерживающих сложившуюся политико-правовую ситуацию на полуострове.

Данные об этническом составе Крыма в динамике переписей населения, проводимых в 1989, 2001 и 2014 гг. (последняя – после фактического перехода Крыма под управление РФ), приведены в таблице 7. За межпереписной период 2001-2014 годов население Крыма сократилось на 135 тыс. человек или на 6,7%. Население Севастопольского региона, напротив, увеличилось на 18 тысяч или на 4,8%. По сравнению с всеукраинской переписью населения 2001 года увеличилась численность русских на 2,7%, армян — на 9%, а численность украинцев сократилась на 40%, белорусов — на 38%. Как указывает В. А. Темненко, «нараставший в первой половине 90-х годов конфликт по русско-

²³⁵ Баранов А.В. Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть. - 2015. - № 1.

²³⁶ Являлся соратником Ю. Б. Османова, известного крымскотатарского общественно-политического деятеля начала 1990-х гг., находящемуся в оппозиции по отношению к Меджлису. В период событий 2014 г. проводил агитационную работу с крымскотатарским населением полуострова за участие в мартовском референдуме.

²³⁷ Федеральный закон РФ «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ.

²³⁸ Баранов А.В. Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть. - 2015. - № 1.

украинской стороне крымского этнического треугольника – классический конфликт (русской) колонии и (украинской) метрополии в сильнейшей степени демпфировался страхом перед крымскими татарами и невозможностью «просчитать» их поведение в быстроменяющихся условиях возможной вооруженной борьбы²³⁹. Однако, как утверждает в своей работе И. Айдынгюн, «несмотря на довольно осторожное отношение многих украинцев к крымским татарам... большинство украинцев воспринимают их как своих естественных союзников в противостоянии русским и в качестве этноса, на который можно положиться при восприятии Крыма как части Украины»²⁴⁰.

Исследователями выделяются три возможных типа противоречий, имевших потенциал вылиться в этнополитические конфликты (до фактической утраты Украиной контроля над Крымом):

- Русские Крыма против центральной власти Украины.
- Русские Крыма против крымских татар Крыма.
- Крымские татары Крыма против центральной власти Украины²⁴¹.

Последний тип представляется наименее вероятным по сравнению со вторым. Исследователь А. Г. Шевчук выделяет новый потенциальный этнополитический конфликт в Крыму – усиление тюрко-мусульманского этнокультурного компонента некрымскотатарского происхождения, под видом возвращения репатриантов из мест депортации или беженцев очередного межэтнического конфликта в Центральной Азии²⁴². В качестве потенциальной точки исхода указывается Кыргызстан.

²³⁹ Темненко В.А. Крым – выпавшее звено конфликтной дуги / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 272.

²⁴⁰ Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30). Оригинальный текст: «Despite the cautious attitude of most of the Ukrainians toward the Crimean Tatars ... most of them consider the Crimean Tatars as natural allies against the Russians and a population that they can count on to keep the Crimea as part of Ukraine».

²⁴¹ Темненко В.А. Крым – выпавшее звено конфликтной дуги / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 274.

²⁴² Шевчук А.Г. Обзорно-аналитическая оценка текущей социокультурной и этноконфессиональной ситуации в циркумпонтийском геополитическом пространстве // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 280.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с крымскотатарским этнополитическим процессом, является форма политического представительства рассматриваемой этнической группы, упомянутая ранее. Исследователь В. А. Темненко считает, что приемлемой для крымских реалий моделью политико-административной организации крымскотатарского общества является трансформация крымскотатарских притязаний с уровня национально-территориальной автономии до уровня внетерриториального общинного самоуправления. Для этого необходимо законодательно признать крымскотатарскую национальную общину особой формой местного самоуправления. Органами местного самоуправления в крымскотатарской национальной общине должны являться Курултай и Меджлис со своими территориальными представительствами²⁴³. Данная политико-административная система копировала бы успешный с точки зрения исследователя опыт национального самоуправления индейцев в США. «Индейская национальная община признается в США особой формой местного самоуправления. На территориях резерваций действуют свои, индейские законы, своя полиция. Они не подчиняются правительствам штатов, на землях которых расположены, а находятся под федеральной опекой специального Бюро по делам индейцев при МВД США. Земля резерваций является собственностью индейской общины. Фирмы, действующие в резервациях, не платят федеральные налоги и налоги штата. Однако каждый индеец является полноправным гражданином США, волен покинуть резервацию, жить, где вздумается, и заниматься, чем захочет: особый статус имеет не отдельный человек индейского происхождения, а национальная община. Личность вольна в своем выборе: отождествить себя с общиной и принять ее особый статус – или покинуть общину, раствориться в американском “плавильном котле” и

---

²⁴³ Темненко В.А. От сильной личности к силе закона: о задачах представительства верховной рады Автономной республики Крым в Верховной Раде Украины // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – С. 387.

самостоятельно добиваться жизненного успеха»²⁴⁴. Позиция же лидеров современного крымскотатарского национального движения, как уже указывалась нами ранее, заключается в стремлении учредить национально-территориальную автономию в рамках украинского государства²⁴⁵. На наш взгляд, предложенная исследователем В. А. Темненко идея по созданию некоего подобия индейских резерваций в США для крымских татар в Крыму бесперспективна с точки зрения глубоко укорененного в исторической памяти крымскотатарского сообщества осознания себя ответственными за судьбу территории всего полуострова, а не только некоторой ее части. Впрочем, полностью отвергать предложение исследователя В. А. Темненко не стоит. С нашей точки зрения, такие положения данной концепции, как собственная правовая система в местах общинного проживания крымскотатарского населения и 100%-ая уплата налогов с предприятий на территории этих мест в местные бюджеты, могли бы стать эффективной мерой купирования потенциальных конфликтных рисков на полуострове, а также способствовать социально-экономической адаптации крымскотатарских репатриантов.

Для исследования этнополитических процессов представляется весьма полезным использование достижений виктимологии (от лат. Victim – «жертва» и греч. Logos – учение). В современной политологии данное направление развивается такими исследователями, как П. Кабанов, Е. Велешко, Т. Сеньюшкина, при этом оно продолжает оставаться еще малоисследованным. Его суть – в изучении виктимных факторов, оказывающих влияние на характер политического поведения этнических групп, подвергшихся в своей истории экстренным социально-демографическим изменениям со стороны внешних акторов (депортации, массовое физическое истребление по этническому/религиозному признаку, принудительное обращение в рабство,

²⁴⁴ Темненко В.А. От сильной личности к силе закона: о задачах представительства верховной рады Автономной республики Крым в Верховной Раде Украины // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – С. 387.

²⁴⁵ Умеров И.Р. Крымскотатарское национальное движение: современное состояние и перспективы // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 390.

применение ядерного оружия и др.). По утверждению Т. Сеньюшкиной, применение положений виктимологии к анализу межэтнических отношений позволит глубже осмыслить специфику этнонациональной конфликтности, при которой один из субъектов отношений был подвергнут насилию и продолжает оставаться в своем собственном восприятии жертвой²⁴⁶. Как указывает в своей работе Е. Н. Велешко, депортация этнических групп, населяющих Крым, в 1944 году помимо физических страданий привела и к негативным психологическим и социальным последствиям, а также наложила отпечаток на мировосприятие и этнопсихологию²⁴⁷. Указанные последствия находят свое отражение в политическом поведении этнических групп, что сказывается и на процессах их интеграции в общегосударственное политико-правовое пространство. Одним из важных требований крымскотатарского национального движения с конца 1980-х гг. стало требование о признании государственными властями (СССР, а позже и независимой Украины) депортации 1944 г. актом геноцида с соответствующим юридическим закреплением в международных правовых актах. Важным преимуществом подобного шага станет конструирование новых способов лоббирования своих политических интересов. Факторами, усиливающими выдвижение национальной элитой крымских татар политических требований, могут служить:

- исчезновение субъекта преступления (распад СССР);
- отсутствие в законодательствах (украинском, российском) механизмов возмещения ущерба жертвам преступлений на политической основе.

Исходя из этого можно сделать вывод, что виктимность становится ресурсом, используемым агентами этнополитической мобилизации. Виктимность выступает фактором, детерминирующим политическое поведение крымскотатарского этносообщества сразу в нескольких сферах: политико-

²⁴⁶ Сеньюшкина Т.А. Этнонациональная конфликтность в Крыму как виктимологическая проблема // Культурный обмен и формирование толерантности в многоэтническом гражданском обществе: материалы семинара (17 июня 2003 г.) – Симферополь: ЧП Фактор, 2003. – С. 110-111.

²⁴⁷ Велешко Е.Н. Политическое поведение крымскотатарских репатриантов как виктимологическая проблема // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 290.

правовой, социально-экономической и культурной. В политико-правовой сфере элементы виктимности можно проследить в выдвинутых крымскотатарской национальной элитой политических требованиях, нашедших отражение в Декларации о национальном суверенитете крымскотатарского народа, принятой на Курултае полномочных представителей крымскотатарского народа 28 июня 1991 года. В данном документе, принятом на первом с 1918 года общенациональном съезде крымских татар, содержится утверждение:

«Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом»²⁴⁸.

Существует точка зрения, что внесение данного пункта в итоговый документ съезда являет собой стремление элиты крымскотатарского народа к обособлению от находящейся еще тогда в составе СССР Украины и построению собственного отдельного независимого государства. Однако нам представляется, что данное положение следует рассматривать только в цепочке этнополитических ситуаций, имевших место быть на полуострове Крым в тот исторический период. Примерно за полгода до этого, 20 января 1991 года состоялся референдум о государственном и правовом статусе Крыма (аналогичный референдум прошел и в г. Севастополе). На единственный содержащийся в бюллетене вопрос, звучавший как «Вы за создание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника союзного договора?», 93,26% или 1 343 825 чел. ответило «Да». Ответ «Нет» набрал 5,64% голосов или 81 254 чел. По официальным данным явка составила 81,37% или 1 441 019 чел. Активисты крымскотатарского национального движения не признали результатов данного

---

²⁴⁸ Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа №45 от 28 июня 1991 г.

референдума, заявив, что русскоязычное население Крыма большинством голосов не может определять государственно-правовой статус территории. При этом по признанию одного из лидеров крымскотатарского национального движения М. Джемилева, сделанному им уже в 2009 году на Всемирном конгрессе крымских татар, «если бы эта Декларация писалась в наши дни, то она, очевидно, была бы несколько иного содержания и иной тональности. Но она была написана еще в годы советской власти, когда Украина еще не обрела независимости и была реальная угроза присоединения Крыма к России, то есть Декларация была направлена против реальных сепаратистских тенденций»²⁴⁹.

В последующем, Меджлисом крымскотатарского народа были приняты еще ряд политико-правовых документов, декларирующих стремление к восстановлению крымскотатарской национально-территориальной автономии в рамках суверенного украинского государства. Виктимность в политическом поведении крымскотатарского этносообщества прослеживается и в других выдвигаемых им политико-правовых требованиях: обеспечение его представительства в органах власти различных уровней, предоставление государственного статуса крымскотатарскому языку и др. В культурной сфере виктимность политического поведения можно проследить в целом спектре вопросов, затрагивающих историко-культурные, религиозные, образовательные, информационные и иные предметы общественного обсуждения. Ключевой функцией виктимных факторов является оказание непосредственного влияния на групповое поведение, в том числе и политическое, на формирование политических установок и групповых ожиданий по отношению к властям и другим политическим акторам.

Стихийный процесс репатриации крымскотатарского населения в Крым в конце 1980-х – начале 1990-х гг. характеризовался слабым государственным участием, что привело к существенному разрыву между потребностями обустройства репатриантов и возможностями их удовлетворения. Как

---

²⁴⁹ Крымские татары в Крыму и в мире: проблемы и перспективы национального возрождения // Доклад председателя Меджлиса крымскотатарского народа М. Джемилева на Всемирном конгрессе крымских татар – Симферополь, 2009. URL: <http://textarchive.ru/c-1284193.html> (дата обращения: 24.12.2017).

указывает в своей работе Е. Н. Велешко, «проблемы взаимоотношений местной власти с межджлисами разных уровней, приобретение репатриантами украинского гражданства, представительство крымских татар в различных органах власти, а также проблемы приватизации земли способствовали возрастанию степени коллективной ущемленности крымскотатарского этноса и росту конфликтного потенциала региона в целом»²⁵⁰.

Таким образом, анализ коллективного поведения и этнического самосознания крымских татар подтверждает существование проявлений виктимности на уровне группового сознания данного этносообщества.

Важным фактором крымскотатарского этнополитического процесса является иностранное воздействие в лице Турецкой Республики, исторически связанной с данным этносообществом. Фактор турецкого влияния на крымскотатарский этнополитический процесс усиливается не только исторической связанностью народов Турции и Крыма, но и значительной диаспорой в самой Турции. Данные о количестве проживаемых в Турции крымских татар разнятся. На территории этой страны имеется ряд анклавов, населенных как самими крымскими татарами, так и многими родственными им народами. Также надо учитывать тот факт, что официальная национальная политика турецких властей направлена на аккультурацию и ассимиляцию нетурецкого населения, а данные об этническом составе Турции официально не публикуются.

По мнению А. Г. Шевчука, Турция строит отношения с крымскими татарами, как со своей диаспорой и потому не только лоббирует интересы крымских татар, но и учитывает это в проведении своей геополитической стратегии в Причерноморском регионе²⁵¹. По мнению некоторых

---

²⁵⁰ Велешко Е.Н. Политическое поведение крымскотатарских репатриантов как виктимологическая проблема // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 294.

²⁵¹ Шевчук А.Г. Обзорно-аналитическая оценка текущей социокультурной и этноконфессиональной ситуации в циркумпонтийском геополитическом пространстве // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 281.

исследователей, Турция, вместе с рядом арабских государств, играет активную роль в возрождении ислама в Крыму²⁵². Важнейшим источником влияния Турции на крымскотатарский этнополитический процесс традиционно является идеологема пантюркизма, понимаемая в широком смысле как стремление к политической, экономической, культурной и этнической интеграции тюркских народов, в которой доминирующая роль предполагается отдать Турции как наиболее развитому с геополитической и социально-экономической точки зрения государству с преобладающим тюркским компонентом.

Идейная платформа пантюркизма активно разрабатывалась известным просветителем, философом и общественно-политическим деятелем крымскотатарского происхождения И. Гаспринским (1851-1914). Являясь активным деятелем национального движения крымских татар на рубеже XIX-XX вв., он выпускал первую в Российской империи тюркоязычную газету, имевшую свое распространение на все тюркоязычные народы страны. Эмиграционные потоки из Крыма в конце XVIII - середине XIX, а также в XX в. главным образом устремлялись именно в Османскую империю. Как указывает О. В. Рябцев, «Вассалитет Крымского ханства не воспринимался крымскими татарами как захват или оккупация, чему во многом способствовала этническая, культурно-лингвистическая и религиозная близость тюрков Крыма и Анатолии, исповедовавших магометанскую веру, объединяющую их на тот момент в рамках единого исламского халифата»²⁵³.

Турецкое влияние распространялось и на культурно-языковые маркеры крымскотатарской этнической группы. Долгое время официальным

²⁵² См.: Григорьянц В.Е. О некоторых особенностях процесса возрождения ислама в Крыму (1989–1999 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.niss.gov.ua/crimea/files/islam.htm> (дата обращения: 22.03.2018); Григорьянц В.Е., Ишин А.В., Шевчук А.Г. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК. Изд. 2-е, перераб. и доп. - Симферополь, 2004; Давыдова В.Р. Глобализация как фактор внутриконфессиональных противоречий в мусульманском сообществе Крыма // Вопросы развития Крыма. - С. 44–48; Сенюшкина Т.А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Там же. - С. 373–378; Червонная С.М. Проблемы возвращения и интеграции крымских татар в Крыму: 1990-е гг. - М., 1997; Ее же. Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е гг. // Вынужденные мигранты. Интеграция и возвращение / под ред. В.А. Тишкова. - М., 1997. - С. 170–176.

²⁵³ Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. – С. 59-60.

литературным языком в Крымском ханстве оставался османский. В сфере народного образования также было сильно османское влияние. Учебные пособия, образовательные методики, преподаватели присылались из Турции. Турецкая буржуазия исторически была заметно представлена в самом Крыму. В ее руках было сосредоточено некоторое количество столовых, пекарен, булочных, постоянных дворов, кофеен и объектов строительной сферы²⁵⁴. Для самой Турции Крым исторически воспринимался как зона собственного влияния, выступая неотъемлемой частью тюркского ареала. «До конца XIX века Крым не был ни русским в полной мере, ни тем более украинским, а в наибольшей степени был турецким»²⁵⁵.

В условиях внутривосточных кризисов в Турции в начале XX в. актуализировался вопрос о формировании политической идентичности нового типа, что в конечном счете оформилось в виде идеи создания под эгидой турецкой нации тюркско-мусульманской федерации «Великого Турана». Наиболее значимыми структурами, функционирующими в области пантюркистского движения, были «Milli Hareket Partisi» («Партия национального движения» Турции) с боевым крылом «Voz kurt» («Серые волки»), «Turk Ocaklari» («Тюркские очаги») и «Нурджулар». Идеологическая платформа подобных им организаций базировалась на идеях исламизма (в меньшей степени) и тюркской надгосударственной консолидации (в большей степени).

Современное влияние Турецкой Республики на полуостров Крым является частью «мягкой силы» Турции, активизация которой началась с момента распада СССР и образованием новых независимых государств, имеющих в своем составе значительный тюркский сегмент. Как отметил в 1992 году премьер-министр Турции С. Демирель, «Турция расширится, несмотря на

²⁵⁴ Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. – С. 61.

²⁵⁵ Torbakov I. Crimea – the next Bosnia? (struggle for military control between Ukraine and Russia) // National Review. – 1993. - 8.9.

то, что границы останутся неизменными. Другими словами, Турция расширит свое влияние от Адриатики до Великой Китайской стены»²⁵⁶.

Агентом влияния из Турции на крымскотатарский этнополитический процесс можно считать диаспору, проживающую в этой стране. Среди представителей турецкой элиты немало лиц, имеющих крымскотатарские корни²⁵⁷. Приверженность к исторической родине сохранилась в национальной памяти диаспоры, на что указывает известный специалист в области изучения диаспор Уильям Шафран: «Базовыми чертами диаспоры являются наличие у представителей этнической общины своего этнического самосознания, а также более или менее четкого образа исторической родины. При этом приверженность исторической родине может сохраняться в национальном самосознании диаспоры на уровне исторической памяти, которая на разных этапах становится основой для пропаганды идей репатриации. Как правило, диаспора имеет проблематичные взаимоотношения с окружающей их этнокультурной средой, в которой они проживают, воспринимая ее как угрозу ассимиляции»²⁵⁸.

Фактором сохранения этнической идентичности крымских татар за период с конца XVIII в. на территориях Турции, Румынии, Болгарии можно считать существование переселенцев из Крыма в обстановке моноэтнического воспроизводства своей этнической группы, что способствовало сохранению этнокультурного ядра крымских татар. При этом разница между крымскотатарской диаспорой Турции и собственно крымскотатарским этносообществом Крыма является ощутимой. Это объясняется тем, что диаспора в Турции, как указывает в своем исследовании О. В. Рябцев, «продолжает нести в себе историческую память о Крыме, являясь, по сути,

---

²⁵⁶ Gurler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War. - 2011. URL: www.uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recep_gurler.pdf.pdf (Дата обращения 04.02.2018).

²⁵⁷ Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).

²⁵⁸ Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora* (Oxford University Press). – 1991. - Vol. 1, № 1. – P. 83-99.

частью современного турецкого общества»²⁵⁹. Однако, как отмечает он же, «на этом фоне с конца 1980-х годов отмечается активизация национального самосознания диаспоры, что было тесно связано с институционализацией крымскотатарских национальных структур в Турции»²⁶⁰. Другой исследователь указывает, что «репутация крымских татар довольно высока в Турции, поскольку тюркское самосознание выросло из работ известных татарских мыслителей, таких как Исмаил Гаспринский и Юсуф Акчура, которых почитают не только турки, но и их собратья в тюркском мире»²⁶¹.

Каналами влияния крымскотатарской турецкой диаспоры являются гуманитарные организации. Одна из них - «Союз культуры и взаимопомощи крымских тюрков», основной декларируемой задачей которого является оказание поддержки соотечественников в Крыму и сохранение этнической культуры крымских татар.

Аналогичное взаимодействие происходит и по линии молодежных структур. Государственным органом Турции по реализации государственной политики в отношении крымскотатарского этносообщества в Крыму является Агентство по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции - Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi (TİKA). Хотя работа данного органа и распространена на многие регионы, среди которых Балканы, Северная Африка, Ближний и Средний Восток, Восточная Европа, Причерноморье, Северный и Южный Кавказ, Центральная Азия и Поволжье, Крым представляет собой один из наиболее пристальных объектов внимания²⁶². Данная организация является механизмом сотрудничества между государственными учреждениями, университетами, неправительственными организациями и частным сектором. Финансирование организации растет: если

---

²⁵⁹ Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. – С. 84.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).

²⁶² Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. – С. 94.

в 2002 г. объем средств, выделяемых на международные проекты, составлял 85 млн долл. США, то в 2015 г. он составил 3 913 млн. долл. США²⁶³.

Крымскотатарское этносообщество может восприниматься и как связующий элемент между Турцией и Украиной, а последняя – как связь с Восточной Европой. Геостратегическая важность связей Украины и Турции объясняется совместным членством данных стран в ряде международных и региональных объединений. Турецкое влияние на Крым объясняется также и геополитическим положением полуострова. Географическое расположение Крыма в Причерноморском регионе дает возможность контролировать положение дел в Азово-Керченской акватории, а также обеспечивает выход к проливам Босфор и Дарданеллы. При этом ключевое значение для реализации внешней политики Турции приобрела политика «мягкой силы», в комплекс форм реализации которой входит:

- в сфере образования, науки и инноваций - заключение соглашений между университетами и совместные исследовательские проекты в рамках реализации программ научно-технического сотрудничества;

- в сфере предпринимательства и инвестиций - двусторонние и многосторонние советы, упрощающие деятельность турецких предпринимателей;

- в сфере продвижения языка и культуры - создание школ, в которых изучается турецкий язык, турецкая история и культура, открытие кафедр преподавания турецкого языка в университетах.

Турция поддерживала усилия украинских властей по поддержке репатриации крымских татар. Турецким агентством по международному сотрудничеству и развитию в Крыму был реализован ряд проектов, общая стоимость которых составляет 25 млн. долл. США, в том числе проект «1000

---

²⁶³ Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] = Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (Дата обращения: 22.03.2018).

домов» для крымских татар²⁶⁴. Финансовый аспект влияния Турции на крымскотатарский этнополитический процесс заключается в привлечении по каналам ТІКА значительных инвестиций в экономику Крыма. Контрагентом турецко-крымскотатарского взаимодействия в Крыму является «Меджлис крымскотатарского народа», до 2014 г. выступавший посредником в процессе продвижения турецкого капитала на полуостров. «Меджлис», как указывает О. В. Рябцев, «по вполне понятным причинам имеет “карт-бланш” в процессе распределения инвестиционных средств. Более того, по оценкам некоторых крымских экспертов, для лидеров “Меджлиса” турецкий капитал стал едва ли не основным источником личного обогащения. Одновременно с активизацией работы агентства на крымской “площадке” под эгидой “Меджлиса” был создан фонд “Крым”, председателем которого стал М. Джемилев. Фонд выступает в роли основного партнера ТІКА не только в Крыму, но и целом в Украине»²⁶⁵.

Присутствие турецкого капитала наиболее ощутимо в районах компактного проживания крымскотатарского населения Крыма: в Симферопольском, Белогорском, Бахчисарайском и Нижнегорском районах²⁶⁶. ТІКА участвовало в реализации проектов, связанных с развитием курортной сферы, а также в сфере строительства. К ней относятся строительство жилых объектов, национальных школ, реставрация историко-культурных памятников. Отлаженная система сотрудничества «Меджлиса крымскотатарского народа» с официальными представителями Турецкой республики, ее бизнес-кругами, куда входит регулярное участие руководства «Меджлиса» в украинских делегациях в поездках в Турцию и при приеме турецких делегаций в Украине, может свидетельствовать о высоком уровне международного влияния «Меджлиса крымскотатарского народа».

---

²⁶⁴ Сафонкина Е.А. Турция как новый фактор политики «Мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2014. - № 2. - С. 147.

²⁶⁵ Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. – С. 96.

²⁶⁶ Там же. – С. 97.

Таким образом, в течение длительного исторического времени Турция, начиная с установления вассалитета Османской империи над Крымским ханством в конце XV в., остается одним из наиболее значимых игроков в Крыму, рассматривая полуостров, являющийся центром северного Причерноморского региона, в качестве плацдарма для укрепления своих геополитических позиций. Стремление к сохранению турецких инвестиций, благоприятным условием существования которых является политическая стабильность территории, может выступать причиной, объясняющей представляемую некоторыми современными исследователями недостаточно активной позицию руководства Турции по защите территориальной целостности Украины в период ее фактической утраты контроля над Крымом в 2014 году.

Принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, связанные с обоснованностью турецкого влияния на крымскотатарский этнополитический процесс в Украине, можно обосновать отрицательную реакцию Анкары на итоги крымского референдума 2014 г. Сюда относятся также громкие заявления имеющего по некоторым данным крымскотатарские корни министра иностранных дел Турецкой республики А. Давутоглу в марте 2014 г., обещавшего политическую, международную и экономическую поддержку Украине для сохранения территориальной целостности данного государства. Однако присоединения Турции к антироссийским санкциям не произошло, что может быть вызвано фактором несопоставимости экономического значения Украины и Российской Федерации для Турции. На 2014 год товарооборот между Турцией и РФ превышал 33 млрд. долларов США, а доход от российских туристов составлял по данным на тот период не меньше 4 млрд. долларов США²⁶⁷. Следует также иметь в виду, что период, предшествовавший 2014 году, характеризовался значительным укреплением двусторонних отношений между Турецкой Республикой и РФ, что также можно считать

---

²⁶⁷ Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).

фактором, определившем половинчатую политику Турции по отношению к внутриукраинским политическим процессам, в том числе к проблеме крымскотатарского населения полуострова Крым в условиях фактической утраты контроля над ним со стороны Украины.

Несмотря на имевшийся в период контроля Украиной над Крымом высокий рейтинг лидера национального движения крымских татар М. Джемилева и возглавляемого им Меджлиса крымскотатарского народа, в 2000-е г. среди его соотечественников росли оппозиционные настроения. Как указывает в своем исследовании Э. Х. Аетдинов, «оппоненты в среде крымских татар упрекают лидера и Меджлис, как правило, в недостаточно жесткой позиции в отстаивании прав своего народа, “соглашательстве” с властями Украины и должностных злоупотреблениях. Социально-бытовые и экономические условия жизни резко контрастируют с ожиданиями и надеждами, существовавшими в первые годы возвращения в Крым. Недовольство вызывают фактическое бесправие и неравенство, неспособность решать многие проблемы, в том числе правового характера, связанные с возвращением, обустройством, определением статуса репатриантов, восстановлением прав крымскотатарского народа»²⁶⁸.

Наличие многих факторов, в том числе и международных, обусловили специфическое состояние крымскотатарского этнополитического процесса. Их совокупное воздействие определило уникальное положение среди аналогичных процессов других этнических групп, населяющих полуостров Крым. Основными элементами крымскотатарского этнополитического процесса, определяющими его специфику на современном этапе, являются:

- Демографические характеристики Крыма и динамика численности крымскотатарского населения полуострова. Согласно данным, приведенным в табл. 7 (см. Приложения), крымскотатарское население Крыма составляет порядка 1/8 части от всего населения полуострова (более половины населения –

---

²⁶⁸ Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. - 2009. - Т. 5, № 3. - С. 49-64.

русские, четверть населения – украинцы). Также следует иметь в виду, что именно крымские татары составляют основную долю от мусульманского населения полуострова (при наличии сравнительно небольших общин других народов, традиционно исповедующих ислам: татар, чеченцев и др.).

- Меджлис в политическом сознании крымскотатарского этносообщества, а также его место и роль в этнополитическом процессе. Определяющей характеристикой данной структуры является его роль как представительного органа крымскотатарской этнической группы в отношениях с государственными властями и международными организациями. Как указывает Э. С. Муратова, «в отсутствие своей государственности многие крымские татары наделяли Меджлис функциями “национального правительства” и в соответствии с этим формировали не только свои ожидания, но и претензии к этому органу»²⁶⁹.

- Формирование исторической памяти и ее воздействие на политическое сознание крымскотатарского этносообщества. Согласно проведенным исследованиям, присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. и депортация народов из Крыма в 1944 г. играют определяющую роль в объяснении процессов прошлого, настоящего и будущего крымскотатарского народа²⁷⁰. Большой пласт в исторической памяти занимают упомянутые виктимные факторы.

События, происходившие в Украине в конце 2013 – начале 2014 гг., имели признаки острого политического кризиса. Настоящим исследованием не ставится цель рассмотреть причины, генезис, содержание и последствия политического процесса, происходившего в данном государстве в указанный период. Предметом нашего исследования является содержание и факторы крымскотатарского этнополитического процесса в указанный хронологический период. Для этого необходимо провести анализ ситуации в крымскотатарском

²⁶⁹ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 164.

²⁷⁰ Куц Н., Муратова Э. Прошлое, настоящее и будущее крымских татар в дискурсе мусульманского сообщества Крыма // Крымский политический диалог. К.: “К.І.С.” - 2014. - 64 с.

этническом сообществе Крыма в новых политических реалиях, что включает в себя анализ динамики межэтнических и межрелигиозных отношений в Крыму, коммуникации основных акторов крымскотатарского этнополитического процесса как между собой, так и с внешней средой, религиозный фактор этнополитического процесса. Ранее были проанализированы характер и динамика взаимоотношений основных акторов крымскотатарского этнополитического процесса – Меджлиса крымскотатарского народа и Духовного управления мусульман Крыма, которые до событий 2014 г. могли быть представлены как своеобразные ветви представительной власти крымскотатарского этносообщества: Меджлис представлял собой «светскую» ветвь власти крымских татар, а ДУМК – «духовную», что в условиях ускоренной ревитализации религиозного самосознания крымских татар с конца 1980-х гг. имело большое значение. Политические трансформации в Крыму, начавшиеся в 2014 г., оказали значительное воздействие на перераспределение значения данных структур. Утрата Меджлисом влияния на крымскотатарское этносообщество, вызванная депортацией его лидеров, обысками в домах активистов, запретом на проведение публичных мероприятий и др., способствовала укреплению позиций Духовного управления мусульман Крыма. Более того, по мнению Э. С. Муратовой, «постепенно ДУМК приобретает черты полномочного представительного органа народа в отношениях с властями республики и за ее пределами. А сам муфтий (не без помощи властей) из духовного главы мусульман Крыма превращается в национального лидера крымских татар»²⁷¹.

Функциональное значение ДУМК и Меджлиса также претерпело изменения. В ситуации преследования лидеров и активистов Меджлиса, многие функции стали неформальным образом переходить к Духовному управлению мусульман Крыма. К ним относятся:

---

²⁷¹ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 164.

- Решение вопросов, связанных с освобождением крымских татар из-под ареста;
- Некоторые вопросы социально-экономического обустройства крымскотатарских репатриантов.

Изменения произошли не только во взаимоотношениях данных структур, но в отношении крымскотатарского населения к ДУМК. В этническом сообществе возникли три группы настроений в отношении Духовного управления мусульман республики:

- 1) Крымские татары, быстро адаптированные к новым политическим реалиям и потому поддерживающие диалог Муфтията с властями, контролирующими регион.
- 2) Крымские татары, в представлении которых Муфтият – их единственный оставшийся влиятельный орган, выражающий и представляющий интересы народа.
- 3) Крымские татары, в представлении которых только Меджлис крымскотатарского народа остается представительным органом народа.

Последняя группа категорически не признает новую политическую реальность, установившуюся в республике с 2014 года. В их политическом сознании Муфтият делегитимировал себя связями с контролирующими территорию властями.

По справедливому замечанию Э. С. Муратовой, «с одной стороны, это дает лидерам Муфтията ощущение своей возросшей значимости, а с другой – ставит их перед необходимостью принятия нелегких решений, особенно политического характера, которые не всегда находят массовую поддержку среди крымских татар»²⁷².

Политическая маргинализация Меджлиса крымскотатарского народа властями, контролирующими полуостров Крым, привела к необходимости

---

²⁷² Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 165.

формирования альтернативного данной структуре и при этом авторитетного, т.е. имеющего историю развития и поддержку значительных масс, органа власти крымских татар, с которым можно было бы проводить коммуникации. Таковым контрагентом новых властей стало Духовное управление мусульман Крыма, между которыми произошло сближение. Само же сближение не было одномоментным, а стало результатом воздействия нескольких факторов:

Фактор 1. Политическое давление и «принуждение к диалогу». Сущность данного фактора заключалась в осуществлении систематического давления на подконтрольные Муфтияту мечети и медресе, что выражалось в проведении значительного числа обысков со стороны правоохранительных структур в мечетях и медресе для изъятия запрещенной религиозной литературы²⁷³. Помимо этого объекты, подконтрольные Духовному управлению мусульман, стали подвергаться регулярным тщательным проверкам со стороны ряда служб – пожарной, санитарно-эпидемиологической службы, Министерства образования Республики Крым и др.

Фактор 2. Создание параллельных муфтиятов. Данный фактор можно отнести и к первому фактору, связанному с принуждением к диалогу в форме давления на ДУМК. Возникновение «Таврического муфтията», деятельность которого была направлена на изобличение ДУМК, сопровождалось обвинениями в адрес ДУМК за связи с проукраинским Меджлисом и поддержку исламских радикалов²⁷⁴. Мы считаем, что данный фактор свидетельствует о том, что власти, установившие фактический контроль над Крымом, разрабатывали план политической маргинализации и ДУМК, вслед за Меджлисом, в случае безуспешности принуждения его к диалогу.

Фактор 3. Посредническая роль Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР, а с сентября 2014 г. – Духовное

²⁷³ Следует отметить, не вдаваясь в религиозно-богословские тонкости, что многочисленная литература, признаваемая в РФ запрещенной решениями судов, в Украине таковой не признавалась. То же самое относится и к некоторым религиозным исламским группам, функционирование которых было легальным согласно законодательству Украины.

²⁷⁴ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 166.

управление мусульман Российской Федерации – ДУМ РФ). Муфтий Равиль Гайнутдин, возглавляющий один из ведущих российских муфтиятов, выступил посредником между ДУМ Крыма и новыми фактическими властями полуострова. Данное посредничество стало эффективным не только в процессе установления коммуникации между крымским муфтием и властями, контролирующими полуостров, но и в деле уменьшения репрессивного давления на крымскотатарское население, не признающее статус-кво. Как указывает Э. С. Муратова: «И хотя обыски и допросы мусульман в последующие месяцы продолжали иметь место, произошла перезагрузка в отношениях ДУМК и властей»²⁷⁵. Сюда следует отнести и факты бесследного исчезновения лиц крымскотатарской национальности в Крыму, которые признал даже глава Крыма С. Аксенов, заявив, однако, что они не носят массовый характер²⁷⁶.

Фактор 4. Роль политиков крымскотатарской национальности в системе новых фактических властей. Вице-спикеры правительства республики Р. Ильясов, Р. Бальбек, а также глава Государственного комитета по делам национальностей и депортированных граждан З. Смирнов способствовали укреплению отношений между ДУМК и властями, установившими контроль над полуостровом. Им также принадлежит функция лоббирования в правительстве республики вопросов хаджа, строительства Соборной мечети, объявления мусульманских религиозных праздников выходными днями в республике и др.²⁷⁷

Фактор 5. Опора контролирующих полуостров властей на «традиционный ислам», являющейся идейной платформой ДУМК. В период контроля Крыма властями Украины Муфтием предпринимались безуспешные попытки заручиться поддержкой государства в монополизации духовной власти над

²⁷⁵ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 166.

²⁷⁶ Глава Крыма признал факты исчезновения крымских татар на полуострове. URL: <http://www.interfax.ru/russia/402161> (Дата обращения: 14.02.2018).

²⁷⁷ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 166.

мусульманским населением. Однозначная поддержка же «традиционного ислама» властями, установившими контроль на полуострове, стала фактором сближения позиций с ДУМК и инструментом привлечения его на свою сторону, посредством монополизации последним влияния в мусульманском сообществе Крыма.

Имевшие влияние на этнорелигиозные процессы в Крыму остальные акторы, также претерпели изменения в своей деятельности и функциональных возможностях на процессы в крымскотатарском сообществе. Ранее нами к таковым акторам были отнесены запрещенная на территории РФ политическая партия «Хизб ут-Тахрир», а также сторонники исламского религиозного течения салафизма. Их нелегальный статус, определенный властями Российской Федерации, обусловил сворачивание их активной деятельности с последующей вынужденной эмиграцией (в большей степени на материковую часть Украины) лидеров и активных членов данных структур. Имеющая общеукраинский масштаб организация «Альраид» также претерпела изменения в Крыму. Крымское отделение было перерегистрировано, финансирование сократилось, сфера функционирования сузилась. Степень взаимодействия с Духовным управлением мусульман Крыма уменьшилась, что может быть объяснено возможным сохранением коммуникационных связей организации с Меджлисом крымскотатарского народа. Следует также отметить важную роль организации «Альраид» в мусульманском религиозном образовании. Многие аффилированные с «Альраидом» образовательные учреждения не прошли процесс лицензирования у властей, получивших контроль над полуостровом. Это привело к сокращению учебных заведений, а также к массовому отъезду турецких преподавателей, работавших в них²⁷⁸. Вместе с тем в новых политико-правовых условиях Крыма предпринимается попытка создания новой системы высшего мусульманского религиозного образования посредством учреждения

---

²⁷⁸ Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 169.

подконтрольного Духовному управлению мусульман Крыма Исламского университета.

Данные факты позволяют нам сделать вывод о целенаправленном давлении новых властей республики на независимые центры силы в этнорелигиозной сфере. Подводя итог анализу расстановки сил в религиозно-политической структуре крымскотатарского этнополитического процесса можно сказать, что события 2014 г., связанные с фактической утратой Украиной контроля над Крымом, оказали существенное влияние на расположение религиозных акторов полуострова, изменили структуру и характер взаимоотношений ключевых сил, определяющих этнорелигиозное состояние крымскотатарского и, шире, мусульманского сообщества Крыма. Характер политики властей, установивших контроль над полуостровом, свидетельствует о стремлении подчинить себе независимые центры влияния на крымскотатарское население республики. В качестве одной из целей этого стремления к подчинению мы рассматриваем нивелирование потенциальных угроз общественно-политическому состоянию региона в новых политико-правовых условиях. Методологией такого нивелирования является создание альтернативных (подконтрольных нынешним властям) органов управления крымскотатарским этносообществом, в том числе и в религиозной сфере.

Стратегия новых властей, установивших контроль над Крымом, заключается в подчинении себе независимых центров влияния на крымскотатарское сообщество не только в религиозной сфере, но и в сфере светской. И, как уже было сказано, нивелирование потенциальных угроз общественно-политическому состоянию региона в новых политико-правовых условиях стало целью данной стратегии. Методология управления в религиозной сфере крымскотатарского этносообщества совпадает и в сугубо светской сфере. Мы считаем, что цепочку событий, связанных с управлением этнорелигиозными процессами в крымскотатарском сообществе с 2014 г., следует рассматривать в неразрывной связи с общими событиями этнополитического характера в данном сообществе. Исследование

взаимосвязей между основными событиями в крымскотатарском сообществе с 2014 года, объяснение логики и выявление научных закономерностей в природе их возникновения и протекания, составляет предмет этнополитического исследования данной этнической группы.

В апреле 2016 года Министерство юстиции РФ внесло Меджлис крымскотатарского народа в перечень объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности²⁷⁹.

Меджлис крымскотатарского народа выразил с этим несогласие. Аргументация строилась на том, что Меджлис является не общественной организацией или объединением, а представительным органом коренного народа, а, значит, действует в интересах всего крымскотатарского народа, а не только своих членов. Данная позиция представляется обоснованной в силу того, что согласно уставным документам Меджлис не является общественной организацией, а является представительным-исполнительным органом народа, учрежденным национальным съездом – Курултаем, как высшим представительным полномочным органом крымскотатарского народа, формируемым на выборной основе. Одним из проявлений экстремистской деятельности, по мнению Верховного суда Крыма, стала блокада Крыма. Как заявил председатель Меджлиса Р. Чубаров, «это была инициатива нескольких человек, в том числе и главы меджлиса, но это не имеет отношения к самому Меджлису»²⁸⁰. Таким образом, решение о блокаде полуострова было частным, а не всего представительного органа крымских татар, основанного на коллегиальном подходе. В сентябре 2016 года Верховный суд Российской Федерации, рассмотрев апелляционную жалобу, окончательно признал Меджлис экстремистской организацией, подтвердив решение Верховного суда

---

²⁷⁹ Общественное объединение «Меджлис крымскотатарского народа» включено в перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности. Минюст России. 18 апреля 2016 г.

²⁸⁰ Сафаров А. Крым после аннексии РФ: кому мешает меджлис крымских татар? «Deutsche Welle», 19.02.2016.

Крыма от 26 апреля 2016 г. Верховный суд РФ также определил, что Меджлис является общественным объединением²⁸¹.

Современный облик крымскотатарских этнокультурных организаций, выступающих в качестве акторов этнополитического процесса, составляют порядка 30 общественных объединений и организаций:

- Межрегиональное крымскотатарское общественное движение «Къырым бирлиги»;
- Региональная общественная организация «Старейшины крымскотатарского народа “Намус”»;
- Региональная общественная организация «Комитет крымскотатарской молодежи»;
- Местные национально-культурные автономии крымских татар гг. Симферополь, Судак;
- Крымская межрегиональная общественная организация восстановления национальной целостности, равноправия, прав и состояний крымскотатарского народа «Национальное движение крымских татар»;
- Республиканская общественная организация крымских татар-ветеранов и инвалидов войны, труда и военной службы;
- Ассоциация крымскотатарских предпринимателей и др.

Также на территории Крыма функционируют Крымскотатарская библиотека имени Исмаила Гаспринского, Крымскотатарский академический музыкально-драматический театр, Крымскотатарский музей искусств, Культурно-этнографические центры крымских татар «Коккоз» и «Одун-базар къапусы».

Среди мер, предпринимаемых Российской Федерацией по развитию крымскотатарской культуры, следует отметить установление крымскотатарского языка государственным, наряду с русским и украинским языками, а также принятие местного закона «О праздниках и памятных датах в Республике Крым», который устанавливает официальные праздники и

---

²⁸¹ Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации №127-АПГ16-4 от 29 сентября 2016 г.

памятные даты в республике, регулирует вопросы объявления и организации проведения религиозных и национальных праздников. Однако, по мнению украинского политолога Н. Белицер, официальное признание крымскотатарского языка одним из трех государственных не привело к распространению его потребления в публичной и общественной жизни, а наоборот, привело к сужению сфер его использования.²⁸²

Как сказал непосредственный участник событий 2014 г. первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (с сентября – Духовного управления мусульман Российской Федерации) Д. В. Мухетдинов, «Крымскотатарский вопрос в 2014 году был не только и не столько регионального, сколько федерального и даже мирового масштаба, так как за его разрешением пристально следили в мусульманских республиках постсоветского пространства, в Турции, с которой Россию связывает стратегическое партнерство, в исламском мире»²⁸³.

Угроза возникновения межрелигиозного конфликта в Крыму, обсуждение которой было частым явлением в российском политическом дискурсе в период украинского внутривосточного кризиса, была преувеличенной. «В ежедневном формате звучали предостережения об исламской угрозе, нередко подразумевающие, что исламское мировоззрение и его носители являются историческими врагами России и угрозой для Российского государства. Эксперты еще до 2014 года характеризовали Крым как территорию, где высока вероятность возникновения межэтнических и межрелигиозных конфликтов. К факторам, детерминирующим повышение конфликтного уровня в Крыму, относят резко меняющуюся с начала 1990-х годов этнодемографическую карту полуострова, что было связано в значительной степени с началом массовой репатриации крымских татар и других крымских народов в места своего исхода

²⁸² Белицер Н. Крымські татари як корінний народ. – К.: ДП «Національне газетно-журнальне видавництво», 2017. – С. – 99. Оригинальный текст: «"Офіційне" визнання кримськотатарської мови однією з трьох державних мов на території т. зв. "Республіки Крим" не призвело до поширення її вжитку в публічному та громадському житті; навпаки, сфери її використання звужуються...»

²⁸³ Исторический год для мусульман Крыма. Крымские татары в составе России глазами мусульман мира: 2014 / сост. Д. Мухетдинов, Д. Ахметова. – М.: Издательский дом «Медина», 2016. – С. 8.

в 1944 году. Резкое увеличение численности населения при непоследовательности либо половинчатости государственных мер по всесторонней реабилитации репатриантов, вызывали ряд социально-экономических, политико-правовых, психологических и иных проблем в крымском обществе. Перманентно возникали споры вокруг земли, принадлежащей до выселения репатриантам, конфликты вокруг культовых объектов, а также символическая демаркация территории в виде установления религиозных символов в публичных местах. Все вышеперечисленное самым непосредственным образом способствовало формированию у крымскотатарских репатриантов устойчивого ощущения неудовлетворенности, что в свою очередь негативно сказывалось на общей межэтнической обстановке в республике. Некоторые пессимистично настроенные эксперты предрекали Крыму судьбу Косово, где факторы и динамика этнорелигиозных противоречий были схожи. Однако, как отмечает крупный крымский исследователь межэтнических и межрелигиозных процессов Э. С. Муратова, «в Крыму за два десятилетия были выработаны механизмы, способствовавшие преодолению кризисов и гармонизации отношений»²⁸⁴. События весны 2014 года стали серьезным испытанием на прочность этих механизмов. Они актуализировали исторические обиды, вызвали к жизни чувства реваншизма и пораженчества, сформировали принципиально иной контекст протекания многих процессов в Крыму²⁸⁵.

Для представления влияния событий 2014 года на основные ценностные ориентации крымских татар могут быть полезными данные фокус-группового исследования «Ценности и потребности крымских татар»²⁸⁶, согласно которым важным изменением внутри крымскотатарского народа стал рост

---

²⁸⁴ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Фокус-групповое исследование «Ценности и потребности крымских татар» было проведено Э. Муратовой, А. Апселямовой, Л. Дюльберовой в январе 2017 г. среди крымских татар гг. Симферополя, Бахчисарая, Феодосии, Судака и п.г.т. Советского. В каждом населенном пункте состоялось по две фокус-группы. Каждая группа формировалась с учетом представленности разных возрастных, гендерных, социальных категорий (студенты/пенсионеры, работники бюджетной сферы/бизнес). Исследование включало в себя и интервью с руководителями крымскотатарских образовательных, общественных и религиозных организаций.

внутригрупповой солидарности и сплоченности. Представленные данные свидетельствуют о существенных этнопсихологических изменениях, выраженных в снижении уровня самооценки крымских татар и с ощущением себя «народом третьего сорта» или «народом-изгоем»:

«Во время последних событий, которые произошли 3-4 года назад, кажется, сплоченность крымских татар возросла. Причиной этому стало, скорее всего, как я вижу, то событие, что нас заставили здесь почувствовать себя народом-изгоем» (муж., 30 лет, п.г.т. Советский).

«...к нам уже начали так относиться, что да, это же вот крымские татары, ну они же здесь которые выросли. И все это резко обрушилось. Опять нас стали считать вторым, третьим сортом, ну мне так кажется, по крайней мере» (муж., 31 год, г. Симферополь)²⁸⁷.

Групповая сплоченность среди крымских татар активно проявилась в годы их депортации, что объясняется затрудненностью решать вопросы самосохранения индивидуально, однако, как отмечают респонденты данного фокус-группового исследования, в постсоветский период степень этнической консолидации внутри этнической группы снизилась²⁸⁸. События 2014 года, связанные с трансформации политико-правового положения Крыма и трактуемые респондентами как «внешняя угроза»²⁸⁹, вновь консолидировали крымскотатарское этносообщество.

Другим качественным изменением в этнополитическом состоянии жителей Крыма стало усиление поляризации в крымском обществе по линии этноконфессионального разделения, что проявляется наряду с ростом внутригрупповой сплоченности крымских татар. «Накал страстей в 2014 году, сопровождавшийся ростом политической активности этнических групп, стал серьезным испытанием на прочность складывавшихся на протяжении двух десятков лет правил общежития в Крыму. И хотя масштабных конфликтов

---

²⁸⁷ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

избежать удалось, межэтнические отношения все же подверглись существенному деструктивному воздействию. Его наглядным выражением стало повышение уровня бытовой ксенофобии. Было несколько десятков случаев краж и разбоя в мечетях, вандализма над памятными знаками жертвам депортации, конфликтов из-за использования крымскотатарского языка в этнически смешанном рабочем коллективе и др.»²⁹⁰ Немаловажным показателем, характеризующим межэтническое и межрелигиозное состояние общества, является феномен этнически и/или религиозно смешанных браков. Браки, заключенные между супругами, один из которых был этническим украинцем, а другой – этническим русским, не относят к категории межэтнических. А браки, заключенные между супругами, один из которых – крымский татарин, а другой – либо русский, либо украинец, относят к таковой, в силу наличия религиозного разделения. Согласно некоторым оценкам, каждый третий-четвертый брак, заключенный на полуострове до 2014 года, был смешанным (славяно-крымскотатарским), однако в последние годы, по субъективным оценкам, число межэтнических браков снизилось, что может свидетельствовать о росте дистанции между этническими группами²⁹¹. Оценки респондентов проведенного фокус-группового исследования могут свидетельствовать и о том, что существует стойкое неприятие крымскими татарами феномена межэтнических браков, представляемых последними в качестве угрозы сохранения этнической идентичности и ассимиляции:

«Мне кажется, в первую очередь для того, чтобы сохранился народ, надо выходить замуж и жениться только на своей национальности, на крымских татарах» (жен., 20 лет, г. Бахчисарай).

«К смешанным бракам отношусь отрицательно, конечно. Мы, конечно, татары – интернационалисты, мы очень уважаем все народы и народности. Я уважаю все народы, но в чем минус этих браков? Там очень молодые люди, когда создают семьи, они о последствиях не задумываются. Потом появляются

---

²⁹⁰ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

²⁹¹ Там же.

дети, появляется много разногласий, хочешь ты этого или не хочешь. И на этой почве не складываются отношения» (жен., 65 лет, п.г.т. Советский).

«В моем понимании, семья – это когда на своих женятся, именно крымскотатарскую девушку берут, крымскотатарское воспитание дают. Я сказала: “Сынок, если ты возьмешь невесту из другой национальности, я просто умру как мать”. Не то чтобы я совершу суицид, просто перестану считать себя крымскотатарской матерью» (жен., 54 года, г. Судак)²⁹².

Проведенное в 2017 году учеными Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского фокус-групповое исследование ценностных установок крымскотатарского сообщества Крыма выявило ряд основных проблем этнокультурного измерения крымскотатарского населения. К ним относятся:

1) Проблема низкого распространения родного языка, особенно в среде молодежи:

«...молодежь не знает крымскотатарского языка, даже самых элементарных слов. Они понимают, но свободно разговаривать не могут. Старшее поколение считает, что в дальнейшем они позабудут свой родной язык» (жен., 20 лет, г. Симферополь).

2) Проблема декларативности характера государственной поддержки крымскотатарского языка в Крыму, отсутствие реальных государственных мер:

«...вроде в конституции написано три государственных языка – украинский, русский и крымскотатарский. На самом деле мы не изучаем их, в школе еще как-то было организовано, но и то, честно говоря, с трудом» (муж., 20 лет, г. Бахчисарай).

«Допустим у нас по конституции и крымскотатарский язык, и украинский – государственные, а на самом деле этого нет. Ни уроков нет, ни занятий. Ничего нет» (муж., 60 лет, г. Бахчисарай).

---

²⁹² Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

3) Проблема соблюдения прав и свобод крымскотатарских жителей Крыма. Сюда относится свобода слова, свобода политических собраний, свобода передвижения и др.:

«Нет, так скажем, свободы слова, свободы мысли, организовать митинг невозможно. Даже, к примеру, возьмем крымских татар, 18 мая. Сейчас этот день запретили проводить как траурный день. Я думаю вот это вот проблема для народа» (жен., 28 лет, г. Бахчисарай).

«Сейчас этого нет, все боятся говорить. Я свободно ходила на все митинги, я свободно ходила на все праздники, я свободно общалась на своем языке. Сейчас этого нет, я не могу ни плакать, ни смеяться по своему хотению. Это ущемление прав человека. Я не могу в суде судиться за что-то, потому что я знаю, что я никогда не выиграю этот суд. Я недавно была в двух судах. Игнорирование нас как нации, нас хотят уничтожить» (жен., 65 лет, г. Судак).

4) Отсутствие уверенности «в завтрашнем дне», отсутствие возможности планировать жизнь на среднесрочную и долгосрочную перспективу:

«Веры нет, уверенности, так сказать, в завтрашнем дне. Среди крымских татар, но и уже среди других потихонечку набираются обороты. Просто у них сознание еще до этого не дошло... Мы так не жили давно, даже после депортации. Мы жили надеждой возврата в Крым, и времена были относительно безопасны для каждой семьи в плане бытовом, а сейчас нет никакой уверенности в завтрашнем дне» (жен., 50 лет, г. Бахчисарай).

«Мы боимся за своих детей, молодежь всегда была у нас неординарная, у нее свое мнение. Когда они уходят из дома вечером, ты за них переживаешь – вернется ли он домой, куда пойдет? “Сейяр, много не разговаривай, Сейяр, много не говори”. Мы отдергиваем детей. Вот это вот беспокоит на сегодняшний день очень сильно, потому что мы боимся за своих детей» (жен., 40 лет, п.г.т. Советский).

5) Проблема неудовлетворительного состояния социальной инфраструктуры, отсутствие необходимого для проживания минимума

инфраструктуры (дорог, канализации, водоснабжения, электрификации, детских садов, школ, поликлиник и т.д.):

«Проблемы инфраструктуры. Если это не очень актуально для микрорайонов возле Симферополя, то для глубинок совсем наоборот. Это та проблема, с которой люди сталкиваются каждый день. Вопрос нехватки детских садов и школ также стоит остро» (жен., 28 лет, г. Симферополь).

«Основные проблемы – это обустройство... У нас в поселке, вроде, мы захватами взяли эти земли, добились, чтобы их оформили. Но, вы знаете, у нас нет дорог, толком нет воды в поселке, нет канализации. Рядом есть русские “захваты”, на 15 лет позже нас они захватили их. У них и свет есть, и газ есть, и канализация, все у них есть. А у нас нет» (муж., 65 лет, г. Судак)²⁹³.

В качестве еще одной проблемы, остро волнующей крымскотатарское сообщество Крыма и негативным образом влияющей на межэтническое состояние крымского общества, можно обозначить распространенную практику установки поклонных крестов при въезде в некоторые населенные пункты. В 2000-е гг. данное явление выступало фактором постоянной напряженности между мусульманским и православным населением полуострова. С момента фактической утраты Украиной контроля над Крымом данный процесс вновь активизировался. Как указывает Э. С. Муратова, поклонные кресты «как и прежде, устанавливаются практически без согласования с общественностью. Это вызывает недовольство крымских татар, усиливает их пораженческие настроения и ощущения “народа третьего сорта”»²⁹⁴.

Проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения репрезентативный опрос крымских татар, а также качественные исследования, проведенные им же совместно с Институтом социологии РАН осенью 2015 г.²⁹⁵, выявили основные параметры структуры идентичностей крымскотатарского

---

²⁹³ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Качественные исследования крымскотатарского этносообщества Крыма, проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения и Институтом социологии РАН осенью 2015 г. включали в себя 16 фокус-групп, 29 экспертных и биографических интервью.

этносообщества, определив, как события, произошедшие на полуострове Крым в 2014 г., повлияли на гражданскую, региональную, этническую и конфессиональную идентичность крымских татар. Гражданская идентичность крымскотатарского населения Крыма была связана с украинской государственностью. Это объяснялось как прагматическими соображениями, так и идеологическими и эмоциональными мотивами. Прагматические соображения включали в себя следующие составляющие:

- К началу 2014 года крымские татары имели определенное место в экономике, политике и элитах Крыма.
- Внешнеполитический вектор Украины, связанный с европейской интеграцией, устраивал многих крымских татар.

К идеологическим и психологическим мотивам можно отнести тот факт, что массовая репатриация крымскотатарской этнической группы в Крым происходила значительной частью в период независимости Украинского государства. Это влияло на восприятие Украины крымскими татарами, как государством, принявшим их. По мнению В. И. Мукомеля и С. Р. Хайкина, «при всех проблемах возвращения, многие из которых оставались нерешенными вплоть до 2014 г. ... при всем скептицизме к “унитарному” вектору развития Украины и настороженности к процессу украинизации (который, правда, был наименее заметен в Крыму), - крымские татары отдают должное стране, вернувшей им Родину. Стране, в становлении государственности которой они принимали самое активное участие»²⁹⁶.

Эксперты обращают внимание на существование двойной лояльности крымских татар: формальная лояльность связывается с Россией, а реальная – идеологически-эмоциональная – с Украиной:

«Крымские татары, по крайней мере, их большинство, проживает сегодня в ситуации двойной лояльности. То есть формальной лояльности российскому государству (это оформление гражданства, каких-то документов, подчинение

---

²⁹⁶ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133).

законодательству, каким-то житейским вопросам). И в то же время, это политическая какая-то, некая идеологическая лояльность украинскому государству. Она продолжается при сохранении фактических гражданских связей [с Украиной]» (эксперт, общественник).

«Можно паспорт дать, но стану ли я от этого чувствовать себя гражданкой другого государства? Не стану. Для этого должны быть какие-то другие механизмы» (эксперт, общественник)²⁹⁷.

Неприятие российской гражданской идентичности и ее сопротивление на уровне ощущений крымскими татарами можно объяснить следующими факторами:

- Недостаточный срок для восприятия российской социокультурной специфики.
- Отсутствие, по мнению опрошенных крымских татар, процедур учета их мнений и механизмов согласования их интересов с интересами иных этнических групп Крыма.
- Критическая позиция международного сообщества к событиям 2014 года, что продуцирует в крымских татарах ощущение временности происходящих политических сдвигов на полуострове.
- Отсутствие механизмов эффективного сопротивления происходящим процессам.

Приведем данные из репрезентативного исследования трансформации идентичностей крымскотатарской этнической группы, проведенного ВЦИОМ в 2015 году:

«Нет, я не чувствую себя россиянином... Надо привыкнуть к этой стране. Мы еще за полтора года не привыкли. Может быть, наши дети будут чувствовать это».

---

²⁹⁷ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133).

«Сейчас без нас как бы женили [без спросу], если говорить открыто, поэтому я, например, себя не чувствую ни полноценным крымчанином, ни, тем более, россиянином. Потому что Россией здесь как таковой, еще и не пахнет».

«Когда мировое сообщество... в том числе и Украина... решат, что, действительно, Крым должен быть российским, вот тогда крымчане смогут себя считать россиянами. Но пока этот вопрос не решен на мировом уровне, понимаете?»²⁹⁸

Что касается региональной и этнической идентичности крымских татар, то здесь стоит иметь в виду, что для многих крымских татар данные идентичности – практически монолитны. Это объясняется тем фактом, что в названии данной этнической группы существует географическая привязка. Есть два наиболее распространенных варианта самоназвания крымских татар: «крымтатары» (по-кр.тат. - «qirimtatarlar») и «крымцы» (по-кр.тат. «qirimlar»). При этом, если для остальных этнических групп Крыма характерна внеэтническая интерпретация понятия «крымчанин», то для крымских татар оно не принимается без этнической привязки.

Согласно проведенным ВЦИОМ исследованиям трансформации идентичностей крымских татар, тема возвращения домой, на Родину, постоянно всплывала в биографических интервью, которые были исполнены глубокой рефлексией по Родине. Респонденты, пережившие депортацию, подчеркивали, что они никогда не расставались с ощущением того, что рано или поздно они смогут вернуться домой:

«Нас воспитывали в наших семьях, что ты – татарин. Мы маленькие были, нам уже говорили родители, что мы родились в Крыму. Крым – это наша Родина. И что мы обязательно сюда вернемся... Мы вернулись, и подумали “мы у себя на Родине”. Там [в Узбекистане] мы были временно, все равно это не наше было» (биографическое интервью, Гульнара).

---

²⁹⁸ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133).

«Мы же на Родине сегодня? Мы уже 30 лет на Родине живем. Там под узбекским флагом жили, но все время думали. Садись за стол чай пить, кофе пить, родители только говорили о Крыме все время. Понимаете, все время. Они говорили: “вот Крым – наша Родина”. (эксперт, имам мечети).

«Сколько у нас высылков было, война, все-все... Но оттуда, куда нас выселяли (в Сибирь, в Узбекистан), мы вернулись к себе на Родину. И мы отсюда не уедем никуда. Многие не понимают этого. Многие не понимают, что такое Родина, а мы это хорошо понимаем, хорошо знаем!» (представитель молодежи, г. Симферополь)²⁹⁹.

Относительно конфессиональной идентичности крымских татар, выявившейся все тем же репрезентативным исследованием ВЦИОМ, проведенным в 2015 г., можно констатировать следующее. Большинство опрошенных заявило, что они - мусульмане (84%). Муфтий был назван в числе самых авторитетных общественных деятелей. Среди религиозных обрядов и ритуалов ислама крымские татары в большей степени делают пожертвования (95%, в т.ч. 35% заявили о том, что они делают их регулярно), держат пост во время рамадана (69%, в т.ч. 15% - регулярно), реже – молятся по пятницам в мечети (54%, в т.ч. регулярно – 7%), совершают намаз (44%, в т.ч. регулярно – 6%). При этом только 2% заявили о том, что они молятся пять раз в день, в пятницу молятся в мечети, соблюдают пост в рамадан и подают милостыню, являясь тем самым соблюдающими важнейшие исламские религиозные каноны³⁰⁰.

Таким образом, крымскотатарское этносообщество является скорее декларативно религиозным, что выражается в достаточно низкой доле соблюдающих важнейшие религиозные обряды крымских татар от не соблюдающих, а также от крымских татар, придерживающихся иных конфессиональных взглядов или не придерживающихся никаких. При этом, как

---

²⁹⁹ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133).

³⁰⁰ Там же.

указывает Э. С. Муратова, для крымских татар «ислам – это неотъемлемая часть культуры, более того, это ее основа, стержень»³⁰¹.

Анализируя исламский фактор в системе ценностей крымскотатарского этносообщества, важным является исследование не только положения религии в данной системе, но и соотношения религиозного и этнического начал в крымскотатарской культуре. Крымскотатарский этнополитический процесс на современном этапе, проистекающий с момента массовой репатриации крымских татар из мест депортации, характеризуется усилением позиции религиозной идентичности в структуре идентичностей крымских татар. Это находит выражение в росте числа мечетей в Крыму, а также доли людей, соблюдающих религиозные каноны. В этой связи крымскотатарский кейс имеет схожие черты с мусульманским населением постсоветского периода России, характеризующийся ревитализацией этнических и религиозных традиций. Отличие крымскотатарского кейса заключается в том, что данный процесс у крымских татар в немалой степени обусловлен жизненной необходимостью обращения представителей крымскотатарской этнической группы к своим традициям. Как справедливо отмечает в этой связи Э. С. Муратова, «актуализированные в те годы ценности выживания (связанные с репатриацией, необходимостью начать все “с нуля”, распадом СССР и др.) обусловили поворот секуляризированных прежде категорий людей к традиционным ценностям, среди которых религия стала играть одну из ключевых ролей. Вопрос выживания/самосохранения народа на своей исторической родине сохранял свою актуальность на всем протяжении украинского периода истории Крыма»³⁰².

Общей для всех мусульманских народов постсоветского пространства стала динамика повышения исламизированности молодежи. «Для молодежи,

---

³⁰¹ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

³⁰² Там же. – С. 137.

родившейся накануне или после репатриации, ислам также стал одним из важнейших ценностных ориентиров»³⁰³.

Как следует из фокус-группового исследования, проведенного учеными Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в 2017 году, ревитализация духовного наследия, фиксируемая на современном этапе, рассматривается самим крымскотатарским сообществом как благоприятный процесс:

«Молодежь сейчас, я удивлен, в джами ходит. Мечети наши наполнились. Молодежь очень сплотилась, и, по-моему, все хорошо сейчас у нас насчет религии» (муж., 57 лет, п.г.т. Советский).

«25 лет назад два-три человека ходили в мечети, а сейчас все мечети полные. И это говорит о том, что народ все-таки спланивается, и в основном в лице молодежи. Каждую пятницу более 200 человек приходит в нашу мечеть и 95% из них – это молодежь» (муж., 65 лет, г. Судак).

«Положительная тенденция, что молодежь начала тянуться к религии, и, если знание религии будет все больше доходить до молодых, тогда мы, наверное, будем и нравственно повышать себя. Потому что в исламе все чисто, все честно, и он ведет только к процветанию и толерантному отношению к другим национальностям» (муж., 57 лет, п.г.т. Советский)³⁰⁴.

Что касается уровня религиозности крымских татар после событий 2014 г., то вопреки некоторым гипотезам, всплеска религиозности, выражающегося в увеличении числа практикующих мусульман, не произошло. Изменения в уровне религиозности крымских татар если и имели место, то носили кратковременный, эпизодический характер. Они были реакцией на резко меняющуюся политическую обстановку в Крыму, сопровождавшуюся обилием страхов, реальных и мнимых угроз. Обращение к религии было попыткой обрести «почву под ногами», в ситуации, когда иные социальные институты ясных ответов на вопросы предложить не могли. В результате значение

---

³⁰³ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

³⁰⁴ Там же. – С. 138.

конфессиональной самоидентификации крымских татар (особенно у тех, кто недоволен существующим положением дел в Крыму) возросло, но это не повлекло за собой увеличения доли практикующих мусульман³⁰⁵.

Другим немаловажным аспектом исследования религиозных ценностей крымскотатарского этнического сообщества является наличие религиозных направлений и течений, возникших в крымскотатарской среде с начала 1990-х гг. К данным течениям эксперты относят те, что являются нетрадиционными в религиозной системе крымских татар. Как отмечает Э. С. Муратова, «в них многие видят фактор раскола народа, его отхода от унаследованных от предков традиций, а, следовательно, угрозу выживанию/самосохранению крымских татар на своей родине»³⁰⁶.

Государственная политика Российской Федерации в Крыму в области ислама после 2014 г. опиралась на следующие компоненты:

- Ужесточение законодательства в отношении деятельности ряда исламских групп и организаций.
- Закрытие исламских учебных заведений (как правило, по причине их несоответствия санитарно-эпидемиологическим и другим нормам) и изменения в правилах работы мечетей.

Судебные процессы, происходящие над представителями крымских татар, относящихся к нетрадиционным для крымскотатарской среды исламским течениям и воспринимаемые крымскими татарами как преследования, становятся фактором, способствующим сближению и внутригрупповой консолидации крымских татар. Процесс этнической консолидации и группового сплочения уменьшил внутригрупповое разделение по некоторым аспектам, что наглядно демонстрирует изменение отношения к представителям нетрадиционных для крымскотатарского общества религиозных групп. Как указывает Э. С. Муратова, «если до 2014 года их присутствие воспринималось большинством крымских татар как угроза целостности народа, ведущая к его

---

³⁰⁵ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 139-140.

³⁰⁶ Там же. – С. 139.

ассимиляции, то в последние несколько лет отношение стало меняться. Доминирующим становится дискурс - “это наши люди”, “они тоже часть крымскотатарского народа”»³⁰⁷. Речь идет об уголовных преследованиях лиц крымскотатарской национальности, которые принадлежат к определенным исламским религиозным группам, в частности, к запрещенной Верховным судом Российской Федерации организации «Хизб ут-Тахрир». Давление на них, согласно данным фокус-группового исследования, воспринимается многими крымскотатарскими респондентами как давление, осуществляемое по этническому (и одновременно политическому) признаку, а потому вызывает отчуждение и недовольство:

«Вряд ли кто-либо думает, что их течение правильное, просто сидящее в нас неистребимое чувство справедливости всегда дает о себе знать. На самом деле, они сидят совершенно ни за что, даже если у них какие-то идеи, которые не совсем нам нравятся. Во всяком случае, они ничего не сделали, никогда никого не убили, никаких терактов не совершили» (жен., 65 лет, г. Бахчисарай).

«За эти три года, наверное, единственное что изменилось – это отношение к этой проблеме. То есть это всегда было для нас проблемой, эти религиозные течения, очень много проблем создавали и провоцировали регресс, а не прогресс. А сейчас у нас что-то изменилось, мы стали относиться к ним с сочувствием. Это наши люди, наш народ. Мы живем с ними рядом, мы соседи. У нас появилось сочувствие к ним» (жен., 50 лет, г. Бахчисарай)³⁰⁸.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы, относительно трансформации структуры идентичностей крымскотатарского этносообщества после перехода Крыма под фактическое управление РФ:

- Структура идентичностей крымскотатарского населения Крыма, состоящая из этнической, конфессиональной, региональной и гражданской идентичностей, испытала существенное влияние со стороны политических процессов, стремительно проистекавших в рассматриваемый нами период.

---

³⁰⁷ Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.

³⁰⁸ Там же.

- На более высокое положение в структуре идентичностей крымскотатарского населения вышла конфессиональная идентичность.

- Региональная идентичность крымских татар неразрывно связана с этнической идентичностью, что может быть объяснено тесной исторической связью территории полуострова Крыма с крымскотатарским этногенезом.

- Гражданская идентичность крымских татар имеет амбивалентный характер: формальная лояльность связывается с Россией, а реальная – идеологически-эмоциональная – с Украиной. При этом гражданская лояльность с Украиной несоразмерно выше гражданской лояльности с Российской Федерацией.

- Этническая идентичность, как указывают В. И. Мукомель и С. Р. Хайкин, «слабо варьируется у представителей разных социально-демографических групп крымскотатарского населения, что позволяет судить о ней как о наиболее устойчивой, выступающей ядром множества идентичностей крымских татар»³⁰⁹.

Можно согласиться с утверждением ректора Московского исламского института Д. В. Мухетдинова, заявившего, что результат регионального процесса выстраивания диалога с крымскими татарами в Крыму в ближайшей перспективе будет иметь непосредственное влияние на вектор политики федерального центра в отношении мусульманских меньшинств, в том числе и на вектор государственно-конфессионального взаимодействия с мусульманством на федеральном уровне вообще и во многих субъектах Федерации в частности»³¹⁰.

Проведя анализ расстановки сил в общественно-политической и религиозной структуре крымскотатарского этнополитического процесса можно констатировать, что события 2014 г., связанные с фактической утратой Украиной контроля над Крымом, оказали существенное влияние на

³⁰⁹ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133). – С. 68.

³¹⁰ Исторический год для мусульман Крыма. Крымские татары в составе России глазами мусульман мира: 2014 / сост. Д. Мухетдинов, Д. Ахметова. – М.: Издательский дом «Медина», 2016. – С. 9.

расстановку общественно-политических и религиозных акторов полуострова, изменили структуру и характер взаимоотношений ключевых сил, определяющих этнорелигиозное состояние крымскотатарского и, шире, мусульманского сообщества Крыма. Характер политики новых республиканских властей свидетельствует о стремлении подчинить себе независимые центры влияния на крымскотатарское население республики. В качестве одной из целей этого стремления к подчинению мы рассматриваем нивелирование потенциальных угроз общественно-политическому состоянию региона в новых политико-правовых условиях. Нивелирование должно быть достигнуто путем создания альтернативных органов управления крымскотатарским этносообществом, в том числе и в религиозной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью диссертационного исследования явилось проведение анализа крымскотатарского этнополитического процесса в условиях включения Крыма в состав Российской Федерации. Для ее достижения были решены следующие задачи:

- Проведен анализ теоретико-методологических основ исследования крымскотатарского этнополитического процесса.
- Исследованы политико-правовые и социокультурные институты традиционного крымскотатарского общества, включая их взаимосвязь с современными явлениями этнополитической жизни.
- Выявлены особенности крымскотатарского этнополитического процесса.
- Изучена этнополитическая мобилизация крымскотатарской этнической группы в период становления национального движения после 1944 года, период нахождения в составе Украинского государства, а также в процессе включения Крыма в состав Российской Федерации.
- Проанализированы мотивы и ценностные установки крымскотатарской этнической группы в условиях включения Крыма в состав Российской Федерации.
- Исследована структура идентичностей крымскотатарской этнической группы после событий 2014 г.

Проанализировав политизацию крымскотатарской этнической группы с эпохи СССР можно сделать следующие выводы:

- Крымскотатарское национальное движение имело размытую организационную структуру. Элементами, обеспечивающими функционирование движения, являлись инициативные группы, составляющие

собой сеть. Сетевой тип движения обеспечивал жизнеспособность в условиях авторитарного/тоталитарного политического режима.

- Отсутствие формального лидерства в движении, единого руководящего центра.

- Ядром движения стали ячейки – инициативные группы, формирующиеся по территориальному принципу: в пределах улицы, села, района, города.

- Основными формами крымскотатарского национального движения, в зависимости от этапа его развития, были петиционные кампании, массовые политические акции (демонстрации, митинги, маевки, возложения цветов к памятникам, шествия в памятные даты и т.д.), а также делегации, направляемые к органам государственной и партийной власти СССР. Низкая эффективность петиционных кампаний, начиная с 1964 г., стала приводить к спаду их интенсивности. С этого момента изменился характер петиций: с просительного до критического по отношению к национальной политике правительства СССР.

- Отсутствие изначально заданных критериев участия в движении. Членом инициативной группы крымскотатарского национального движения мог стать любой крымский татарин, желающий оказать посильную поддержку движению.

- Наличие координации внутри сети, проявляющейся в информировании нижестоящими ячейками вышестоящих. Инициативные группы крымскотатарского национального движения координировали свою деятельность через регулярно проводившиеся областные, республиканские (в УзССР) и всесоюзные совещания.

- Набор целей крымскотатарского национального движения в СССР оставался неизменным на протяжении всего периода своего существования. Он состоял из реабилитации и репатриации крымскотатарского населения в места исхода в 1944 году, а также восстановления крымскотатарской национальной государственности на полуострове Крым (в формате восстановления Крымской Автономной Советской Социалистической Республики 1921 г.).

- Изменяющаяся социальная структура крымскотатарского общества оказала влияние на характер самого крымскотатарского национального

движения. В 1960-1970 гг. произошла смена поколений активистов движения. Ресурсом этнополитической мобилизации крымских татар в этот период стало само крымскотатарское национальное движение с присущим ему набором символов («ветераны», «узники»). Возник и слой крымскотатарской интеллигенции, состоящий из лиц, получивших высшее образование и готовых транслировать историческую память остальным членам крымскотатарского сообщества.

- Усиление репрессивных мер государства по отношению к активистам крымскотатарского движения, выразившееся в существовании правовых ограничений и неправовых практик, способствовало выработке новых стратегий крымскотатарского национального движения. Одной из таких стратегий стало сращение в 1968 г. национального движения крымских татар с общесоюзным правозащитным движением в СССР. Повестка крымскотатарского национального движения инкорпорировалась в общую повестку демократического движения СССР, получив новую силу и поддержку.

- В зависимости от этапа движения менялись и его географические рамки. Сначала крымскотатарское национальное движение ограничивалось УзССР, затем - УзССР и другими республиками Центральной Азии, после список локаций движения расширился городом Москвой и полуостровом Крым.

Другими выводами, сделанными по результатам проведенного кандидатского исследования, стали:

Важным итогом событий 2014 г., связанных с фактической утратой Украиной контроля над Крымом, стал рост групповой сплоченности крымскотатарского этносообщества. Данное явление находит выражение в готовности многих членов данного этнического сообщества отодвинуть на дальний план разделявшие их прежде моменты. Наиболее показательным здесь является изменение отношения к представителям ряда исламских религиозных течений, из числа лиц крымскотатарской национальности.

Другим итогом указанных событий стало увеличение межэтнической дистанции между жителями полуострова. Деструкция в сфере межэтнических отношений выражается в росте бытовой ксенофобии, сокращении числа смешанных браков, что вызвано увеличением неприятия данного явления, а также в падении уровня доверия к другим этническим группам.

С другой стороны результатом тех событий стал рост групповой сплоченности крымскотатарского этносообщества. Процесс этнической консолидации и группового сплочения уменьшил внутригрупповое разделение по некоторым аспектам. Данное явление находит выражение в готовности многих членов указанного этнического сообщества отодвинуть на дальний план разделявшие их прежде разногласия. Наиболее показательным здесь является изменение отношения к представителям ряда исламских религиозных течений из числа лиц крымскотатарской национальности.

Несмотря на рост групповой сплоченности и этнической консолидации с 2014 г., современное положение внутри крымскотатарской этнической группы характеризуется радикальной поляризацией этнополитических акторов (организаций, движений), политико-правовые статусы которых различны, а идеологические позиции - антагонистически противоположны. В этой связи представляется крайне затруднительным выявить консолидированную позицию крымскотатарского этносообщества по вопросу его самоопределения. В этом и состоит проблема, вынесенная в заглавие настоящего исследования.

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. государством создавались условия, способствующие отбытию с полуострова населяющих его крымских татар и заселению колонистами из ряда губерний Российской империи. На протяжении последующих полутора веков произошло фактическое замещение населения Крымского полуострова, что стало частью исторической памяти крымскотатарского этносообщества и ресурсом его этнополитической мобилизации.

Проведя анализ расстановки сил в общественно-политической и религиозной структуре крымскотатарского этнополитического процесса можно

констатировать, что события 2014 г., связанные с фактической утратой Украиной контроля над Крымом, оказали существенное влияние на расстановку общественно-политических и религиозных акторов полуострова, изменили структуру и характер взаимоотношений ключевых сил, определяющих этнорелигиозное состояние крымскотатарского и, шире, мусульманского сообщества Крыма. Характер политики новых республиканских властей свидетельствует о стремлении подчинить себе независимые центры влияния на крымскотатарское (мусульманское) население республики. В качестве одной из целей этого стремления к подчинению мы рассматриваем нивелирование потенциальных угроз общественно-политическому состоянию региона в новых политико-правовых условиях. Нивелирование должно быть достигнуто путем создания альтернативных органов управления крымскотатарским этносообществом, в том числе и в религиозной сфере.

Структура идентичностей крымскотатарского населения Крыма, состоящая из этнической, конфессиональной, региональной и гражданской идентичностей, испытала существенное влияние со стороны политических процессов, стремительно протекавших в рассматриваемый нами период:

- На более высокое положение в структуре идентичностей крымскотатарского населения вышла конфессиональную идентичность.
- Региональная идентичность крымских татар неразрывно связана с этнической идентичностью, что может быть объяснено тесной исторической связью территории полуострова Крыма с крымскотатарским этногенезом.
- Гражданская идентичность крымских татар имеет амбивалентный характер: формальная лояльность связывается с Россией, а реальная – идеологически-эмоциональная – с Украиной. При этом гражданская лояльность с Украиной несоразмерно выше гражданской лояльности с Российской Федерацией.

Референдумы, как акты народного волеизъявления, стали актуальным явлением в последние годы. Целью их проведения является прямое волеизъявление граждан по одному из трех, либо по всем вместе пунктов:

- Расширение этнических и/или региональных полномочий.
- Обретение государственной независимости.
- Вхождение в состав другого государства/объединение с другим государством.

Как метко отметил в своей работе «Антропология доверия» М. Н. Губогло, «по аналогии с “парадом суверенитетов”, подготовившим на рубеже двух последних десятилетий прошлого века развал Советского Союза, сегодня в гуманитарное знание внедряется понятие “парад референдумов”»³¹¹. Данный процесс, охватывающий многие регионы мира и, прежде всего, Евразию, детерминирован изменением баланса сил между США и Россией, снижением веса и роли Европы в международных отношениях, усилением турбулентных процессов и обострением внутри- и межгосударственных противоречий.

Этнодемографическая и социокультурная специфика полуострова Крым, связанная с ролью и значением крымскотатарского этносообщества в исторической судьбе данной территории, но при этом, вследствие исторических и политических процессов, оказавшемся в демографическом отношении этническим меньшинством, обуславливает затруднительность использования мажоритарных механизмов в проведении референдумов, касающихся определения политической судьбы всего полуострова. Волеизъявление жителей полуострова по принципу арифметического большинства, с нашей точки зрения, является нелегитимным по отношению к крымскотатарской этнической группе. На наш взгляд, единственно приемлемым с точки зрения вышеизложенных обстоятельств форматом референдума относительно его политического статуса, было бы проведение отдельного по этническому признаку референдума, где подсчет голосов и выявление итогового

---

³¹¹ Губогло М.Н. Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – С. 396.

волеизъявления производились бы не на классических мажоритарных принципах, а на основании единогласного согласия «этнической триады»: русских, украинцев и крымских татар. Но, очевидно, что проведение референдума в таком формате было бы невозможным в силу целого ряда причин, связанных, в первую очередь, с неизбежным в таком случае возникновением недопустимой в современном демократическом обществе ситуации этнополитической стратификации, при которой волеизъявление жителей полуострова, не относящихся к «этнической триаде» оказалось бы уязвленным и политически менее ценным. Данная идея активно продвигалась лидером ставшего впоследствии запрещенным в РФ Меджлиса крымскотатарского народа Р. Чубаровым и, прогнозируемо, не получила одобрения³¹². Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что референдум в двух рассмотренных видах не подходит в условиях тех исторических, политических, демографических и иных обстоятельств, в которых находится полиэтничный полуостров Крым. Присутствие вооруженных сил иностранного государства и/или каких-либо иных военизированных формирований на территории проживания и волеизъявления в ходе проведения референдума по определению политической судьбы Крымского полуострова в 2014 году лишь усилило делегитимацию российского государства в политическом сознании крымскотатарского этносообщества, уменьшив дистанцию доверия к государственным институтам Российской Федерации. В этом и заключается проблема самоопределения крымскотатарского сообщества в новых для себя политико-правовых реалиях.

Проблема институционализации крымскотатарского общества в условиях современной России заключается в наличии объективных проблем интеграции данной этнической группы в российскую нацию-согражданство. Объективная проблема заключается в том, что концепт «российская нация-согражданство» носит сегодня скорее декларативный характер и не выступает в качестве

---

³¹² Выводить людей на митинги против вооруженных солдат мы не будем // Коммерсант-Украина. 04.03.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2422297> (дата обращения: 01.05.2018).

объективно существующей реальности. Иными словами, невозможно интегрироваться в то, чего не существует. Нация-согражданство представляет собой нацию свободных граждан, имеющих общие гражданские ценности. В современной же России если и существует политическая нация, то это не нация свободных граждан, имеющих договор с государством, а «нация подданных», не имеющих с государством никакого контракта³¹³. Как справедливо отмечает профессор СПбГУ В. А. Ачкасов, у нас (граждан России – прим. наше) нет единства и согласия в том, следует ли считать современные границы России приемлемой данностью, а также по содержанию самого понятия «нация»³¹⁴. Мы выдвигаем гипотезу, что современная российская идентичность построена не на гражданстве, а на подданстве, при которой обеспечивается лояльность государству, его институтам и персонам, представляющим или даже олицетворяющим данное государство. Сегодня к числу таких персон, лояльность которому формирует подданническую идентичность, относится действующий президент Российской Федерации В. В. Путин.

Одним из главных выводов проведенного диссертационного исследования является то, что современная крымскотатарская этническая группа является политически мобилизованной, что подразумевает определенную общность политических взглядов, ценностей и установок большинства его членов, а также групповую готовность к сохранению и/или завоеванию новых политических статусов для своей этнической группы. Современное состояние российской политической нации, построенной по принципу лояльности государству, а не по принципу гражданской идентичности, выступает объективной трудностью для институционализации крымскотатарского сообщества в рамках общероссийского социокультурного пространства. Нелегальный статус органов, претендующих на представительство крымских татар, политика принуждения к лояльности

---

³¹³ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2012. – С. 185-186.

³¹⁴ Там же.

несогласной части политизированной крымскотатарской этнической группы, наличие виктимных факторов политического поведения выступают объективными причинами, затрудняющими интеграцию данного сообщества в российское социокультурное пространство.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

ООН – Организация Объединенных Наций

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия

ТССР – Таджикская Советская Социалистическая Республика

ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

УзССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

п.г.т. – поселок городского типа

СНГ – Содружество Независимых Государств

РАН – Российская Академия Наук

ДУМК – Духовное управление мусульман Крыма

ДЦМУ – Духовный Центр мусульман Украины

ДЦМК – Духовный Центр мусульман Крыма

РУНМОУ «Киевский муфтият» - Религиозное управление независимых мусульманских общин Украины «Киевский муфтият»

ДУМЕР – Духовное управление мусульман Европейской части России

ДУМ РФ – Духовное управление мусульман Российской Федерации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулатипов Р.Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. - М., 2005.
2. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. - Ставрополь, 1993.
3. Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы: кейс крымскотатарского национального движения // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. - 2009. - Т. 5, № 3. - С. 49-64.
4. Аетдинов Э.Х. Этнополитическая мобилизация как реакция на внешние вызовы // ПОЛИТЭКС. – 2009. - № 3.
5. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. - М., 2001.
6. Алтан М.Б. Письмо Эльдару Сейдаметову, 6.02.2005, 18.02.2005. – Архив автора; Кырымлы Х. Письмо Эльдару Сейдаметову, 12.01.2005. – Архив автора. / цит. по Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) / Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139-141.
7. Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации №127-АПГ16-4 от 29 сентября 2016 г.
8. Асанбаев М. Этническая мобилизация и теории этнического конфликта / Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры. 2008. URL: <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/268-etnicheskaya-mobilizatsiya-i-teorii-etnicheskogo-konflikta.html> (дата обращения: 17.10.2017).
9. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). - Ростов н/Д; Пятигорск, 2002.
10. Ахмадеев К.Н. Базовые характеристики традиционного чеченского общества: хозяйственно-экономический и политико-правовой аспекты / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9. С. 20-24.
11. Ахмадеев К.Н. Турецкий фактор в крымскотатарском этнополитическом процессе / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - №3.

12. Ахмадеев К.Н. Этнополитическая мобилизация в контексте этнополитического исследования / Ахмадеев К.Н. // Вопросы политологии. 2018. - №2.
13. Ахмадеев К.Н. Языковой и диаспоральный факторы этнополитической мобилизации крымскотатарской этнической группы / Ахмадеев К.Н. // Общество: политика, экономика, право. 2018. - № 2.
14. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблем безопасности. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Унта, 2012. – 232 с.
15. Ачкасов В.А. Риски этнополитической мобилизации в условиях кризиса развития // Политика развития и политико-административные отношения: сб. статей / отв. ред. Сморгун Л.В., Морозова Е.В. - Краснодар, 2009.
16. Ачкасов В.А. Этнополитология. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2005.
17. Баранов А.В. Государственная национальная политика на юге России: приоритеты и направления реформ. – Краснодар, 2003. – 57 с.
18. Баранов А.В. Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть. - 2015. - № 1.
19. Бекирова Г.Т. Крымские татары. 1941-1991: (опыт политической истории). - Симферополь: Тезис, 2008. Она же: Крымскотатарская проблема в СССР (1944-1991) / сост. Г. Бекирова. - Симферополь: Центр информации и документации крымских татар, 2004.
20. Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму: искусство и производства // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – 576 с.
21. Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь: Элиньо, 2009. – 432 с.
22. Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: верования // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. - Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – 576 с.
23. Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: занятия и промыслы татар // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – 576 с.

- 24.Борисова О.В. Этнические группы в политическом процессе (концептуальные основы этнополитологии). - Ульяновск, 2003. - 172 с.
- 25.Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - Изд. 2-е доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 440 с.
- 26.Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983; Он же: Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988; Он же: Бромлей Ю.В. Этнология. - М., 1994.
- 27.Бугай Н.Ф. Л. Берия И. Сталину. Согласно Вашему указанию... - М.: АИРО – XX, 1995. – 320 с.
- 28.Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990.
- 29.Велешко Е.Н. Политическое поведение крымскотатарских репатриантов как виктимологическая проблема // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.— Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
- 30.Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
- 31.Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (дата обращения: 30.01.2018)
- 32.Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 (дата обращения: 30.01.2018);
- 33.Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (дата обращения: 30.01.2018);
- 34.Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 30.01.2018);

35. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 30.01.2018);
36. Всеукраинская перепись населения 2001: Национальный состав населения. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_population1/select_51?box=5.1W&rz=1_1&rz_b=2_1&k_t=01&botton=cens_db (дата обращения: 30.01.2018);
37. Выводить людей на митинги против вооруженных солдат мы не будем // Коммерсант-Украина. 04.03.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2422297> (дата обращения: 01.05.2018).
38. Гаспринский И. Россия и Восток. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Казань: Фонд Жиен «Татарское книжное издательство», 1993. – 130 с.
39. Глава Крыма признал факты исчезновения крымских татар на полуострове. URL: <http://www.interfax.ru/russia/402161> (Дата обращения: 14.02.2018).
40. Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 121–145.
41. Губогло М.Н. Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 544 с.
42. Губогло М.Н. Этносоциология и этнополитология в орбите социологического знания // Русин. - 2006. - № 3.
43. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998.
44. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.
45. Гумплович Л. Основы социологии. - СПб., 1899.
46. Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа №45 от 28 июня 1991 г.
47. Домбровский Ф.О. Несколько слов о баштанах в Евпаторийском уезде // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2005. – 576 с.

48. Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис. - 1995. - № 3.
49. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. - М., 2003.
50. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. — М., 1996.
51. Единый федеральный список террористических организаций URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>
52. Ефимов С.А. Некоторые социологические штрихи к вопросу об идентичности крымчан / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
53. Желтухина О.А. Крымские татары в XIX – начале XX вв. URL: <http://qrim.org/?p=34781> (Дата обращения: 02.03.2018).
54. Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. - М., 2003. – 287 с.
55. Иванов В.В. Феномен этничности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. - Улан-Удэ, 2003. – 144 с.
56. Исторический год для мусульман Крыма. Крымские татары в составе России глазами мусульман мира: 2014 / сост. Д. Мухетдинов, Д. Ахметова. – М.: Издательский дом «Медина», 2016. – 208 с.
57. Кальной И.И. Контуры крымской региональной идентичности: pro et contra // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
58. Киселёва Н., Мальгин А., Петров В., Форманчук А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. - Симферополь: Салта, 2015. - 351 с.
59. Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. – Симферополь: Салта, 2015. – 352 с.

60. Крым присоединили к реабилитации // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2457770> (Дата обращения: 08.05.2018).
61. Крымские татары в Крыму и в мире: проблемы и перспективы национального возрождения // Доклад председателя Меджлиса крымскотатарского народа М. Джемилева на Всемирном конгрессе крымских татар – Симферополь, 2009. URL: <http://textarchive.ru/c-1284193.html> (дата обращения: 24.12.2017).
62. Крымско-татарский народ: без права на Родину (первая половина 1940-х – начало 190-х гг.). – 2-е изд. перераб. / вступ. ст., сост., коммент., именной указатель, геогр. указатель, перечень док., список сокращ. Р. И. Хаяли. – Симферополь: ДОЛЯ, 2006. – 252 с.
63. Крымскотатарское национальное движение / ред. М.Н. Губогло, С.М. Червонная, Серия: «Национальные движения в СССР», ЦИМО. - М., 1992. – Т. I. История. Проблемы. Перспективы. - С. 92-93.
64. Кряжков В.А. Крымский прецедент: конституционно-правовое осмысление // Сравнительное конституционное обозрение. - 2014. - № 5 (102). - С. 82-96.
65. Куц Н., Муратова Э. Прошлое, настоящее и будущее крымских татар в дискурсе мусульманского сообщества Крыма // Крымский политический диалог. К.: “К.І.С.” - 2014. - 64 с.
66. Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. - М.: АН СССР, 1951. - 285 с.
67. Лантух Н.А. Об «островной направленности крымской региональной идентичности / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
68. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. М., 1987, Т. 24. Он же О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. М., 1987, Т. 25.
69. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. - М., 2005.
70. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998. – 222 с. Он же: Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996. – 182 с. Он же: Малашенко А.В. Ислам для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.

71. Мартьянов В.С. Справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. - Екатеринбург: УрО РАН, 2006. - Вып. 6. - С. 244-257.
72. Материалы Пленума ЦК КПСС 19-20 сентября 1989 года. – М.: Политиздат, 1989. – 129 с.
73. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. - М.: Диполь-Т, 2005.
74. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3 (133).
75. Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 133-144.
76. Муратова Э.С. Ислам и национальные интересы Украины // Национальные интересы Украины / под ред. д.ф.н. проф. Габриэляна О.А. – Симферополь. ООО «Энергия Дельта», 2007.
77. Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5.
78. Муратова Э.С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. — № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 163-171.
79. Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. - 2014. - № 4(36). - С. 51–58.
80. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. - М., 1990.
81. Национальный вопрос в СССР. Сборник документов... С. 321. Цит. По Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М., 1998. - С. 648.
82. Немцы в Крыму: очерки истории и культуры. – Симферополь: Таврия Плюс, 2000. – 252 с.
83. Нет крымского татарина – нет проблем? // Голос Крыма. - 2008. - №5 (737).
84. Османов Д. Рашид Брагин: «Объединить мусульман и работать во благо их» // Голос Крыма. – 1997. – 17 октября.

85. Открытое письмо государственной власти // Минарет. – 2000. - № 35. – С. 20-21.
86. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. - М., 2004.
87. Паин Э.А. Этнополитический маятник (Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России). - М., 2004.
88. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России: Таврическая губерния (за вычетом Бердянского, Днепровского и Мелитопольского уездов, но включая Севастопольское градоначальство). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420 (дата обращения: 30.01.2018);
89. Положение о Меджлисе крымскотатарского народа. Принято в новой редакции с учетом дополнений и изменений на третьей сессии IV Курултая крымскотатарского народа, г. Симферополь, 12 сентября 2004 г.
90. Попов В.А. Политическая антропология и этнополитология: объекты и предметы изучения // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. - СПб., 2006. - Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе.
91. Постановление VI Курултая от 29 марта 2014 г. «О реализации крымскотатарским народом права на самоопределение на своей исторической территории – в Крыму». URL: http://www.qrim.ru/about/docs/samoopredelenie_qirimli (Дата обращения: 08.05.2018).
92. Постановление Президиума Верховного Совета СССР № 494. «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года». Москва, Кремль. 5 сентября 1967 г. № 1862-VII. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/6709051.htm> (дата обращения: 04.12.2017).
93. Постановление Президиума ЦК от 24 ноября 1956 года «О восстановлении национальных автономий Калмыцкого, Карачаевского, Балкарского, Чеченского и Ингушского народов» / РГАНИ Ф. 3. ОП. 12. Д. 145. Л. 109-115.
94. Постановление Совета министров СССР от 15.08.1978 №700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской

- области». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9736.htm (дата обращения: 16.12.2017).
95. Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. - 2003. - № 3. - С. 108.
96. Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2007.
97. Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России : на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. – Ростов н/Д, 2008. - 182 с.
98. Сафаров А. Крым после аннексии РФ: кому мешает меджлис крымских татар? «Deutsche Welle», 19.02.2016.
99. Сафонкина Е.А. Турция как новый фактор политики «Мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2014. - № 2. - С. 145-166.
100. Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский период (1917-1944 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139-141.
101. Сенюшкина Т.А. Этнонациональная конфликтность в Крыму как виктимологическая проблема // Культурный обмен и формирование толерантности в многоэтничном гражданском обществе: материалы семинара (17 июня 2003 г.) – Симферополь: ЧП Фактор, 2003.
102. Сенюшкина Т.А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
103. Сикевич З.В. Проблема этнического риска и национальные меньшинства в постсоветских государствах // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. - М., 1997. - № 24. - С. 277.
104. Сикевич З.В. Проблема этнического риска и национальные меньшинства в постсоветских государствах // Расы и народы. Ежегодник. - 1997. - № 24. Современные этнические и расовые проблемы. - С. 277.

105. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. - М.: Праксис, 2004. – 466 с.
106. Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. - Бишкек, 09.10.1992. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=153> (дата обращения: 06.02.2018).
107. Старченко Р.А. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.: причины и последствия // Вестник российской нации. - 2015. - № 1 (39). - С. 182-206.
108. Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 30.01.2018).
109. Темненко В.А. От сильной личности к силе закона: о задачах представительства верховной рады Автономной республики Крым в Верховной Раде Украины // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. - 408 с.
110. Темненко В.А. Крым – выпавшее звено конфликтной дуги // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
111. Тишков В.А. О нации. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html (Дата обращения: 22.01.2018).
112. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука. 2003. — 544 с.
113. Тишков В.А. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2001. - № 4.
114. Токарев С.А. Проблема типологии этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. - 1964. - № 11.

115. Указ Президента Украины №518/99 от 18 мая 1999 г. о Совете представителей крымскотатарского народа (на укр. яз.) // Сила права: Зб. законів України та міжнар.-прав. актів / Центр інформації та документації кримських татар // Уклад. Р. Чубаров. - Київ, 2002а.- С. 93.
116. Указ Президента Украины №573/2000 от 07 апреля 2000 г. о Положении о Совете представителей крымскотатарского народа (на укр. яз.) // Сила права: Зб. законів України та міжнар.-прав. актів / Центр інформації та документації кримських татар; Уклад. Р. Чубаров. - Київ, 2002б. С. 93–95.
117. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.04.1956 «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5080.htm (дата обращения: 16.12.2017).
118. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/670905.htm> (Дата обращения: 04.12.2017).
119. Указание министра Внутренних дел Узбекской ССР внутренних дел УзССР №221 от 25 апреля 1978 г. «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму» (неопубликованное) // Хроника текущих событий. - Вып. 32. - С. 3-7.
120. Українське суспільство 1992-2006. Соціологічний моніторинг / За ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2006. – 578 с.
121. Умеров И. О Февзи Якубове и других («Полуостров», 2004 г.) // Точка зрения / сост. А. Халилов. – Симферополь: «Оджакъ», 2005. – С. 20.
122. Умеров И.Р. Крымскотатарское национальное движение: современное состояние и перспективы // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
123. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. – Симферополь: Крымское уч.-пед. издательство, 2004. - С. 63, 67; Arıkan S. Kırım'daki soykırımı unutmayınız. – Ankara, 1994. – S. 24 / цит. по Сейдаметов Э.Х. Формирование крымскотатарской диаспоры: советский

- период (1917-1944 гг.) / Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 69. – С. 139-141.
124. Фадеичева М.А. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти // Социум и власть. - 2013. - №2 (40). - С. 45-49.
125. Фадеичева М.А. Этнополитические стратегии государств в глобальном мире // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия: материалы VI Всероссийского конгресса политологов, Москва, 22-24 ноября 2012 г. - М.: РАПН, 2012. - С. 474-475.
126. Федеральный закон РФ «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ.
127. Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
128. Хабутдинов А.Ю. «Русское мусульманство» Исмаила Гаспринского: единство в многообразии. – М.: ИД «Медина», 2011.
129. Хайрулдинов М.А. Культура мусульманства и народная педагогика крымских татар // Культура народов Причерноморья. – 2002. - № 28. – С. 166-173.
130. Ханья С. Целиноград, июнь 1979 г.: к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39425/1/ASI20_009.pdf (дата обращения: 18.12.2017).
131. Хроника текущих событий. - Вып. 51.
132. Червоненко В. Меджлис: запрет, тюрьма и эмиграция / BBC Украина. 18 мая 2016. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/05/160518_ru_s_mejlis_tatars_history (Дата обращения: 22.02.2018).
133. Червонная С.М. Искусство татарского Крыма. – М., 1995. – 240 с.
134. Червонная С.М. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения // Крымскотатарское

- национальное движение. 1994–1997 годы / под ред. М.Н. Губогло. - М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. - Т. 4. - 342 с.
135. Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение: в 2 т. / М. Н. Губогло, С. М. Червонная ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1992. Т. 2.
136. Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение, 1994-1996 г. – М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии, 1997.
137. Червонная С.М. Проблемы возвращения и интеграции крымских татар в Крыму: 1990-е годы. – М., 1997. – 154 с.
138. Шакурова Г.Р. Современные подходы к изучению этничности. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059 (Дата обращения: 11.05.2018).
139. Шевчук А.Г. Обзорно-аналитическая оценка текущей социокультурной и этноконфессиональной ситуации в циркумпонтийском геополитическом пространстве // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.– Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
140. Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. - М.: Academia, 2004.
141. Эмирова А.М. Крымскотатарские собственные имена как кумулятивные знаки этнической культуры // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. - 408 с.
142. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабает Ю.П. - М.: Издательство Московского университета, 2011. - 376 с.
143. Беліцер Н. Кримські татари як корінний народ. – К.: ДП «Національне газетно-журнальне видавництво», 2017. – 120 с.
144. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – L.: Verso, 1983.
145. Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30).

146. Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. – 2007. - Vol. 33, № 1. – P. 113-128.
147. Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).
148. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. - Cambridge, 1996.
149. Calhoun C. Nations matter. Culture, History and the cosmopolitan Dream. - L.; N.Y., 2007. Он же: Калхун К. Национализм. - М., 2006.
150. Dawson J. Ethnicity, Ideology and Geopolitics in the Crimea // Communist and Post-Communist Studies. – 1997. - Vol. 30, № 4. – P. 429.
151. Deutsch K.W. Nationalism and social communication. - Camb., 1953.
152. Eriksen Th. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. – L.: Pluto Press, 1993.
153. Ethnic groups and boundaries / ed. F. Barth. - Bergen, 1969.
154. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. – 260 p.
155. Gellner E. Nations and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983.
156. Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. – UK: Harvard University Press, 1992.
157. Gurler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War. - 2011. URL: www.uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recep_gurler.pdf (Дата обращения 04.02.2018).
158. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge, 1985.
159. Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations / Ed. by S. Olzak, J. Nagel. - L., 1986. – P. 14.
160. Olzak S. The global dynamics of racial and ethnic mobilization. - Stanford, 2006.

161. Open Society Institute Report. P. 21 URL: <http://www.iccrimea.org/population.html> (дата обращения: 30.01.2018).
162. Rothschild J. *Ethnopolitics. A Conceptual Framework*. - N. Y., 1981.
163. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora (Oxford University Press)*. – 1991. - Vol. 1, № 1. – P. 83-99.
164. Sasse G. *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict*. - Cambridge: Harvard University Press, 2007. - 359 p.
165. Shafer B.C. *Nationalism: Myth and Reality*. - London: Gollancz, 1955.
166. *The Crimean Tatars in the Crimea: source of conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians / Ethnic relations and population migration*. 2004. – Vol. 6, № 30.
167. Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame*. SAGE, 1997. – 334 p.
168. Torbakov I. *Crimea – the next Bosnia? (struggle for military control between Ukraine and Russia) // National Review*. – 1993. - 8.9.
169. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] = Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (Дата обращения: 22.03.2018).
170. Van den Berghe P. *The Ethnic Phenomenon*. – N. Y.: Elsevier, 1981.
171. Vanhanen T. *Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism (Vol. 7)*. - Stamford, Connecticut: JAI Press, 1999.
172. Wilson A. *The Crimean Tatars. A Situation Report of the Crimean Tatars for International Alert*. - Sidney-Cambridge, 1993.; Он же: *Crimean Tatars. Repatriation and Conflict Prevention*. Open Society Institute, Forced Migration Projects. – N. Y., 1996.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1.
Численность лиц крымскотатарской национальности, высланных из Крыма в 1944 г.
(составлено по источнику: Обращение крымскотатарского народа к XXIII съезду КПСС
(март 1966 г.))

	Всего	%	Мужчины	%	Женщины	%
Всего	238500	100	88950	37,29	149550	62,71
В том числе:						
Дети до 16 лет	99400	41,7	49700	20,85	49700	20,85
Подростки	13300	5,6	6650	2,8	6650	2,8
Женщины старше 18 лет	93200	39,1	-	-	93200	39,1
Мужчины старше 18 лет	32600	13,6	32600	13,6	-	-

Таблица 2.
Расселение и язык крымских татар (в тыс. чел. и % по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

Территория	Численность (тыс. чел. и %)	Крымскотатарский язык в качестве родного
СССР всего	271715 (100%)	250442 (92,6%)
город	187301 (68,9%)	-
село	84414 (31,1%)	-
Узбекская ССР	188772 (69,5%)	175890 (93,2%)
Украинская ССР	46807 (17,2%)	43334 (92,6%)
Российская СФСР	21275 (7,8%)	19013 (89,4%)
Таджикская ССР	7214 (2,7%)	6794 (94,2%)
Казахская ССР	3169 (1,2%)	2818 (88,9%)
Киргизская ССР	2924 (1,1%)	2593 (88,7%)
Остальные республики ССР	1554 (менее 1%)	-

Таблица 3.

Родной язык – язык своей национальности (в % по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)³¹⁵

Народы, имевшие в 1989 г. союзные республики		Народы, имевшие в 1989 г. автономные республики (включая народы Дагестана)			
Азербайджанцы	97,7	Абхазы	93,5	Башкиры	72,3
Грузины	98,2	Аварцы	97,2	Буряты	86,3
Казахи	97,0	Агулы	94,9	Калмыки	90,0
Киргизы	97,0	Балкарцы	93,6	Карелы	47,0
Латыши	94,8	Даргинцы	97,5	Коми	70,4
Литовцы	97,7	Ингуши	96,9	Лезгины	91,6
Русские	99,8	Кабардинцы	97,2	Марийцы	80,8
Таджики	97,7	Каракалпаки	94,1	Мордва	67,1
Туркмены	98,5	Кумыки	97,4	Ногайцы	89,9
Узбеки	98,3	Лакцы	93,6	Осетины	87,0
Эстонцы	95,5	Рутульцы	94,8	Татары	83,2
Армяне	91,7	Табасараны	95,9	Удмурты	69,6
Белорусы	70,9	Тувинцы	98,5	Чуваши	76,4
Молдаване	91,6	Цахуры	95,2	Якуты	93,8
Украинцы	81,1	Чеченцы	98,1		
Крымские татары 92,6					

Таблица 4.
Самоидентификация жителей Крыма*

№	Наименование социальной группы	В первую очередь	Во вторую очередь
1	Крымчане	24,4%	25,3%
2	Русские	19,7%	9,5%
3	Граждане Украины	15,6%	22,5%
4	Крымские татары	11,7%	1,7%
5	Граждане мира	6,9%	4,7%
6	Украинцы	5,3%	2,2%
7	Советский народ	3,9%	8,9%
8	Россияне	2,5%	5,8%
9	Жители определенной местности (города, села)	1,4%	5,3%
10	Европейцы	1,4%	3,6%
11	Коллеги (по работе, учебе, занятиям, увлечениям...)	0,8%	3,3%
12	Свой вариант / не ответили	1,7% / 4,7%	1,7% / 5,6%

*На основании социологического исследования, проведенного Центром этносоциальных исследований 1-2 марта 2008 г. в режиме полевого социологического опроса жителей г. Симферополя и сельских пригородов. Ошибка выборки не превышает 4,8%³¹⁶.

³¹⁵ Крымскотатарское национальное движение Том I. История. Проблемы. Перспективы. / Ред. М.Н. Губогло, С.М. Червонная, Серия: «Национальные движения в СССР», ЦИМО - М. 1992. - С. 92-93.

Таблица 5.

Структура идентичностей жителей Крыма в этническом разрезе* (в %)

Кем Вы себя прежде всего считаете?	Крымские татары	Русские	Украинцы	АР Крым в целом	Украина
жителем своего села (поселка, города)	11,2	10,4	12,5	10,8	27,2
крымчанином**	41,5	52,3	35,0	46,0	6,6
гражданином Украины	25,6	21,1	40,7	26,8	51,6
представителем своего этноса, народа	17,0	1,1	0,6	3,3	1,8
гражданином бывшего СССР	2,3	13,4	10,1	11,3	7,3
гражданином Европы	0,6	0,1	0,4	0,2	1,3
гражданином мира	1,4	0,9	0,6	1,0	2,9
другое	0,3	0,6	0,1	0,7	0,7

*Согласно данным серии социологических опросов, осуществленных С. А. Ефимовым в 2006 г., в сопоставлении с данными общеукраинских исследований. Объем выборки – не менее 1700 чел., выборочная совокупность отражала основные параметры населения АР Крым старше 18 лет по полу, возрасту, национальности, типу населения. По Украине приведены данные опроса за 2006 г., осуществленного Институтом социологии НАН Украины³¹⁷.

**В общеукраинском опросе вариант ответа формулировался как «жителем региона (области или нескольких областей), где Вы живете».

³¹⁶ Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм / Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – 408 с.

³¹⁷ Українське суспільство 1992-2006. Соціологічний моніторинг / За ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2006. – 578 с.

Таблица 6.

Данные опроса о статусе Крыма в составе Украины в этническом разрезе (2006 г.) (в %).

Согласны ли Вы со следующим суждением: «Для меня важно то, что Крым является республикой, а не областью»?	Крымские татары	Русские	Украинцы	АР Крым в целом
Согласен	76,8	60,4	55,1	61,2
Не согласен	4,5	9,8	10,3	9,0
Затрудняюсь ответить	18,5	29,8	34,6	29,8

Таблица 7.

Межпереписная динамика этнического состава в Крыму (по данным переписям населения, проводившимся в 1989, 2001 и 2014 гг.)

	Чел., 1989	Доля от указавших свою национальность в % 1989	Чел., 2001	Доля от указавших свою национальность в % 2001	Чел., 2014	Доля от указавших свою национальность в % 2014
Русские	1629542	67,05	1450394	60,67	1492078	67,90
Украинцы	625919	25,75	576647	24,12	344515	15,68
Крымские татары	38365	1,58	245291	10,26	232340	10,57
Татары	10762	0,44	13602	0,57	44996	2,05
Белорусы	50054	2,06	35157	1,47	21694	0,99
Армяне	2794	0,11	10088	0,42	11030	0,50
Прочие	73059	3,01	70030	2,93	50911	2,32
Указали	2430495	100,0	2390319	100	2197564	100,00
Не указали	0		10890		87205	
Всего:	2430495		2401209		2284769	

Таблица 8.
Динамика кризисных явлений по некоторым отраслям кустарного производства традиционного крымскотатарского общества. Сравнение показателей до Октябрьской революции 1917 г. и после.

Производства	Количество рабочих		Производительность в год		Стоимость продукции в год		Примечание
	До 1914 г.	В 1924 г.	До 1914 г.	В 1924 г.	До 1914 г.	В 1924 г.	
Войлочники	60	12	10800 пуд. шерсти	2160 пуд.	216000 руб	43200 руб.	50% продукции вывозилось на север при экспорте крымских фруктов
Торбочники		13	204000 штук	15600 шт.	142800 руб. при стоим. 7 руб./10 шт.	23400 руб. при стоим. 15 руб./10 шт.	25% продукции вывозилось на север

График 1 Динамика количества подписей в петициях в поддержку требований крымскотатарского национального движения, обращенных к властям СССР.

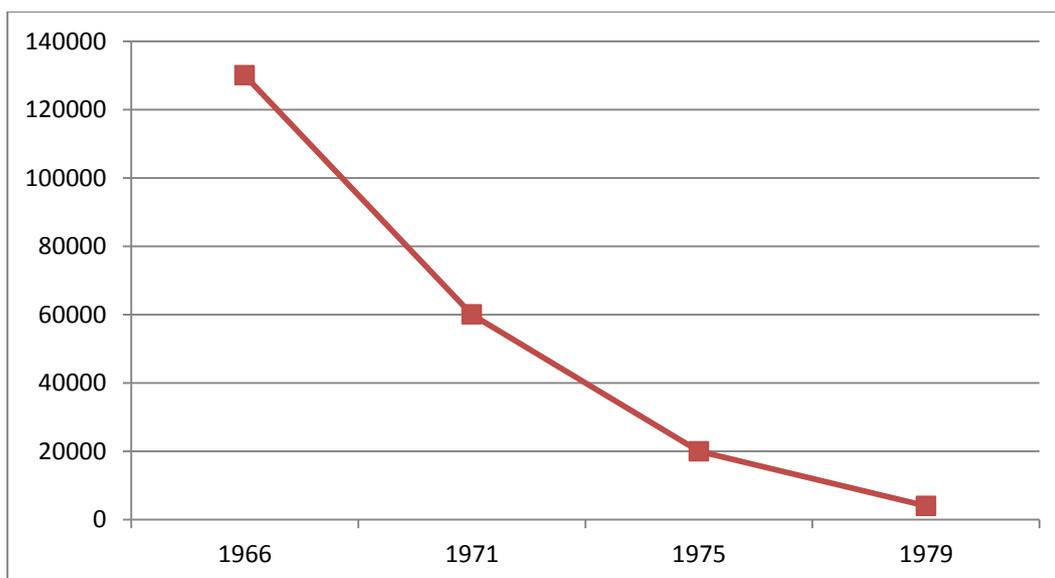

График 2.
Численность крымскотатарского населения Крыма по историческим периодам (кон. XVIII – 2014 г.)**

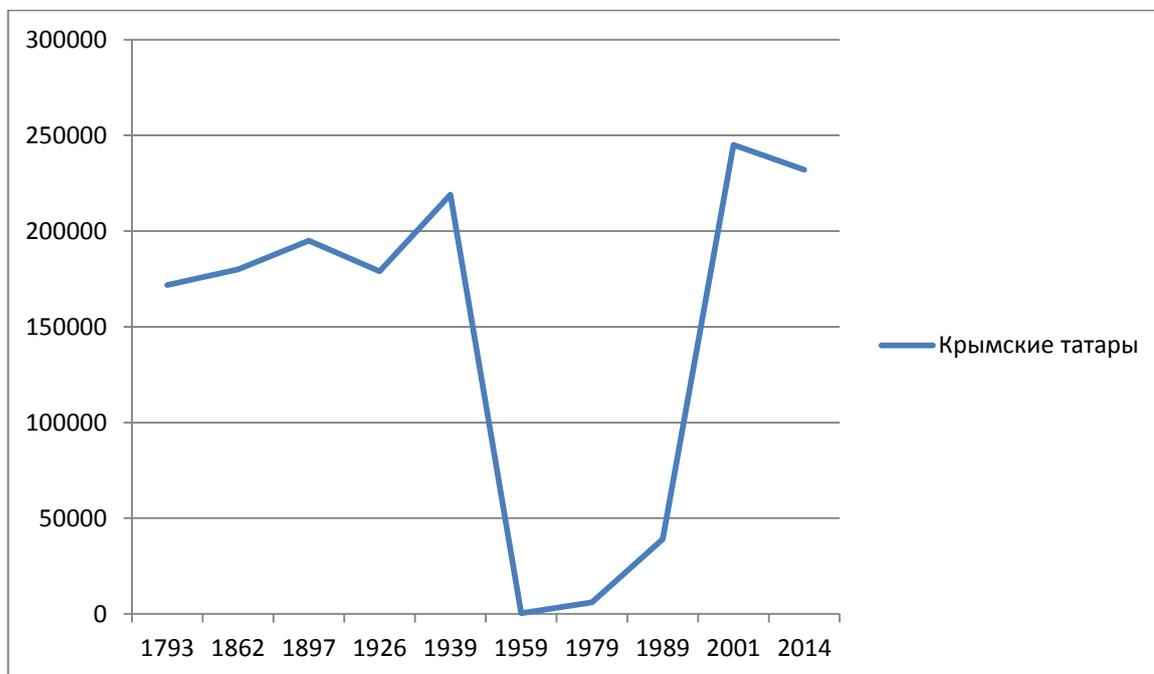
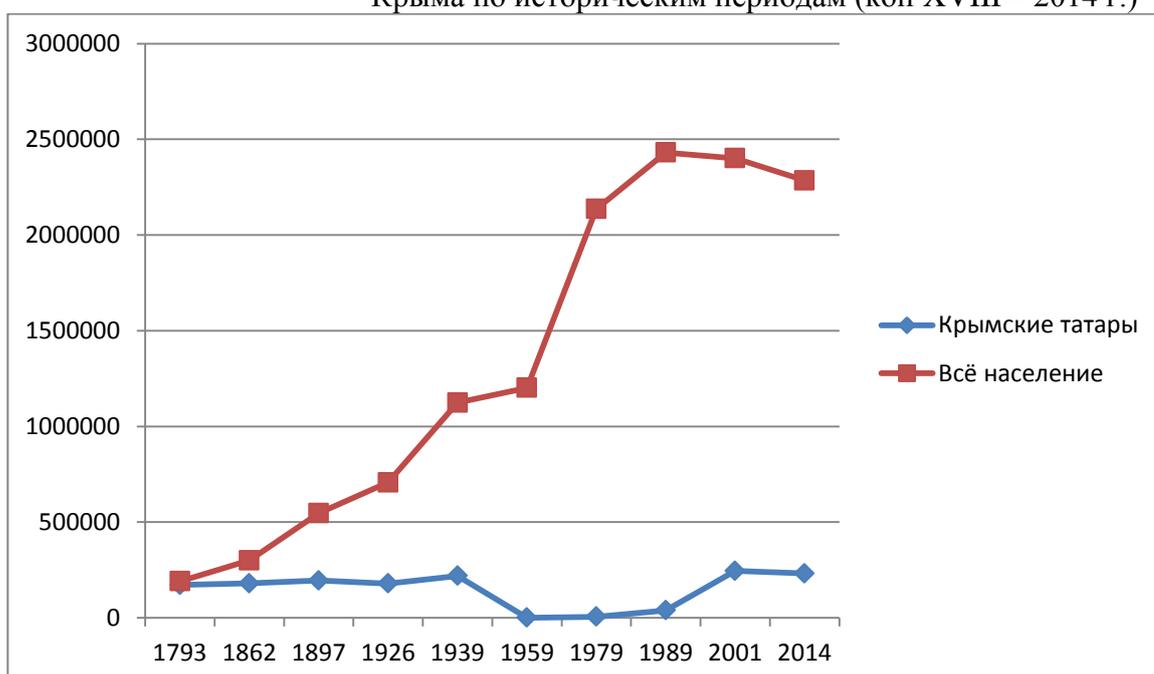
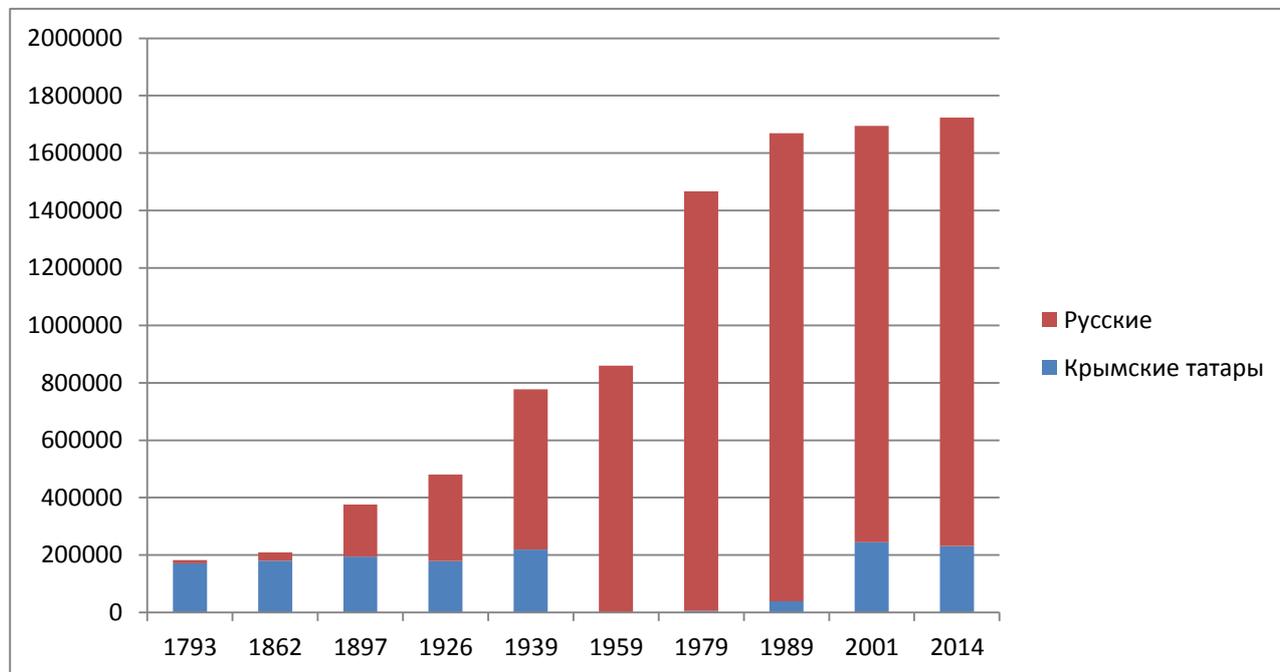

График 3.
Численность крымскотатарского населения Крыма относительно всего населения Крыма по историческим периодам (кон XVIII – 2014 г.)**

Гистограмма.

Соотношение крымскотатарского и русского населения Крыма по историческим периодам (кон. XVIII – 2014 г.)**

** Данные для гистограммы и графиков 2 и 3 использованы из следующих источников:

- Open Society Institute Report. P. 21 URL: <http://www.iccrimea.org/population.html> (дата обращения: 30.01.2018);

- Fisher A. The Crimean Tatars. – Stanford: Stanford university press, 1987. – p. 88.

- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России: Таврическая губерния (за вычетом Бердянского, Днепровского и Мелитопольского уездов, но включая Севастопольское градоначальство). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420 (дата обращения: 30.01.2018);

- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (дата обращения: 30.01.2018)

- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 (дата обращения: 30.01.2018);

- Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (дата обращения: 30.01.2018);

- Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 30.01.2018);

- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 30.01.2018);
- Всеукраинская перепись населения 2001: Национальный состав населения. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/select_51?box=5.1W&rz=1_1&rz_b=2_1&k_t=01&botton=cens_db (дата обращения: 30.01.2018);
- Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 30.01.2018).

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copyright

AKHMADEEV

Kamil Nailevich

**CRIMEAN-TATAR COMMUNITY OF MODERN RUSSIA:
THE PROBLEM OF SELF-DETERMINATION**

Specialization 23.00.02 –

Political Institutions, Processes and Technologies

DISSERTATION

submitted for the degree of candidate of Political Science

Dissertation Director:

A. V. Kurochkin, D.Sc. (Polit.), Professor

St. Petersburg

2018

CONTENTS

INTRODUCTION.....	3
CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY OF ETHNO-POLITICAL PROCESSES.....	14
1.1 Ethno-political processes as an object of political science.....	14
1.2 Ethno-political mobilization of the Crimean Tatar ethnic group: theoretical and methodological features of the analysis.....	27
CHAPTER 2. BASIC CHARACTERISTICS OF TRADITIONAL CRIMEAN- TATAR SOCIETY.....	32
2.1 Political, legal and socio-cultural institutions of traditional Crimean-Tatar society.....	32
2.2 Ethno-demographic dynamics of the Crimean-Tatar ethnic group	52
CHAPTER 3: ETHNO-POLITICAL MOBILIZATION OF THE CRIMEAN- TATAR ETHNIC GROUP	61
3.1 Factors and dynamics of politicization of the Crimean-Tatar ethnic community after 1944	61
3.2 The content of the Crimean-Tatar ethno-political process in the conditions of political and administrative transformation of the Crimea in the Russian Federation	90
CONCLUSION	137
LIST OF ABBREVIATIONS AND SYMBOLS	144
REFERENCES	145
APPENDIX	160

INTRODUCTION

The relevance of the research topic. Cohabitation on the territory of the Crimean Peninsula of many ethnic groups, including those belonging to different types of civilization, has become a factor determining the activation of ethno-political processes in this territory. The historical development of Crimea predetermined the high intensity of inter-ethnic, inter-religious and inter-civilizational contacts. The geographical position of the Peninsula predetermined its important political, military-strategic and economic importance for the entire black sea region.

The current ethno-political situation in the Crimea has deep roots and is conditioned with the multifactorial historical and civilizational development of the region.

However, the events that took place on the Peninsula in 2014 had the most significant impact on the nature and dynamics of ethno-political processes in Crimea, the most intense and ambiguous of which is the Crimean-Tatar ethno-political process. Its dynamics is characterized by high ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group, which is a factor that gives the study additional relevance.

The degree of scientific problem elaboration. Issues of ethnicity, inter-ethnic and state-ethnic relations, the problems of ethno-genesis are well represented in the writings of the classics of the history and sociology of M. Weber³¹⁸, L. Gumplowicz³¹⁹, Y. V. Bromley³²⁰, J. Rothschild³²¹ and others. Sociobiological direction of ethnology actively developed in the works of L.N. Gumilev³²², S. M. Shirokogorov³²³, P. van den Berge³²⁴, T. Vanhanen³²⁵.

In the second half of the XX century, the growth of national movements in Africa, Asia, Latin America and the subsequent collapse of colonial empires once again attracted the attention of researchers to ethnic processes. The fall of the socialist system in Europe and the collapse of such large ethnic and national federations as the SFRY and the USSR have further strengthened the relevance of this issue.

Methodological issues of nationalism and ethno-political processes raised in the works of E. Gellner³²⁶, E. Smith³²⁷, B. Anderson³²⁸, L. Greenfield³²⁹, M. Hroch³³⁰, B. Schafer³³¹, T. Eriksen³³², K. Calhoun³³³, R. Brubaker³³⁴ and etc. Theoretical features of nationalism in Russia were considered in works of V. A. Tishkov³³⁵, R.

³¹⁸ Veber M. Izbrannye proizvedeniya. - M., 1990.

³¹⁹ Gumplovich L. Osnovy sotsiologii. - SPb., 1899.

³²⁰ Bromlei Yu.V. Ocherki teorii etnosa. - M.: Nauka, 1983; On zhe: Natsional'nye protsessy v SSSR: v poiskakh novykh podkhodov. M., 1988; On zhe: Bromlei Yu.V. Etnologiya. - M., 1994.

³²¹ Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. - N. Y., 1981.

³²² Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. - M.: OOO «Izd-vo AST», 2002.

³²³ Shirokogorov S.M. Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii. - Shankhai: Otdel'nyi ottisk iz LXVII Izvestii Vostochnogo fakul'teta Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta, 1923.

³²⁴ Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. - N. Y.: Elsevier, 1981.

³²⁵ Vanhanen T. Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism (Vol. 7). - Stamford, Connecticut: JAI Press, 1999.

³²⁶ Gellner E. Nations and Nationalism. - Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983.

³²⁷ Smit E. Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma. - M.: Praxis, 2004. - 466 s.

³²⁸ Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - L.: Verso, 1983.

³²⁹ Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. - UK: Harvard University Press, 1992.

³³⁰ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. - Cambridge, 1985.

³³¹ Shafer B.C. Nationalism: Myth and Reality. - London: Gollancz, 1955.

³³² Eriksen Th. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives / Th.H. Eriksen. - L.: Pluto Press, 1993.

³³³ Calhoun C. Nations matter. Culture, History and the cosmopolitan Dream. - L.; N.Y., 2007. Он же: Калхун К. Национализм. - M., 2006.

³³⁴ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. - Cambridge, 1996.

³³⁵ Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame. SAGE, 1997. - 334 p. Idem: Tishkov V.A. Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii. - M.: Russkii mir. 1997. - 532 s., Idem: Tishkov V.A. Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoi voiny). - M.: Nauka. 2001. - 552 s.,

G. Abdulatipov³³⁶, A.V. Avksent'ev³³⁷, L. M. Drobizheva³³⁸, A. R. Aklaev, V. Koroteeva, G. U. Soldatova³³⁹, V. Y. Zorin³⁴⁰, E. A. Pain³⁴¹, V. S. Malakhov³⁴², M. A. Astvatsaturova³⁴³, V. A. Shnirelman³⁴⁴, V. I. Mukomel³⁴⁵ and etc.

One of the first among Russian researchers, who suggested the term "ethno-political processes", was D. V. Dragunsky. In his interpretation, ethno-political processes are revealed as "processes of interaction of rather large groups of populations, each of which is characterized, on the one hand, by ethnic identity, on the other - by established institutions of sovereignty."³⁴⁶ Russian political scientist V. A. Achkasov³⁴⁷ is the most consistently engaged in research of problems of formation and preservation of national identity in the modern global, multicultural world. He is also the author of the textbook on the ethno-political science³⁴⁸. The interrelation of ethno-political science and political anthropology is revealed in detail in the works of V. A. Popov³⁴⁹.

In Western political science the questions of theoretical-methodological justification of ethno-political mobilization are examined in detail in the works of K. Deutsch, who had analyzed for the first time the social mobilization on a national

Idem: Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. – M.: Nauka. 2003. – 544 s., On zhe: Politicheskaya antropologiya. - N'yu-Iork, 1996.

³³⁶ Abdulatipov R.G. Rossiiskaya natsiya. Etnonatsional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh. - M., 2005.

³³⁷ Avksent'ev A.V., Avksent'ev V.A. Etnicheskie problemy sovremennosti i kul'tura mezhnatsional'nogo obshcheniya. - Stavropol', 1993.

³³⁸ Drobizheva L.M. Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii v postsovetsoi Rossii. - M., 2003.

³³⁹ Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 1990-kh gg. — M., 1996.

³⁴⁰ Zorin V.Yu. Natsional'naya politika v Rossii: istoriya, problemy, perspektiva. - M., 2003. – 287 s.

³⁴¹ Pain E.A. Mezhdru imperiei natsiei: modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike Rossii. - M., 2004.

³⁴² Malakhov V.S. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya. - M., 2005.

³⁴³ Astvatsaturova M.A. Diaspory v Rossiiskoi Federatsii: formirovanie i upravlenie (Severo-Kavkazskii region). - Rostov n/D; Pyatigorsk, 2002.

³⁴⁴ Shnirel'man V.A. Intellektual'nye labirinty. Ocherki ideologii v sovremennoi Rossii. - M.: Academia, 2004.

³⁴⁵ Mukomel' V.I. Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetskie konteksty. - M.: Dipol'-T, 2005.

³⁴⁶ Dragunskii D.V. Etnopoliticheskie protsessy na postsovetском prostranstve i rekonstruktsiya Severnoi Evrazii // Polis. - 1995. - № 3.

³⁴⁷ Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problem bezopasnosti. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2012. – 232 s.

³⁴⁸ Achkasov V.A. Etnopolitologiya. – SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005.

³⁴⁹ Popov V.A. Politicheskaya antropologiya i etnopolitologiya: ob"ekty i predmety izucheniya // Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoi antropologii : v 2 t. / sost. i otv. red. V.V. Bocharov. - SPb., 2006. - T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse.

basis³⁵⁰, F. Bart interpreted ethnic mobilization primarily as a factor leading to strengthening and tightening of ethnic boundaries, barriers³⁵¹, and M. Hroch, who proposed a three phase model of ethno-political mobilization to describe the genesis of the national movements of Central and South-Eastern Europe in the period of the approval of capitalism there³⁵², S. Olzak and J. Nagel, who identified socio-economic changes in society as factors of ethno-political mobilization³⁵³, as well as Russian scientists: M. N. Guboglo³⁵⁴, V. A. Achkasov³⁵⁵, Z. V. Sikevich, who determined the probability of the negative influence of the ethnic factor on the stability of the social system and designated it by the term "ethnic risk"³⁵⁶, E. A. Pain, who put forward the idea of the existence of the so-called "ethno-political pendulum"³⁵⁷. A. V. Malashenko³⁵⁸ raises the issues of religious and, in particular, Islamic factor in ethno-political processes in his works.

As for the study of the Crimean-Tatar ethno-political perspective, first of all, it is worth noting the works of M. N. Guboglo³⁵⁹, S. M. Chervonnaya³⁶⁰, G.T. Bekirova³⁶¹, V. I. Mukomel and S. R. Khaikin³⁶²,

³⁵⁰ Deutsch K.W. Nationalism and social communication. - Camb., 1953.

³⁵¹ Ethnic groups and boundaries / ed. F. Barth. - Bergen, 1969.

³⁵² Grokh M. Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'yu sformirovavsheisya natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope // Natsii i natsionalizm. - M., 2002. - S. 121–145.

³⁵³ Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations / Ed. by S. Olzak, J. Nagel. - L., 1986. - P. 14; Olzak S. The global dynamics of racial and ethnic mobilization. - Stanford, 2006.

³⁵⁴ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998.

³⁵⁵ Achkasov V.A. Riski etnopoliticheskoi mobilizatsii v usloviyakh krizisa razvitiya // Politika razvitiya i politiko-administrativnye otnosheniya: sb. statei / otv. red. Smorgunov L.V., Morozova E.V. - Krasnodar, 2009.

³⁵⁶ Sikevich Z.V. Problema etnicheskogo riska i natsional'nye men'shinstva v postsovetkikh gosudarstvakh // Rasy i narody. Ezhegodnik. - 1997. - № 24. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy. - S. 277.

³⁵⁷ Pain E.A. Etnopoliticheskii mayatnik (Dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetkoi Rossii). - M., 2004.

³⁵⁸ Malashenko A.V. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii. - M.: Moskovskii Tsentr Karnegi, 1998. - 222 s. Idem: Malashenko A.V. Musul'manskii mir SNG. - M., 1996. - 182 s. Idem: Malashenko A.V. Islam dlya Rossii. - M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. - 192 s.

³⁵⁹ Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie / red. M.N. Guboglo, S.M. Chervonnaya, Seriya: «Natsional'nye dvizheniya v SSSR», TsIMO. - M., 1992. - T. I. Istoriya. Problemy. Perspektivy.

³⁶⁰ Chervonnaya S.M. Vozvrashchenie krymskotatarskogo naroda: problemy entokul'turnogo vozrozhdeniya // Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie. 1994–1997 gody / pod red. M.N. Guboglo. - M.: In-t etnologii i antropologii, 1997. - T. 4. - 342 s. Idem: Chervonnaya S.M. Problemy vozvrashcheniya i integratsii krymskikh tatar v Krymu: 1990-e gody. - M., 1997. - 154 s.

³⁶¹ Bekirova G.T. Krymskie tatory. 1941-1991: (opyt politicheskoi istorii). - Simferopol': Tezis, 2008. Ona zhe: Krymskotatarskaya problema v SSSR (1944-1991) / sost. G. Bekirova. - Simferopol': Tsentr informatsii i dokumentatsii krymskikh tatar, 2004.

³⁶² Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoi vesny»: transformatsiya identichnosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. - 2016. - № 3 (133).

R. A. Starchenko³⁶³, E. S., Muratova³⁶⁴, N. V. Kiseleva, A. A. Furmanchuk, A. V. Malgin and V. P. Petrov³⁶⁵, E. V. Vozgrin³⁶⁶, O. V. Ryabtsev³⁶⁷, E. H. Aetdinov³⁶⁸, V. A. Kryazhkov³⁶⁹, I. Aydyngyun³⁷⁰, A. Fisher³⁷¹, G. Sasse³⁷², E. Wilson³⁷³, G. Dawson³⁷⁴ and etc.

At the same time, there is almost no work on the study of the modern ethno-political process in the Crimea, in terms of its political and legal transformation in recent years.

The purpose of the dissertation is to analyze the Crimean-Tatar ethno-political process in terms of the inclusion of the Crimea in the Russian Federation.

To achieve this goal, **the following tasks are set:**

1. To analyze the theoretical and methodological basis, the most adequate to the study of the Crimean-Tatar ethno-political process.
2. To study the political, legal and socio-cultural institutions of the traditional Crimean-Tatar society, including their relationship with modern phenomena of ethno-political life.
3. To reveal the features of the Crimean-Tatar ethno-political process.

³⁶³ Starchenko R.A. Referendum v Krymu 16 marta 2014 g.: prichiny i posledstviya // Vestnik rossiiskoi natsii. - 2015. - № 1 (39). - S. 182-206.

³⁶⁴ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. - 2016. — № 5. Idem: Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda / Islam v sovremennom mire. - 2017. - T. 13, № 1. - S. 133-144.

³⁶⁵ Kiseleva N.V., Mal'gin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniya. - Simferopol': Salta, 2015. - 352 s.

³⁶⁶ Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. - M.: Mysl', 1992. - 446 s.

³⁶⁷ Ryabtsev O.V. Krymsko-tatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. - Rostov n/D: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2007.

³⁶⁸ Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy: keis krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniya // POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza. - 2009. - T. 5, № 3. - S. 49-64.

³⁶⁹ Kryazhkov V.A. Krymskii pretsedent: konstitutsionno-pravovoe osmyslenie // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. - 2014. - № 5 (102). - S. 82-96.

³⁷⁰ The Crimean Tatars in the Crimea: source of conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians / Ethnic relations and population migration. 2004. - Vol. 6, № 30. Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. - 2007. - Vol. 33, № 1. - P. 113-128.

³⁷¹ Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. - 260 p.

³⁷² Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. - Cambridge: Harvard University Press, 2007. - 359 p.

³⁷³ Wilson A. The Crimean Tatars. A Situation Report of the Crimean Tatars for International Alert. - Sidney-Cambridge, 1993.; Он же: Crimean Tatars. Repatriation and Conflict Prevention. Open Society Institute, Forced Migration Projects. - N. Y., 1996.

³⁷⁴ Dawson J. Ethnicity, Ideology and Geopolitics in the Crimea // Communist and Post-Communist Studies. - 1997. - Vol. 30, № 4. - P. 429.

4. To carry out a comparative analysis of the ethnic and political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group in different historical periods: the period of formation of the national movement after 1944, the period of being part of the Ukrainian state, as well as the inclusion of the Crimea in the Russian Federation.
5. To analyze the motives and values of the Crimean-Tatar ethnic group in the context of the inclusion of Crimea in the Russian Federation.
6. To study the structure of identities of the Crimean-Tatar ethnic group after 2014.

The object of the dissertation is the Crimean-Tatar ethnic community in the political process.

The subject is the dynamics of the Crimean-Tatar ethno-political process and its determining factors.

The theoretical and applied novelty of the work lies in the fact that in this study, from the standpoint of the historical-comparative approach, the process of ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group in the period preceding and following 2014 has been studied in detail. The paper presents a comprehensive analysis of the factors influencing the ethno-political process of the Crimean-Tatar ethnic community, as well as the study of the impact of foreign policy actors on it.

Theoretical and practical significance. The provisions of the study can be used to optimize the management of ethno-political processes in the Crimea in terms of political and administrative transformation of the Peninsula, in the preparation of analytical and policy documents of territorial development. The results of the study are of scientific and practical interest both for specialists in the field of ethno-political science, ethno-conflictology, and for public authorities involved in the identification and prediction of ethno-political processes in the region. The results of the study can also be used in the educational process in the development of special courses and individual topics of the main courses of such disciplines as: international relations, ethno-political science, political regionalism.

Source base. This study required the analysis of a wide range of documents and materials that can be classified into the following categories:

1) the works of Russian and foreign experts on the issues of ethno-political science, ethno-conflictology, Ethnology and Ethnography, theories of nationalism and ethno-political mobilization;

2) official documents of the authorities of the Russian Federation, the Republic of Crimea, the Autonomous Republic of Crimea, Ukraine, the USSR, etc.;

3) texts of public speeches and politicians' articles;

4) statistics;

5) data of mass media, including electronic.

Research methodology. As a basic methodology, the thesis uses a typical for ethno-political studies interdisciplinary approach, as well as empirical, psychological, historical and comparative methods.

The empirical method found its expression in the study and systematization of an extensive database of field studies, focus groups, in-depth and expert interviews, which allowed analyzing the political behavior and political culture of the Crimean-Tatar ethnic community. This method seems to be very effective in explaining the behavior of ethnic elites and masses by referring to ethnic tradition. Its importance is also determined by the possibility of comparing the political culture of an ethnic group with a set of political and cultural values inherent in other ethnic groups that interact with the object under study. Historically, the multi-ethnic nature of the Crimean Peninsula predetermined the importance of this method for the present study.

The psychological method is aimed at studying the subjective mechanisms of political behavior, the specifics of the perception of political leaders, political institutions and political actions by ethnic communities, as well as the typical mechanisms of psychological motivations. This method is very effective in the study of the historical memory of the Crimean-Tatar ethnic community, its main markers and patterns of political behavior at the present stage.

The historical-comparative method (historical description, comparison, periodization, retrospective approach) is based on the comparison of modern ethno-political phenomena with analogues in the history of this ethnic community. It

allowed us to study the current ethno-political state of the Crimean-Tatar ethnic group in close connection with the political and historical context in which it arose.

The boundaries of the study cover the period from the mid-1940s to the present. Considerable attention is paid to the period from 2014 to the present, associated with the intensification of ethno-political processes in the Crimea due to fundamental changes in its political and administrative situation.

Main provisions put forward for defense:

- 1) An important ethno-political result of the events of 2014 was the increase in the interethnic distance between the inhabitants of the Peninsula. The destruction of inter-ethnic relations is reflected in the growth of xenophobic attitudes, the decrease in the number of mixed marriages, which is caused by an increase in the rejection of this phenomenon, as well as a drop in the level of trust in other ethnic groups.
- 2) The study showed that the result of the entry of the Crimea into Russia was the growth of group cohesion of the Crimean-Tatar ethnic community. The process of ethnic consolidation and group cohesion has reduced intro-group division in some aspects. The most significant here is the change in attitude towards representatives of a number of Islamic religious movements from among the Crimean-Tatar ethnic group.
- 3) Throughout the period after the annexation of the Crimea to the Russian Empire in 1783, there was an actual replacement of the indigenous population of the Crimean Peninsula, which became part of the actual historical memory of the Crimean-Tatar ethnic community and a resource of its ethno-political mobilization at the present time.
- 4) The events of 2014 had a significant impact on the alignment of socio-political and religious actors of the Peninsula changed the structure and the character of the relationship of the key forces that determine the ethno-religious state of the Crimean-Tatar and the Muslim community of Crimea.
- 5) Despite the growth of group cohesion and ethnic consolidation, the current situation within the Crimean-Tatar ethnic group is characterized by the growth of political competition among ethno-political actors (organizations, movements),

whose political and legal status is different, and whose ideological positions are opposite.

6) The Crimean-Tatar ethnic group is currently politically mobilized, which implies a general similarity of political views, values and attitudes of the majority of its members, as well as a group readiness to preserve and/or gain new political status for its ethnic group.

7) Ethno-Demographic and socio-cultural specificity of Crimea, associated with the special role of the Crimean-Tatar ethnic community in the historical fate of the Peninsula, which turned out to be due to historical and political processes in the demographic aspect of the ethnic minority, causes the problem of justice of will with the use of majority mechanisms.

The content of the work corresponds to the research areas 8,9,10,15,16 "specialty Passports 23.00.02 - Political institutions, processes and technologies".

The thesis was discussed at the meeting of the Department of Russian politics of the faculty of political science of St. Petersburg state University. The author presented theoretical provisions, proposals and recommendations contained in the thesis during scientific conferences and seminars:

- The VI international youth conference "neo-Nazism in Europe and on the post-Soviet territory: lessons of the Second World War" (St. Petersburg, 2015),
- The VII international scientific-practical conference "Social Sciences in the modern world: political science, sociology, philosophy, history" (Moscow, 2018),
- International scientific-practical conference "Development of science and technology: mechanism for selecting and implementing priorities" (Ufa, 2017).

The main provisions and conclusions of the thesis are reflected in 4 articles published in the leading peer-reviewed scientific journals, which are included in the list of publications recommended by the Higher attestation Commission of Russia for publication of the main scientific results of the thesis for the degree of candidate and doctor of Sciences:

1. Akhmadeev, K. N. The basic characteristics of the traditional Chechen society: economic, political and legal aspects / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2017. No. 9. P. 20-24³⁷⁵.
2. Akhmadeev, K. N. Ethno-political mobilization in the context of ethno-political studies / Akhmadeev, K. N. // Questions of science. 2018. - No. 2³⁷⁶.
3. Akhmadeev, K. N. Linguistic and Diaspora factors of ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 2³⁷⁷.
4. Akhmadeev, K. N. Turkish factor in the Crimean-Tatar ethno-political process / K. N. Akhmadeev. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 3³⁷⁸.

The total number of publications of the author - 9:

1. Akhmadeev, K. N. The basic characteristics of the traditional Chechen society: economic, political and legal aspects / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2017. No. 9. P. 20-24.
2. Akhmadeev, K. N. The reconstruction and the politicization of S. Bandera and R. Shukhevych of the Ukrainian ethnic heritage within the framework of ethno-political mobilization / Akhmadeev, K. N. // Proceedings of the VI international youth conference "neo-Nazism in Europe and on the post-Soviet territory: lessons of the Second World War," April 24, 2015 in Saint Petersburg. – 2015. - №1. - P. 11-14.
3. Akhmadeev, K. N. Economical aspect of the traditional Crimean-Tatar society / Akhmadeev, K. N. // Social Sciences in the modern world: political science, sociology, philosophy, history: collection of articles based on the VII International scientific-practical conference "Social Sciences in the modern world: political

---

³⁷⁵ Akhmadeev, K. N. The basic characteristics of the traditional Chechen society: economic, political and legal aspects / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2017. No. 9. P. 20-24.

³⁷⁶ Akhmadeev, K. N. Ethno-political mobilization in the context of ethno-political studies / Akhmadeev, K. N. // Questions of science. 2018. - No. 2.

³⁷⁷ Akhmadeev, K. N. Linguistic and Diaspora factors of ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 2.

³⁷⁸ Akhmadeev, K. N. Turkish factor in the Crimean-Tatar ethno-political process / K. N. Akhmadeev. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 3.

science, sociology, philosophy, history". – № 1(5). – M., Ed. "Internauka", 2018. - P. 7-10.

4. Akhmadeev, K. N. Theoretical, methodological and philosophical foundations of the study of ethno-political processes // Philosophy of social communications. 2017. No. 3 (40). P. 7-9.

5. Akhmadeev, K. N. Research of ethno-political processes: theoretical and methodological foundations // Development of science and technology: mechanism of selecting and implementing of priorities. Collection of articles of the International scientific-practical conference. Ufa, 2017. P. 185-187.

6. Akhmadeev, K. N. Ethno-political mobilization in the context of ethno-political studies / Akhmadeev, K. N. // Questions of science. 2018. - No. 2.

7. Akhmadeev, K. N. Linguistic and Diaspora factors of ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group / Akhmadeev K. N. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 2.

8. Akhmadeev, K. N. Some strategies of public administration of the Crimean-Tatar ethno-political process in modern conditions / Akhmadeev K. N. // Collection of scientific papers on the materials of the II International scientific-practical conference "State, society and politics: history of formation, current state, prospects of development". Saint Petersburg, 2018. P. 5-10.

9. Akhmadeev, K. N. Turkish factor in the Crimean-Tatar ethno-political process / K. N. Akhmadeev. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 3.

The structure of the dissertation research

The thesis consists of an introduction, three chapters, six paragraphs, a conclusion, references, a list of abbreviations and an appendix. The materials of the study (Russian text) are presented on 187 pages of typewritten text, illustrated with eight tables, 3 graphs and a histogram. The list of references includes 172 sources.

CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY OF ETHNO-POLITICAL PROCESSES

1.1 Ethno-political processes as an object of political science

In the modern world, scientific interest in the ethnic factor in political processes is constantly growing. The desire for ethnic revival and affirmation of their cultural values actualized the need for scientific understanding of ethnicity, so it is natural that since the 80-s of the XX century there was the institutionalization of such scientific discipline as ethno-political science. Despite the fact that the fundamental ideas that served as the basis for ethno-political knowledge, were laid in antiquity (as Herodotus in the V century BC attempted ethnographic essay of Scythia, and S. Montesquieu in the age of Enlightenment developed this idea by introducing the concept of "national spirit" due to geographical factors), the subject area of this science appeared much later – towards the end of the twentieth century. Arising at the junction of political science and Ethnology, ethno-political science is an interdisciplinary knowledge, the subject of which in general sense is the relationship of ethnic and political spheres of life. At the same time, according to professor V. A. Achkasov, "ethno-political science is still in the stage of formation of its subject field, refinement of the conceptual apparatus, development of concepts."³⁷⁹

Ethno-political science, as a field of human knowledge, performs a number of important functions in the field of social sciences. These include:

- Theoretical and cognitive, which consists in studying, systematization and generalization of determining trends in the development of ethno-political sphere of society and various theories of ethno-political processes.
- Descriptive which provides for the study of reality with its comparison with existing

---

³⁷⁹ Achkasov V.A. Etnopolitologiya. – SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. - S. 4.

standards in the ethno-political field, on the basis of which you can get an answer, what is this reality.

- Interpretative (explanatory), which provides an interpretation of the causal nature of certain events, phenomena, trends and directions of ethno-political reality.
- Ideological (educational), the implementation of which formed ethno-political consciousness and ethno-political culture of inter-ethnic communication; participation of ethnic entities in politics becomes conscious and effective.
- Prognostic (predictive), which based on the implementation of the functions of description, interpretation makes it possible to predict the development of ethno-political processes and phenomena.
- Technological (instrumental), which is aimed at finding answers to questions concerning the choice of forms and types of practical ethno-political actions in order to achieve a specific result.
- Programmatic (ideological), which is associated with the choice of a certain system of ideological value orientations in the formation of ethnic policy of society and the development of strategies and directions of its development.

It is important to understand that the problems of ethnicity and ethnic processes are also studying with other disciplines with the prefix ethno-: ethno-conflictology, ethno-sociology, ethno-demography, ethno-psychology and a number of other, that complicates ethno-political science finding its place in the system of scientific knowledge.

A distinctive feature of ethno-political science is «the study of political conditionality of ethnic phenomena and processes.»³⁸⁰

Ethno-political science, as scientific knowledge, can be attributed to hybrid disciplines that are already formed or being formed at the junction of several related disciplines, where the fundamental concepts are society, the state (as a system of political institutions and relationships between them), ethnic community and language, as the most important means of communication. According to M. N. Guboglo, the interconnectedness of the studied phenomena, the relative amorphous

---

³⁸⁰ Achkasov V.A. Etnopolitologiya. – SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. - S. 5.

and heterogeneity of the subject area and the problems of each science, as well as the emergence of problem voids in adjacent, border areas, the filling of which inevitably leads to hybridization, serve as the basis and justification for interdisciplinary interference³⁸¹.

In the study of the political process, the focus of political scientists are the tasks of analyzing the functioning of legal and political institutions, identifying and studying political and social mechanisms that ensure competition or balance of actors, as well as their interaction with each other, including through the identification of the rules and norms of the game implicitly contained in the practices of their behavior. All this, anyway, is part of the political process. At the same time, the increased activity of ethno-regional groups since the last century and their inevitable involvement in the overall political process gave impetus to the allocation of a special problem block of the ethno-political process, which can be understood as the process of interaction of ethnic groups with each other and with the state in the territory of a certain region in order to preserve or transform their status conditions (primarily political, as well as social and economic). An indispensable condition for the activation of the ethno-political process is the politicization of the ethnic community, in which ethnicity acquires the functions of the subject of political relations. The ethno-political process itself is a series of successive ethno-political events (situations). Therefore, the analysis of the ethno-political process includes an explanation and understanding of the structure of ethno-political events that replace each other and have a common logical basis, with the obligatory consideration of the factors of the external environment that affects them. As for the typology of ethno-political processes, the following features determine the criterion of their differentiation:

- a) by degree of national importance: peripheral and basic;
- b) on the model of implementation of procedures: democratic and undemocratic;
- c) to the extent possible to assess changes: closed and open;

---

³⁸¹ Guboglo M.N. Etnosotsiologiya i etnopolitologiya v orbite sotsiologicheskogo znaniya // Rusin. - 2006. - № 3.

- d) by the nature of implementation: obvious (explicit) and hidden;
- e) by the scale of implementation: global and regional-local;
- f) by the degree of severity: stable and unstable;
- g) on interaction with the environment: intrasystem and transient;
- h) by the degree of legality within the existing legal system: legal and illegal.

It is important to understand the difference between the concepts of "ethno-political process" and "ethno-political conflict". The first does not provide for the obligatory clash of ethnic groups as political subjects among themselves or with the state, but does not exclude it. The study of ethno-political conflict consists in the study of the conflict phase of the ethno-political process. Thus, the concept of "ethno-political process" is broader and includes the analysis of non-conflict states as well.

The authoritative researcher E. Pain in his work "Ethno-political pendulum (Dynamics and mechanisms of ethno-political processes in post-Soviet Russia)" puts forward the idea of the existence of the so-called "ethno-political pendulum". Its essence lies in the fact that after the collapse of the Soviet Union in the Russian Federation, there have been significant changes in the ethno-political activity of the dominant ethnic group and non-Russian ethnic groups, which coincided chronologically with the periods of the presidencies of Boris Yeltsin and V. Putin. These changes were characterized first by the low ethnic activity of the ethnic majority in the years of the first President and the increased activity of non-Russian ethnic groups, and since the early 2000s – the growth of ethnic political activity of the dominant ethnic majority and the decline in the activity of other ethnic groups³⁸².

In dynamically transforming societies in the conditions of global peace, the government needs permanent legitimation, constant care of the government about its public recognition, trust and support of the population is required, which in turn serves as a means of strengthening the civil society and building modern nations³⁸³. In this regard, it seems obvious that the image of the state power itself depends to a

---

³⁸² Pain E.A. Etnopoliticheskii mayatnik (Dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetsoi Rossii). - M., 2004.

³⁸³ Mart'yanov V.S. Spravedlivy li etnonatsional'nye dekonstruktsii sovremennykh natsii? // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. - Ekaterinburg: UrO RAN, 2006. - Vyp. 6. - S. 244-257.

significant extent on the quality of the ethnic policy pursued by the state, and the effective state policy in the sphere of interethnic, state-ethnic and related (inter-confessional, state-confessional, migration policy) relations can act as a means of legitimizing the state power. In turn, the state ethnic policy should have a certain ethno-political strategy as a basis.

Russian ethno-political scientist M. A. Fadeicheva defines three types of ethno-political strategies that have different impacts on the legitimation and delegitimation of power³⁸⁴:

1. Ethno-political strategy of distancing. The authorities in the states where the issue of inter-ethnic and state-ethnic relations is not a priority generally adopt it. This strategy, which Fadeicheva calls the "strategy of" political myopia"³⁸⁵, which is reduced to ignoring the discrimination of ethnic minorities, social problems of the autochthonous population, self-exclusion from migration processes, can lead to ethnic tension. Among the consequences of such tension, there may be conflicts, up to armed confrontation. This strategy can be seen as evidence of the weakness and ineffectiveness of political power.

2. The strategy of ethno-nationalism. The essence of this strategy is the adoption of discriminatory regulations against ethnic minorities, the establishment of the official ideology of the "state-forming nation", the spread of negative ethnic, racial, cultural, religious stereotypes and prejudices. This strategy seeks to legitimize political power among the ethnic / religious majority, with obvious delegitimization among ethnic/religious minorities. Politically, despite the seeming support of the ethnic/religious majority is imaginary, because the strategy introduces a split in the society, intensifying centrifugal tendencies (in the case of the multicastrate state) and/or inter-ethnic conflicts of the horizontal type (ethnos-ethnic group).

3. The strategy of ethnic harmony. The essence of this strategy is the active participation of the state in the establishment of mediation between ethnic groups.

---

³⁸⁴ Fadeicheva M.A. Etnopoliticheskie strategii gosudarstv v global'nom mire // Rossiya v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeistviya: materialy VI Vserossiiskogo kongressa politologov, Moskva, 22-24 noyabrya 2012 g. - M.: RAPN, 2012. - S. 474-475.

³⁸⁵ Fadeicheva M.A. Polietnicheskoe obshchestvo i strategii etnicheskoi politiki gosudarstvennoi vlasti // Sotsium i vlast'. - 2013. - №2 (40). - S. 46.

The aim of the strategy of ethnic harmony is to create and develop socio-economic, political and cultural cooperation between ethnic groups.

It is achieved by promoting the satisfaction of ethnic and cultural needs of ethnic groups and the realization of their interests, the prevention of ethnic conflicts, as well as, as pointed out by M. A. Fadeicheva, "through the promotion of civil identity."³⁸⁶ Taking into account the historical and civilizational characteristics of the Crimea, due to the multi-ethnic composition of the population, it seems to us the most reasonable use by the state of the third ethno-political strategy aimed at establishing ethnic harmony.

Based on the above, the Crimean-Tatar ethno-political process can be understood, on the one hand, as a set of dynamic, interdependent actions of the Crimean-Tatar ethnic group, various authorities and other important actors of political relations in the region, aimed at the consistent solution of issues of socio-political, socio-economic and ethno-cultural life.

Studying ethno-political processes it is important to study not only the interaction of this community with political institutions, but also to explore the entire political sphere as a holistic and multidimensional system in which this ethnic community resides. This is the essence of the systematic approach used in this paper. In this regard, we have to agree with the researcher A. V. Baranov, who proposed to comprehend ethno-political processes "as a set of facts and events that become reactions of policy subjects to interactions within the ethno-sphere, as well as external influences on the ethno-sphere of society."³⁸⁷

The second chapter of this study is devoted to the analysis of the Crimean-Tatar ethno-sphere. It analyzes the Crimean-Tatar ethnic system through such basic

---

³⁸⁶ Fadeicheva M.A. Polietnicheskoe obshchestvo i strategii etnicheskoi politiki gosudarstvennoi vlasti // Sotsium i vlast'. - 2013. - №2 (40). - S. 46.

³⁸⁷ Baranov A.V. Gosudarstvennaya natsional'naya politika na yuge Rossii: priority i napravleniya reform. – Krasnodar, 2003. – S. 57.

characteristics of society as political, legal and socio-cultural institutions, ethno-demographic dynamics.

A complete analysis of any ethnic system includes a study of a more complete set of parameters, however, this thesis is not ethnological in nature, describing and explaining the ethnic system of the Crimean Tatars, but ethnopolitical, which forces us to limit ourselves to only those aspects of the traditional Crimean-Tatar society, which have a relationship with modern phenomena in ethno-political life. In turn, this justifies the use of historical comparative methodology of ethnopolitical research (historical description, comparison, periodization, retrospective approach).

As it is pointed out in the work of our well-known specialists in this topic V. A. Tishkov and Y. P. Shabaev, "psychological method is very important in political science as well as in ethnopolitical science ". Moreover, in ethnopolitical science, this method is much more important, because ethnic identity is recognized today by ethnologists, perhaps, the main ethno-differentiating factor, because in many cases, features of life, economy and a number of other factors have lost their previously significant role distinctive features of an ethnic group or community. This is especially true for states and regions of the industrialized world. The psychological method is aimed at studying the subjective mechanisms of political behavior, the specifics of the perception of political leaders, political institutions and political actions by ethnic communities. A special role in this regard is played by the study of ethnic stereotypes of behavior, ethnic attitudes to electoral behavior, the adoption or rejection of political and other decisions."³⁸⁸

This approach, which is to explain political behavior through people's need for positive ethnic identity and security, is very effective for considering the structure of the historical memory of the Crimean-Tatar ethnic community, as well as specific patterns of ethnic behavior of the community. The study of the structure of historical memory and its main markers is of great importance for the study of ethno-political

---

³⁸⁸ Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. - Etnopolitologiya - politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik dlya vuzov (Biblioteka fakul'teta politologii MGU) – 2011. – S. 28-29.

mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group, in which the construction of tradition and the mobilization of the nation, the creation (or reconstruction) of a kind of reference points of ethnic/national identity: symbols, myths, customs, traditions, followed by their popularization in the masses. This will be discussed in more detail in paragraph 1.2.

In the ethno-political space, there are three main levels of interaction: within the ethnic group, between ethnic groups within the macro-society, as well as between the state and dominant groups on the one hand, and minorities, on the other³⁸⁹. All levels of interaction will be considered in our research:

- at the intra-group level: interaction of the main political subjects of the Crimean- Tatar ethnic community among themselves;
- at the level of the Crimean macro-society: interaction with other ethnic groups of the Crimean Peninsula;
- at the level of interaction with the state: interaction with state structures of Ukraine during its control over the Peninsula, interaction with state structures of the Russian Federation after the inclusion of the Crimean Peninsula in the Russian Federation.

Guided by the theoretical foundations on which the typology of ethno-political processes is based, it is possible to characterize the Crimean-Tatar case as:

- Local-regional. The ethno-political process of the Crimean Tatars is local and affects largely the Crimean Peninsula and the Black sea region. The presence of three states that influence this process – the Russian Federation, Ukraine, Turkey – still do not allow us to classify it as global.
- Transitional, or transit. The region is going through a period of complete change in the system of power, including its institutions and other actors.
- Crisis. This is due to the lack of balance and consensus of the leading social forces acting as subjects of the Crimean-Tatar ethno-political process.

---

³⁸⁹ Borisova O.V. Etnicheskie gruppy v politicheskom protsesse (kontseptual'nye osnovy etnopolitologii). - Ul'yanovsk, 2003. - 172 s.

- Illegal. This is due to the fact that a significant number of events in the chain, which is part of the ethno-political process, goes beyond the legal framework, due to the fact that the Crimean Peninsula itself is now the object of territorial differences between a number of international actors. Those ethno-political events that are legal within the legal framework of the Russian Federation are illegal from the point of view of some international actors.

The peculiarity of the Crimean-Tatar ethno-political process, which led to its unique status for the modern world, is that it, as a controversial (unrecognized) part (legal or actual) of the two states – Ukraine and the Russian Federation – is more or less influenced by the national processes of these states, at the same time having a certain reverse effect.

In most modern states, the actors of the ethno-political process are the leaders of ethnic groups, state and local authorities, various social and/or religious organizations with the greatest influence among the members of this ethnic group. In the case of the Crimean-Tatar case, the representative bodies of this ethnic group, as well as religious organizations with an active network of supporters play the most prominent role. In this regard, it is important to analyze the decisions and actions of these organizations as the key actors of the blocks of issues we study.

As it was mentioned, the fundamental point in studying the ethno-political process is studying the political conditioning of phenomena and processes, anyway connected with ethnic communities, where they are one of the key actors in politics. Therefore, the fundamental task for these studies is to define the concepts of "ethnicity" and "nation".

In modern science, three concepts of ethnicity have emerged: primordialism, constructivism and instrumentalism, but many experts narrow them down to the two most basic: realism and constructivism. These concepts are based on the problem of perceiving ethnicity as a real self-existent reality or as an "imaginary community"; whether ethnicity is an objectively existing reality or a constructed community. Primordialists tradition of understanding the ethnicity for a long time dominated in Russian tradition. In the Soviet era, the greatest scientific justification was the theory

of ethnicity, based on historicism, as the understanding of social phenomena in their long-term development. A significant contribution to the development of this theory was made by the researcher P. Kushner, who focused on the importance of territorial interaction of ethnic communities for the processes of their formation and development. Ethnic identity acted as an ethnic determinant. He proposed to study the linguistic aspects of ethnic communities, their material and spiritual culture in order to distinguish ethnic groups among themselves³⁹⁰. Another famous Russian ethnologist S. Tokarev pointed out that none of the features of the ethnic group (language, territory, common origin, political associations, cultural features, economic ties, religious aspect) should necessarily be inherent in each ethnic community³⁹¹.

The founder of the ethnos theory is a prominent Russian anthropologist, ethnologist S. M. Shirokogorov. Despite the fact that the term "ethnos" was known in science since the middle of the XIX century, in ethnography, the term "ethnos" as one of the basic concepts, was brought by him³⁹². He defined ethnicity as a group of people who speak the same language, united by faith in a common origin and have a certain cultural complex, different from other groups of people. The ethnos itself is a dynamic phenomenon, in which both centripetal and centrifugal forces operate.

Very close to the concept of S. M. Shirokogorov was the concept developed by his critic, representative of the sociobiological direction L. N. Gumilev. He created passionarity theory of ethno-genesis that describes the historical process as the interaction of emerging ethnic groups with enclosing landscape and other ethnic groups. Ethnos, according to this theory, is a naturally formed community of people, existing as a systemic integrity and opposed to others based on a sense of complementarity. This system integrity forms a common ethnic tradition for all its representatives. As a type of ethnic system, the ethnic group is a part of the super-ethnic (higher-order ethnic systems) and itself consists of sub-ethnic groups,

---

³⁹⁰ Kushner (Knyshev) P.I. *Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy*. - M.: AN SSSR, 1951. - 285 s.

³⁹¹ Tokarev S.A. *Problema tipologii etnicheskikh obshchnostei. (K metodologicheskim problemam etnografii)* // *Voprosy filosofii*. - 1964. - № 11.

³⁹² Revunenkov E.V., Reshetov A.M. *Sergei Mikhailovich Shirokogorov // Etnograficheskoe obozrenie*. - 2003. - № 3. - S. 108.

conventions and consortia (lower-order ethnic systems). L. N. Gumilev proposes a four-phase process of ethno-genesis close to the concept of S. M. Shirokogorov, which includes the birth, rise, decline and death of the ethnic group. P. van den Berge, T. Vanhanen also worked in the sociobiological direction. The most famous in the West representative primordialist direction P. van den Berge defined ethnicity as an extended kinship group. From his point of view, the existence of ethnic communities is explained by the genetic predisposition of a person to a relative selection - nepotism. The most authoritative is the classical definition of ethnicity given by Y. V. Bromley, as "historically formed in a certain area stable intergenerational set of people with not only common features, but also relatively stable features of culture (including language) and psyche, as well as awareness of their unity and difference from all other similar entities (self-consciousness), fixed in the self-name (ethnonym)"³⁹³. Ethnos is considered as objectively existing reality, formed in the past and practically unchanged preserved to this day. The nation is considered as a result of the historical transformation of the ethnos (a group of ethnic groups).

In the West, a constructivist concept is common, in which an instrumentalist approach that is close to it can be included. According to this concept, the nation is a structure formed historically on the basis of shared culture (or belief in it). Ethnicity in terms of constructivists is situational and motivated by cultural and ideological needs at different historical stages. "If primordialists seek to answer the question" what are the objective characteristics that determine the unity of the people and distinguish it from others", then constructivists are primarily interested in "how this unity or difference is produced and reproduced". Thus, ethnic community, like a nation, is not the reality of a certain set of objective features, but the reality of relations, which are determined by many factors and are socially constructed"³⁹⁴. The bright representative of this direction in the analysis of ethnicity academician V. A.

---

³⁹³ Bromlei Yu.V. Ocherki teorii etnosa. - Izd. 2-e dop. — M.: Izd-vo LKI, 2008. — 440 s.

³⁹⁴ Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti. - SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. - S. 40.

Tishkov states: "a nation may be regarded as a semantic-metaphorical category that has acquired emotional and political legitimacy in modern history, but has not become and cannot be a scientific definition"³⁹⁵. Ethnicity is a form of social organization of cultural differences. "The process of recruiting for the group, defining and maintaining its borders shows that ethnic groups and their characteristics are the result of historical, economic and political circumstances and situational actions"³⁹⁶. An important factor for the construction of ethnicity is the policy of ethnic entrepreneurship, which is to mobilize members of an ethnic group for collective action. The key role in the process of attracting members of the ethnic group to collective action belongs to the elites. Instrumentalists go even further than constructivists, ethnicity for them is a means for all sorts of political and cultural manipulation, used by a certain social group to achieve their own goals in the political sphere. "Instrumentalist concepts are often based on socio-psychological theories that treat ethnicity as a means of restoring political and cultural equality, as a way of social therapy"³⁹⁷. It should be borne in mind that the instrumentalist approach in ethno-political science focuses not on the search for objective foundations of ethnicity, but on the identification of those functions that are performed by ethnic communities. "And if constructivists to some extent recognize the objective nature of certain ethnic features, the instrumentalists most consistently deny the objectivity of ethnic systems. For them, ethnic and national identity is mainly a product of manipulation by elites ("ethnic entrepreneurs"), who gain symbolic and political capital on the ethnization of social problems, on the accentuation and exploitation of inter-group differences and contradictions, which are formed exclusively in ethnic terms"³⁹⁸. The emergence of the instrumentalist approach in the mid-1970s is a reaction to the impossibility of primordialism to explain the reasons for the growth of national movements of the modern world.

---

³⁹⁵ Tishkov V.A. O natsii. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html (Data obrashcheniya: 22.01.2018).

³⁹⁶ Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. - M.: Nauka. 2003. - S. 105.

³⁹⁷ Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlya vuzov / Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. - M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. - S. 47-48.

³⁹⁸ Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problem bezopasnosti. - SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2012. - S. 42.

Despite the obvious mutual exclusion of primordialism and constructivism, we believe that this study should be based on the primordial concept of understanding ethnicity using some positive aspects of constructivism. We can agree with the opinion that the constructivist and primordial approaches when considering the nature of ethnicity should not be mutually exclusive. In contrast, the research should use the beneficial developments that are included in the given approaches³⁹⁹. Studying ethnicity issues seems to us promising if it is carried out from the standpoint of the integration of the most valuable aspects of these approaches, thus forming a synthetic approach.

Even one of the most consistent constructivists in modern Russian ethnology, V. A. Tishkov admits, "all approaches to the understanding of ethnicity are not necessarily mutually exclusive", which can be interpreted as the possibility of applying a synthetic approach to the study of ethnicity⁴⁰⁰.

In recent decades, there have been attempts in science to synthesize different approaches to understanding ethnicity. A number of experts propose to consider ethnicity from the perspective of synthesis of instrumentalism and constructivism, others – from the perspective of synthesis of primordialism and instrumentalism⁴⁰¹.

In this thesis, the primordial paradigm is applied in the part devoted to the analysis of the ethnic system of the Crimean Tatars, the factors and dynamics of their ethno-political mobilization. It was required for research of objective, steady properties of this ethnicity: ethnic consciousness, historical memory, traditions, and values.

Applied to the problem of integration of the Crimean-Tatar ethnic community into the Russian nation, we used a constructivist approach, since the concept of the Russian political nation based on the all-Russian civil identity does not exclude the

---

³⁹⁹ Ivanov V.V. Fenomen etnichnosti: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. - Ulan-Ude, 2003. – 144 s.

⁴⁰⁰ Tishkov V.A. Sotsial'naya antropologiya: professiya i prizvanie. Interv'yu s professorom Valeriem Tishkovym // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. - 2001. - № 4. - S. 30.

⁴⁰¹ Shakurova G.R. Sovremennye podkhody k izucheniyu etnichnosti. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059 (Data obrashcheniya: 11.05.2018).

existence of ethnic identity. Moreover, as stated in R. G. Abdulatipov's work "The Russian nation. Ethno-national and civil identity of Russians in modern conditions" - "ethno-national identity and civil identity as Russians is affirmed not at the expense of others, but complementing each other"⁴⁰². However, we are far from the idealization by some modern Russian ethnologists and ethno-political scientists of the current state of the Russian political nation-citizenship, built not on the principle of civil identity, and, as rightly noted by prof .V. A. Achkasov, but on the principle of loyalty to the state and/or persons personifying it⁴⁰³. The very concept of the Russian political nation-citizenship still requires a detailed and comprehensive scientific and academic discussion.

---

⁴⁰² Abdulatipov R.G. Rossiiskaya natsiya. Etnonatsional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh. - M., 2005.

⁴⁰³ Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti. - SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. – S. 185-186.

1.2 Ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group: theoretical and methodological features of the analysis

In this study, an important task is to consider in detail the phenomenon of ethno-political mobilization. After the collapse of the Communist system, the phenomenon of ethnicity became one of the leading mechanisms of political mobilization and the most important cause of conflict between political actors. The very concept of "mobilization" is widely used in sociological vocabulary, being close in meaning to the concept of "politicization" in political science. In the broadest sense, ethno-political mobilization refers to the group commitment to action or the actions themselves. This process emphasizes an active, rational and planned component. V. A. Achkasov proposes to define ethno-political mobilization as "the process by which a group belonging to one ethnic category (ascribing to itself belonging to such), in the struggle for political power and leadership with members of another/other ethnic groups or the state manipulates ethnic customs, values, myths and symbols for political purposes, using them as the main resource, in the name of gaining a common identity and political/state organization of the group"⁴⁰⁴.

Like any form of mobilization, it relies on the capacity to activate the ethno-political process. Resources for ethno-political mobilization are the means, methods, forms of organization, leadership styles, ideologies used by the group (internal resources), as well as socio-economic and political conditions (external resources) that are conducive to achieving the goals⁴⁰⁵.

Ethno-political mobilization goes through three stages. At the first stage there is a construction of tradition and mobilization of the nation; created (or recreated) a kind of reference points of ethnic/national identity: symbols, myths, customs, traditions, followed by their popularization in the masses. This is followed by the politicization of ethnic heritage - a phenomenon in which heritage, recreated early, is

---

⁴⁰⁴ Achkasov V.A. Etnopolitologiya. – SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. - S. 185.

⁴⁰⁵ Ibid. - S. 184.

institutionalized - becomes a resource of political struggle and is privatized by the national movement. The process of ethno-political mobilization "ethnic cleansing"- the emergence of hostility to all "other" historical and cultural heritage, the creation of a protective mechanism for the sacralized to this stage of the culture of their ethnic community and the suppression on this basis of all manifestations of "other" cultures both within the community and outside it. There is an absolutization of the idea of common origin as the basis of ethnocentrism; the image of the enemy is being clearly and implicitly formed. V.A. Tishkov points out in his work "the elites in an effort to mobilize an ethnic group against their opponents or against the central government seek to increase the amount of group features and symbols to prove that the members of the group differ not only by one feature (for example, dialect) but by many features. Special efforts are being made to support the process of cultural divergence"⁴⁰⁶. It should be said that this scheme of ethno-political mobilization is ideal and typical, and not all ethnic groups go through all the described stages consistently.

Czech researcher M. Hroch also offers a three-stage model of ethno-political mobilization. In his work devoted to the description of the evolution of national movements in Central and South-Eastern Europe during the establishment of capitalism there, he considers ethno-political mobilization as a process having three phases in its development:

Phase "A" is characterized by the development of problems of culture, traditions, customs and language of their nations by individual patriotic ideologists.

Phase "B" is characterized by the transition to national-patriotic agitation, in its focus there were developments on the problems of culture, traditions, customs and language, considered as a fact of public consciousness.

Phase "C" is characterized by the emergence of a mass national movement for the creation of a national state⁴⁰⁷.

---

⁴⁰⁶ Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii*. - M.: Nauka. 2003. - S. 117.

⁴⁰⁷ Grokh M. *Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'yu sformirovavsheisya natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope // Natsii i natsionalizm*. - M., 2002. - S. 121–145.

One of the main structural elements of ethno-political mobilization is the external condition conducive to the goals of ethnicity mobilization. The following are distinguished among them:

1. Urbanization, intensifying competition between different ethnic groups migrating to cities from areas of their former compact residence.

2. Industrialization that escalates ethnic competition for jobs.

3. The economic condition of the peripheral territories, which are densely populated by representatives of the ethnic group. This catalyzes the genesis of ethnic / religious political parties and movements.

4. National-state construction, affecting the ethnic consciousness, which in turn leads to a mass ethno-political movement⁴⁰⁸. Russian researcher Z. Sikevich offers his list of external conditions that accelerate ethno-political mobilization. He calls it "ethnic risk" and defines it as "... the probability of the negative impact of ethnic factors on the stability of the social system."⁴⁰⁹ This list includes such factors as: ethnic composition of the territory; the proportion of the titular population of the state or the ethnic majority of the region and the proportion of national minorities; the existence of ethno-territorial claims, especially when used as an instrument of state policy; legislative violation of human rights on ethnic grounds or indirect indicators of belonging to national minorities (knowledge of the state language, residency requirements, etc.); the desire of a national minority living in an enclave to national and state self-determination, especially if this enclave is directly adjacent to the territory of the main residence of the ethnic group; ethnic and religious differences of neighbouring ethnic communities; the course of building a national state in a multi-ethnic society.

Ethno-political mobilization can act in two qualities: defensive and offensive. Defensive ethno-political mobilization occurs in the context of the threat of loss of

---

⁴⁰⁸ Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations / ed. by S. Olzak, J. Nagel. - L., 1986. - P. 3–14.

⁴⁰⁹ Sikevich Z.V. Problema etnicheskogo riska i natsional'nye men'shinstva v postsovetstskikh gosudarstvakh // Rasy i narody. Ezhegodnik. - 1997. - № 24. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy. - S. 277.

political status of an ethnic group, and offensive - if there are opportunities for upgrading the status or other preferences for the group.

E. H. Aetdinov notes, when studying the processes of ethno-political mobilization it is important to take into account the readiness of the ethnic group to a particular collective action and form of mobilization.⁴¹⁰ Close to the state of readiness of the ethnic group for mobilization is such a characteristic as the ability to mobilize. The history shows, not all ethnic groups on the planet possess this quality. Vice-President of the Kazakhstan center for humanitarian and political situation M. Asanbayev cites as an example of the lack of capacity for political mobilization of North American Indians who fell into a permanent state of ethno-cultural self-isolation and ideological disorientation, as well as Talyshs in Azerbaijan and Karakalpaks in Uzbekistan. "These two ethnic groups, apparently, have not reached sufficient level of development in their ethno-genesis to create their own statehood. Most likely, they will suffer the sad fate of assimilated ethnic groups. There are quite a lot of such examples when representatives of small ethnic and ethno-cultural groups are exposed to slow acculturation and assimilation by the ethnic majority."⁴¹¹ The inevitable result of the lack of capacity for ethnic mobilization M. Asanbayev recognizes slow but correct acculturation and, as a result, assimilation in the dominant ethno-cultural environment. "A nation becomes a nation because of its ability to mobilize ethnically," the researcher writes, highlighting two forms of expression of ethnic mobilization:

- Controlled ethnic mobilization (mobilization on a given trajectory);
- Spontaneous ethnic mobilization.

According to the scientist, ignoring the process of spontaneous ethnic mobilization is an inexcusable mistake for any ethnic group, because it will inevitably

---

⁴¹⁰ Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy: keis krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniya // POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza. - 2009. - T. 5, № 3. - S. 49-64.

⁴¹¹ Asanbaev M. Etnicheskaya mobilizatsiya i teorii etnicheskogo konflikta / Kazakhstanskii tsentr gumanitarno-politicheskoi kon'yunktury. 2008. URL: <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/268-etnicheskaya-mobilizatsiya-i-teorii-etnicheskogo-konflikta.html> (data obrashcheniya: 17.10.2017).

generate ethnic conflict in the state.⁴¹²

We believe that regarding the Crimean-Tatar ethno-political process, the three-phase model described by M. Hroch is the most appropriate. Since the forced eviction of the Crimean Tatars in the Central Asian region of the USSR in 1944, some representatives of the Crimean Tatars carried out the revitalization of ethnic and cultural heritage, later transformed into a socially significant resource of ethno-political mobilization. The third stage of ethno-political mobilization is characterized by the emergence of a mass ethno-national movement of Crimean Tatars for the return to Crimea with the full restoration of political, cultural, land and property rights. Therefore, as a chronological starting point of the research, we consider 1944, which marked the beginning of the Crimean-Tatar ethno-political mobilization. The third chapter of the study will be devoted to a detailed analysis of this process.

---

⁴¹² Asanbaev M. Etnicheskaya mobilizatsiya i teorii etnicheskogo konflikta / Kazakhstanskii tsentr gumanitarno-politicheskoi kon'yunktury. 2008. URL: <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/268-etnicheskaya-mobilizatsiya-i-teorii-etnicheskogo-konflikta.html> (data obrashcheniya: 17.10.2017).

CHAPTER 2: THE BASIC CHARACTERISTICS OF TRADITIONAL CRIMEAN-TATAR COMMUNITY

2.1 Political, legal and socio-cultural institutions of traditional Crimean-Tatar society

The primary objective of this chapter is to analyze the basic characteristics of the traditional Crimean-Tatar society and identify their relationship with modern phenomena of ethno-political life. The objective ethnological characteristic of ethnicity is necessary for understanding the goals of the national movement for the return to Crimea after 1944, as well as the vectors of ethno-political mobilization of the Crimean Tatars at the present stage. It is necessary to agree with the statement of the largest researcher of the Crimean-Tatar national movement M. N. Guboglo, underlining that "we need accurate, balanced accounting of all features, all details, all the moments, giving an idea about the traditional lifestyle, culture, labor skills, creative potencies of the Crimean Tatars, what had the Crimean Peninsula lost because of their "exodus" (migration, exile, approx. auth.) and what it gets with their return, in what directions it is desirable, possible and necessary new urban and rural constructions, development of cultural infrastructure, language, religious policy, with what nations and ethnic groups of neighbouring regions and neighbouring states will reveal the most close ties (or, on the contrary, possible conflict situations - author's note)⁴¹³.

There are six major subsystems within ethnic systems:

- genetic and landscape;
- cultural;
- political;
- social;
- economic (economic);

---

⁴¹³ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoj mobilizatsii. - M., 1998. – S. 605.

- linguistic⁴¹⁴.

However, considering that our work is not ethnological in nature, describing and explaining the ethnic system, but ethno-political, we will limit ourselves to those aspects of traditional Crimean-Tatar society that have a relationship with modern phenomena in ethno-political life.

Without getting into details of ethnographic analysis, we consider such basic characteristics of the traditional Crimean-Tatar society as political, legal and socio-cultural institutions, as well as economic and economic structure.

The Crimea Peninsula is divided into three sharply isolated territories: steppe, submontane and south-coast. Accordingly, Crimean Tatars living on these lands are divided into three ethnographic groups:

- Steppe Crimean Tatars.
- Mountain or submontane Crimean Tatars.
- South-coast Crimean Tatars.

Because of the ethno-cultural proximity of mountain and south-coast Tatars, sometimes they are combined in one ethnographic group (Professor G. A. Bonch-Osmolovsky, 1925). P. P. Semenov-Tyanshanskii combines steppe and mountain Tatars into one type, emphasizing the proximity of these Crimean Tatars with the Tatars of Russia, which are called Kazan Tatars (sometimes – the Volga Tatars).

The Crimean-Tatar language is a part of the Kipchak subgroup of the Turkic group of the Altai language family. Structurally, the language of the Crimean Tatars is close to Balkar and Kumyk. In turn, the Crimean-Tatar language is divided into three dialects:

- steppe (northern);
- mountain (middle);
- coastal (southern).

The last dialect – southern-became the basis for the development of the Crimean-Tatar language in the late XIX century, and after the Great Russian

---

⁴¹⁴ Borisova O.V. Etnicheskie gruppy v politicheskom protsesse (kontseptual'nye osnovy etnopolitologii). - Ul'yanovsk, 2003. – S. 27.

revolution of 1917 became the basis of the middle dialect. The graphic basis of the written Crimean-Tatar language for many centuries remained Arabic graphics, and, as M. N. Guboglo notes, the most common type (handwriting) of Arabic graphics in the medieval Crimean-Tatar culture was "Divani", which is fine for its graphic elegance of the monuments of ancient literature of the Crimean Tatars"⁴¹⁵. From 1929 to 1939 the Crimean-Tatar writing, as well as the writing of the majority of the Turkic nations of the USSR, was turned into Latin. As M. N. Guboglo notes, "in 1939, resulting from the total attack on many original national cultures,"⁴¹⁶ the Latin alphabet was hastily replaced by the Slavic Cyrillic alphabet. The last decade the Crimean-Tatar ethnic elites assert the idea of relatinization of their language that would provide a linguistic similarity of the Crimean-Tatar ethnic group with Turkish language.

Lifestyle and type of economic management in the traditional Crimean-Tatar society was variegated.

South-coast Tatars (self-name "Yalyboylu") historically engaged in viticulture, tobacco growing, horticulture and gardening. At the same time, viticulture was poorly cultivated type of management until 1917, because of the Islamic religious affiliation of the Crimean Tatars. Climatic and geographical conditions in which South-coast Crimean Tatars lived historically, contributed to such types of economic management, which had an impact on the way of life of this ethnographic group. "South-coast Tatars, - M. N. Guboglo writes, - have always been the most affluent and cultural group of Tatars. This difference only increased with the growth of resorts that attracted significant masses of Tatars to the resort economy"⁴¹⁷. Mountain and submontane Tatars were the most urbanized ethnographic group of Crimean Tatars. Cities, which are the centers of Crimean-Tatar culture and crafts, were located in the submontane territory, which determined the way of life and type of economic management of this group of Tatars. The main occupations of the city Crimean-Tatar population was felting, manufacture of glassware, tanning and turnery. Mountain and

---

⁴¹⁵ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 605.

⁴¹⁶ Ibid.

⁴¹⁷ Ibid. – S. 607.

submontane Tatars living in rural areas, engaged in about the same as the south-coast Crimean Tatars: gardening, tobacco and grain growing, forestry. The difference from the south-coast Crimean Tatars was in the relative poorness of soil, which was reflected the quality of products. "Growing varieties (tobacco-author's note) were considered worse than those from the south-coast, however, revenues still were great, and the crops of tobacco has steadily increased"⁴¹⁸.

A distinctive feature of the traditional way of life of the mountain Tatars was their increased Islamization - a phenomenon that indicates a deep rooting of Islamic religious traditions in all spheres of public life, which makes them similar to the peoples of the North Caucasus. According to the well-known anthropologist and archaeologist G. A. Bonch-Osmolovsky, the submontane Crimean Tatars, due to the diversity and intensity of production, are wealthier than the steppe Crimean Tatars⁴¹⁹. The most developed historically form of economy of this ethnographic group of the Crimean Tatars was agriculture, the structure of which was dominated by horticulture, gardening and tobacco growing.

Steppe Tatars (self - name - "Myngat", "Nogai") by the lifestyle and type of economic management were close to the traditional nomadic nations who were engaged in cattle breeding and agriculture. Their way of life and type of economy has undergone the greatest changes due to the inethnic colonization, which was manifested in the rejection of land, exploitation of the Tatars and their expulsion to emigration. "The rapid development of commercial grain economy destroyed the traditional cattle-breeding economy of the steppe," M. N. points out Guboglo⁴²⁰.

For several centuries, all ethnographic groups of Crimean Tatars merged into one single nation, which is confirmed by intensive language processes. There was a unification of material culture: the same general dwellings decoration, clothing, wedding and funeral rites, and holidays. Historically formed a general self-name for all the Crimean Tatars – "Crymly" or "Kyrymly".

---

⁴¹⁸ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 607.

⁴¹⁹ Bonch-Osmolovskii G.A. Krymskie tatary: zanyatiya i promysly tatar // Krymskie tatary: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. - S. 86.

⁴²⁰ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. - S. 608.

Analyzing the social structure and economic structure as the basic elements of the Crimean-Tatar traditional society, it is necessary to determine the periodization of the historical development of this ethnic community. Historiographical study is not the task of this political science research, so we will focus only on the most important aspects of historical periodization. Authoritative researchers, including the famous Crimean historian U. Bodaninskiy, define three stages of development of traditional Crimean-Tatar production and economic structure.

- The early period - the Golden Horde period (XIII-XV centuries). In the process of gradual settling of Crimean Tatars in Tavrida and regular communication with new neighbours (Greeks, Goths, Alans) there are changes both in the culture of traditional society and in economic terms. The spread of Islam has a great influence on the nomadic type of economy, tied to cattle breeding.

- The Ottoman period (mid – XV-late XVIII centuries) is characterized by the formation and strengthening of national handicraft industries. Factory workshops of artisans gained their development.

- The Russian period (from the end of XVIII century) is characterized by both political and "socio-economic oppression from the tsarist officials, landowners, their clergy, beys (princes) and Murz"⁴²¹. There is a crisis in the handicraft industry, and it starts focusing only on internal needs of the Crimean-Tatar society with insignificant industrial development. Religious factor at this stage acted as a deterrent, contributing to the preservation of the remnants of the traditional economic structure. As W. Bodaninsky noted, "in the household sphere factory workshops remained, because there were elements of the impact of Sharia in their structure - the legal norms set out in the Koran, and a large proportion of the promotion of Muslim clergy."⁴²² The resettlement of the Horde people in Crimea had a significant impact on their traditional tribal society. As already mentioned, under the influence of inter-ethnic contacts with neighbours, there were changes both in the culture of traditional society

---

⁴²¹ Bodaninskii U.A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu: iskusstvo i proizvodstva // Krymskie tatary: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYA», 2005. – S. 65.

⁴²² Ibid. – S. 66.

and in the economic way of life. They were in transformation of economy type from extensive to intensive. If their former habitat was relatively large, but with poor and waterless soil, the Crimea was a territory with a limited number of suitable for nomadic land. At the same time, this land, taking into account its natural and climatic conditions, organically contributed to the formation of other forms of management: agriculture, cattle breeding, cultivation, shepherding, etc.

The Crimean-Tatar family was polygamous, and its structure and size depended on material wealth. Long time remained the division of the Crimean Tatars into tribes (aimaks) and generations, consisting of genera and administered by elders (murza). As E.V. Vozgrin pointed out in his work, "at a later time, this title-position became hereditary similar to the Western European Institute of the mayorate."⁴²³ Despite the subsequent collapse of the tribal system of society, in the historical memory of the Crimean Tatars remained belonging to generations. A symbol of each family was a Tamga – the generation symbol. This phenomenon is still of great importance in the Crimean-Tatar ethnic community. The ancestral sign of the ruling Crimean khanate of the Gerai dynasty, called Tarak-Tamga, is used today by the Crimean Tatars as a national symbol.

Speaking about the ethnic symbols of the Crimean Tatars, we can refer to the researcher Gwendolyn Sasse, according to her national symbols remain an important factor in the formation of ethnic identity. She describes this process in detail in her work: "The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict".

"The society of the Motherland"⁴²⁴ has created national symbols that still remain in the focus of attention of the Crimean-Tatar national identity. The flag was designed in 1917 as the national flag of the Crimean Tatars and the independent Crimean state. Its turquoise color refers to the pan-Turkist identity and originated in the pan-Turkist movement in Istanbul, and the Golden Trident stamp of the Crimean khans (Tarak-Tamga), found on some relics of the khanate, is imprinted on the upper

---

⁴²³ Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. – M.: Mysl', 1992. – S. 171.

⁴²⁴ «Obshchestvo Rodiny» («Vatan Cemiyeti») - organizatsiya natsional'nogo dvizheniya krymskikh tatar, sozdannaya v 1909 g. aktivistami Dzh. Seidametom, Ya. Kerchi, A. Shukri i Ch. Dzhikhanom (Chelebievym) dlya tainogo rasprostraneniya sredi krymskikh tatar proklamatsii o neobkhodimosti reform v religioznoi zhizni.

left corner of the flag. It symbolizes the independence of the Crimean khans and their successors." And, as she notes, "historical accuracy was less important than symbolic expressiveness. Also in the early twentieth century national communities re-established a long-forgotten Crimean term Kurultai (meeting). These fundamental symbols remain important today."⁴²⁵ At the present stage, the national flag of the Crimean Tatars with Tarak-Tamga are unconditional symbols of the Crimean-Tatar movement around the world. On June 30, 1991, the newly convened Kurultai readopted this flag as a national flag.⁴²⁶ Since 2010 the Crimean-Tatar ethnic community celebrates the day of the Crimean-Tatar flag, including the period after 2014⁴²⁷.

It should be noted that the guild structure of the Crimean Tatars was a special kind. Each workshop existed as a special organization with a governing body formed on an elective basis, and the organizational charter, which was called "selef-name", which means "rules of ancestors". Workshops, the number of which reached 50, were united in one union called Esnaf, which was headed by an elected Esnaf-Bashi. Along with Asnaf-Bashi a religious protector– Nakab was chosen, which was supposed to be from the descendants of prophet Muhammad, the sayyids of the line of his daughter Fatima - the wife of the Caliph Ali. Special labels were given to seyids by Crimean khans to confirm their rights to this title. As W. Bodaninsky notes, "due to the fact that in the structure of the workshops there was religious control, and they did not have an political element, the old state power of Russia did not touch them and turned a blind eye to them. However, neither the state nor the country councils were paying attention at the national crafts and did nothing in order to help them to build marketing, to create a commodity service, to cooperate, although in some provinces of old Russia assistance steps to artisans from the country councils were

---

⁴²⁵ Sasse G. *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict*. - Cambridge: Harvard University Press, 2007. – P. 76-77.

⁴²⁶ Postanovlenie Kurultaya ot 30 iyunya 1991 goda. OOO «Agentstvo «Krymskie novosti». URL: <http://www.webcitation.org/69iM3wqqL> (data obrashcheniya: 07.07.2018).

⁴²⁷ Krymskie tatory otprazdnovali Den' natsional'nogo flaga avtoprobegom // IA «RIA» Novosti ot 26.06.2016. URL: <https://ria.ru/society/20160626/1452584073.html> (data obrashcheniya: 07.07.2018).

made"⁴²⁸. Thus, after the annexation of the Crimean khanate to the Russian Empire, the handicrafts of the Crimean Tatars closed within the national tradition and could not master the technical achievements of labor of that time, including its more rational organization. Machines and tools of production, as W. Bodaninsky writes, until 1917 did not change, remaining in the form of frozen archaic remnants⁴²⁹. Manual labor of production determined low labor productivity. "Spending a lot of workforce on the production, the artisan could not sell his products for sure, because the market was limited to the Crimea and only the southern part of Ukraine."⁴³⁰

Famine that arose in the Crimea in 1921-1922, dealt a devastating blow to the Crimean-Tatar artisanal production (see table 8). However, not only social cataclysms affected the decline in the handicraft production of the Crimean Tatars. The cultural changes that took place after the great Russian revolution of 1917, associated with a radical change in the foundations of the traditional life of the Crimean Tatars, had a negative impact on handicraft production. This was because the handicraft industry was based on the satisfaction of household economic needs of the Crimean-Tatar population, and after 1917 these needs began to change. W. Bodaninsky writes about this: «Dowry was prepared before the wedding, which included a set of copper kitchenware, shoes, women's jewelry, embroidery, dresses, linen from homespun canvas, carpets, felt, and so on. All of these items were made by craftsmen: tinsmith, goatskin makers, jewelers, weavers, embroiderers. Now, under the influence of Sovietization of life, Tatar wedding takes place without any decorative parts and without strict observance of traditional customs, just in the registry Office. The modern Tatar girl does not need an expensive dowry, and there is no means to buy it. Now weddings according to the old rites rarely happen in the villages of the Crimea, and if they happen, then by greatly simplified method"⁴³¹.

---

⁴²⁸ Bodaninskii U.A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu: iskusstvo i proizvodstva // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYA», 2005. – S. 66-67.

⁴²⁹ Ibid. – S. 67.

⁴³⁰ Ibid.

⁴³¹ Ibid. – S. 68.

Thus, it can be concluded that the destruction of the traditional economic structure in the form of handicraft industry of the Crimean Tatars in the Soviet period was caused with the deprivation of the internal sales base of its products with even earlier deprivation of the external sales base.

Crimean-Tatar folk crafts (production of fabrics, carpets, felt) underwent significant changes in accordance with the forms of the national economy and external influence associated with the strengthening of contacts with neighbouring ethnic communities. The transition from nomadic life to settled life changed the traditional economic form of the Crimean Tatars: from natural cattle breeding to agriculture. Viticulture, tobacco growing, cultivation of fruit and vegetables began to develop. However, U. A. Bodaninsky states that nomadic habits for a long time kept among the settled population of the Crimea⁴³². With the transition to agriculture, cattle breeding became the Crimean Tatars subsidiary economic form, while in some areas of the Crimea, due to natural conditions (Saline steppes), until the XIX century cattle breeding remained the main economic form⁴³³.

An important factor that influenced the basic characteristics of the traditional Crimean-Tatar society was the adoption of Islam in the XIII century, which replaced paganism. "For almost the entire second millennium of our era, and especially concentrated in the period from the beginning of XIII to the beginning of XX century, the Crimean-Tatar culture is in close connection with Islam and acts on the East European arena, primarily as a Muslim culture, that is different with its religious guidelines from neighbouring (Slavic, as well as Romanian, Greek, Armenian, Jewish and other) cultures and because of the same religious guidelines especially close to the Turkish culture and cultures of the nations of Russia, members of the Islamic area (North Caucasus, Volga region)."⁴³⁴ According to their religious affiliation, the Crimean Tatars are Turkic-speaking Sunni Muslims of the Hanafi madhhab (tolka), whose ethnic identity as an independent group was formed in the XIV-XV centuries.

---

⁴³² Bodaninskii U.A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu: iskusstvo i proizvodstva // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYA», 2005. – S. 78.

⁴³³ Ibid.

⁴³⁴ Chervonnaya S.M. Iskusstvo tatarskogo Kryma. – M., 1995. – S. 29.

The Hanafi madhhab is one of the four theological and legal schools in Sunni Islam. The school was named after its founder - Muslim theologian of the eighth century, Abu Hanifa. The Hanafi madhhab is the most common among all the legal schools of Sunni Islam in the world. Today about half of the Muslims of the world are the followers of the Hanafi madhhab. Almost all Turkic-speaking nations, professing Islam, are followers of the Hanafi school. In the modern Russian Federation, the Hanafi madhhab is also the most widespread theological and legal school among Muslims. The exceptions are the majority of Muslim nations of the North Caucasus, belonging to the Shafi'i madhhab – theological and legal school, founded by Imam al-Shafi'i in VIII-IX centuries. Also among the Crimean-Tatar Muslim population, there were representatives of the Sufi direction in Islam, headed by the sheikhs.

Islam played an important role in forming not only the culture of the Crimean-Tatar ethnic community, but also in education. M. A. Khairuddinov - well-known expert in the field of Crimean-Tatar ethnopedagogy points out, "the Muslim model of education is built, first of all, on the Koran and the Sunnah, as well as on scientific and theoretical achievements of scientists-encyclopedists of the East Abu Ali Ibn Sina, Ibn rushda, al-Ghazali, etc."⁴³⁵ The system of public education in the traditional Crimean-Tatar society has always been at a high level. V. E. Vozgrin writes about this "Universal compulsory education in parish schools (mektebe) for children from 6 to 15 years was introduced here much earlier than in Russia. Schools were in every village that had a mosque. In the early nineteenth century there were 1556 mosques, i.e. one school had from 700 to 800 people, which also far exceeded the national level. But as the years passed, and the Imperial administration consistently closed mosques, dismissed schools, so in 1890 there were only 275 mektebe left... but new schools for the Tatars were not created"⁴³⁶. The education system in the traditional Crimean-Tatar society was two-level:

- 1st level - primary education (mektebe);

---

⁴³⁵ Khairuddinov M.A. Kul'tura musul'manstva i narodnaya pedagogika krymskikh tatar // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2002. - № 28. – S. 170.

⁴³⁶ Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. – M.: Mysl', 1992. – S. 369.

- 2nd level - secondary education (madrasah).

Mektebe and madrasahs were kept at the expense of the Muslim community. "Several ... communities have one mosque: several dozen of them-one madrasah, a high school, where all the knowledge of Muslims is concentrated and has a source, where their theologians, lawyers, mullahs, Akhuns, teachers and scientists come from."⁴³⁷ The annexation of the Crimean khanate to the Russian Empire in 1783 was a factor in the spread of secular knowledge in the Crimean-Tatar environment. The role of national educational institutions and education in the Crimean-Tatar language was gradually reduced to a minimum. "The Russian administration began to create Russian-Tatar schools, schools, teachers' training schools, which were a step forward in the dissemination of secular knowledge among the Crimean Tatars, but consistently carried out a course on the curtailment of national educational institutions and education in their native language. Cultural development of the nation was in the band of stagnation"⁴³⁸.

In a large scientific work devoted to the study of Islam in the Crimea, "Islam in the Crimea: Essays on the history of the functioning of Muslim institutions" it is stated that Islamic institutions, which include a mosque, madrasahs, Sharia court, waqfs (land donated to the maintenance of mosques and madrasahs), Sufi monasteries became the basis of social relations, where strong positions were held by communities, family, clan, quarterly or rural community, trade and craft associations, Sufi brotherhood. "The structure of Muslim clerics, ensuring the functioning of these institutions, was included in the system of public administration. At the same time, the Crimean khanate retained many features of the state and judicial practice of the Golden Horde period, in which the secular and spiritual branches of government functioned separately."⁴³⁹ This division of power, historically inherent in the traditional Crimean-Tatar society, may be the reason for still existing separation of

---

⁴³⁷ Gasprinskii I. Rossiya i Vostok. Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina. – Kazan': Fond Zhien «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo», 1993. – S. 40.

⁴³⁸ Khairuddinov M.A. Kul'tura musul'manstva i narodnaya pedagogika krymskikh tatar // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2002. - № 28. – S. 170.

⁴³⁹ Boitsova E.V., Gankevich V.Yu., Muratova E.S., Khairedinova Z.Z. Islam v Krymu: Ocherki istorii funkcionirovaniya musul'manskikh institutov. – Simferopol': Elin'o, 2009. – S. 30.

powers in the Crimean-Tatar ethnic community. The third chapter will examine in detail the structure of the actors of the Crimean-Tatar ethno-political process, it will describe the division of power into "secular", represented by banned in Russia Mejlis of the Crimean-Tatar nation", and "spiritual", presented by the Spiritual Administration of Muslims of Crimea in the period preceding the events of 2014.

For ethno-political research of ethnic groups professing Islam, it is important to analyze the religious factor in ethno-political mobilization. In this regard, it is appropriate to draw an analogy with the national liberation movement of the highlanders of the North Caucasus of the XIX century, since the era of the XIX century is characterized for the Russian Empire by the time of establishing control over significant territories, populated by nations professing the Muslim religion. By the 1860s, Russia gradually established control over the lands of the North Caucasus from the Black Sea to the Caspian Sea, as a result of which most of the highlanders of the Western Caucasus left their homeland. In the 1820s, the northern provinces of Iran, including the Azerbaijani khanates, were annexed to the Empire. In the 1850s, the territories of modern Kazakhstan were finally included in Russia. In the 1860-1880s, Russian army conquered the territories of Central Asia, including the Kokand khanate, part of the lands of the Bukhara Emirate, and Turkmen territories (Transcaspian region). As a result of the Russian-Turkish war of 1877-1878 the Kara region and Adjara were annexed.⁴⁴⁰

This movement was firmly tied to the Islamic religious factor, and in the minds of the highlanders, the struggle with the Russian Empire was perceived as a struggle of a religious nature. In the case of the Crimean khanate, which lost its independence in 1783, as a powerful resource of ethno-political mobilization at the turn of XIX – XX centuries was not a religious factor, but the idea of pan-Turkism, actively developed by Ismail Gasprinsky - the founder and ideologist of the Crimean-Tatar movement of the late XIX-early XX centuries. At the same time, the Islamic factor in his activities should not be discounted, because of the fact that he was one of the

---

⁴⁴⁰ Khabutdinov A.Yu. «Russkoe musul'manstvo» Ismaila Gasprinskogo: edinstvo v mnogoobrazii. – M.: ID «Medina», 2011.

organizers of the first Muslim party in the Russian Empire, Ittifak al-muslimin. Some researchers point out that it was not just about the genesis of a single Turkic nation, but the genesis of Russian Muslims as a political and legal community. His main ideological platform, on which he relied in his social and political activities, was the idea of pan-Turkism, based on the focus on the unification of the Turkic nations of the state in a single cultural, religious and political space "Great Turan". O. V. Ryabtsev points out in his study, " in accordance with the fundamental principles of pan-Turkism, this state should unite the following regions: Minor Asia (Turkey), part of the Balkans, Crimea, Turkic-speaking areas of the North and South Caucasus, Northern Iran, the Volga region, the Urals, southern Siberia, Central Asia, and Eastern (Chinese) Turkestan⁴⁴¹. Newspaper "Tarjuman", acting as the organ of the Turkic nations of the Russian Empire and an information megaphone of the Muslim community, became a platform for forming this ideology. A significant characteristic of this phenomenon is that the movement of Ismail Gasprinsky was focused not only on the Crimean Tatars, but also on all ethnic groups of the Russian Empire, professing Islam. As pointed out in the work of A. J. Habutdinov: "Ismail Bey manages to combine the part of the elite of Muslims, which sought to control not individual settlements or areas, but has built his network in the international, global or at least regional scale. It involved millionaires from among the oil Industrialists of Baku, cotton industrialists of Turkestan and leaders of the wholesale trade of the Tatars, Sufi sheikhs, students, printers and publishers, mudarises⁴⁴² and noblemen⁴⁴³.

Despite the decisive influence of Muslim clerics in all matters of life, Islam, however, failed to completely oust the pagan elements of the Crimean Tatars. In his ethnographic study G.A. Bonch-Osmolovsky indicates that pagan elements were in the holidays, including purely Islamic religious, in the cult of some dead people (the

---

⁴⁴¹ Ryabtsev O.V. Setevoi printsip deyatel'nosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii : na primere krymsko-tatarskogo natsional'nogo dvizheniya: dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02. – Rostov n/D, 2008. – S. 62.

⁴⁴² Mudarris – преподаvatel', znatok islamskoi religioznoi yurisprudentsii i etiko-pravovykh norm.

⁴⁴³ Khabutdinov A.Yu. «Russkoe musul'manstvo» Ismaila Gasprinskogo: edinstvo v mnogoobrazii. – M.: ID «Medina», 2011.

belief of lighting the green lights on some tombs), in the existence of some mythical characters from popular beliefs (dark spirits, gods, devils, werewolves, etc.)⁴⁴⁴.

The Crimean-Tatar traditional society in the Crimean khanate was stratified. There were Bai (rich men), who had, as O. F. Dombrovsky writes, "from three to four pairs of oxen, two or three cows, up to 150 sheep, from four to six draught horses, saddle horses and for bread threshing."⁴⁴⁵ Bai hires one or two employees. Non-bais, who rarely had three or four oxen, mostly joined several people together, forming a joint farm. In addition to the two main ones – animal husbandry (especially horse breeding) and agriculture – the Crimean Tatars had another source of livelihood. The phenomenon of the slave trade and raids – ruinous paramilitary campaigns in the neighboring land for the purpose of plunder of property and the capture of the people occupies some period in the ethnic history of the Crimean Tatars. The slave trade, as a social phenomenon, existed before the Crimean khanate. It should also be borne in mind that the raids and slave trade, as a source of livelihood, were almost universal at that time. At the same time, the main participants of the raids, representing the Crimean khanate, were not the Crimeans themselves, but the steppe inhabitants of the Black Sea – Nogai Tatars. V. E. Vozgrin - well-known researcher of the history of the Crimean Tatars in his work "Historical destinies of the Crimean Tatars" states that they were more adapted to this than the indigenous Crimean-Tatar population based on the southern coast and the mountainous part of the Crimea. South coastal, mountain and submontane Tatars are the core of the Crimean-Tatar ethnic group in the Crimea, because there were key institutions of governance, and also because "the ancient customs were preserved here, absolutely alien to nomadic-aliens, who were readily answering to call for a raid"⁴⁴⁶.

The overwhelming population of the Crimean Tatars (Tatars of the southern coast, submontane and mountain parts of the Crimea) was agricultural that objectively complicated to organizers of attacks recruiting in ruinous campaigns to

---

⁴⁴⁴ Bonch-Osmolovskii G.A. Krymskie tatory: verovaniya // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. - Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. – S. 96-97.

⁴⁴⁵ Dombrovskii F.O. Neskol'ko slov o bashtanakh v Evpatoriiskom uezde // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. – S. 170.

⁴⁴⁶ Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. – M.: Mysl', 1992. – S. 160.

neighbours. Thus, it can be concluded that the later ascribed ethnic stereotypes about the Crimean Tatars as robbers living only by raids are untenable due to the lack of objective reasons for this, namely, the prevalence of peaceful agricultural labor in the Crimean-Tatar traditional society. "A short experience with raids with their temptations of rapid enrichment gave way (XVII century – author's note) to the newly appreciated ancient Crimean tradition because the peaceful development of the economy "completely coincided with the manners and image of the inhabitants of the Peninsula""⁴⁴⁷.

Before joining the Russian Empire, the Crimean khanate had the following forms of land ownership:

- the Sultan's domain;
- land ownership of Khan and kalga;
- ownership of murzas and beys;
- waqfs;
- ownership of "dzhemaata" - communities ownership;
- "zanas" - field arable land, "chairas" - fenced off land on state's, landlords'

and community lands, existing on the basis of the Sharia.

The governing body in the community was a gathering of elders, clergy and respected people (for example, those who made a pilgrimage to Islamic religious shrines). After the annexation of Crimea to Russia, the land holdings of the Crimean Tatars declined sharply⁴⁴⁸. In the XIX century, most of the land belonged to the nobility and merchants. In the 80s of the XIX century Crimean Tatars had 142 560 acres of land in the Crimea, at the same time, for example, Germans-colonists had 209 913 acres of land⁴⁴⁹.

The linguistic picture of the world of any ethnic community is formed by a set of material and spiritual culture of the people, which is reflected in the language. This linguistic picture reflects all the stages of development of the ethnic group, as well as the forms and ways of its life. Proper names - onyms-are an important linguistic unit

⁴⁴⁷ Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. – M.: Mysl', 1992. – S. 160.

⁴⁴⁸ Ibid.

⁴⁴⁹ Nemtsy v Krymu: ocherki istorii i kul'tury. – Simferopol': Tavriya Plyus, 2000. – S. 20.

that allows you to analyze diverse information about the subject: its location, the time of its creation, the language of naming, the people who gave it this name, the assessment of its place in the overall culture of the ethnic group. As pointed out by A. M. Emirova, "own names mark the natural and social sphere of life of the ethnic group and form the cultural space in which these people feel "at home"⁴⁵⁰. Being cumulative (aggregating information about ethnogenesis, history, religion, moral preferences and assessments) cultural signs, onyms are one of the tools of ethnic identification. In this regard, the restoration of the former toponymy was one of the first demands of the Crimean-Tatar national movement since the late 1980s, as a factor in the restoration of the ethnic and cultural heritage of the Crimean-Tatar people. The historical names of villages, cities, rivers, reservoirs, mountains, hills and other natural tracts, which had Crimean-Tatar language origin, were renamed by the Soviet and party authorities in the first few years after the forced eviction of the Crimean Tatars from the Crimea. According to A. M. Emirova, it was made for political reasons-to erase any traces of centuries-old stay of the Crimean Tatars on this land⁴⁵¹. It is difficult to disagree with this, taking into account the actions of the Soviet authorities at all levels to purposefully eradicate the Crimean-Tatar factor from the Crimea in the period from 1944- late 1980s. This aspect will be discussed in the third Chapter more detailed.

The Crimean-Tatar mass media frequently uses dual naming of geographic features: Aqmescit (Simferopol), Karasubazar (Belogorsk), Aqyar (Sevastopol), Kokkoz (Sorolineo), Ai-Vasil (Vasil'evka), and others. Crimean-Tatar personal names are much of Arabic origin that is related to the adoption of Islam in the XIII-XIV centuries by the Crimean Tatars. In the period prior to the 1944 deportation, Crimean-Tatar personal names were subjected to the enhanced Russian influence that found expression in the loss of traditional forms of aggregate naming – personal name + father's name and/or nickname: Mehmet Niazi, Kerim Rashid Djamanakly,

---

⁴⁵⁰ Emirova A.M. Krymskotatarskie sobstvennye imena kak kumulyativnye znaki etnicheskoi kul'tury // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 209.

⁴⁵¹ Ibid.

Seid Abdullah Ozenbashly, Noman Chelebi Djihan, Trosh Aishe Ali, etc. A. M. Emirova writes that common name appears according to the Russian formula - first name + patronymic name ended in –ovich/-evich, -ovna/-evna + surname ended in –ov/-ev, -ova/-eva: Asan Sabri Ayvazov, Emirov Mehmet Alievich, Zemine Mustafaevna Dagdzhi, Arifov Agya Jalil, etc. Russified patronymic name often was not recorded in the documents⁴⁵². In the conditions of living in special settlements, Crimean Tatars attempted to draw up documents in accordance with the traditional formula, but they faced administrative obstacles. After repatriation to the places of origin, many persons of Crimean-Tatar nationality began to attempt to revive the traditional form of personal names.

As the researcher I. I. Kalnoy points out, identity is a constitutive factor of social life. It acts as a binding beginning of the life of society, because the potential of any idea can be realized only when this idea is rooted in the structure of the individual through its identity⁴⁵³. Crimea is characterized by a combination of regional, ethno-cultural and civil identity. In modern studies of the Crimea inhabitants' identities, it is becoming popular to assert a brightly expressed regional (Crimean) identity, which is more expressed than ethnic identity. A thesis of the Crimean autonomism is bringing out. "Gene of autonomy of Crimea actively declared itself in the twentieth century. In the era of revolution and civil war of 1917-1920 Crimean autonomism was finally formed. Several attempts to create autonomous formations in Crimea by various political forces ended with the creation of the Autonomous Crimean Soviet Socialist Republic on October 18, 1921 – the "Autonomous state of workers and peasants" within the RSFSR."⁴⁵⁴

However, the exception is the Crimean Tatars. In comparison with the other two largest (Russian and Ukrainian) ethnic communities of Crimea, they have the

⁴⁵² Emirova A.M. Krymskotatarskie sobstvennye imena kak kumulyativnye znaki etnicheskoi kul'tury // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 211.

⁴⁵³ Kal'noi I.I. Kontury krymskoi regional'noi identichnosti: pro et contra // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 245.

⁴⁵⁴ Lantukh N.A. Ob «ostrovnoi napravlenosti krymskoi regional'noi identichnosti / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 260.

greatest ethnic self-identification. According to a sociological study conducted by the center for ethnosocial research, the priority of ethnic self – identification among Crimean Tatars is about 80%, while Russians – 32%, Ukrainians-28%⁴⁵⁵. According to some data of a series of sociological surveys carried out by the researcher S. A. Efimov⁴⁵⁶, among ethnic Russians and Ukrainians there is a priority of regional self-identification over ethno-cultural (see table 4). At the same time, regional (Crimean) identity prevails in the structure of identities for all residents of Crimea (see table 5). According to these data, the predominant Crimean regional identity can be traced in Russians and the smallest among the three largest ethnic groups of the Crimea – the Ukrainians. Crimean Tatars have a greater commitment to the preservation of the Republican status of the Crimea (see table 6). These data allows us to conclude that the Crimean-Tatar ethnic community has both an expressed ethnic identity and a desire to preserve the high Republican status of the Crimea, but as a part of Ukraine. Proceeding from this, it is necessary to agree with the statement of the researcher V. A. Temnenko that the problems of regional identity and electoral behavior of Crimeans should be interpreted within the Crimean ethnic triad: the search for a single "border" identity in the Crimea would be a search for emptiness⁴⁵⁷. The Crimean ethnic triad is understood as a set of relations between Russians, Ukrainians and Crimean Tatars, who make up more than 90% of the population of Crimea (see table 7).

The national consciousness of the Crimean Tatars is characterized by a deep belief in their own autochthonous origin from the ancient inhabitants of the Crimean Peninsula⁴⁵⁸. This can serve as an explanation for the feeling of the indigenous people of the Peninsula in the self-consciousness of the Crimean Tatars. This fact is reflected

⁴⁵⁵ Filatov A.S. Krym: etnokul'turnye orientiry i politicheskie ustanovki. Krymskii irredentizm i ukrainskii separatizm / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 187.

⁴⁵⁶ Efimov S.A. Nekotorye sotsiologicheskie shtriki k voprosu ob identichnosti krymchan / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.

⁴⁵⁷ Temnenko V.A. Krym – vypavshee zveno konfliktnoi dugi / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 273.

⁴⁵⁸ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 609.

in the historical desire of the leaders of the national movement towards the adoption of the ethnonym "Crimean Tatars", "crymlar" (literally – "crimeans") or "crymly" ("crimean") as the only acceptable one. In this case, the word "Crimea" in the ethnonym is a determining factor in the binding of this ethnic group to the Crimean Peninsula, which caused resistance of the Soviet authorities. As M. N. Guboglo points out in his study, " the leaders of the national movement expressed countless protests against the fact that this historical self – name did not take into account the official statistics of the USSR and the census of the population, forcing the Crimean Tatars to be recorded simply as the Tatars, against offensive expressions for national dignity such as "persons of Tatar nationality living in the Crimea" instead of clear and precise - "Crimean Tatars"⁴⁵⁹. A detailed research of this aspect will be carried out in the third chapter of this work.

Historical memory, which is understood as a set of historical messages, myths, reflections of the victim nature of the people transmitted from generation to generation, performs an important function of the consolidation of ethnicity. Crimean-Tatar ethnicity during its formation and development has formed certain basic markers of this memory, with the presence of a significant layer of victim factors.

The following paragraph is devoted to the analysis of the demographic aspect of the Crimean-Tatar ethnic community and the identification of its relationship with the modern phenomena of ethno-political life.

---

⁴⁵⁹ Ibid. – S. 609-610.

2.2 Ethno-demographic dynamics of the Crimean-Tatar ethnic group

The Crimean-Tatar presence in Crimea has strong historical foundations. In the fifteenth century the Crimean khanate was established there. For three hundred years (1475-1774) this state was under the protectorate of the Ottoman Empire, "for which it served as a political and economic support, as well as ensuring its security."⁴⁶⁰ Russian-Turkish war (1768-1774) ended with the signing of the Kyuchuk-Kaynardja peace Treaty, involving the recognition of the Ottoman Empire the independence of the Crimean khanate, although, in fact, this has not happened. At that time, the Crimean-Tatar population of the Crimean Peninsula was more than 80% (see graph 3) In 1783 the accession of Crimea to the Russian Empire happened, which resulted in significant political and social changes, which in turn led to serious demographic changes on the Peninsula. The data presented in graphs 2 and 3 and in the histogram 1 of this thesis (see Appendix) allow us to conclude that in fact, the policy pursued by the authorities of the Russian Empire was aimed at the replacement of the Crimean population.

The state created conditions conducive to the exodus of Crimean Tatars from the Peninsula and colonization by colonists from a number of provinces of the Russian Empire. D. V. Mukhetdinov and A. Y. Khabutdinov write in their work, "this did not mean the total expulsion of Muslims, but from now and then they had to play by the rules of the "Third Rome". Dissenters, mainly nomads, died or emigrated. For those, who were loyal, in the last years of the reign of Catherine II, the framework of the spiritual life of Muslims of the former khanate was determined."⁴⁶¹

Turkish scientist Ismail Aydyngyun characterizes this policy as "a course for the slavonization of the Crimea."⁴⁶² The result of this state policy⁴⁶³ was the mass

---

⁴⁶⁰ Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30). – P. 135.

⁴⁶¹ Mukhetdinov D., Khabutdinov A. Krym: musul'manskaya obshchina v kontekste obshchego razvitiya regiona // Islam v sovremennom mire. - 2014. - № 4(36). – S. 52.

⁴⁶² Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30). – P. 135.

emigration of the Crimean Tatars mainly to the lands of the Ottoman Empire, especially after the Crimean war of 1853-1856. As can be seen from the graph 3, the number of Crimean-Tatar population in 1897 decreased to one third in relation to 1783. Several years before the forced migration of nations, inhabiting the Crimea, in 1944, their percentage did not exceed quarter of the total population of the region. In the Crimean historiography there were two waves of mass emigration of the population from the Crimea, a significant percentage of which were the Crimean Tatars:

- The period after the annexation of Crimea to Russia in the third quarter of the XVIII century

- The period after the Crimean war in the mid-nineteenth century

The issue of the formation of the diaspora of this ethnic group is important to understand the essence of the ethno-political mobilization of the Crimean Tatars. We believe that the origin of the Crimean-Tatar national movement was the diaspora, spontaneously formed in the Central Asian republics of the USSR. Some researchers suggest considering the process of formation of this diaspora as the background of the emergence of the national movement⁴⁶⁴.

The formation of the Crimean-Tatar Diaspora took place over three historical periods:

- The period of the Crimean khanate (XV-XVIII centuries);
- The period of the Russian Empire (1783-1917);
- The Soviet period (1917-1991.);
- The post-Soviet period (since 1991).

Each of these periods can be divided into several stages. The historical details of these stages are not the subject of this research, so we will not focus on them significantly. Let us focus only on the important facts from the point of view of political analysis.

---

⁴⁶³ Esli opredelyat' gosudarstvennyuyu politiku kak tselenapravlennoye deystviya organov gosudarstvennoi vlasti v kakoi-libo oblasti, imeyushchie sistemnyi kharakter.

⁴⁶⁴ Seidametov E.Kh. Formirovaniye krymskotatarskoi diaspory: sovetskii period (1917-1944 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.

The migration movement from Crimea to Muscovy, Poland, Lithuania, Sweden, the Ottoman Empire and other states, which began in the XV century, became the source of the Crimean-Tatar Diaspora formation. According to the researcher of the processes of Crimean-Tatar Diaspora formation, historian E. H. Seydametov this process continued in close dependence from diplomatic relations existing between the two countries throughout the time of existence of Crimean khanate. Settling on new lands, the Crimean Tatars took an active part in the socio-political, cultural, economic life of these countries, playing an important role in the further ethno-genesis of nations.⁴⁶⁵

The formation of the Crimean-Tatar Diaspora in the period of the Russian Empire, which arose in 1783, was a consequence of the emigration movement caused by the colonialist policy of the new authorities in the Crimea. According to E. H. Seydametov, the purpose of this policy was to oust the Crimean-Tatar nation from the Crimea through the policy of political, socio-economic, national and religious oppression, and the subsequent colonization of the Peninsula by colonists from the internal provinces of the Russian Empire and other states⁴⁶⁶. The second wave of emigration came in the period after the Crimean war of 1853-1856. At the end of the XVIII century mostly mountainous Crimean Tatars immigrated from the Crimea, but from the mid-nineteenth century more than 90% of emigrants were steppe Crimean Tatars, which was caused both by the consequences of war, and the growing lack of land and landlessness of the rural population⁴⁶⁷. The third wave of emigration falls on the period from 1874 and was caused by the introduction of universal conscription. Crimean-Tatar conscripts were required to serve in military units, which did not involve the execution of their religious orders. Emigration took place mainly illegally, without passports⁴⁶⁸. Thus, we can say that the reason of the Crimean-Tatar Diaspora formation at that time was forced emigration. It happened in 1783-1917 on

---

⁴⁶⁵ Seydametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetskii period (1917-1944 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139.

⁴⁶⁶ Ibid.

⁴⁶⁷ Kiseleva N.V., Mal'gin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskie opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniya. – Simferopol': Salta, 2015. – S. 23.

⁴⁶⁸ Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. – M.: Mysl', 1992. – S. 246.

the territory that belonged to Ottoman Empire. The most populated by natives of the Crimea were the lands of Dobrudja (now located on the territory of Romania and Bulgaria) and Turkey itself.

The fourth wave of emigration of Crimean Tatars took place in the 1920s-1940s, up to their forced eviction in 1944. This wave consisted of several stages. The first stage occurred at the beginning of the 1920s and was caused by the consequences of the famine of 1921-1922. According to some data, under the influence of hunger, there was a reduction in the total population of Crimea by 21% (about 150 thousand people), of which 100-110 thousand died and about 50 thousand emigrated⁴⁶⁹. The main point of immigration was Turkey, and to a lesser extent the United States. Soviet 'localization policy' in Crimea since the beginning of the 1920s, the purpose of which, as E. H. Seidametov rightly argues, was to strengthen its authority among the indigenous population of Crimea, as well as "to attract the sympathy of the nations of the East to this "fair" and "legal" power"⁴⁷⁰, led to a reduction in the emigration movement of the Crimean Tatars. However, by the end of the 1920s, this policy was curtailed and replaced by repressive, which caused another wave of emigration of the Crimean Tatars. It should be noted that emigration during this period was small due to the strengthening of state control over emigration flows. According to estimates of researchers, during this period about 10 thousand persons from among the Crimean-Tatar population left the Crimea⁴⁷¹. Factor in the preservation of ethnic identity of Crimean Tatars in the period from the late eighteenth century in the territories of Turkey, Romania, Bulgaria, we can assume the existence of the Crimean-Tatar immigrants in the mono-ethnic environment for the

---

⁴⁶⁹ Ursu D.P. Bekir Choban-zade. Zhizn'. Sud'ba. Epokha. – Simferopol': Krymskoe uch.-ped. izdatel'stvo, 2004. - S. 63, 67; Arian S. Kirim'daki soykirim unutmamiz. – Ankara, 1994. – S. 24 / Op. cit. Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetkii period (1917-1944 gg.) / Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.

⁴⁷⁰ Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetkii period (1917-1944 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 140.

⁴⁷¹ Ursu D.P. Bekir Choban-zade. Zhizn'. Sud'ba. Epokha. – Simferopol': Krymskoe uch.-ped. izdatel'stvo, 2004. - S. 63, 67; Arian S. Kirim'daki soykirim unutmamiz. – Ankara, 1994. – S. 24 / Op. cit. Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetkii period (1917-1944 gg.) / Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.

reproduction of their own ethnic group, which contributed to the preservation of the Crimean-Tatar ethno-cultural core.

Specialists divide Crimean-Tatar emigration during the Second World War into "Western" and "Eastern". Emigration of the Crimean Tatars to the West took place during the occupation of the Crimea by Nazi invaders. According to M. Altan for about 10 thousand refugees and prisoners of war of the Crimean Tatars left with the retreat of the Nazis⁴⁷². 5 thousand people who returned later were arrested and sentenced by the state authorities of the USSR. Those who have not returned to the Soviet Union settled in Romania, Bulgaria, Austria and Germany⁴⁷³. At the end of the Second World War, in 1948-1950-ies, with the help of the UN 95% of the Crimean Tatars emigrated from Germany to Turkey. Due to the economic crisis in Turkey in the late 1950s, representatives of emigration movements of the 1930s and 1940s moved to America, the Fund of L. Tolstoy assisted them⁴⁷⁴. "Eastern" emigration of the Crimean Tatars occurred because of forced eviction by the state authorities of the USSR from the Crimea in 1944 to the territory of Central Asia, the Urals, Siberia, Altai and other regions. Thus, we can draw the following conclusion: the history of the Crimean-Tatar Diaspora began with the annexation of Crimea to the Russian Empire in 1783, which led to several waves of emigration over the next century and a half. The demographic base of the Diaspora were those persons from among the Crimean Tatars, whose situation was destroyed or significantly worsened as a result of the purposeful (colonization) policy of the Russian state (the Russian Empire, the USSR until the middle of the XX century). Residents of the internal provinces of the Russian Empire, mainly Russians, rapidly settled on the liberated territory, as evidenced by the data given in the histogram (see Appendix). For a relatively short

---

⁴⁷² Ursu D.P. Bekir Choban-zade. Zhizn'. Sud'ba. Epokha. – Simferopol': Krymskoe uch.-ped. izdatel'stvo, 2004. - S. 63, 67; Arian S. Kirim'daki soykirim unutmamiz. – Ankara, 1994. – S. 24 / Op. cit. Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetkii period (1917-1944 gg.) / Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.

⁴⁷³ Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetkii period (1917-1944 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 140.

⁴⁷⁴ Ursu D.P. Bekir Choban-zade. Zhizn'. Sud'ba. Epokha. – Simferopol': Krymskoe uch.-ped. izdatel'stvo, 2004. - S. 63, 67; Arian S. Kirim'daki soykirim unutmamiz. – Ankara, 1994. – S. 24 / Op. cit. Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspori: sovetkii period (1917-1944 gg.) / Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.

historical period of time (about 150-200 years), the ethno-religious structure of the Crimean Peninsula has undergone significant changes, which indicates the actual artificial replacement of the Crimean population by the authorities of the Russian Empire. In this regard, the following statement proposed by the above-mentioned Russian researchers-scientists D. V. Mukhetdinov and A. Y. Khabutdinov seems fair: "... the logic of Russian policy in Crimea inevitably consisted in strengthening the influence of Christianity, increasing the number of political and economic power of Christians, the desire to turn the Black sea from the Turkish into the Russian "inner sea"⁴⁷⁵.

Thus, summing up the analysis of the basic characteristics of the traditional Crimean-Tatar society, studying socio-cultural, political and legal institutions, economic and demographic characteristics of the Crimean-Tatar ethnic system, we can conclude the following.

The Crimean-Tatar community in its history had a long period of existence of its own national statehood, within which the main ethnic markers were formed. One of the most authoritative world researchers of the Crimean-Tatar problems Alan Fischer in his fundamental work "the Crimean Tatars", published in Stanford in 1978, writes on this occasion the following: "the Crimean khanate for several centuries was one of the most important states in Europe during the early XVI – late XVII centuries, despite the fact that many historians considered the Crimean Tatars in best case as vassals of the Ottoman Sultan and the Northern continuation of the aggressive imperialist policy against the Christian world or semi-civilized robbers, whose only function was the raids and devastation of the steppes"⁴⁷⁶. According to the researcher, the Crimean-Tatar state had all the features of modern statehood, a viable government with a Central government that provides leadership in military, political and economic issues, and the state administration itself was based on both historical

---

⁴⁷⁵ Mukhetdinov D., Khabutdinov A. Krym: musul'manskaya obshchina v kontekste obshchego razvitiya regiona // Islam v sovremennom mire. - 2014. - № 4(36). – S. 52.

⁴⁷⁶ Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. – p. 17.

tradition and a well-developed legal system, which was modeled mainly on the Ottoman similarity with the preservation of its own traditions⁴⁷⁷.

Sensitive attitude to their own status on the territory of the Crimean Peninsula is a distinctive feature of the Crimean-Tatar ethnic identity. According to statistical data (see Appendix), the Crimean-Tatar ethnic group in Crimea today is a numerical minority in relation to Russians and Ukrainians, being in the position of a national minority according to demographic indicators. Theoretically, the Federal law "on national and cultural autonomy" of June 17, 1995 can act as a legal instrument for the socio-cultural integration of the Crimean Tatars into the Russian political and legal space. In accordance with this legal act, they may be guaranteed the right to establish autonomy in the form of a local or regional Association of citizens belonging to this ethnic community, in order to independently address issues of identity, language, education and national culture. However, aware of themselves as the indigenous people of the Peninsula, the extraterritorial type of autonomy for the Crimean Tatars is obviously not acceptable. The position of the Crimean-Tatar ethnic community on the issue of political self-determination is based on the formation of national-territorial autonomy⁴⁷⁸. National-cultural autonomy is excluded from the political process by law. Claims for a special status – the status of the indigenous people of Crimea-determines the categorical rejection by the modern figures of the Crimean-Tatar movement of any proposals that clearly or indirectly detract from these claims. The decree "on measures for the rehabilitation of the Armenian, Bulgarian, Greek, Crimean-Tatar and German nations and state support for their revival and development" signed by the President of the Russian Federation V. V. Putin on April 21, 2014 provides for the creation of national and cultural autonomies of repressed nations. The leaders of the later banned Mejlis of the Crimean-Tatar nation, in contrast to a number of pro – Russian Crimean-Tatar politicians, spoke categorically

---

⁴⁷⁷ Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. – p. 17.

⁴⁷⁸ Postanovlenie VI Kurultaya ot 29 marta 2014 g. «O realizatsii krymskotatarskim narodom prava na samoopredelenie na svoei istoricheskoi territorii – v Krymu». URL: http://www.qrim.ru/about/docs/samoopredelenie_qirimli (Data obrashcheniya: 08.05.2018).

against the law, explaining this with only one acceptable option for the Crimean-Tatar nation - national-territorial autonomy⁴⁷⁹.

There is some political and legal conflict, associated on the one hand – with the apparent unavailability or unwillingness of the Russian authorities to recognize a special status of the Crimean-Tatar nation in the Crimea, distinguishing it from others, and on the other hand - the fact that the national-territorial autonomy, as a kind of autonomy in the Russian Federation is not provided. Well-known Russian expert in the field of constitutional law and the rights of national minorities V. A. Kryazhkov writes about this: "The Autonomous region and Autonomous districts, named in the Constitution of the Russian Federation (part 1, article 5, part 1, article 65), are the subjects of the Russian Federation which are equal with other subjects of the Federation (part 2, 4 article 5). The formation of a new subject of any kind within the Russian Federation, in accordance with the Federal constitutional law of 17 December 2001 " on the procedure for admission to the Russian Federation and the formation of a new subject of the Russian Federation within it", may be carried out only as a result of the unification of two or more bordering subjects of the Federation (par 1, article 5), and only at the initiative of the interested subjects of the Russian Federation represented by their public authorities sending the relevant offers to the President of the Russian Federation authorizing process of this Association (article 10). It follows from the above that the Crimean Tatars, although similar to the titular nations, for example, republics within the Russian Federation, legally deprived of the opportunity in the order of self-determination to form a subject of the Federation by its allocation from the Crimean Republic"⁴⁸⁰.

At the same time, it should be borne in mind that the current situation within the Crimean-Tatar ethnic group is characterized by a radical polarization of actors whose political and legal status is different, and whose ideological positions are antagonistically opposite. In this regard, it is extremely difficult to identify the

---

⁴⁷⁹ Krym prisoedinili k reabilitatsii // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2457770> (Data obrashcheniya: 08.05.2018).

⁴⁸⁰ Kryazhkov V.A. Krymskii pretsedent: konstitutsionno-pravovoe osmyslenie // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. - 2014. - № 5 (102). – S. 91.

consolidated position of the Crimean-Tatar ethnic community on the issue of its self-determination. The arrangement of ethno-political actors in the Crimean-Tatar environment will be discussed in detail in the third chapter. This is one of the sides of the problem of self-determination of the Crimean-Tatar ethnic community in the conditions of modern Russia. Taking into account the provisions analyzed above, we can state that for the entire Crimean-Tatar ethnic community, the claim to the special status of their ethnic group in the Crimea is an unconditional politically significant factor, which is due to the historical, civilizational, socio-demographic and socio-political features of the Crimean-Tatar society.

CHAPTER 3: ETHNO-POLITICAL MOBILIZATION OF THE CRIMEAN- TATAR ETHNIC GROUP

3.1 Factors and dynamics of politicization of the Crimean-Tatar ethnic community after 1944

Let us consider the ethno-political mobilization of the Crimean-Tatars and identify the objective and subjective factors of this process.

Data on the number of deported Crimean-Tatar population from Crimea in May 1944 is given in table 1, according to which the total number of evicted Crimean Tatars amounted to 238.5 thousand people. 206 thousand (or 86.4%) of them were women and children. According to M. N. Guboglo, "during a long and disastrous journey to the East for the first year and a half a significant part of the Crimean Tatars died, unable to overcome diseases and hunger, material deprivation and moral humiliation." He cites the information of the settlers themselves, according to which only in the settlements of the Tashkent region 41% of the Crimean Tatars sent there died, in the Samarkand region – 54.7%, in the Andijan region – 46.1%. In some places of the new settlement, losses were even more catastrophic: in Angren 56.2% died, in Mirzachul-53.5% of Crimean-Tatars died, about 80% of all men died out in Mirzachul. During the first year and a half of deportation, the Crimean-Tatar nation lost 110 thousand people who died, which is four times higher than the losses of this nation during the whole Great Patriotic war⁴⁸¹.

Problematic is the analysis of the number of the Crimean-Tatar nation in the Soviet period. In the official population census, carried out in the period until 1989, the Crimean-Tatar ethnic community was included in the all Soviet Tatars community. According to the census of the population of the USSR, held in 1989, 271715 Crimean Tatars lived in the country. However, these figures should not be considered accurate, since according to the state Commission established in 1987 to

---

⁴⁸¹ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 616-617.

consider the appeals of representatives of the Crimean-Tatar nation, the number of Crimean Tatars by the end of 1987 reached 300-350 thousand people. M. N. Guboglo argues that these figures are underestimated, and the real number of Crimean Tatars in the USSR at that time could reach 450-500 thousand people. At the same time, according to the scientist, there are versions of a higher number of Crimean Tatars, allegedly established at the "self - census" of the population by region-about 800 thousand, one and even two million⁴⁸². In favor of the version about the understated number of Crimean Tatars living in the USSR is the fact that in the conditions of the existing objective discrimination of Crimean Tatars on ethnic grounds related to their status as "enemies of the nations", not all of them seemed rational to be recorded in the census lists as Crimean Tatars.

Crimean Tatars used the language of their ethnic group as an important ethnic heritage. According to M. N. Guboglo, there is a close and strong ethno-psychological connection between the linguistic and national consciousness, therefore, in the analysis of ethno-political mobilization, it is important to pay close attention to language issues.⁴⁸³ The native language, which determines the high degree of readiness of the ethnic group for a particular collective action and form of mobilization, was the most important resource of the ethnopolitical mobilization of the Crimean Tatars in the USSR. The criterion of the degree of ethnic consciousness can be considered the proportion of ethnic representatives who consider their native language to be the language of their ethnic group. According to the data in table 2, the percentage of Crimean Tatars living in the six Soviet Union republics with the largest number of Crimean Tatars and recognizing their native language as their nationality by 1989 was 92.6 percent. The preservation of the native language is the most important object of intergenerational communication and is one of the most important resources that form the potential of ethno-political mobilization of the ethnic group. The Crimean-Tatar ethnic community, in the absence of its national and state education, managed to preserve its language during the deportation period. The

---

⁴⁸² Guboglo M.N. *Yazyki etnicheskoi mobilizatsii*. - M., 1998. - S. 618.

⁴⁸³ *Ibid.* - S. 627.

given 92.6% of Crimean Tatars, who recognized the native language of their nationality, is superior not only to the number of nations by analogous parameter, who had the Autonomous Republic in the USSR, but some nations, who had their own Federal Republic: Belarusians (70.9 percent), Ukrainians (81.1 percent), Moldovans (91,6%) and Armenians (91.7%) (see table 3). The largest number of Crimean Tatars who recognized the native language of their nationality lived in the republics of Central Asia and Kazakhstan, in the traditional Turkic-speaking environment, as well as in Ukraine (from 87.5% in the Turkmen SSR to 94.2% in the Tajik SSR). The lowest number was in the Estonian SSR (50.0%), the Lithuanian SSR (47.2%) and the Belarusian SSR (36.2%). However, less than 0.1% of the Crimean-Tatar population lived in Estonia, Lithuania and Belarus, which can not testify the true situation in this aspect. Therefore, table 2 presents data only for those republics of the USSR, where the number of Crimean-Tatar population living there exceeded one thousand people. The degree of preservation of the native language is directly correlated with the degree of intergenerational ethnic ties within the ethnic group. Thus, the above data may indicate a high degree of ethnic identity of the Crimean-Tatar ethnic group in extreme conditions (climate, geographical, socio-economic, political and ideological).

Even more vivid evidence of the high level of the Crimean Tatars preservation of their language is the data obtained from the same all-Union census of the population of 1989, which show that of the 56 nationalities that did not have their national-state formations, the highest percentage of those who considered the native language of their nationality were Abaza, Baluchi, Hungarians, Dungans and Crimean Tatars (over 90%).⁴⁸⁴

According to the same table, it can be concluded that the Crimean-Tatar ethnic community was highly urbanized (68.9% of the urban population against 31.1% of the rural population). According to M. N. Guboglo, part of the Crimean- Tatar population, " by hook or by crook having received secondary or higher education,

---

⁴⁸⁴ Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g. / Goskomstat SSSR. - M., 1990.

having acquired a specialty, tried to move from special reservations to cities, including Moscow and the capitals of other Union republics."⁴⁸⁵

The above-mentioned facts, according to which the percentage of Crimean Tatars who consider their native language of their nationality, occupies an intermediate position between ethnic groups that had a Union or Autonomous Republic in the USSR as a national-state formation, indicate a high degree of development of ethnic consciousness of the Crimean-Tatar nation. This conclusion allows us to draw a conclusion about the validity of self-determination of the Crimean-Tatar community in the form of national-state formation. According to these data, the Crimean-Tatar ethnic community by 1990 had signs of mobilized ethnicity. "The nation, that managed – despite to the policy of ethnocide - to preserve as their native language the language of their nationality, was in many other respects capable of active confrontation, opposition to this policy. It is in this counteraction, which began spontaneously, on a mass scale and long before the emergence of any formal structures and organizations that the deep origins of the Crimean-Tatar national movement lay."⁴⁸⁶ In this regard, the statement of the Turkish scientist I. Aydyngyun that there are nations who do not have their own state formation, but have a highly developed national identity, and the Crimean Tatars are among them, seems fair⁴⁸⁷.

There are several differences comparing the Crimean-Tatar national movement in the Soviet period with similar movements of other nations of the USSR. First of all, all national movements in the USSR can be divided into two groups:

- National movements of nations who had their national and state formation on the territory of the USSR (the so-called "titular Nations" in the Union and Autonomous republics).

- National movements of nations who did not have their national and state formation on the territory of the USSR, or deprived of it and not restored after 1956.

---

⁴⁸⁵ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 621-622.

⁴⁸⁶ Ibid. – S. 627.

⁴⁸⁷ Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. – 2007. - Vol. 33, № 1. – P. 116.

The latter group included deported nations: Meskhetian Turks, Soviet Germans and Crimean Tatars. There were other deported nations, which, however, had its national-state formation, but not in the Soviet Union. The Volga Germans should be included in the second group, taking into account the existence of the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans in 1923-1941 and the long-established territory of their compact residence.

National movements of the second group had a number of common features. One of them is the idea of restoring the right to return to their places of residence before the act of deportation. At the same time, the Germans of the Volga region also had a demand for free travel abroad of the USSR to the historical homeland of the German nation. The main demands of the Crimean-Tatar national movement during the Soviet period were the restoration of the right to return to Crimea with a full return to the Crimean-Tatar nation of everything that they were deprived, namely, the re-establishment of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic by the model of 1921-1944⁴⁸⁸, regaining of land plots and return of historical names to cultural and geographical objects on the Crimean Peninsula.

The ideological platform of the Crimean-Tatar national movement differed from others because they did not provide for alternative purposes of its existence, except for the return of the entire Crimean-Tatar nation to the places of exodus in 1944 with a full and unconditional restoration of political, administrative, land, linguistic and topographic heritage. "Any attempts to reconcile the Crimean Tatars with the current state of affairs, with their resettlement in different republics, to find ways of national revival on the "foreign" land were rejected as provocative, hostile to the fundamental interests of the nation."⁴⁸⁹

For the ideological justification of these categorical requirements in the Crimean-Tatar ethnic environment was rooted the idea of "their historical homeland" - the only and uncontested territory of the historical settlement of the Crimean Tatars. "Perhaps, in none of the national movements of the nations of the former USSR the

---

⁴⁸⁸ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 628.

⁴⁸⁹ Ibid.

idea of their national (ethnic) territory, the exclusive right of the nation to this land, the concept of their national statehood is not expressed so uncompromisingly and so categorically."⁴⁹⁰

Historical memory, which is the resource potential of any ethno-political mobilization, can be formed both purposefully, where ethnic intelligentsia is the conductor of the goals of ethno-political mobilization, and spontaneously, as a result of compensating for the lack of genuine knowledge and weak development of their own historiography.

Historical memory, as a regularly developing system, consists of a number of plot-thematic blocks (elements of the system). The elements of this system are not static and are in constant dynamic motion, in which the functional features of some may weaken, and others – to increase, which depends on many factors. These factors, determining the dynamics of the system of historical memory, are the political and legal circumstances of the external environment (political-administrative environment), depth intercultural and interethnic communication with the environment, economic dynamics (development, stagnation or degradation), scientific and educational dynamics (the dynamics of literacy of the population, the degree of coverage among the population of secondary and higher educational institutions, publishing activities, etc.).

The main plot and thematic blocks of the historical memory of the Crimean Tatars are:

- Deportation of the population in 1944: the formation of a kind of "book of memory" - the stories of eyewitnesses of the events of that period, the subsequent unequal position of the Crimean Tatars in relation to other nations of the USSR (both legal and actual).

- The question of Crimean-Tatar ethno-genesis and the problem of interpretation of Crimean-Tatar history: the main contours of ancient and medieval history, the role of the Crimean khanate in world civilization, the annexation of the Crimea to Russia in 1783.

---

⁴⁹⁰ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 628.

- Formation and existence of the Crimean ASSR as a prototype of the national Crimean-Tatar state formation.

The dynamism of the historical memory of the Crimean-Tatar ethnic community as a system was also manifested in the fact that, since the 1960s, the national movement itself has become a new thematic block. The resource base of ethno-political mobilization of the Crimean Tatars began to be replenished with new elements-persons from among activists of the Crimean-Tatar movement who faced criminal prosecution for political beliefs. "Descriptions of all the vicissitudes of the national movement, all the details related to the trials, arrests, persecution of activists, fill thousands of manuscript pages of "informal" nation's archives"⁴⁹¹.

The dynamically developing historical memory of the Crimean-Tatar nation received a new impulse of its development in the period of Perestroika since 1985. This period is characterized by the emergence of alternative interpretations of history, devoid of ideological control by the state. At this time, there is a popularization of the philosophical and spiritual heritage of the Crimean-Tatar nation, actualized works of educators, where the fundamental theme was ethnic reflection. The system of historical memory and the events that began in 1989, connected with the beginning of mass repatriation of Crimean Tatars to Crimea, mutually complemented each other. Direct activists of the Crimean-Tatar national movement had significant support among the masses, which simplified the process of spreading values, ideas and attitudes from narrow intellectual groups of the nation to the widest.

In the analysis of the dynamics of the Crimean-Tatar national movement, theorists and researchers distinguish five stages:

- 1) 1944-1956 - the birth of the movement
- 2) 1956 – 1964 – the formation of the movement;
- 3) 1964-1969 - the period of the greatest activity of the movement;
- 4) 1970 – 1985 – crisis of the movement;
- 5) Since 1985.⁴⁹²

---

⁴⁹¹ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 631.

⁴⁹² Ibid. – S. 632.

The beginning of the Crimean-Tatar national movement dates back to 1944, with the mobilization of the internal forces of the repressed nation, the purpose of which was the physical and ethno-cultural survival of the Crimean Tatars. This stage was characterized by increased repressive pressure from the state, which was expressed in the restriction of the movement of persons of Crimean-Tatar nationality within the places of their special settlement, practicing of monthly registration procedures at the location, conducting criminal prosecution for violation of various rules of movement and movement of displaced persons, a ban on any publishing, spiritual and educational and other activities, the purpose of which was to maintain the Crimean-Tatar ethnic identity.

The second stage of the Crimean-Tatar national movement began in 1956 after the XX Congress of the Communist party of the Soviet Union. This Congress was the first to give a political assessment of Stalinism, as well as the first official state document directly relating to the fate of the Crimean -Tatar nation – the Decree Of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (№27). The article of the Decree "On the removal of the regime of special settlement from deported nations" contained the following: " To deregister special settlements and release from the administrative supervision of the Ministry of internal Affairs", followed by the list of nations, among them persons of Crimean-Tatar nationality were. This decision could be considered an act of political rehabilitation of the Crimean-Tatar nation, but the second article of this decree said: "to establish that the removal of restrictions on special settlement from the persons listed in article 1 of this decree does not entail the return of property confiscated during eviction, and does not mean that they have the right to return to the places from where they were evicted."⁴⁹³

Thus, despite the fact that the regime of special settlements for the Crimean Tatars was abolished, the main requirement of the Crimean-Tatar national movement, which consisted in the rehabilitation, repatriation and return of the political, historical, cultural and material heritage of the Crimean-Tatar nation, forcibly

---

⁴⁹³ Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28.04.1956 «O snyatii ogranichenii po spetsposeleniyu s krymskikh tatar, balkartsev, turok – grazhdan SSSR, kurdiv, khemshilov i chlenov ikh semei, vyseleennykh v period Velikoi Otechestvennoi voyny. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5080.htm (data obrashcheniya: 16.12.2017).

confiscated by the act of 1944, was not implemented. It should also be borne in mind that the charges of treason against the Crimean Tatars were not dropped. Persons of the Crimean-Tatar nationality were given out passports of citizens of the USSR, but with preservation of a ban on return to the historical homeland. However, as pointed out by M. N. Guboglo, without special receipts that Crimean Tatar renounced his claims on the left property in Crimea, a passport was not issued⁴⁹⁴.

This legal document was not a solution to the Crimean-Tatar problem. Moreover, because of the provisions contained in it, it can be concluded that it only contributed to the activation of the Crimean-Tatar national movement, the purpose of which was to repatriate to their historical homeland-the Peninsula of Crimea. Here is what M. N. Guboglo writes on this occasion:

"The decree of 1956 drew a line and became the result of the first stage of the struggle of the Crimean Tatars for their survival, for the preservation of themselves as an independent ethnic group. At the same time, the insufficiency of this decree to overcome all the lawlessness and injustices committed against the Crimean-Tatar nation has become even more evident. The significance of the decree as the final first stage was only in the fact that it opened new prospects for the emerging movement, allowed to continue the struggle, to combine intellectual efforts to preserve historical memory with the development of organizational measures that gave the movement a qualitatively new structure – not only spontaneous, mass, but also organized resistance. ... The public recognition by the XX Congress of the CPSU of the depravity of Stalin's personality cult, the illegality of the eviction of nations opened additional gateways to the movements of "punished" nations who were able to expand and intensify the struggle to protect their rights."⁴⁹⁵

However, despite the fact that this legal act forbade the Crimean Tatars to return to the place of the exodus in 1944, the special settlers were completely removed from the register of the commandant's office and were released from under administrative supervision of the Ministry of internal Affairs.

---

⁴⁹⁴ Guboglo M.N. *Yazyki etnicheskoi mobilizatsii*. - M., 1998. – S. 633.

⁴⁹⁵ Ibid.

Another legal consolidation of the reluctance of the Soviet authorities to return the Crimean-Tatar population to the Crimean Peninsula can be considered the resolution of the Council of Ministers of the Ukrainian SSR of December 15, 1956 "on the resettlement of Crimean Tatars, Germans, Greeks, Bulgarians, Armenians and other persons previously living in the Crimean region, and now returning from the settlements." The document considered inappropriate returning of these nations to the territory of the USSR. Executive committees of regional, city and district councils were recommended not to accept immigrants, and for those who arrived, registered and got a job together with families to leave the Republic⁴⁹⁶. From this normative legal act followed the refusal to settle the above listed persons not only in the Crimea, but also in the neighbouring regions of the USSR – Odessa, Kherson, Nikolaev and Zaporozhye.

1964 can be considered the beginning of the third stage of the Crimean-Tatar national movement in the USSR. An informal permanent representation of the Crimean-Tatar nation was established in Moscow – a constantly changing delegation of ethnic intellectuals. The tasks of this structure included systematization and provision of letters and appeals of Crimean-Tatar activists to the government institutions of the USSR. Newsletters were issued to inform the Soviet public about the situation of the nation. Since 1956, "Initiative groups of assistance to the party and the government in solving the national issue of the Crimean-Tatar nation", consisting of representatives of the intelligentsia, as well as authoritative persons in the ethnic environment, have been organized in places of special settlements. The functional duties of these "Initiative groups" included the organization of various events aimed at informing the state and party bodies about the social situation of the Crimean Tatars. Method of their work was the collection of signatures under the petition to the Union government and the funds to send delegations to Moscow, and to help the families of the convicted participants of the Crimean-Tatar national movement. Another function of the "Initiative groups" in places of special settlements

---

⁴⁹⁶ Krymsko-tatarskii narod: bez prava na Rodinu (pervaya polovina 1940-kh – nachalo 190-kh gg.). – 2-e izd. pererab. / vstup. st., sost., komment., imennoi ukazatel', geogr. ukazatel', perechen' dok., spisok sokrashch. R. I. Khayali. – Simferopol': DOLYA, 2006. – S. 41-42.

of persons of Crimean-Tatar nationality was the organization of general meetings, consisting of delegates from each special settlement to develop relevant for the Crimean Tatars agenda. However, as M. N. Guboglo writes in his work, the authorities exerted all kinds of pressure on these institutions of nation's representation: "Delegates of the nation in Moscow were persecuted and repressed, despite the fact that they all had thousands of signatures of workers with the right to representation on behalf of the nation. The authorities often arrested, tried, beat and forcibly expelled them from Moscow."⁴⁹⁷

At the stage of the mid 1950 - early 1960-ies of Crimean-Tatar national movement the Crimean-Tatar intelligentsia, which consisted of former party and Soviet workers, veterans of the Great Patriotic War and labor, representatives of creative professions, journalists, evicted from all the rest, and for the first time-from the youth, played a significant role in the formation of its ideology, as well as in the development of organizational forms of work. Their motivation was due to the desire to receive education and socialization in the existing Soviet society. The geographical scope of the Crimean-Tatar national movement was limited to the place of maximum settlement of persons belonging to this nation, i.e. the Uzbek SSR, and the predominant form – a large-scale petition campaign to the Supreme bodies of state and party power of the USSR (some appeals collected more than 100 thousand signatures)⁴⁹⁸.

In 1964, the October Plenum of the CPSU Central Committee was held, in which the leader of the country N. Khrushchev was removed from his post. It should be borne in mind that the figure of Khrushchev can be attributed to the negative historical figures for the Crimean-Tatar nation due to the following factors:

- Crimean-Tatar national movement was persecuted during the leadership of N. S. Khrushchev. Activists of the "Union of Crimean-Tatar youth" - the youth wing of the national movement, which operated in the Uzbek SSR, were arrested and

---

⁴⁹⁷ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoj mobilizatsii. - M., 1998. – S. 635.

⁴⁹⁸ Ibid.

sentenced to real terms in the penitentiary system of the USSR for "participation in anti-Soviet activities»;

- under the leadership of N. S. Khrushchev the Crimean oblast transferred from the Russian SFSR to the Ukrainian SSR. At the same time, Crimean Tatars were forbidden to return from places of special settlements to Crimea.

- under the leadership of N. S. Khrushchev Kalmyk, Chechen-Ingush, Kabardino-Balkar ASSR were re-established. However, the Crimean ASSR has not been re-established. The nations deported by the former Soviet leader, except Crimean Tatars, Volga Germans and Meskhetian Turks, were rehabilitated with the right to return to the places of exodus.

N. Khrushchev's removal from power gave for the Crimean-Tatar national movement, as M. N. Guboglo writes, "the tide of hope that the new Soviet leadership will return to the Crimean-Tatar issue, will correct the mistakes made by Khrushchev," which, of course, contributed to the activation of the movement⁴⁹⁹.

The third stage of the Crimean-Tatar national movement is characterized by the expansion of its geographical distribution. Pockets of movement since 1964 began to appear in other Central Asian republics of the USSR, as well as in the North Caucasus. Since 1967, the first groups of Crimean Tatars began to appear spontaneously, moving to the Crimean Peninsula.

Another qualitative characteristic of this stage is the change in the methodology of the movement. From petition activity, there was a shift to mass actions including rallies, demonstrations, may days, marches and meetings. The events were tied to certain dates, among which the most important was October 18, because on this day in 1921 the decree on the creation of the Crimean ASSR was signed and on April 22 – the birthday of V. I. Lenin, the person who signed this politically valuable decree for the Crimean-Tatar nation. Collective visits of activists of the Crimean-Tatar national movement to Moscow for implementation of the

---

⁴⁹⁹ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 640.

actions became frequent. The actions themselves were massive, they were attended by tens of thousands of people⁵⁰⁰.

Thus, at the third stage, the very nature of the national movement is changing qualitatively. Agents of ethno-political mobilization, whose role was played by the national intelligentsia, managed to spread their political ideas, values, appeals and attitudes to the mass level, which turned the Crimean-Tatar national movement into a mass movement in the years of the USSR. Another method of movement was illegal publishing ("samizdat"). At the same time, there was no centralized body that controlled the movement. At the second and third stages, the organizing role was played by the so - called "initiative groups" - informal local cells consisting of activists of the movement. However, if the purpose of the action groups in the late 1950's – early 1960-ies was the decision of the momentary tasks (collecting signatures on a particular petition, a petition to the authorities), and they were created situationally, but from the second half of 1960-ies the initiative groups have become permanent structures with a stable presence of people associated with each other by general and permanent work. At the same time, the meetings of initiative groups were illegal.

At the third stage of the Crimean-Tatar national movement there is a change in the objects of influence of the actors. If at the previous stages the activists of the Crimean-Tatar movement appealed to the state and party authorities in order to draw their attention to the existing problems, from the second half of the 1960s representatives of neighboring nations, the Soviet intelligentsia were added to the representatives of the authorities ("Appeal of 16", April 1968). During this period a dissident movement was formed in the Soviet Union, and the Crimean-Tatar national movement fits in it harmoniously. From the third stage, the receptions of activists in the state and party government offices are becoming more frequent. In particular, during the second period, only once in 1957, there was a reception by the first Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR A. Mikoyan. In the 1960s, the

---

⁵⁰⁰ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 641.

receptions of Crimean-Tatar activists at the highest state level in Moscow became more frequent:

August 1965-A. Mikoyan (at that time – Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR);

March 1966 – M. Georgadze (Secretary of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR);

July 1967-Yu. Andropov (Chairman of the state security Committee of the USSR), M. Georgadze, R. Rudenko (General Prosecutor of the USSR), N. Shchelokov (Minister of public order of the USSR)⁵⁰¹.

Thus, a distinctive feature of this stage of the Crimean-Tatar national movement from the previous one is the geolocation shift of the most active part of the movement from the UzSSR to Moscow, where the all-Union bodies of state and party management were concentrated, as well as to the Peninsula of Crimea. Despite the frequent receptions of representatives of the Crimean-Tatar movement among the first functionaries of the Soviet Union, the number of trials of activists has not decreased. Persons of Crimean-Tatar nationality, who participated in political activities: demonstrations, rallies, pickets, laying wreaths at the monuments to Lenin, were detained, arrested and subsequently imprisoned. Detentions occurred not only in places of their collective political action, but also individually in hotels, bus stops, stations, various public institutions. Everyone was charged with violation of the laws of the RSFSR and UzSSR, for example, for violation of public order, for disorderly conduct, as well as more serious charges, including articles 74 of the criminal code of the RSFSR ("inciting racial and ethnic hatred") and 191 of the criminal code of UzSSR (for "anti-Soviet agitation and propaganda").

The apogee of the third stage of the Crimean-Tatar national movement can be considered a Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on September 5, 1967 "On citizens of Tatar nationality living in the Crimea." This normative legal act, as well as the subsequent Resolution "on the procedure for the

---

⁵⁰¹ Guboglo M. N., Chervonnaya S. M. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: v 2 t. / M. N. Guboglo, S. M. Chervonnaya; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. M., 1992. T. 2. - S. – 108.

application of article 2 of The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 28, 1956", which was the result of the previous activities of the Crimean-Tatar activists on the nomination of requirements to the Supreme state and party authorities of the USSR, removed all charges from the Crimean-Tatar nation for individual episodes of collaboration of its representatives during the Great Patriotic War. At the same time, this was not an act of genuine political rehabilitation of the Crimean-Tatar nation for two reasons:

1) The decree did not provide for the repatriation of forcibly evicted Crimean Tatars to the places of exodus in 1944, nor did it provide for the development of the state resettlement policy.

2) The document did not contain the name of the "Crimean-Tatar" nation. Instead, "Tatars, who previously lived in Crimea" was used. This had to be done in order to remove the acuteness of the claims of activists of the Crimean-Tatar national movement to return to their historical homeland.

The second paragraph of the Decree stressed that "the Tatars, who previously lived in Crimea, have taken root in the territory of the Uzbek and other Union republics, they enjoy all the rights of Soviet citizens, take part in social and political life, are elected as deputies of the Supreme Councils and local councils of workers 'deputies, work in positions of responsibility in the Soviet, economic and party bodies, radio programs are broadcasted for them, a newspaper is published in their native language, and other cultural activities are carried out"⁵⁰². This formulation, according to M. N. Guboglo was used as another attempt to put pressure on public opinion, "as if the Tatars, who previously lived in the Crimea, "rooted" in the territory of the Uzbek and other Union republics... the Decree tried to strengthen public opinion the idea of adaptation of the Crimean Tatars in places of special settlements."⁵⁰³

---

⁵⁰² Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 5 sentyabrya 1967 goda «O grazhdanakh tatarskoi natsional'nosti, prozhivavshikh v Krymu». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/670905.htm> (Data obrashcheniya: 04.12.2017).

⁵⁰³ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 647.

In fact, despite the assurances of the decree, discrimination against Crimean Tatars continued. For example, in Uzbekistan, the admission of Crimean Tatars to the ranks of the CPSU members was sharply limited and made dependent on their attitude to the national movement. If it was found out that the Crimean Tatar positively answers questions of whether he wants to return to the Crimea, whether helps activists of the movement with money, whether sympathizes with requirements about restoration of the national statehood, whatever all other qualities of the candidate, he was refused in acceptance to the party⁵⁰⁴.

The decree "on the application of article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 28 April 1956" explained that "citizens of Tatar nationality and members of their families enjoy the right, like all citizens of the USSR, to reside throughout the territory in accordance with the current legislation on employment and passport regime"⁵⁰⁵.

One of the consequences of these legal acts was the emergence of the first wave of spontaneous resettlement of persons of Crimean-Tatar nationality from places of special settlement in the Crimea. According to various reports, in the first few months of the decree, the number of Crimean Tatars who moved, was from six to several tens of thousands of people, but only a few managed to achieve settlement. The reason for this was the purposeful actions of local authorities to prevent this.

Among the administrative barriers taken by the authorities of the Crimean Autonomous region to prevent the settlement of persons of Crimean-Tatar nationality on the Peninsula was the artificial creation of a situation of "residence without a residence permit", which was considered by the current legislation as a violation of the passport regime, entailing not only deportation outside the AO, but also various prison terms.

One of the victims O. A. Smailova told "June 3, we were tried for "illegal" registration of papers of the house, while we were eager to arrange it legally. On the

---

⁵⁰⁴ Natsional'nyi vopros v SSSR. Sbornik dokumentov... S. 321. Tsit. Po Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. – M., 1998. - S. 648.

⁵⁰⁵ Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR № 494. «O poryadke primeneniya stat'i 2 Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28 aprelya 1956 goda». Moskva, Kreml'. 5 sentyabrya 1967 g. № 1862-VII. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/6709051.htm> (data obrashcheniya: 04.12.2017).

night of 28 to 29 June 1969 ... we were awakened by a terrible knock at the door. To the question: "Who's there?" the window was broken, and several people broke into the room. It was militia and combatants under command of the chief of militia of the Belogorsky area Novikov... All of them were drunk. They tied my hands and pulled me out of the window. I started shouting and calling for help from the neighbors, but I was immediately gagged. Then they pulled out sleepy children. Children were frightened, they cried and shouted... We were sent to Krasnodar region, the village of Ust-Labinskaya. They left us under the open sky, in an unfamiliar place, without a penny of money, without food, with four children. We starved for three days."⁵⁰⁶

Thus, in pre-Crimean regions of the USSR (Zaporizhia, Kherson oblast, Ukrainian SSR, Krasnodar Krai, RSFSR) Crimean Tatar communities were formed, which made an unsuccessful attempt to return to the Crimean Autonomous region.

In 1968, there was a new qualitative change in the Crimean-Tatar national movement associated with the connection with the national human rights movement. This process has found expression in the incorporation of the agenda of the Crimean-Tatar movement in the general agenda of the human rights movement in the USSR. The connection proved to be mutually beneficial for both the Crimean-Tatar and the national human rights movement. As M. N. Guboglo writes, "Moscow human rights activists received a great empirical material on violations of human rights on the example of the fate of the Crimean Tatars, they enriched the "samizdat" literature with living facts from the history of the Crimean-Tatar special settlements, helped the Crimean-Tatar problems to cross the state border and become the property of the progressive public in the West."⁵⁰⁷ Solidarity of activists of the Crimean-Tatar national movement with the participants of the all-Union democratic movement gave the first force and political acuteness.

Famous Soviet human rights activist L. M. Alekseeva gives the following facts in her book "the History of dissent in the USSR...:

---

⁵⁰⁶ Alekseeva L.M. Istorija inakomysliya v SSSR: Noveishii period. - M., 2001. – S. 57.

⁵⁰⁷ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 652.

"About 200 activists and persons involved in the movement were convicted during this period in numerous (over 50) trials organized in different cities of the country against the Crimean Tatars.⁵⁰⁸

The activation of the Crimean-Tatar national movement in the 1960-1970s contributed to the change of the Soviet policy on this issue. Without seeking to satisfy the objectives of the Crimean-Tatar movement by the above-mentioned factors, the government began to use other methods to deactivate the movement. One of the methods was social bribery. The strategic goal of this policy was accelerated creation of a conformist, obedient, ready to cooperate with the authorities of the Crimean-Tatar intelligentsia, small party elite. The formation of such an elite required a certain subtlety of approach, knowledge of the situation and the balance of forces within the movement, the system of established authorities in it. For cooperation with the authorities on the ground they tried to attract educated people, active, able to influence the masses, even those, who had some merit to the national movement in the past, victims of the repressions of the 1960s. Such people were attracted to work in the system of party, state and economic management. Young enterprising people, endowed with ambition, inclined to social mobility were "noticed" and put forward for prestigious work, they were given recommendations-directions to higher education institutions, trying to make them obedient performers, "guides of the party policy" in the Crimean-Tatar movement, and if possible, directly recruit them into the ranks of informants, which certain departments have always needed⁵⁰⁹. The usage of the method of social bribery should have solved several problems:

1) Agitation for the preservation of the Crimean Tatars' place of living in special settlements.

2)" Softening " the demands of the Crimean-Tatar national movement, which consisted not only in the repatriation of the people to their historical homeland, but also in the restoration of the national statehood of the Crimean Tatars in the Crimea.

---

⁵⁰⁸ Alekseeva L.M. *Istoriya inakomysliya v SSSR: Noveishii period.* - M., 2001. – S. 61.

⁵⁰⁹ Guboglo M. N., Chervonnaya S. M. *Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: v 2 t. / M. N. Guboglo, S. M. Chervonnaya; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya.* M., 1992. T. 2. - S. – 117-118.

3) Dissemination of information discrediting the honor and dignity of the most active and irreconcilable personalities of the national movement of the Crimean Tatars.

4) Separation of the Crimean-Tatar national movement from the all-Union democratic movement; deprivation of support from the leaders of the human rights movement.

The goal of state power using this method was that the targeted denunciation of the activities of radical activists of the Crimean-Tatar national movement by representatives of the Crimean-Tatar nation would look more convincing, and therefore more effective than directly on behalf of the state.

The state's form of implementation the method of social bribery against the Crimean Tatars was the mailing of printed materials with the relevant content, as well as collective letters to the names of the leaders of the general democratic movement in the USSR. The object of the method was not only the masses not involved in the national movement, but also the most direct participants.

As the Crimean-Tatar national movement became more active and its positions strengthened by merging with the human rights movement of the USSR, the state took another method of its deactivation – the method of "rooting" of the Crimean Tatars in the areas of their compact settlement in the UzSSR. According to the plans of the campaign, it was assumed that in some areas of Uzbekistan the Crimean Tatars would be allocated territories, within which a part of the nomenclature positions will be occupied by persons of Crimean-Tatar nationality. However, this attempt made by the authorities was not successful due to the refusal of the Crimean-Tatar population to move to the specified area. Another attempt to use this method was made by the end of the 1970s by creating new administrative-territorial areas in the UzSSR. These areas were to become a place of attraction of the Crimean Tatars in order to reduce the intensity of their aspirations for the Crimean Peninsula. These places have been futile for accelerated socio-economic development because of its desert geo-climatic features (Khanabad district of Jizzakh region and Baharestani district of Kashkadarya region of the Uzbek SSR). In parallel, the national culture of the Crimean Tatars had

to develop through the opening of national schools and newspapers. The popularization of these places for the resettlement of Crimean Tatars was carried out with the help of mass media of the USSR. However, this method of public authorities on the de-activation of the national movement have not had success among the basic masses of the population. In 1983, another attempt was made to create a new Crimean-Tatar national center in the territory of the UzSSR. By the instructions of the authorities of the Union Republic all graduates of the Department of Tatar language and literature of the Tashkent state pedagogical Institute named after Nizami were sent to Mubarek district. This decision caused a strong protest of students and was canceled later. In the years of Perestroika, the Soviet state and party authorities planned to create the Crimean-Tatar Autonomous district in the territory of the UzSSR. As S. Chania points out, the authorities developed a project for two new national-territorial formations: in the Kazakh SSR it was planned to create the autonomy of the Germans who lived earlier in the Volga region, and after its implementation – to create the Crimean-Tatar Autonomous district in the UzSSR. However, the unsuccessful implementation of the German autonomy on the territory of Kazakhstan and the mass return of the Crimean Tatars to their historical homeland, which began in 1989, left this plan unrealized⁵¹⁰.

The argument of the Soviet government about the impossibility of satisfying the goals of the Crimean-Tatar national movement was based on the following statements:

- 1) Overpopulation of the Crimean Peninsula.
- 2) Material and economic difficulties of the state in the repatriation of the Crimean-Tatar population.
- 3) The reluctance of the modern population of Crimea to accept repatriates, and the reluctance of the population of Uzbekistan – to let them go.

Since the 1970s, there is the fourth stage of the Crimean-Tatar national movement. It is characterized by the increased reaction of the state, manifested in the

---

⁵¹⁰ Khan'ya S. Tselinograd, iyun' 1979 g.: k voprosu o nesostoyavsheisya nemetskoi avtonomii v Kazakhstane. – S. 233-234. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39425/1/ASI20_009.pdf (data obrashcheniya: 18.12.2017).

tightening of repression for violation of the passport regime, which, first of all, belonged to the resettling at that time Crimean-Tatar families. Another characteristic of this phase is the frustration of a number of activists with existing forms of national movement. While maintaining the supporters of the continuation of the old methods of petition activity, there were also those who strongly insisted on the need to abandon the "humiliating and begging tone of appeals to the authorities, remaining deaf to the national aspirations of the Crimean Tatars."⁵¹¹

It is worth noting that during this period there was an intensive return of the Crimean Tatars to the Crimean region, which was spontaneous. According To R. I. Hayali, this was influenced by the signing of the Helsinki final act (1975), the adoption of the Constitution of the USSR (1977) and the Constitution of Union republics (1978). 32 people (8 families) entered the Crimea in 1973, in 1977 there were 2162 people (515 families)⁵¹².

In the analysis of this stage of the national movement of the Crimean Tatars and its qualitative characteristics, it is necessary to bear in mind the change of generations in the Crimean-Tatar movement that took place at that time. Activists began to become those who were born and socialized in new conditions. Disappointment in the petition methodology of the national movement was expressed in a drastic reduction in the number of signatories of appeals to the authorities. From graph 1 it can be seen that the appeal to the XXIII Congress of the CPSU, held in 1966, collected 130 thousand of signatures, to the XXIV Congress (1971) – 60 thousand, to the XXV Congress (1975) – 20 thousand. Nation-wide protest held in 1979 has collected 4 thousand signatures.

A state act aimed at deactivating the Crimean-Tatar national movement can be considered the Resolution of the Council of Ministers of the USSR "on additional measures to strengthen the passport regime in the Crimean region" that was adopted in the summer of 1978. According to this resolution, "persons arriving in the Crimean

---

⁵¹¹ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 659.

⁵¹² Krymsko-tatarskii narod: bez prava na Rodinu (pervaya polovina 1940-kh – nachalo 190-kh gg.). – 2-e izd. pererab. / vstup. st., sost., komment., imennoi ukazatel', geogr. ukazatel', perechen' dok., spisok sokrashch. R. I. Khayali. – Simferopol': DOLYa, 2006. – S. 161.

region in an irregular manner and living without a passport, with invalid passports, without residence permits and registration, despite of imposed on them administrative penalties for violation of passport regulations, according to the decision of the Executive committees of city, district, district in the cities councils of nation's deputies are removed from the region by the bodies of internal Affairs"⁵¹³.

The same document, which was clearly aimed at reducing the intensity of the process of repatriation of persons of Crimean-Tatar nationality to the Crimean region, contained sanctions against those who let such people to live with them:

"The citizens who are the owners of houses, employers or tenants of premises or living in hostels allowing accommodation at themselves other persons without passports, on invalid passports, without residence permits or registration, if they were subjected to administrative penalty twice within a year for these violations, are moved out of the Crimean region for a period of up to two years by the decision of Executive committees of city, regional and regional in the cities of Councils of nation's deputies"⁵¹⁴.

Thus, this resolution of the Council of Ministers of the USSR contributed not only to reducing the intensity of the repatriation process to the Crimean region, but also, as M. N. Guboglo points out, "creating an atmosphere of anti-Tatar psychosis among the local population of the Crimean region"⁵¹⁵, which was mainly Slavic. This, in turn, had a certain negative impact on the state of inter-ethnic relations in the region. Another legal instrument to reduce the intensification of the process of repatriation of Crimean Tatars to Crimea was the instruction of the Minister of internal Affairs of the UzSSR (No. 221), which established a ban on the internal Affairs bodies to discharge persons of Crimean-Tatar nationality from the Uzbek SSR if they do not provide certificates of future residence and employment⁵¹⁶.

---

⁵¹³ Postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 15.08.1978 №700 «O dopolnitel'nykh merakh po ukrepleniyu pasportnogo rezhima v Krymskoi oblasti». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9736.htm (data obrashcheniya: 16.12.2017).

⁵¹⁴ Ibid.

⁵¹⁵ Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998. – S. 660.

⁵¹⁶ Ukazanie ministra Vnutrennikh del Uzbekskoi SSR vnutrennikh del UzSSR №221 ot 25 aprelya 1978 g. «O grazhdanakh tatarskoi natsional'nosti, ranee prozhivavshikh v Krymu» (neopublikovannoe) // Khronika tekushchikh sobytii. - Vyp. 32. - S. 3-7.

Since this rule was applied only in one Union Republic and only for persons of one nationality, it can be concluded that this legal norm was expressed discriminatory on ethnic grounds.

Faced with repressive measures against immigrants to the Crimean region, activists of the national movement have strengthened work on appeals not only to the Soviet state and party authorities, but also to international organizations. Activist R. Dzhemilev wrote a letter to the king of Saudi Arabia, which described the situation with the rights of the Crimean-Tatar nation, as well as a call for help, is to consolidate international efforts to put pressure on the USSR⁵¹⁷. In 1978, 896 signatures were collected under a request to the UN to create a Commission to investigate the situation of Crimean Tatars in Crimea⁵¹⁸. In the same year, a delegation of Crimean Tatars came to Simferopol to the first Secretary of the Crimean regional Committee of the CPSU to protest against evictions signed by 750 people living in the Crimea. The delegation was not accepted. Almost at the same time, more than 2,000 citizens of Crimean-Tatar nationality appealed to the Soviet authorities and the UN with a statement-protest – about the eviction of Crimean Tatars from Crimea⁵¹⁹. Further visits of delegations of activists of the movement to Moscow with the requirement of cancellation of the resolution "On additional measures for strengthening of the passport regime in the Crimean region" as anti-constitutional became frequent.

Until Mikhail Gorbachev's coming to power in the USSR in 1985, the attempts of the Crimean-Tatar ethno community to come back to the place of their exodus were unsuccessful, however, the activists of the national movement managed to attract the attention to their problems not only the leaders of the Union of the human rights movement, but also to find moral support of the public abroad.

Throughout the entire period of the Crimean-Tatar national movement in the USSR, the state policy on this issue was aimed at securing special settlers in places of their compact residence after the deportation of 1944. As N. F. Bugay points out in his work, in the certificate on the status of special settlers for 1956 it was noted:

---

⁵¹⁷ Khronika tekushchikh sobytii. - Vyp. 51. - S. 114-115.

⁵¹⁸ Ibid. – S. 111.

⁵¹⁹ Ibid.

"Taking into account that the Crimean region is inhabited in the order of planned resettlement, the most appropriate would be the creation of ... regional autonomy on the territory of the Uzbek SSR, natural, climatic and economic conditions of the Republic are the closest to the conditions of their former place of residence."⁵²⁰

Alternative variant of resettlement of the Crimean-Tatar population, proposed by the Soviet state authorities, was the settlement on the territory of the Tatar ASSR. The resolution of the CPSU Central Committee "on restoration of national autonomy of Kalmyk, Karachay, Balkar, Chechen and Ingush nations" of November 24, 1956 contained the following paragraph:

"To recognize the inexpediency of granting national autonomy to Tatars who previously lived in the Crimea, bearing in mind that the former Crimean ASSR was not the autonomy of only Tatars, but was a multinational Republic in which Tatars made up less than one fifth of the total population, and that the RSFSR has a Tatar national association – the Tatar ASSR, as well as the fact that at present the territory of the Crimea is a region of the Ukrainian SSR. At the same time, given the desire of part of the Tatars who previously lived in the Crimea to the national Association, to clarify that everyone who wish have the right to settle in the Tatar ASSR. To oblige the Council of Ministers of the Tatar ASSR and the Tatar regional Committee of the CPSU to provide the necessary assistance in the economic and labor structure to the Tatar population, which will arrive for permanent residence in the Republic."⁵²¹

Thus, the party and Soviet leadership saw the solution of the Crimean-Tatar question in preventing the return of persons of a specified nationality to the Crimean region in the creation of an alternative national-cultural centers of the Crimean-Tatar nation of the Crimea, including attempts at the institution of the Crimean-Tatar Autonomous district on the territory of the Uzbek SSR. This policy in solving the Crimean-Tatar issue was unsuccessful. Speaking at the Plenum of the CPSU Central Committee in September 1989, Chairman of the Council of nationalities of the Supreme Soviet of the USSR R. Nishanov said:

---

⁵²⁰ Bugai N.F. L. Beriya I. Stalinu. Soglasno Vashemu ukazaniyu... - M.: AIRO – KhKh, 1995. – S. 288.

⁵²¹ Postanovlenie Prezidiuma TsK ot 24 noyabrya 1956 goda «O vosstanovlenii natsional'nykh avtonomii Kalmytskogo, Karachaevskogo, Balkarskogo, Chechenskogo i Ingushskogo narodov» / RGANI F. 3. OP. 12. D. 145. L. 109-115.

"Decades have passed, but justice against them (deported nations- author's note) is not restored. Attempts to solve the issues of autonomy of the Crimean Tatars in Uzbekistan, the Soviet Germans in Kazakhstan had no success... Because the leaders of the Republic wanted, and the nations did not. Meanwhile, the years pass, and the solution to these problems is becoming increasingly difficult."⁵²²

Extensive socio-political transformations in the USSR, which began in the mid-1980s, opened up new opportunities for reformatting the Crimean-Tatar national movement. The need for reformatting was associated with the growing need within the movement to create a permanent coordinating body, formed of authoritative representatives of the movement. In 1987, the first all-Union meeting of representatives of the initiative groups of the Crimean-Tatar nation was held, which was addressed to the General Secretary of the CPSU Central Committee M. S. Gorbachev signed by 16 prominent representatives of the movement appeal. Two years later, at the V all - Union meeting of representatives of initiative groups, it was decided by an overwhelming majority to establish on the basis of the existing initiative groups a coordinating body of the Crimean-Tatar national movement - the social and political Organization of the Crimean-Tatar national movement (OCTNM). According to I. Umerov, the new organization became the successor of the Central initiative group (CIG), had a fixed membership, articles of association and program. The Central Council and the Chairman of the organization (Mustafa Dzhemilev) were elected by secret ballot for a term of one year⁵²³. However, OCTNM could not unite all the initiative groups, which gave a significant advantage to the state and party authorities to avoid a constructive dialogue with OCTNM. According to I. Umerov, this, along with the all-Union trend of the formation of national democratic political movements and organizations, was the reason for the search of the leaders of the movement for a mutually acceptable form of unification

⁵²² Materialy Plenuma TsK KPSS 19-20 sentyabrya 1989 goda. – M.: Politizdat, 1989. – S. 78-79.

⁵²³ Umerov I.R. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 391.

of all the structures of the movement on a wider platform⁵²⁴. The result of this search was the convening in 1990 of the second Kurultai of the Crimean-Tatar nation, which designated as its goal the unification of all intellectual, spiritual, economic forces of the nation for the speedy solution of the problems, first of all, on the return to the place of the outcome of 1944 and the restoration of its statehood. The main task of Kurultai was to determine the ways of solving national problems and the election of a permanent body – the Mejlis of the Crimean-Tatar nation.

The existence of a small group of activists of the national movement opposing Kurultai does not allow us to talk about the full legitimacy of this body, which claimed to be the coordinator of the entire Crimean-Tatar national movement. Activist Y. Osmanov, having organized and headed the parallel organization "national movement of Crimean Tatars" (NMCT), led a strong propaganda on the ground, urging compatriots to sabotage the election of delegates⁵²⁵.

The second Kurultai of the Crimean-Tatar nation, held on June 26-30, 1991, formed both its working bodies – the Presidium, the Secretariat, the editorial and mandate Commission, and the Supreme Plenipotentiary representative body of the Crimean-Tatar nation, acting between sessions – the Mejlis. Kurultai became a platform for the declaration of the main documents resulting the overall results of the Crimean-Tatar national movement, as well as determining its future ways. Among them were documents of serious research interest, for example, the "Declaration on the national sovereignty of the Crimean-Tatar nation" and others. Immediately after this, the first meeting of the Mejlis of the Crimean-Tatar nation was held, at which its structure was approved, as well as the decision to prepare a Regulation on local bodies of national self-government. In the next 2 years, regional and local bodies of national self-government of Crimean Tatars (Mejlis of all levels) were formed on the territory of the whole Crimea.

---

⁵²⁴ Umerov I.R. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16.

Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 392.

⁵²⁵ Ibid.

The emerging confrontation between the main actors of the Crimean-Tatar national movement in the early 1990s was short-lived due to the actual termination of the activities of the NMCT after the death of its leader Y. Osmanov. The very same NMCT stood on the positions of restoration of the USSR and orientation to Communist ideology⁵²⁶.

After analyzing the politicization of the Crimean-Tatar ethnic group since 1944, the following conclusions can be drawn:

- The Crimean-Tatar national movement had a blurred organizational structure. The elements that made the movement work were the action teams that made up the network. Network type of the movement provided viability in the face of authoritarian/totalitarian political regime.

- There was no formal leadership in the movement, a single leadership center (before the formation of the Central initiative group, followed by the transformation into the organization of the Crimean-Tatar national movement – OCTNM under the leadership of M. Dzhemilev).

- The core of the movement were the cells-initiative groups formed on the territorial principle: within the street, village, district, and city.

- The main forms of the Crimean-Tatar national movement, depending on the stage of its development, were petition campaigns, mass political actions (demonstrations, rallies, may days, laying flowers at monuments, marches on memorable dates, etc.), as well as delegations sent to the state and party authorities of the USSR. The low efficiency of petition campaigns since 1964 has led to a decline in their intensity. Since then, the nature of petitions has changed from begging to critical in relation to the state national policy of the USSR.

- There were no initially set criteria for participation in the movement. Any Crimean Tatar wishing to provide all possible support to the movement could become a member of the initiative group of the Crimean -Tatar national movement.

---

⁵²⁶ Chervonnaya S.M. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie, 1994-1996 g. – M.: RAN, In-t etnologii i antropologii, 1997.

- There was coordination within the network. As L. M. Alekseeva points out, "street groups of one city informed the city group about their actions, that, in turn, - informed regional and regional informed republican, and each group informed the residents of its site about its activities"⁵²⁷. Initiative groups coordinated their activities through regularly held regional, republican (in UzSSR) and all-Union meetings.

- The set of goals of the Crimean-Tatar national movement in the USSR remained unchanged throughout its existence. It consisted of the rehabilitation and repatriation of the Crimean-Tatar population to the places of exodus in 1944, as well as the restoration of the Crimean-Tatar national statehood on the Crimean Peninsula (in the format of the restoration of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in 1921).

- The changing social structure of the Crimean-Tatar society has influenced the nature of the Crimean-Tatar national movement. In 1960-1970 there was a change of generations of activists of the movement. The Crimean-Tatar national movement itself with its own set of symbols ("veterans", "prisoners") became a resource of Ethno-political mobilization of the Crimean Tatars in this period. There was also a layer of Crimean-Tatar intellectuals, consisting of persons who have received higher education and were ready to transmit the historical memory to the other members of the Crimean-Tatar community.

The strengthening of repressive measures of the state against activists of the Crimean-Tatar movement was expressed in the existence of legal restrictions and illegal practices, which, in turn, contributed to the development of new strategies of the Crimean-Tatar national movement. One of these strategies was merging with the all-Union human rights movement in the USSR in 1968. The agenda of the Crimean-Tatar national movement was incorporated into the general agenda of the democratic movement of the USSR, gaining new strength and support.

- The geographical scope of the movement changed depending on its stage. At first, it was limited to UzSSR, then-UzSSR and other republics of Central Asia, after

---

⁵²⁷ Alekseeva L.M. *Istoriya inakomysliya v SSSR: Noveishii period.* - M., 2001. – S. 55.

that the city of Moscow and the Peninsula of Crimea expanded the list of locations of the movement.

Based on the given above conclusions, we can agree with the statement of I. Umerov that "such a well-thought-out mechanism of decentralization of the activities of initiative groups with their broad popular support did not allow the authorities, despite various forms of repression, to suppress the national movement of the Crimean Tatars."⁵²⁸

---

⁵²⁸ Umerov I.R. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 390.

3.2 The content of the Crimean-Tatar ethno-political process in the conditions of political and administrative transformation of the Crimea in the Russian Federation

The Crimean-Tatar ethno-political process, which is part of the Crimean ethno-political process, is due to factors not only of the ethno-cultural dimension, but also factors related to the processes of reforming all spheres of post-Soviet society - politics, economics, law, social life. These aspects determine many contradictions in the management of a multi-ethnic society. Therefore, the consideration of objective factors of the external environment of ethno-political processes is necessary in solving problems of ethno-political nature.

The favorable geographical and climatic position of the Crimean Peninsula determines the hierarchy of valuable resources that are subject to inter-group competition for the right to possess them. Land located in the coastal zone is a resource, the struggle for which largely determines the dynamics of the political process in the region. Regarding the fact that this resource is beneficial as the most promising for economic investment, we can agree with the statement of T. Senyushkina about the land problem in the Crimea as a catalyst for ethno-political tension⁵²⁹.

Being at the junction of at least two civilizational types (Slavic Christian and Turkic Muslim), Crimea is characterized by a high degree of activity of ethno-political processes. The general ethno-political dynamics in the region is influenced by the intensive revival of the cultural and civilizational foundations of Muslim civilization, part of which is the Crimean-Tatar ethnic community. As researcher E. S. Muratova rightly noted: "over the past decade, Ukraine has been covered by the process of rapid revival of religion. This process was accompanied by a sharp surge of religious consciousness, rapid quantitative growth and consolidation of religious

---

⁵²⁹ Senyushkina T.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Krymu: analiz, prognoz, tendentsii // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 376.

communities, the return and construction of religious institutions, the development of religious education, the formation of a significant social stratum of the clergy, the establishment of ties with representatives of foreign religious centers, etc. A special place in religious life took reviving Islam in Ukraine. The presence of Islam in modern Ukraine is a *fait accompli*. Today, Islam is an integral part of the religious life of society and one of the most developing religions in the country. At the same time it should be noted that the number of Muslims in Ukraine has become the object of certain manipulations associated with the desire of individuals to exaggerate the true number of followers of Islam in the country."⁵³⁰

The Mejlis of the Crimean-Tatar nation and the Spiritual administration of Muslims of Crimea (SAMC) played a leading role in the structure of the Crimean-Tatar ethno-political actors until 2014. Both organizations were established in the early 1990s and the entire modern period is characterized as the most significant structures within this ethnic community. The Mejlis was a representative body of the Crimean Tatars, the formation of which took place during the Kurultai of the Crimean-Tatar nation. The distribution of functions within the ethnic community between the two organizations can be described as follows: the "secular "branch of power of the Crimean Tatars belonged to the Mejlis, the "religious " branch of power - to the Spiritual administration of the Muslims of Crimea. The structure of the SAMC was formed in the Kurultai of Muslims of Crimea. The competence of the Mejlis, according to its position, included the solution of questions of political and socio-economic properties, the competence of the SAMC – the solution of questions of religious property. The Mejlis of the Crimean-Tatar nation in the period between the sessions of the Kurultai was the highest authorized representative and executive body of the entire ethnic community, elected by Kurultai from among its delegates. The main objectives of the Mejlis, as stated in its documents, are "elimination of the consequences of the genocide committed by the Soviet state against the Crimean Tatars, restoration of national and political rights of the Crimean-Tatar nation and the

---

⁵³⁰ Muratova E.S. Islam i natsional'nye interesy Ukrainy // Natsional'nye interesy Ukrainy / pod red. d.f.n. prof. Gabrielyana O.A. – Simferopol'. OOO «Energiya Del'ta», 2007. – S. 174-175.

realization of their right to free national and state self-determination on their national territory"⁵³¹.

Despite the semi-legal status of the functioning of the Mejlis in the period of control over the Crimea by Ukraine, under President L. Kuchma was made a significant attempt to legalize this structure. In 1999, the Council of representatives of the Crimean-Tatar nation under the President of Ukraine was established, headed by the head of the Mejlis (from 1991 to 2013, the Chairman of the Mejlis was M. Dzhemilev). The Council of representatives of the Crimean-Tatar nation largely consisted of members of the Mejlis. It can be assumed that one of the factors of support by the Ukrainian authorities at that time of the Mejlis was the perception by Kiev of the Crimean-Tatar ethnic community as a counteracting force of pro-Russian oriented separatist tendencies in Crimea in the 1990s. During the presidency of V. Yushchenko, the situation of the Mejlis deteriorated, due to the fact that for some time the head of the Ministry of internal Affairs of the Autonomous Republic of Crimea was A. Mogilev, who was critical of the practice of unauthorized occupation of land by Crimean Tatars. A significant deterioration in relations between the Mejlis and official Kiev occurred during the presidency of Yanukovich, which can be explained by the call to compatriots from the leadership of the Mejlis to vote in the presidential elections of 2010 against Yanukovich and Tymoshenko. After the victory of Yanukovich in the summer of the same year, the official status of the Mejlis was abolished. The changes also affected the structure of the Council of representatives of the Crimean-Tatar nation: there was no mention of the Mejlis and its dominant role⁵³². We put forward a hypothesis that the personal negative attitude of the Mejlis of the Crimean-Tatar nation to the President of Ukraine V. Yanukovich can be considered as one of the factors of support of the Mejlis of the new authorities in Kiev, formed as a result of the political crisis in Ukraine in the late 2013-early

---

⁵³¹ Polozhenie o Medzhlise krymskotatarskogo naroda. Prinyato v novoi redaktsii s uchetom dopolnenii i izmenenii na tret'ei sessii IV Kurultaya krymskotatarskogo naroda, g. Simferopol', 12 sentyabrya 2004 g.

⁵³² Chervonenko V. Medzhlis: zapret, tyur'ma i emigratsiya / VVS Ukraina. 18 maya 2016. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/05/160518_ru_s_mejlis_tatars_history (Data obrashcheniya: 22.02.2018).

2014, and the negative attitude to the political and legal transformations in the Crimea that took place in that period.

The policy of the state authorities of Ukraine in matters related to the restoration of the rights of deportees, national minorities and nations can be described as half-hearted. The ratification of international legal instruments relating to this issue and the subsequent implementation of state measures on their basis did not correspond to each other. In 1992, Russia and Ukraine signed an "Agreement on issues related to the restoration of the rights of deported persons, national minorities and nations." According to it, the CIS member states "unconditionally condemn the totalitarian practice of forced resettlement of nations, national minorities and individual citizens of the USSR in the past as a crime contrary to universal, humane principles;

Considering that the legislative and other normative acts adopted by the former federal, republican and local authorities and officials on the forced resettlement of nations, national minorities and individual citizens of the former USSR are illegal and invalid from the very beginning;

Affirming the right of deportees, national minorities and nations to restore historical justice and to return to their places of residence at the time of deportation."⁵³³

According to the data of the Department for deported persons of the state Committee of Ukraine for nationalities and migration, according to the results of the distribution of state lands in Crimea in 2004, the provision of land shares of the population was 39%, Crimean-Tatar – 18.5%, while the average security of land per adult resident of rural areas was 1.99 ha, Crimean-Tatars – 0.92 ha⁵³⁴. The author of the report O. Vlasenko stressed that, "numerous violations of the law have led to the elimination of land use of tens of thousands of Crimean Tatars from among rural

---

⁵³³ Soglashenie po voprosam, svyazannym s vosstanovleniem prav deportirovannykh lits, natsional'nykh men'shinstv i narodov. Edinyi reestr pravovykh aktov i drugikh dokumentov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv. - Bishkek, 09.10.1992. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=153> (data obrashcheniya: 06.02.2018).

⁵³⁴ Net krymskogo tatarina – net problem? // Golos Kryma. - 2008. - №5 (737).

residents, for whom land is the only source of income."⁵³⁵ According to E. Kh. Aetdinov, this state of affairs and reasonable fears to be left without land and means of livelihood, again become a powerful factor of ethno-political mobilization and a strong motive for the initiative occupation of land by the Crimean Tatars in modern Ukraine"⁵³⁶. However, if we analyze the whole complex of state measures taken by Ukraine in relation to the Crimean-Tatar issue during its control over Crimea, we can record an important step towards the institutionalization of the Crimean-Tatar national representative body – the Mejlis of the Crimean-Tatar nation. As mentioned above, during the presidency of L. Kuchma a Decree "on the Council of representatives of the Crimean-Tatar nation" on May 18, 1999 was signed.⁵³⁷ The signing was timed to the anniversary of the 55th anniversary of one of the defining markers of the Crimean-Tatar ethno-political mobilization – the deportation of 1944. According to the decree and the Regulation number 573/2000 of April 7, 2000⁵³⁸, "the Council of representatives of Crimean-Tatar nation is an advisory body under the President of Ukraine"⁵³⁹. These normative legal acts have designated the legal status of the Mejlis elected by Kurultai as a nationwide representative institution. The Mejlis was given the status of the Council of representatives of the Crimean-Tatar nation. The researcher E. H. Aetdinov points out, "these steps of the administration of the President of Ukraine were, of course, a step towards the democratization of ethnic policy of the Ukrainian state, legalized the status of a representative body of the Crimean-Tatar nation, which existed and operated until then de facto, but not de jure, contributed to the overall further institutionalization of ethno-political interaction. Currently, the Crimean Tatars constitute a numerical minority – about 13% of the two million population of the Autonomous Republic of Crimea and slightly more than

⁵³⁵ Net krymskogo tatarina – net problem? // *Golos Kryma*. - 2008. - №5 (737).

⁵³⁶ Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy: keis krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniya // *POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza*. - 2009. - T. 5, № 3. - S. 49-64.

⁵³⁷ Ukaz Prezidenta Ukrainy №518/99 ot 18 maya 1999 g. o Sovete predstavitelei krymskotatarskogo naroda (na ukr. yaz.) // *Sila prava: Zb. zakoniv Ukraïni ta mizhnar.-prav. aktiv / Tsentri informatsii ta dokumentatsii krims'kikh tatar* // Uklad. R. Chubarov. - Kiiv, 2002a. - S. 93.

⁵³⁸ Ukaz Prezidenta Ukrainy №573/2000 ot 07 aprelya 2000 g. o Polozhenii o Sovete predstavitelei krymskotatarskogo naroda (na ukr. yaz.) // *Sila prava: Zb. zakoniv Ukraïni ta mizhnar.-prav. aktiv / Tsentri informatsii ta dokumentatsii krims'kikh tatar*; Uklad. R. Chubarov. - Kiiv, 2002b. S. 93–95.

⁵³⁹ *Ibid.*

0.5% of the total population of Ukraine. The use of majoritarian mechanisms in such a situation could not lead to the creation of ethnic representation, and giving the Mejlis of the Crimean-Tatar nation the legal status of a representative body, in our opinion, was just a necessary step towards reducing ethno-political tension and greater involvement of the Crimean Tatars in internal policy, contributed to the consideration of their interests."⁵⁴⁰

In conditions of intensive revitalization of the spiritual traditions of the Crimean-Tatar nation, which began in the late 1980s, the spiritual branch of representative power had a strong influence among the faithful of the ethnic community. As E. S. Muratova points out in her research, "the relations between the two structures since the mid-1990s (after the election of mufti N. Mustafayev in 1995), and in 1999 – E. Ablava) were built on the principle of mutual partnership, in which the Majlis played a leading role. The relationship was so close and harmonious that some of its opponents often called the SAMC "pocket muftiat" or "department under the Mejlis"⁵⁴¹.

Despite the ethnic homogeneity of the Crimean Muslim community (most of the Peninsula's Muslims are ethnic Crimean Tatars, see Appendix), the totality of the Peninsula's Islamic religious organizations is heterogeneous. The division takes place both on the structural and organizational lines, and on the line of ideas and intra-Islamic currents. The factor contributing to the emergence of heterogeneity of the Islamic community of Crimea was the liberal legislation of Ukraine on this part. Analyzing the map of the main Islamic groups, currents and organizations of the Crimea, it is possible to make a list of the most significant actors whose influence on the Muslim community is high. In the forefront of the revitalization of the Islamic heritage of the Crimean Tatars on the Peninsula until 2014 was already mentioned the Spiritual administration of Muslims of the Crimea. It appealed to "traditional

⁵⁴⁰ Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy: keis krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniya // POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza. - 2009. - T. 5, № 3. - S. 49-64.

⁵⁴¹ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. - 2016. — № 5 (sentyabr-oktyabr'). - S. 163-171.

Islam"⁵⁴² and insisted on preserving the religious practices inherited from the ancestors. The muftiat is characterized as an organization that maintains intensive international contact with Turkey and Turkish private and official organizations, including the Office of religious Affairs. A relatively new structure that emerged in 2010 was the Spiritual center of the Muslims of Crimea (SCMC), as well as the SAMC standing on the positions of "traditional Islam". The competitive nature of these centralized religious organizations was explained by the fact that SAMC acted as a kind of conductor of the Spiritual Center of Muslims of Ukraine (SCMU) in the Crimea, and the relationship between the SCMU and the SAMC was conflict. It should also be borne in mind that the SCMC was headed by mufti R. Veliyev, who was a student of the head of the SCMU A. Tamim. The latter, in turn, is considered to be in such a trend within Islam as habashism, named in honor of its founder – a religious figure from Ethiopia Abdullah al-Harari. One of the factors that led to the conflict nature of the relationship between the Spiritual departments of Ukraine and Crimea, was the tough position of the SCMU in relation to a number of foreign religious Muslim organizations, which in Kiev were considered extremist. In 2000 the Spiritual Center of Muslims of Ukraine, sent an open letter to the state authorities of Ukraine, which on behalf of the third Congress of Muslims of Ukraine contained the requirement "...to take decisive measures to tighten state control over the activities of all organizations and movements related to Islam."⁵⁴³ These organizations were in close cooperation with the Crimean muftiat (among them "Alraid", "Zam-Zam", etc.), which was the reason, among others, the emergence of a conflict nature of relations between the SAMC and the SCMU. The organization "Alraid", which is in the form of Association of public organizations, can also be

---

⁵⁴² V sovremennom islamovedenii otsutstvuet chetkoe i razdelyaemoe vsem mirovym islamskim soobshchestvom opredelenie ponyatiya «traditsionnyi islam». Sama zhe dikhotomiya «traditsionnogo» i «netraditsionnogo» islama s bogoslovskoi tochki zreniya yavlyatsya nenauchnoi. Odnako v sovremennom islamovedcheskom diskurse na postsovetskom prostranstve ponyatie «traditsionnyi islam» obrelo cherty polnotsennogo yavleniya, otrazhayushchego sovokupnost' istoricheskikh osobennostei ispovedaniya islamskoi religii ee posledovatelyami. V etom smysle ponyatie «traditsionnyi islam» ispol'zuetsya kak kontseptual'nyi protivoves imeyushchim tendentsiyu k global'nomu rasprostraneniyu ne svoistvennykh postsovetskim posledovatelyam islama musul'manskim techeniyam, kotorykh v sovremennom islamovedcheskom diskurse na postsovetskom prostranstve prinyato otnosit' k «netraditsionnomu islamu».

⁵⁴³ Otkrytoe pis'mo gosudarstvennoi vlasti // Minaret. – 2000. - № 35. – S. 20-21.

attributed to the Muslim structures that have an impact on the Islamic community of the Crimea. Different international governmental and social structures of the middle East region were the partners of "Alraid". The main form of activity was scientific and educational courses and conferences. This organization was closely supported by the Crimean SAM, which was one of the reasons for the deterioration of relations with the Ukrainian SCM. Another Islamic organization that influences ethnic and religious processes in Crimea was the Hizb ut-Tahrir party⁵⁴⁴. The ideological basis of this party, banned in most countries of the world⁵⁴⁵, is the idea of striving for the creation of a state based on theocratic Islamic principles. The methodology of activity is propaganda and nonviolent appeals to enter their party and the form of organization is a network consisting of Autonomous cells without a single control center. In relation to the leading actors of the ethno-political process of the Crimean Tatars – SAMC and Mejlis-the party acted as an opponent. Protests, rallies and conferences have become a form of confrontation. Another intra-Islamic movement, which has a certain influence on the Muslim population of Crimea, became the jamaats (communities of believers), belonging to the idea of Salafism. Their activities were clearly non-public and focused on the study of the foundations of the Islamic faith. They are characterized by intra-group isolation, detachment from the events of ethno-political processes and critical attitude to many of the Crimean-Tatar rites and traditions. However, the exception to them was Jamaat, united around the public organization "Sebat", which in 2011-2013 acted as an intermediary in solving the land issue between the participants of unauthorized occupation of land plots and the authorities. Its leaders did not recognize the authority of the Mejlis, believing that the latter deliberately does not solve the land problem of the nation, receiving political dividends from it. Activists of "Sebat" participated in the anti-Mejlis protests organized by opponents of the Mejlis, tried to bypass them directly with the

---

⁵⁴⁴ Deyatel'nost' «Khizb ut-Takhrir» zapreshchena na territorii RF.

⁵⁴⁵ Bol'shinstvo stran mira, v tom chisle s preobladayushchim musul'manskim komponentom, priznalo deyatel'nost' dannoi organizatsii nezakonnoi. V fevrale 2003 g. Verkhovnyi sud RF priznal «Khizb ut-Takhrir» terroristicheskoi organizatsiei i zapretil ee deyatel'nost' na territorii RF (sm. Edinyi federal'nyi spisok terroristicheskikh organizatsii URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>).

authorities to solve the problems of participants of "the glades of the protest"⁵⁴⁶. The rest of the jamaats recognized the Mejlis of the Crimean-Tatar nation as a representative body of the nation did not show any opposition to it and did not participate in political actions. In 1998-2005, the regional branch of the political party "party of Muslims of Ukraine" (PMU), created by the famous businessman from Donetsk R. E. Bragin, operated in Crimea. Acting at that time in Ukraine, the spiritual administration of Muslims, in his opinion, were ineffective in defending the interests of Muslims of this state, which was the reason for the creation of this structure: "The current spiritual centers of Ukraine are not able to unite Muslims and defend their interests in full. Therefore, the creation of the party is caused by life itself, and what its future will be like - depends on us, Muslims of Ukraine."⁵⁴⁷ Being Muslim religious in form, but not in fact, the party of Muslims of Ukraine could not become the unifying center of adherents of Islam of all state, had no essential support in the Crimea⁵⁴⁸ where the Crimean Tatars were the prevailing Muslim population, and in 2005 was a part of Party of regions. The main actors of the Crimean-Tatar ethno-political process came into opposition to the PMU, which can be considered a factor contributing to the low degree of support for this political force among the broad masses of the Crimean-Tatar population. As stated by one of the prominent figures of the Mejlis I. Umerov, this party "is no more than a sign for which there are no Islamic values, no guarantees of the rights of the Crimean-Tatar nation, and there is money of the Donetsk oligarchs who created this structure in order to delay the Crimean Tatars for a pleasing candidate to the current government. The party of Muslims is a Party of regions, only in a smaller version, the party is a satellite and the aspirations of the Crimean-Tatar nation, as well as for the party in power, are also unacceptable for its leadership."⁵⁴⁹ It should also be borne in mind that on the

⁵⁴⁶ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr-oktyabr'). – S. 167.

⁵⁴⁷ Osmanov D. Rashid Bragin: «Ob"edinit' musul'man i rabotat' vo blago ikh» // Golos Kryma. – 1997. – 17 oktyabrya.

⁵⁴⁸ Odnako nesmotrya na bezuspeshnuyu politiku partii potesnit' pozitsii Medzhliisa sredi osnovnoi massy krymskotatarskogo naseleniya Kryma, v ryade raionov poluostrova PMU smogla sostavit' nekotoryu konkurenciyu. S rospuskom partii ischez i konkurent Medzhliisa.

⁵⁴⁹ Umerov I. O Fevzi Yakubove i drugikh («Poluostrov», 2004 g.) // Tochka zreniya / sost. A. Khalilov. – Simferopol': «Odzhak», 2005. – S. 20.

mainland of Ukraine since the 1990s, there have been several large Muslim centralized organizations uniting various communities throughout the country. Among them is the degree of influence key positions held by the Spiritual administration of Muslims of Ukraine (SAMU), the Spiritual center of Muslims of Ukraine (SCMU), Religious management of independent Muslim communities of Ukraine "Kiev Muftiat" (RMIMCU "Kiev Muftiat"), the Spiritual administration of Muslims of Ukraine "Umma" (SAMU "Umma")⁵⁵⁰. According to researcher T. Senyushkina, the current trend towards religious stratification of the Crimean-Tatar Muslim environment may provoke an intra-Islamic confrontation in the Crimea⁵⁵¹. However, as practice has shown, there were no significant conflicts within the Islamic community of Crimea, which leads to a conclusion about the stability of relations between all major Islamic religious actors in Crimea. The conflict - free existence on the territory of a number of various intra-Islamic groups, movements and organizations testifies, on the one hand, to the effectiveness of the liberal legislation of the state in relation to intra-religious pluralism, and on the other-to the high consensus potential of political communication within the Muslim community of Crimea.

As for the other actors of the Crimean-Tatar ethno-political process, the situation after 2014 is as follows. In contrast to the existing Kurultai of the Crimean-Tatar nation, which is a representative body, and the Mejlis, which performs the functions of the Executive body of the Kurultai, which claims to be the authorized representative of the Crimean-Tatar ethnic community, in the period from 2014 to the present, alternative structures of the Crimean-Tatar ethnic representation have been formed or are being formed. These include the public organization "Milli Firka", which the researcher V. A. Baranov relate to the party⁵⁵². However, according to the organizational form, this structure, headed by the Crimean-Tatar public figure V. A.

⁵⁵⁰ Boitsova E.V., Gankevich V.Yu., Muratova E.S., Khairedinova Z.Z. Islam v Krymu: Ocherki istorii funktsionirovaniya musul'manskikh institutov. – Simferopol': Elin'o, 2009. – 432 s.

⁵⁵¹ Senyushkina T.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Krymu: analiz, prognoz, tendentsii // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 375.

⁵⁵² Baranov A.V. Krymsko-tatarskoe dvizhenie: tendentsii konfliktnosti i uchastiya v mirostroitel'stve // Vlast'. - 2015. - № 1.

Abduraimov⁵⁵³, belongs to a public organization. The word "party" is used only in the title (Crimean "fyрка" - "party"). Moreover, if this organization had the form of a political party, it would not have been registered by the justice authorities of the Russian Federation because of the ethnic feature of its construction⁵⁵⁴. Other organizations which were formed or are being formed under the control of the Russian Federation include public organizations "Kyrym birligi" headed By S. Nimetullayev, "Generation Crimea" headed by deputy of the State Duma of the Russian Federation R. Balbek, "Sebat" led by S. Gernerdzhi⁵⁵⁵, as well as the Public Council of the Crimean-Tatar nation, seeking to unite Pro-Russian Crimean-Tatar forces. This can include an attempt to form an alternative to the Kurultai of the Crimean-Tatar nation, another Kurultai, which would consist of persons who support the current political and legal situation on the Peninsula.

Data on the ethnic composition of Crimea in the dynamics of population censuses conducted in 1989, 2001 and 2014 (the latter – after the actual transition of Crimea under the control of the Russian Federation) are shown in table 7. During the inter-census period 2001-2014, the population of Crimea decreased by 135 thousand people or 6.7%. The population of the Sevastopol region, on the contrary, increased by 18 thousand or 4.8%. In comparison with the national census of 2001, the number of Russians increased by 2.7%, Armenians — by 9%, and the number of Ukrainians decreased by 40%, Belarusians — by 38%. As pointed out by V. A. Temnenko, "growing in the first half of the 90-ies the conflict on the Russian – Ukrainian side of the Crimean ethnic triangle-the classic conflict (of Russian) colony and (Ukrainian) metropolis strongly damped fear of the Crimean Tatars and the inability to "calculate" their behavior in the rapidly changing conditions of possible armed struggle⁵⁵⁶. However, as I. Aydyngun argues in his work, "despite the rather cautious attitude of

⁵⁵³ Yavlyalsya soratnikom Yu. B. Osmanova, izvestnogo krymskotatarskogo obshchestvenno-politicheskogo deyatelya nachala 1990-kh gg., nakhodyashchemusya v oppozitsii po otnosheniyu k Medzhlisu. V period sobytii 2014 g. provodil agitatsionnyu rabotu s krymskotatarskim naseleniem poluoostrova za uchastie v martovskom referendume.

⁵⁵⁴ Federal'nyi zakon RF «O politicheskikh partiyakh» ot 11.07.2001 N 95-FZ.

⁵⁵⁵ Baranov A.V. Krymsko-tatarskoe dvizhenie: tendentsii konfliktnosti i uchastiya v mirostroitel'stve // Vlast'. - 2015. - № 1.

⁵⁵⁶ Temnenko V.A. Krym – vypavshee zveno konfliktnoi dugi / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 272.

many Ukrainians to the Crimean Tatars... the majority of Ukrainians perceive them as their natural allies in the confrontation between the Russian and as the ethnic group on which to rely in the perception of the Crimea as part of Ukraine"⁵⁵⁷.

Researchers identify three possible types of contradictions that had the potential to result in ethno-political conflicts (before the actual loss of Ukraine's control over the Crimea):

- Russians of the Crimea against the Central government of Ukraine.
- Russians of the Crimea against the Crimean Tatars of the Crimea.
- Crimean Tatars of Crimea against the Central government of Ukraine⁵⁵⁸.

The latter type appears to be the least likely compared to the second. The researcher A. G. Shevchuk highlights a new potential ethno-political conflict in Crimea – strengthening of the Turkic-Muslim ethno-cultural component of non-Crimean-Tatar origin, under the guise of the return of returnees from deportation or refugees of another inter-ethnic conflict in Central Asia⁵⁵⁹. Kyrgyzstan is indicated as a potential point of exodus.

One of the most controversial issues related to the Crimean-Tatar ethno-political process is the form of political representation of the ethnic group in question, mentioned earlier. Researcher V. A. Temnenko believes that it is acceptable for the realities of the Crimean model of political-administrative organization of the Crimean-Tatar community is the transformation of the Crimean-Tatar claims from the level of national-territorial autonomy to the level of out of the territory community self-management. To do this, it is necessary to legally recognize the Crimean-Tatar national community as a special form of local self-government. Local self-government bodies in the Crimean-Tatar national community should be Kurultai

⁵⁵⁷ Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // *Central Asia and the Caucasus*. - 2004. - № 6 (30). Оригинальный текст: «Despite the cautious attitude of most of the Ukrainians toward the Crimean Tatars ... most of them consider the Crimean Tatars as natural allies against the Russians and a population that they can count on to keep the Crimea as part of Ukraine».

⁵⁵⁸ Temnenko V.A. Крым – выпавшее звено конфликтной дуги / *Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik*. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 274.

⁵⁵⁹ Shevchuk A.G. Obzorno-analiticheskaya otsenka tekushchei sotsiokul'turnoi i etnokonfessional'noi situatsii v tsirkumpontiiskom geopoliticheskom prostranstve // *Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik*. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 280.

and Mejlis with their territorial representations⁵⁶⁰. This political and administrative system would copy the researcher's successful experience of national self-government of Indians in the United States. "The Indian national community is recognized in the United States as a special form of local government. In the territories of the reserves act their, Indian laws, its own police. They are not subject to the governments of the States on whose lands they are located, but are under the Federal care of the special Bureau of Indian Affairs of the US interior Ministry. The reserve land is owned by the Indian community. Firms operating on reservations do not pay Federal and state taxes. However, every Indian is a full-fledged citizen of the United States, is free to leave the reservation, live where he pleases, and do what he wants: the special status has not an individual of Indian origin, but the national community. The individual is free to choose: identify with the community and accept its special status – or leave the community, dissolve in the American "melting pot" and independently achieve success in life."⁵⁶¹ The position of the leaders of the modern Crimean-Tatar national movement, as we mentioned earlier, is to establish national and territorial autonomy within the framework of the Ukrainian state⁵⁶². In our opinion, the idea proposed by researcher V.A. Temnenko, of creating some semblance of Indian reservations in the United States for the Crimean Tatars in the Crimea is unpromising from the point of view of deeply rooted in the historical memory of the Crimean-Tatar community awareness of themselves responsible for the fate of the entire Peninsula, and not only some of its parts. However, it is not necessary to completely reject the proposal of the researcher V. A. Temnenko. From our point of view, the provisions of this concept, such as its own legal system in the places of community residence of the Crimean-Tatar population and 100% payment of taxes from enterprises in these places to local budgets, could be an effective measure of relief of potential conflict risks on the

---

⁵⁶⁰ Temnenko V.A. Ot sil'noi lichnosti k sile zakona: o zadachakh predstavitel'stva verkhovnoi rady Avtonomnoi respubliki Krym v Verkhovnoi Rade Ukrainy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT, 2012. – S. 387.

⁵⁶¹ Ibid.

⁵⁶² Umerov I.R. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 390.

Peninsula, as well as contribute to the socio-economic adaptation of the Crimean-Tatar returnees.

For the study of ethno-political processes it is very useful to use the achievements of victimology (from lat. Victim – "victim" and Greek Logos – study of). In modern political science, researchers such as P. Kabanov, E. Veleshko, T. Senyushkina develop this direction while it continues to remain unexplored. Its essence is in the study of victim factors that influence the nature of political behavior of ethnic groups that have undergone in their history emergency socio-demographic changes by external actors (deportation, mass physical extermination on ethnic/religious grounds, forced slavery, the use of nuclear weapons, etc.). According to T. Senyushkina, the application of victimology to the analysis of inter-ethnic relations will understand the specifics of ethno-national conflict, in which one of the parties to a relationship have been subjected to violence and continues to be in its own perception of the victim⁵⁶³. As E. N. Veleshko points out in his work, the deportation of ethnic groups living in Crimea, in 1944, in addition to physical suffering, led to negative psychological and social consequences, as well as left an imprint on the perception of the world and ethno-psychology⁵⁶⁴. These consequences are reflected in the political behavior of ethnic groups, which affects the processes of their integration into the national political and legal space. One of the important requirements of the Crimean-Tatar national movement since the end of the 1980s was the requirement to recognize the deportation of 1944 by the state authorities (the USSR and later independent Ukraine) as an act of genocide with appropriate legal consolidation in international legal acts. An important advantage of this step will be the construction of new ways of lobbying their political interests. Factors that strengthen the nomination of the national elite of the Crimean Tatars political demands can serve as:

---

⁵⁶³ Senyushkina T.A. Etnonatsional'naya konfliktnost' v Krymu kak viktimologicheskaya problema // Kul'turnyi obmen i formirovanie tolerantnosti v mnogoetnichnom grazhdanskom obshchestve: materialy seminara (17 iyunya 2003 g.) – Simferopol': ChP Faktor, 2003. – S. 110-111.

⁵⁶⁴ Veleshko E.N. Politicheskoe povedenie krymskotatarskikh repatriantov kak viktimologicheskaya problema // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 290.

- disappearance of the subject of the crime (collapse of the USSR);
- lack of mechanisms in the legislation (Ukrainian, Russian) for compensation of victims of crimes on a political basis.

Based on this, we can conclude that victimization becomes a resource used by agents of ethno-political mobilization. Victimization is a factor determining the political behavior of the Crimean-Tatar ethnic community in several areas: political, legal, socio-economic and cultural. In the political and legal sphere, the elements of victimization can be traced to the political demands put forward by the Crimean-Tatar national elite, which were reflected in the Declaration on the national sovereignty of the Crimean-Tatar nation, adopted at Kurultai by the plenipotentiary representatives of the Crimean-Tatar nation on June 28, 1991. This document, adopted at the first national Congress of the Crimean Tatars since 1918, contains the statement:

"Crimea is the national territory of the Crimean-Tatar nation, where only they have the right to self-determination as set out in international legal acts recognized by the world community. Political, economic, spiritual and cultural revival of the Crimean-Tatar nation is possible only in its national sovereign state. The Crimean-Tatar nation will strive for this goal, using all the means provided by international law."⁵⁶⁵

There is a point of view that the inclusion of this item in the final document of the Congress is the desire of the elite of the Crimean-Tatar nation to isolate Ukraine from the then Soviet Union and build its own independent state. However, it seems to us that this provision should be considered only in the chain of ethno-political situations that took place on the Crimean Peninsula in that historical period. About six months earlier, on 20 January 1991, a referendum on the state and legal status of Crimea was held (a similar referendum was held in the city of Sevastopol.) The only question contained in the bulletin sounded as "Are you for creation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic as the subject of the USSR and the participant of the Union agreement?" and 93,26%, or 1 825 343 people answered "Yes", and

---

⁵⁶⁵ Deklaratsiya o natsional'nom suverenitete krymskotatarskogo naroda №45 ot 28 iyunya 1991 g.

5.64% or 81 254 people answered "No". According to official figures, the turnout was 81,37% or 1 441 019 people. Activists of the Crimean-Tatar national movement does not recognize the results of the referendum, saying Russian-speaking population of Crimea with a majority of votes cannot determine the legal status of the territory. At the same time, according to the recognition of one of the leaders of the Crimean-Tatar national movement M. Dzhemilev, made by him in 2009 at the world Congress of Crimean Tatars, "if this Declaration was written in our days, it would obviously have a slightly different content and tone. But it was written in the years of Soviet power, when Ukraine has not yet gained independence and there was a real threat of annexation of Crimea to Russia, that is, the Declaration was directed against real separatist tendencies."⁵⁶⁶

Later, the Mejlis of the Crimean-Tatar nation adopted a number of political and legal documents declaring the desire to restore the Crimean-Tatar national and territorial autonomy within the sovereign Ukrainian state. Victimization in the political behavior of the Crimean-Tatar ethnic community can be traced in other political and legal requirements put forward by it: ensuring its representation in the authorities of various levels, granting the state status to the Crimean-Tatar language, etc. In the cultural sphere, the victimization of political behavior can be traced in the whole range of issues affecting historical, cultural, religious, educational, informational and other subjects of public discussion. A key function of victimization factors is to have a direct impact on group behavior, including political behavior, on the formation of political attitudes and group expectations towards the authorities and other political actors.

The spontaneous process of repatriation of the Crimean-Tatar population to Crimea in the late 1980s-early 1990s was characterized by weak state participation, which led to a significant gap between the needs of the repatriates and the possibilities of their satisfaction. As E. N. Veleshko points out in his work, "the problems of relations between local authorities and the Mejlis of different levels, the

---

⁵⁶⁶ Krymskie tatory v Krymu i v mire: problemy i perspektivy natsional'nogo vozrozhdeniya // Doklad predsedatelya Medzhliisa krymskotatarskogo naroda M. Dzhemileva na Vsemirnom kongresse krymskikh tatar – Simferopol', 2009. URL: <http://textarchive.ru/c-1284193.html> (data obrashcheniya: 24.12.2017).

acquisition of Ukrainian citizenship by repatriates, the representation of Crimean Tatars in various authorities, as well as the problems of land privatization contributed to the increase in the degree of collective infringement of the Crimean-Tatar ethnic group and the growth of the conflict potential of the region as a whole."⁵⁶⁷

Thus, the analysis of collective behavior and ethnic identity of the Crimean Tatars confirms the existence of manifestations of victimization at the level of group consciousness of the ethnic community.

An important factor in the Crimean-Tatar ethno-political process is the foreign influence in the face of the Turkish Republic, historically associated with this ethnic community. The factor of Turkish influence on the Crimean-Tatar ethno-political process is amplified not only by the historical ties between the peoples of Turkey and Crimea, but also by the significant diaspora in Turkey itself. Data on the number of Crimean Tatars living in Turkey vary. On the territory of this country, there are a number of enclaves inhabited by the Crimean Tatars and many relative nations. It is also necessary to take into account the fact that the official national policy of the Turkish authorities is aimed at the acculturation and assimilation of the non-Turkish population, and data on the ethnic composition of Turkey are not officially published.

In the opinion of A. G. Shevchuk, Turkey is building its relations with the Crimean Tatars, as with its Diaspora and, therefore, not only lobbies for the interests of the Crimean Tatars, but also takes this into account in the conduct of its geopolitical strategy in the Black sea region⁵⁶⁸. According to some researchers, Turkey, together with a number of Arab States, plays an active role in the revival of Islam in the Crimea.⁵⁶⁹ The most important source of Turkey's influence on the

⁵⁶⁷ Veleshko E.N. Politicheskoe povedenie krymskotatarskikh repatriantov kak viktimologicheskaya problema // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 294.

⁵⁶⁸ Shevchuk A.G. Obzorno-analiticheskaya otsenka tekushchei sotsiokul'turnoi i etnokonfessional'noi situatsii v tsirkumpontiiskom geopoliticheskom prostranstve // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 281.

⁵⁶⁹ Sm.: Grigor'yants V.E. O nekotorykh osobennostyakh protsessa vozrozhdeniya islama v Krymu (1989–1999 gg.) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.niss.gov.ua/crimea/files/islam.htm> (data obrashcheniya: 22.03.2018) ; Grigor'yants V.E., Ishin A.V., Shevchuk A.G. K voprosu o gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyakh v Ukraine i ARK. Izd. 2-e, pererab. i dop. - Simferopol', 2004; Davydova V.R. Globalizatsiya kak faktor vnutrikonfessional'nykh protivorechii v musul'manskom soobshchestve Kryma // Voprosy razvitiya Kryma. – S. 44–48; Senyushkina T.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Krymu: analiz, prognoz, tendentsii // Ibid. - S. 373–378; Chervonnaya S.M. Problemy

Crimean-Tatar ethno-political process is traditionally the ideology of pan-Turkism, understood in a broad sense as the desire for political, economic, cultural and ethnic integration of the Turkic nations, in which the dominant role is supposed to give to Turkey as the most developed from a geopolitical and socio-economic point of view, the state with a predominant Turkic component.

The famous educator, philosopher and socio-political figure of Crimean-Tatar origin I. Gasprinsky (1851-1914) actively developed the ideological platform of pan-Turkism. Being an active member of the national movement of Crimean Tatars at the turn of XIX-XX centuries, he published the first Turkic-language newspaper in the Russian Empire, which had its distribution to all Turkic-speaking nations of the country. Emigration flows from the Crimea in the end of XVIII - middle of XIX and in the XX century were mainly directed to the Ottoman Empire. As pointed out by O. V. Ryabtsev, " the Vassalage of the Crimean khanate was not perceived by the Crimean Tatars as a conquest or occupation, which was largely facilitated by the ethnic, cultural, linguistic and religious proximity of the Turks of Crimea and Anatolia, who professed the Mohammedan faith, uniting them at that time within the framework of a single Islamic Caliphate."⁵⁷⁰

Turkish influence extended to the cultural and linguistic markers of the Crimean- Tatar ethnic group. The Ottoman language for a long time remained the official literary language of the Crimean khanate. There was also strong Ottoman influence in the field of public education. Textbooks, educational methods, teachers were sent from Turkey. The Turkish bourgeoisie was historically represented in Crimea. A number of canteens, bakeries, inns, coffee shops and construction projects were concentrated in their hands.⁵⁷¹ For Turkey itself, Crimea has historically been perceived as a zone of its own influence, acting as an integral part of the Turkic area.

---

vozvrascheniya i integratsii krymskikh tatar v Krymu: 1990-e gg. - M., 1997; Idem: Vozvrashchenie i integratsiya krymskikh tatar v Krymu: 1990-e gg. // Vynuzhdennye migranty. Integratsiya i vozvrashchenie / pod red. V.A. Tishkova. - M., 1997. - S. 170–176.

⁵⁷⁰ Ryabtsev O.V. Setevoi printsip deyatel'nosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii : na primere krymsko-tatarskogo natsional'nogo dvizheniya: dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02. – Rostov n/D, 2008. – S. 59-60.

⁵⁷¹ Ibid. – S. 61.

"Until the end of the XIX century, Crimea was neither Russian in full, nor Ukrainian, and to the greatest extent was Turkish."⁵⁷²

In terms of inner-political crises in Turkey in the early twentieth century a question about the formation of the political identity of a new type raised, which ultimately took shape in the form of the idea of establishing, under the auspices of the Turkish nation and the Turkish Muslim Federation "Great Turan". The most significant structures operating in the pan-Turkist movement were "Milli Hareket Partisi" ("national movement party" of Turkey) with the combat wing "Boz kurt" ("Gray wolves"), "Turk Ocaklari" ("Turkic centers") and "Nurjular". The ideological platform of such organizations was based on the ideas of Islamism (to a lesser extent) and Turkic supranational consolidation (to a greater extent).

The modern influence of the Turkish Republic on the Peninsula of Crimea is part of the "soft power" of Turkey, the activation of which began with the collapse of the USSR and the formation of new independent states with a significant Turkic segment. As Turkish Prime Minister S. Demirel noted in 1992, "Turkey will expand, despite the fact that the borders will remain unchanged. In other words, Turkey will expand its influence from the Adriatic to the Great Wall of China"⁵⁷³.

The diaspora living in this country can be considered an agent of influence from Turkey on the Crimean-Tatar ethno-political process. Among the representatives of the Turkish elite there are many people with Crimean-Tatar roots⁵⁷⁴. The commitment to the historical homeland has been preserved in the national memory of the diaspora, as the well-known expert in the field of diaspora studies William Saffron points out: "the basic features of the diaspora are the presence of the ethnic community of their ethnic identity, as well as a more or less clear image of the historical homeland. At the same time, the commitment to the historical homeland can be maintained in the national consciousness of the diaspora

---

⁵⁷² Torbakov I. Crimea – the next Bosnia? (struggle for military control between Ukraine and Russia) // National Review. – 1993. - 8.9.

⁵⁷³ Gurler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War. - 2011. URL: www.uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recepgurler.pdf.pdf (Дата обращения 04.02.2018).

⁵⁷⁴ Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).

at the level of historical memory, which at different stages becomes the basis for the promotion of ideas of repatriation. As a rule, the diaspora has a problematic relationship with the surrounding ethno-cultural environment in which they live, perceiving it as a threat of assimilation."⁵⁷⁵

Factor in the preservation of ethnic identity of Crimean Tatars in the period from the late eighteenth century in the territories of Turkey, Romania, and Bulgaria can be considered the existence of migrants from Crimea in the monoethnic environment for the reproduction of their own ethnic group, which contributed to the ethno-cultural core of the Crimean Tatars. At the same time, the difference between the Crimean-Tatar diaspora in Turkey and the Crimean-Tatar ethnic community in Crimea is tangible. This is because diaspora in Turkey, as indicated in the study of O. V. Ryabtsev, "continues to carry the historical memory of the Crimea, being, in fact, part of the modern Turkish society."⁵⁷⁶ However, as he notes, "against this background, since the late 1980s, there has been an increase in the national consciousness of the diaspora, which was closely related to the institutionalization of the Crimean-Tatar national structures in Turkey."⁵⁷⁷ Another researcher points out that, "the reputation of the Crimean Tatars is quite high in Turkey, as the Turkic identity has grown from the works of famous Tatar thinkers such as Ismail Gasprinsky and Yusuf Akchura, who are revered not only by the Turks, but also by their counterparts in the Turkic world."⁵⁷⁸

The channels of influence of the Crimean-Tatar Turkish Diaspora are humanitarian organizations. One of them is the "Union of culture and mutual aid of the Crimean Turks", the main declared task of which is to support compatriots in the Crimea and the preservation of the ethnic culture of the Crimean Tatars.

---

⁵⁷⁵ Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora* (Oxford University Press). – 1991. - Vol. 1, № 1. – P. 83-99.

⁵⁷⁶ Ryabtsev O.V. *Setevoi printsip deyatel'nosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii : na primere krymsko-tatarskogo natsional'nogo dvizheniya: dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02.* – Rostov n/D, 2008. – S. 84.

⁵⁷⁷ Ibid.

⁵⁷⁸ Boldyrev A. *Crimean factor in the Russia-Turkey relations* 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).

Similar interaction takes place through youth structures. The state Agency for international development and cooperation under the Council of Ministers of Turkey, Türkiye işbirliği ve Kalkınma İdaresi (TIKA), is Turkey's state body for the implementation of the state policy towards the Crimean-Tatar ethnic community in Crimea. Although the work of this body is extended to many regions, including the Balkans, North Africa, the middle East, Eastern Europe, the Black sea region, the North and South Caucasus, Central Asia and the Volga region, Crimea is one of the most important areas of attention⁵⁷⁹. The organization is a mechanism for cooperation between public institutions, universities, non-governmental organizations and the private sector. Funding for the organization is growing: in 2002, the amount of funds allocated for international projects amounted to 85 million USA dollars, and in 2015 it amounted to \$ 3,913 million USA dollars.⁵⁸⁰

The Crimean-Tatar ethnic community can be perceived as a connecting element between Turkey and Ukraine, and the latter – as a link with Eastern Europe. The geostrategic importance of relations between Ukraine and Turkey is explained by the joint membership of these countries in a number of international and regional associations. Turkish influence on Crimea is also explained by the geopolitical position of the Peninsula. The geographical location of the Crimea in the Black sea region makes it possible to monitor the situation in the Azov-Kerch water area, as well as provides access to the Bosphorus and the Dardanelles. At the same time, the key to the implementation of Turkey's foreign policy has become the policy of "soft power", the complex of forms of implementation of which includes:

- in the field of education, science and innovation - conclusion of agreements between universities and joint research projects within the framework of scientific and technical cooperation programs;

---

⁵⁷⁹ Ryabtsev O.V. Setevoi printsip deyatel'nosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii : na primere krymsko-tatarskogo natsional'nogo dvizheniya: dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02. – Rostov n/D, 2008. – S. 94.

⁵⁸⁰ Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] = Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (Дата обращения: 22.03.2018).

- in the field of entrepreneurship and investment-bilateral and multilateral councils that simplify the activities of Turkish entrepreneurs;

- in the field of promotion of language and culture - the creation of schools that teach the Turkish language, Turkish history and culture, the opening of the departments of Turkish language teaching in universities.

Turkey supported the efforts of the Ukrainian authorities to support the repatriation of Crimean Tatars. The Turkish Agency for international cooperation and development in Crimea has implemented a number of projects with a total cost of \$ 25 million USA dollars, including the project "1.000 houses" for the Crimean Tatars⁵⁸¹. The financial aspect of Turkey's influence on the Crimean-Tatar ethno-political process is to attract significant investments in the Crimean economy through TIKA channels. The counterparty of the Turkish-Crimean-Tatar cooperation in Crimea is the "Mejlis of the Crimean-Tatar nation" until 2014 acting as an intermediary in the process of promoting Turkish capital on the Peninsula. "Majlis", as O. V. Ryabtsev points out, "for obvious reasons, has a "carte Blanche" in the process of distribution of investment funds. Moreover, according to some Crimean experts, for the leaders of the "Mejlis" Turkish capital has become almost the main source of personal enrichment. Simultaneously with the activation of the Agency's work on the Crimean "site "under the auspices of the "Mejlis" the fund "Crimea" was created ", the chairman of which became M. Dzhemilev. The fund acts as the main partner of TIKA not only in Crimea, but in Ukraine as a whole"⁵⁸².

The presence of Turkish capital is most noticeable in the areas of compact residence of the Crimean-Tatar population in the Crimea: Simferopol, Belogorsky, Bakhchisarai and Nizhnegorsky districts⁵⁸³. TIKA participated in the implementation of projects related to the development of the resort sector, as well as in the construction sector. It includes the construction of residential facilities, national

---

⁵⁸¹ Safonkina E.A. Turtsiya kak novyi faktor politiki «Myagkoi sily» // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. - 2014. - № 2. – S. 147.

⁵⁸² Ryabtsev O.V. Setevoi printsip deyatel'nosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii : na primere krymsko-tatarskogo natsional'nogo dvizheniya: dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02. – Rostov n/D, 2008. – S. 96.

⁵⁸³ Ibid. – S. 97.

schools, and restoration of historical and cultural monuments. The well-established system of cooperation of the "Mejlis of the Crimean-Tatar nation "with the official representatives of the Republic of Turkey, its business circles, which includes regular participation of the leadership of the" Mejlis" in the Ukrainian delegations on trips to Turkey and at the reception of Turkish delegations in Ukraine, may indicate a high level of international influence of the"Mejlis of the Crimean-Tatar nation".

Thus, for a long historical time Turkey, since the establishment of the Ottoman vassalage over the Crimean khanate at the end of the XV century, remains one of the most important players in the Crimea, considering the Peninsula, which is the center of the Northern Black sea region, as a springboard for strengthening its geopolitical positions. The desire to preserve Turkish investments, the favorable condition for the existence of which is the political stability of the territory, may be the reason for the lack of active position of the Turkish leadership to protect the territorial integrity of Ukraine during its actual loss of control over Crimea in 2014.

Taking into account all the above-mentioned factors related to the validity of Turkish influence on the Crimean-Tatar ethno-political process in Ukraine, it is possible to justify Ankara's negative reaction to the results of the Crimean referendum in 2014. This also includes loud statements by the Minister of foreign Affairs of the Republic of Turkey A. Davutoglu, who in March 2014 according to some sources, promised political, international and economic support to Ukraine to preserve the territorial integrity of this state. However, Turkey's accession to the anti-Russian sanctions did not happen, which may be due to the factor of disparity between the economic importance of Ukraine and the Russian Federation for Turkey. In 2014, the trade turnover between Turkey and Russia exceeded 33 billion US dollars, and the income from Russian tourists accounted for according to the period of not less than 4 billion U.S. dollars⁵⁸⁴. It should also be borne in mind that the period preceding 2014 was characterized by a significant strengthening of bilateral relations between the Republic of Turkey and the Russian Federation, which can also

---

⁵⁸⁴ Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).

be considered a factor that determined the half-hearted policy of Turkey in relation to the internal Ukrainian political processes, including the problem of the Crimean-Tatar population of the Crimean Peninsula in the conditions of the actual loss of control over it by Ukraine.

Despite the high rating of the leader of the national movement of Crimean Tatars M. Dzhemilev and the Mejlis of the Crimean-Tatar nation, which was in the period of Ukraine's control over the Crimea, opposition sentiments grew among his compatriots in the 2000s. As E. H. Aydinov pointed out in his study, "opponents among the Crimean Tatars blame the leader and the Mejlis, as a rule, insufficiently tough stance in defending the rights of their nation, "compromise" with the authorities of Ukraine and abuse of office. Social, living and economic conditions are in stark contrast to the expectations and hopes that existed in the early years of return to Crimea. The discontent is caused by the de facto deprivation of rights and inequality, the inability to solve many problems, including legal problems related to the return, resettlement, determination of the status of returnees, the restoration of the rights of the Crimean- Tatar nation."⁵⁸⁵

The presence of many factors, including international ones, determined the specific state of the Crimean-Tatar ethno-political process. Their combined impact has determined a unique position among similar processes of other ethnic groups inhabiting the Peninsula of Crimea. The main elements of the Crimean-Tatar ethno-political process, determining its specificity at the present stage, are:

- Demographic characteristics of the Crimea and the dynamics of the Crimean-Tatar population of the Peninsula. According to the data given in table 7(see Appendix), the Crimean-Tatar population of Crimea is about 1/8 of the total population of the Peninsula (more than half of the population are Russians, a quarter of the population are Ukrainians). It should also be borne in mind that it is the Crimean Tatars that make up the bulk of the Muslim population of the Peninsula (in

---

⁵⁸⁵ Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy: keis krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniya // POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza. - 2009. - T. 5, № 3. - S. 49-64.

the presence of relatively small communities of other nations who traditionally profess Islam: Tatars, Chechens, etc.).

- The Mejlis in the political consciousness of the Crimean-Tatar ethnic community, as well as its place and role in the ethno-political process. The defining characteristic of this structure is its role as a representative body of the Crimean-Tatar ethnic group in relations with state authorities and international organizations. As E. S. Muratova points out, "in the absence of their statehood, many Crimean Tatars endowed the Mejlis with the functions of the "national government" and in accordance with this formed not only their expectations, but also claims to this body."⁵⁸⁶

- Formation of historical memory and its impact on the political consciousness of the Crimean-Tatar ethnic community. According to the research, the annexation of Crimea to the Russian Empire in 1783 and the deportation of nations from Crimea in 1944 play a decisive role in explaining the processes of the past, present and future of the Crimean-Tatar nation⁵⁸⁷. The mentioned victim factors occupy a large layer in the historical memory.

The events that took place in Ukraine in late 2013 – early 2014, showed signs of acute political crisis. The present study is not intended to examine the causes, genesis, content and consequences of the political process that took place in a given state during that period. The subject of our study is the content and factors of the Crimean-Tatar ethno-political process in this chronological period. To do this, it is necessary to analyze the situation in the Crimean-Tatar ethnic community in the new political realities, which includes the analysis of the dynamics of interethnic and interreligious relations in the Crimea, communication of the main actors of the Crimean-Tatar ethno-political process both among themselves and with the external environment, the religious factor of the ethno-political process. Earlier, the nature and dynamics of relations between the main actors of the Crimean-Tatar ethno – political

---

⁵⁸⁶ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr-oktyabr'). – S. 164.

⁵⁸⁷ Kuts N., Muratova E. Proshloe, nastoyashchee i budushchee krymskikh tatar v diskurse musul'manskogo soobshchestva Kryma // Krymskii politicheskii dialog. K.: "K.I.S." - 2014. - 64 s.

process-the Mejlis of the Crimean-Tatar nation and the Spiritual administration of Muslims of Crimea were analyzed, which before the events of 2014 could be represented as a kind of branches of representative power of the Crimean-Tatar ethnic community: the Mejlis was a "secular" branch of power of the Crimean Tatars, and the SAMC – "spiritual", which in the conditions of accelerated revitalization of the religious consciousness of the Crimean Tatars since the late 1980s was of great importance. Political transformations in Crimea, which began in 2014, had a significant impact on the redistribution of the importance of these structures. The loss of influence of the Mejlis on the Crimean-Tatar ethnic community caused by the deportation of its leaders, searches in the homes of activists, a ban on public events, etc., contributed to strengthening the position of the Spiritual administration of Muslims of Crimea. Moreover, according to E. S. Muratova, " gradually SAMC acquires the features of the authorized representative body of the nation in relations with the authorities of the Republic and abroad. And the mufti (not without the help of the authorities) from the spiritual head of the Muslims of Crimea turns into a national leader of the Crimean Tatars."⁵⁸⁸

The functional significance of the SAMC and the Mejlis has also undergone a change. In the situation of persecution of leaders and activists of the Mejlis, many functions began to move informally to the Spiritual administration of Muslims of Crimea. These include:

- Resolution of issues related to the release of Crimean Tatars from arrest;
- Some questions of social and economic arrangement of the Crimean-Tatar repatriates.

Changes have occurred not only in the relationship of these structures, but in relation to the Crimean-Tatar population to the SAMC. In the ethnic community, there were three groups of moods about the Spiritual administration of Muslims of the Republic:

---

⁵⁸⁸ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr-oktyabr'). – S. 164.

1) Crimean Tatars, quickly adapted to new political realities and therefore supporting the Muftiat's dialogue with the authorities controlling the region.

2) Crimean Tatars, in whose view the mufti is their only remaining influential body, expressing and representing the interests of the nation.

3) The Crimean Tatars, in which only the Majlis of Crimean-Tatar nation remains the representative body of the nation.

The latter group categorically does not recognize the new political reality established in the Republic since 2014. In their political consciousness, the Muftiat delegitimised itself with ties with authorities controlling the territory.

According to E. S. Muratova, "on the one hand, it gives the leaders of the Muftiat a sense of their increased importance, and on the other – puts them in front of the need to make difficult decisions, especially of a political nature, which do not always find mass support among the Crimean Tatars."⁵⁸⁹

The political marginalization of the Mejlis of the Crimean-Tatar nation by the authorities controlling the Crimean Peninsula has led to the need to form an alternative to this structure and at the same time authoritative, i.e. having a history of development and support of significant masses, authority of the Crimean Tatars, with which it would be possible to communicate. Such counterparty of the new authorities was the Spiritual administration of Muslims of Crimea, there was a rapprochement between them. The very same rapprochement was not one-time, and was the result of several factors:

Factor 1. Political pressure and "compulsion to dialogue". The essence of this factor was the implementation of systematic pressure on the mufti-controlled mosques and madrasahs, which resulted in a significant number of searches by law enforcement agencies in mosques and madrasahs for the seizure of prohibited religious literature⁵⁹⁰. In addition, the objects controlled by the Spiritual administration of Muslims, were subjected to regular thorough checks by a number of

⁵⁸⁹ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr-oktyabr'). – S. 165.

⁵⁹⁰ Sleduet otmetit', ne vdavayas' v religiozno-bogoslovskie tonkosti, chto mnogochislennaya literatura, priznavaemaya v RF zapreshchennoi resheniyami sudov, v Ukraine takovoi ne priznavalas'. To zhe samoe otnositsya i k nekotorym religioznym islamskim gruppam, funktsionirovanie kotorykh bylo legal'nym sogleasno zakonodatel'stvu Ukrainy.

services - fire, sanitary and epidemiological service, the Ministry of education of the Republic of Crimea, etc.

Factor 2. The creation of a parallel muftiats. This factor can be attributed to the first factor related to the compulsion to dialogue in the form of pressure on the SAMC. The emergence of the " Tauride muftiat", whose activities were aimed at exposing the SAMC, was accompanied by accusations against the SAMC for ties with the Pro-Ukrainian Mejlis and support for Islamic radicals⁵⁹¹. We believe that this factor shows that the authorities that have established de facto control over Crimea have developed a plan for political marginalization and the SAMC, following the Mejlis, in case of failure to force it to dialogue.

Factor 3. Mediating role of the Spiritual administration of Muslims of the European part of Russia (SAMER, and since September 2014 – the Spiritual administration of Muslims of the Russian Federation – SAMRF). Mufti Ravil Gaynutdin, who heads one of the leading Russian muftiats, acted as an intermediary between the Crimean SAMC and the new de facto authorities of the Peninsula. This mediation has become effective not only in establishing communication between the Crimean muftiat and the authorities controlling the Peninsula, but also in reducing the repressive pressure on the Crimean-Tatar population that does not recognize the status quo. As E. S. Muratova points out: "although searches and interrogations of Muslims in the following months continued to take place, there was a reset in the relations between the SAMC and the authorities."⁵⁹² This should include the facts of the disappearance of persons of Crimean-Tatar nationality in the Crimea, which was recognized even by the head of Crimea S. Aksenov, saying, however, that they are not mass.⁵⁹³

Factor 4. The role of Crimean-Tatar politicians in the system of new de facto authorities. Vice-speakers of the government of the republic R. Ilyasov, R. Balbek, as well as the head of the State Committee for nationalities and deported citizens Z.

---

⁵⁹¹ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr'-oktyabr'). – S. 166.

⁵⁹² Ibid.

⁵⁹³ Glava Kryma priznal fakty ischeznoveniya krymskikh tatar na poluostrove. URL: <http://www.interfax.ru/russia/402161> (Data obrashcheniya: 14.02.2018).

Smirnov contributed to the strengthening of relations between the SAMC and the authorities that established control over the Peninsula. They also have the function of lobbying in the government of the Republic of Hajj issues, the construction of the Cathedral mosque, the announcement of Muslim religious holidays in the Republic, etc.⁵⁹⁴

Factor 5. The reliance of the authorities controlling the Peninsula on "traditional Islam", which is the ideological platform of the SAMC. During the control of the Crimea by the Ukrainian authorities, the Muftiat made unsuccessful attempts to enlist the support of the state in the monopolization of spiritual power over the Muslim population. Unequivocal support for "traditional Islam" by the authorities, which established control in the Peninsula, became a factor in the rapprochement of positions of the SAMC and the means of securing it to their side, through the monopolization of the last influence in the Muslim community of Crimea.

Other actors that had an impact on the ethno-religious processes in Crimea also underwent changes in their activities and functionality on the processes in the Crimean- Tatar community. Previously, we attributed to such actors the political party "Hizb ut-Tahrir" banned in the territory of the Russian Federation, as well as supporters of the Islamic religious movement of Salafism. Their illegal status, determined by the authorities of the Russian Federation, led to the curtailment of their active activities, followed by forced emigration (mostly to the mainland of Ukraine) of leaders and active members of these structures. The all-Ukrainian organization Alraid has also undergone changes in Crimea. The Crimean branch was re-registered, funding decreased, the scope of operation narrowed. The degree of interaction with the Spiritual administration of Muslims of Crimea has decreased, which can be explained by the possible preservation of communication links with the organization of the Mejlis of the Crimean-Tatar nation. The important role of "Alraid" organization in Muslim religious education should also be noted. Many educational institutions affiliated with "Alraid" have not gone through the process of licensing

---

⁵⁹⁴ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr-oktyabr'). – S. 166.

authorities that have control over the Peninsula. This led to the reduction of educational institutions, as well as to the mass departure of Turkish teachers working in them⁵⁹⁵. At the same time, in the new political and legal conditions of the Crimea, an attempt is being made to create a new system of higher Muslim religious education through the establishment of an Islamic University controlled by the Spiritual administration of Muslims of the Crimea.

These facts allow us to draw a conclusion about the purposeful pressure of the new authorities of the Republic on the independent centers of power in the ethno-religious sphere. Summarizing the analysis of the balance of forces in the religious and political structure of the Crimean-Tatar ethno-political process, we can say that the events of 2014, associated with the actual loss of control over Crimea by Ukraine, had a significant impact on the location of the religious actors of the Peninsula, changed the structure and nature of the relationship of the key forces that determine the ethno-religious state of the Crimean-Tatar and, more broadly, the Muslim community of Crimea. The nature of the policy of the authorities, who established control over the Peninsula, testifies to the desire to subjugate the independent centers of influence on the Crimean-Tatar (Muslim) population of the Republic. As one of the goals of this desire for subordination, we consider the leveling of potential threats to the socio-political state of the region in the new political and legal conditions. The methodology of such leveling is the creation of alternative (controlled by the current authorities) governing bodies of the Crimean-Tatar ethnic community, including in the religious sphere.

The strategy of the new authorities, who have established control over Crimea, is to subordinate independent centers of influence on the Crimean-Tatar community not only in the religious sphere, but also in the secular sphere. And, as already mentioned, the leveling of potential threats to the socio-political state of the region in the new political and legal conditions has become the goal of this strategy. The methodology of governance in the religious sphere of the Crimean-Tatar ethnic

---

⁵⁹⁵ Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr'-oktyabr'). – S. 169.

community coincides in a purely secular sphere. We believe that the chain of events related to the management of ethno-religious processes in the Crimean-Tatar community since 2014 should be considered in close connection with the general events of ethno-political nature in this community. The study of interrelations between the main events in the Crimean-Tatar community since 2014, the explanation of logic and the identification of scientific regularities in the nature of their occurrence and course, is the subject of ethno-political research of this ethnic group.

In April 2016, the Ministry of justice of the Russian Federation included the Mejlis of the Crimean-Tatar nation in the list of associations whose activities are suspended in connection with their extremist activities⁵⁹⁶.

The Mejlis of the Crimean-Tatar nation expressed its disagreement with this. The argument was based on the fact that the Mejlis is not a public organization or association, but a representative body of the indigenous nation, and, therefore, acts in the interests of the entire Crimean-Tatar nation, and not only its members. This position is justified by the fact that, according to the charter documents, the Mejlis is not a public organization, but a representative-executive body of the nation, established by the national Congress – Kurultai, as the highest representative body of the Crimean-Tatar nation, formed on an elective basis. One of the manifestations of extremist activity, according to the Supreme court of Crimea, was the blockade of Crimea. As stated by the chairman of the Mejlis R. Chubarov, "it was the initiative of several people, including the head of the Mejlis, but it has nothing to do with the Mejlis itself."⁵⁹⁷ Thus, the decision to block the Peninsula was a private one, not the entire representative body of the Crimean Tatars, based on a collegial approach. In September 2016, the Supreme court of the Russian Federation, having considered the appeal, finally recognized the Mejlis an extremist organization, affirming the decision

---

⁵⁹⁶ Obshchestvennoe ob"edinenie «Medzhlis krymskotatarskogo naroda» vklyucheno v perechen' obshchestvennykh ob"edinenii i religioznykh organizatsii, deyatel'nost' kotorykh priostanovlena v svyazi s osushchestvleniem imi ekstremistskoi deyatel'nosti. Minyust Rossii. 18 aprelya 2016 g.

⁵⁹⁷ Safarov A. Krym posle anneksii RF: komu meshaet medzhlis krymskikh tatar? «Deutsche Welle», 19.02.2016.

of the Supreme Court of the Crimea from the 26th of April 2016, the Supreme court also found that Mejlis is a public Association⁵⁹⁸.

The modern image of the Crimean-Tatar ethno-cultural organizations acting as actors of the ethno-political process is about 30 public associations and organizations:

- Inter-regional Crimean-Tatar social movement "Kyrym birligi»;
- Regional public organization "Elders of the Crimean-Tatar nation "Namus"»»;
- Regional public organization "Committee of Crimean-Tatar youth»»;
- Local national and cultural autonomy of the Crimean Tatars of Simferopol, Sudak;
- The Crimean interregional public organization of restoration of national integrity, equality, the rights and states of the Crimean-Tatar nation "National movement of the Crimean Tatars»»;
- Republican public organization of Crimean Tatars-veterans and invalids of war, labor and military service;
- The Association of the Crimean-Tatar entrepreneurs, and others.

The Crimean-Tatar library named after Ismail Gasprinsky, the Crimean-Tatar academic music and drama theatre, the Crimean-Tatar Museum of arts, cultural and ethnographic centers of the Crimean Tatars "Kokkoz" and "Odun-Bazaar kapusy" also function in Crimea.

Among the measures taken by the Russian Federation to develop Crimean-Tatar culture, it should be noted the establishment of the Crimean-Tatar language as the state language, along with the Russian and Ukrainian languages, as well as the adoption of the local law "on holidays and memorable dates in the Republic of Crimea", which establishes official holidays and memorable dates in the Republic, regulates the announcement and organization of religious and national holidays. However, according to the Ukrainian political scientist N. Belitser, the official recognition of the Crimean-Tatar language as one of the three state languages, did not

---

⁵⁹⁸ Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Rossiiskoi Federatsii №127-APG16-4 ot 29 sentyabrya 2016 g.

lead to the spread of its consumption in public life, but on the contrary, led to a narrowing of its use.⁵⁹⁹

The direct participant of the events of 2014, the first Deputy Chairman of the Spiritual Directorate of Muslims of the European part of Russia (since September – the Spiritual Directorate of Muslims of the Russian Federation) D. V. Mukhetdinov said, "The Crimean-Tatar issue in 2014 was not only and not so much regional as federal and even global scale, since its resolution was closely monitored in the Muslim republics of the former Soviet Union, in Turkey, with which Russia has a strategic partnership, in the Islamic world."⁶⁰⁰

The threat of an interreligious conflict in Crimea, which was a frequent feature of Russian political discourse during the Ukrainian inner political crisis, was exaggerated. "In the daily format sounded warnings about the Islamic threat, often implying that the Islamic worldview and its carriers are historical enemies of Russia and a threat to the Russian state. Experts even before 2014 characterized Crimea as a territory where there is a high probability of interethnic and interreligious conflicts. The factors determining the increase in the conflict-prone level in Crimea include the ethno-demographic map of the Peninsula, which has changed dramatically since the early 1990s, which was largely due to the beginning of the mass repatriation of the Crimean Tatars and other Crimean nations to their places of origin in 1944. A sharp increase in the population with inconsistent or half-hearted state measures for the comprehensive rehabilitation of returnees, caused a number of socio-economic, political, legal, psychological and other problems in the Crimean society. There were permanent disputes over land belonging to repatriates before eviction, conflicts over religious sites, as well as symbolic demarcation of the territory in the form of the establishment of religious symbols in public places. All of the above directly contributed to the formation of a stable feeling of dissatisfaction among Crimean-Tatar repatriates, which in turn had a negative impact on the overall inter-ethnic

---

⁵⁹⁹ Belitser N. Krims'ki tatari yak korinnii narod. – K.: DP «Natsional'ne gazetno-zhurnal'ne vidavnistvo», 2017. – S. – 99.

⁶⁰⁰ Istoricheskii god dlya musul'man Kryma. Krymskie tatary v sostave Rossii glazami musul'man mira: 2014 / sost. D. Mukhetdinov, D. Akhmetova. – M.: Izdatel'skii dom «Medina», 2016. – S. 8.

situation in the Republic. Some pessimistic experts predicted the fate of Kosovo in Crimea, where the factors and dynamics of ethnic and religious contradictions were similar. However, as noted by a major Crimean researcher of interethnic and interreligious processes E. S. Muratova, "in the Crimea for two decades, mechanisms have been developed to help overcome crises and harmonize relations."⁶⁰¹ The events of spring 2014 were a serious test of the strength of these mechanisms. They actualized historical grievances, brought to life feelings of revanchism and defeatism, formed a fundamentally different context of many processes in the Crimea⁶⁰².

To represent the impact of the events of 2014 on the basic value orientations of the Crimean Tatars, the data of the focus group study "Values and needs of the Crimean Tatars"⁶⁰³ can be useful, according to which an important change within the Crimean- Tatar nation was the growth of intra-group solidarity and cohesion. The presented data indicate significant ethno-psychological changes, expressed in a decrease in the level of self-esteem of the Crimean Tatars and with a sense of "third-class nation" or " outcast nation»:

"During the recent events that took place 3-4 years ago, it seems that the cohesion of the Crimean Tatars has increased. The reason for this was, most likely, as I see, the event that we were made to feel like an outcast nation" (male, 30 years, u. v. Sovetskii).

"...they have already begun to treat us as- yes, these are the Crimean Tatars, well, and they grew up here. And, all this came crashing down. Again, we were considered the second, third grade, well, I think so, at least" (male, 31 years, Simferopol).⁶⁰⁴

---

⁶⁰¹ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

⁶⁰² Ibid.

⁶⁰³ Fokus-grupповое issledovanie «Tsennosti i potrebnosti krymskikh tatar» bylo provedeno E. Muratovoi, A. Apselyamovoi, L. Dyul'berovoi v yanvare 2017 g. sredi krymskikh tatar gg. Simferopolya, Bakhchisaraya, Feodosii, Sudaka i p.g.t. Sovetskogo. V kazhdom naseennom punkte sostoyalos' po dve fokus-gruppy. Kazhdaya gruppy formirovalas' s uchetom predstavlenosti raznykh vozrastnykh, gendernykh, sotsial'nykh kategorii (studenty/pensionery, rabotniki byudzhethnoi sfery/biznes). Issledovanie vklyuchalo v sebya i interv'yuu s rukovoditelyami krymskotatarskikh obrazovatel'nykh, obshchestvennykh i religioznykh organizatsii.

⁶⁰⁴ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

Group cohesion among the Crimean Tatars was actively manifested during the years of their deportation, which is explained by the difficulty to solve the issues of self-preservation individually, however, as the respondents of this focus group study note, in the post-Soviet period, the degree of ethnic consolidation within the ethnic group decreased⁶⁰⁵. The events of 2014 related to the transformation of the political and legal situation of the Crimea and interpreted by respondents as an "external threat"⁶⁰⁶, once again consolidated the Crimean-Tatar ethnic community.

Another qualitative change in the ethno-political status of the inhabitants of Crimea was the increased polarization in the Crimean society through ethnic and religious division, which is manifested along with the growth of intra-group cohesion of the Crimean Tatars. "The intensity of passions in 2014, accompanied by the growth of political activity of ethnic groups, was a serious test of the strength of the rules of the hostel in Crimea that had been formed for two decades. Although large-scale conflicts have been avoided, inter-ethnic relations have been significantly affected. The rise in the level of domestic xenophobia was a clear expression of it. There were dozens of cases of theft and robbery in mosques, vandalism over memorials to the victims of deportation, conflicts over the use of the Crimean-Tatar language in an ethnically mixed labor collective, etc."⁶⁰⁷ An important indicator characterizing the interethnic and interreligious state of society is the phenomenon of ethnically and/or religiously mixed marriages. Marriages between spouses, one of whom was an ethnic Ukrainian and the other an ethnic Russian, are not classified as inter – ethnic. And the marriages concluded between spouses, one of which – the Crimean Tatar, and another – Russian or the Ukrainian, are classified as inter – ethnic, because of the existence of religious division. According to some estimates, every third or fourth marriage contracted on the Peninsula before 2014 was mixed (Slavic-Crimean-Tatar), but in recent years, according to subjective estimates, the number of inter-ethnic marriages has decreased, which may indicate an increase in the distance

---

⁶⁰⁵ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

⁶⁰⁶ Ibid.

⁶⁰⁷ Ibid.

between ethnic groups⁶⁰⁸. Estimates of respondents of the focus group study may indicate that there is a persistent rejection of the Crimean Tatars of the phenomenon of interethnic marriages, represented by the latter as a threat to the preservation of ethnic identity and assimilation:

"It seems to me, first of all, in order to preserve the nation, it is necessary to marry only their nationality, the Crimean Tatars" (female, 20 years, Bakhchisarai).

"I have got negative attitude to mixed marriages, of course. We are, of course, Tatars – internationalists, we have great respect for all nations and nationalities. I respect all nations, but what's the downside to these marriages? There are very young, when they create families, they do not think about the consequences. Then there are children, there are many disagreements, whether you want it or not. And on this basis relationships do not develop" (female, 65 years, u. v. Sovetskii).

"In my understanding, the family is when they marry their own nationality, when the Crimean-Tatar girl is taken, the Crimean-Tatar education is given. I said, "Son, if you take a bride from another nationality, I'll just die as a mother." Not that I will commit suicide, I will simply cease to consider myself the Crimean-Tatar mother" (female, 54 years, Sudak).⁶⁰⁹

Focus-group study of values of the Crimean-Tatar community, conducted in 2017 by scientists of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, revealed a number of main problems of ethno-cultural dimension of the Crimean-Tatar population. These include:

1) The problem of low prevalence of the native language, especially among young people:

"...young people do not know the Crimean-Tatar language, even the most basic words. They understand, but they can't speak freely. The older generation believes that in the future they will forget their native language" (female, 20 years, Simferopol).

---

⁶⁰⁸ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

⁶⁰⁹ Ibid.

2) The problem of declarative nature of the state support of the Crimean-Tatar language in Crimea, the lack of real state measures:

"...it seems that according to the Constitution there are three state languages- Ukrainian, Russian and Crimean-Tatar. In fact, we do not study them, it has been organized at school somehow, but to be honest, with difficulty" (male, 20 years, Bakhchisarai).

"Let's say according to the Constitution both Crimean-Tatar language and Ukrainian are state languages, but in fact they are not. No lessons, no classes. Nothing there" (male, 60 years, Bakhchisarai).

3) The problem of respect for the rights and freedoms of Crimean-Tatar residents of Crimea. This includes freedom of speech, freedom of political assemblies, freedom of movement, etc.:

"There is no freedom of speech, freedom of thought, it is impossible to organize a rally. Even, for example, take the Crimean Tatars, May 18. Now this day is forbidden to spend as a day of mourning. I think this is the problem for the nation (female, 28 years, Bakhchisarai).

"Now this is not here, everyone is afraid to speak. I freely went to all meetings, I freely went on all holidays, and I freely communicated in native language. Now, I can neither weep nor laugh according to my own will. This is a violation of human rights. I can't sue for something because I know I'll never win this trial. Recently I was in two courts. There is ignoring us as a nation, they want to destroy us" (female, 65 years, Sudak).

4) Lack of confidence "in the future", the lack of opportunities to plan life for the medium and long term:

"There is no faith, confidence, to speak so, in the future. Among the Crimean Tatars, but among others also slowly gaining momentum. Their consciousness simply did not come to it yet... We did not live like this for a long time, even after the deportation. We lived with the hope of returning to Crimea, and times were relatively safe for every family in terms of household, and now there is no confidence in the future" (female, 50 years, Bakhchisarai).

"We are afraid for our children, young people have always been extraordinary, they have their own opinion. When they leave home in the evening, you worry about them – whether he will return home, where will he go? "Seiyar, do not talk a lot, Seiyar, do not tell a lot." We draw aside our children. This is now troubling today very much because we are afraid for our children" (female, 40 years, u. v. Sovetskii).

5) The problem of unsatisfactory state of social infrastructure, lack of necessary minimum infrastructure for living (roads, sewerage, water supply, electrification, kindergartens, schools, clinics, etc.):

"Infrastructure problems. If it is not very important for the neighborhoods near Simferopol, but for the provinces it is quite on the contrary. People face this problem every day. The issue of lack of kindergartens and schools is also acute" (female, 28 years, Simferopol).

"The main problem is the arrangement ... In our village, it seems, we took these lands by captures, achieved that they were issued. But, you know, we have no roads, plainly there is no water in the settlement, there is no sewerage. Nearby there is a Russian "capture", they took them 15 years later than we did. They have electricity, gas, and sewerage, they have everything. But we haven't." (male, 65 years, Sudak).⁶¹⁰

Another problem of great concern to the Crimean-Tatar community and having a negative impact on the inter-ethnic state of the Crimean society is the widespread practice of installing worship crosses at the entrance to some settlements. In the 2000s, this phenomenon was a factor of constant tension between the Muslim and Orthodox population of the Peninsula. Since the actual loss of control over Crimea by Ukraine, this process has intensified again. As pointed out by E. S. Muratova, worship crosses "as before, are installed almost without the consent of the public. This causes dissatisfaction of the Crimean Tatars, strengthens their defeatist sentiments and feelings of the "third-class nation"⁶¹¹.

The representative survey of the Crimean Tatars conducted by the all-Russian center for public opinion research, as well as qualitative studies conducted by it in

⁶¹⁰ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

⁶¹¹ Ibid.

cooperation with the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences in the autumn of 2015⁶¹², revealed the main parameters of the identity structure of the Crimean- Tatar ethnic community, determining how the events that occurred on the Crimean Peninsula in 2014, influenced the civil, regional, ethnic and religious identity of the Crimean Tatars. The civil identity of the Crimean-Tatar population of Crimea was connected with the Ukrainian statehood. This was due to both pragmatic considerations and ideological and emotional motives. Pragmatic considerations included the following:

- By the beginning of 2014, the Crimean Tatars had a certain place in the economy, politics and elites of the Crimea.

- The foreign policy vector of Ukraine associated with European integration suited many Crimean Tatars.

To ideological and psychological reasons can be attributed the fact that the mass repatriation of the Crimean-Tatar ethnic group in the Crimea has been a significant part in the period of independence of the Ukrainian state. This influenced the perception of Ukraine by the Crimean Tatars as the state that adopted them. According to V. I. Mukomel and S. R. Khaykin, "with all the problems of return, many of which remained unresolved until 2014. ... with all the skepticism to the "unitary" vector of development of Ukraine and wariness to the process of Ukrainization (which, however, was the least noticeable in the Crimea), - the Crimean Tatars pay tribute to the country that returned their Homeland. The country in the formation of statehood of which they took an active part."⁶¹³

Experts draw attention to the existence of double loyalty of the Crimean Tatars: formal loyalty associated with Russia, and the real-ideologically-emotional-with Ukraine:

"The Crimean Tatars, at least, most of them are now living in a situation of dual loyalty. That is, formal loyalty to the Russian state (this is the registration of

---

⁶¹² Kachestvennye issledovaniya krymskotatarskogo etnosoobshchestva Kryma, provedennyye Vserossiiskim tsentrom izucheniya obshchestvennogo mneniya i Institutom sotsiologii RAN osen'yu 2015 g. vklyuchali v sebya 16 fokus-grupp, 29 ekspertnykh i biograficheskikh interv'yu.

⁶¹³ Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoi vesny»: transformatsiya identichnostei // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2016. - № 3 (133).

citizenship, some documents, subordination to the law, some everyday issues). And, at the same time, it is some kind of political, some kind of ideological loyalty to the Ukrainian state. It continues with the preservation of actual civil ties [with Ukraine]" (expert, social activist).

"You can give me a passport, but will I feel like a citizen of another state? No. To do this, there should be some other mechanisms" (expert, social activist)⁶¹⁴.

The rejection of Russian civil identity and its resistance at the level of feelings of the Crimean Tatars can be explained by the following factors:

- Insufficient time for the perception of the Russian socio-cultural specificity.
- In the opinion of the Crimean Tatars interviewed, there are no procedures for taking into account their views and mechanisms for reconciling their interests with the interests of other ethnic groups in Crimea.

- The critical position of the international community to the events of 2014, which produces in the Crimean Tatars a sense of temporality of the political changes taking place on the Peninsula.

- Lack of mechanisms of effective resistance to the processes.

We present data from a representative study of the transformation of identities of the Crimean-Tatar ethnic group, conducted by ARCSPPO in 2015:

"No, I do not feel like a Russian... I have to get used to this country. We haven't got used to it in a year and a half. Maybe our children will feel it."

"It is as if they gave me away without my O.K [without permission], frankly speaking, so I do not feel myself nor the Crimean, nor, especially, the Russian. Because Russia is still nowhere near".

"When the world community... including Ukraine ... decides that Crimea should really be Russian, then Crimeans will be able to consider themselves Russians. But this issue is not resolved at the global level, do you understand?"⁶¹⁵

As for the regional and ethnic identity of the Crimean Tatars, it should be borne in mind that for many Crimean Tatars these identities are almost monolithic.

---

⁶¹⁴ Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoi vesny»: transformatsiya identichnosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2016. - № 3 (133).

⁶¹⁵ Ibid.

This is due to the fact that the name of the ethnic group has a geographical reference. There are two most popular versions of the self-designation of the Crimean Tatars: "krymtatary" (in cr.tat. - "qirimtatarlar") and "crymtsy" (in cr.tat. "qirimlar"). At the same time, if other ethnic groups of Crimea are characterized by an out-of-ethnic interpretation of the concept of "Crimean", the Crimean Tatars do not accept it without ethnic reference.

According to research conducted by ARCSPO on the transformation of the identities of the Crimean Tatars, the theme of returning home, to their Homeland, constantly appeared in biographical interviews, which were filled with deep reflection on the Homeland. Respondents who survived the deportation stressed that they never parted with the feeling that sooner or later they will be able to return home:

"We were brought up in our families that we are Tatars. We were small, we were already told by parents that we were born in the Crimea. Crimea is our homeland. And that we will definitely come back here... we came back, and thought, "we are at Home"" There [in Uzbekistan] we were temporarily, still it was not ours" (biographical interview, Gulnara).

"Are we at Home today? We have been living at Home for 30 years. There we lived under the Uzbek flag, but all the time thought about Home. We sat down at the table to drink tea, coffee and parents talked only about Crimea all the time. You know, all the time. They said: "Crimea is our homeland." (expert, Imam of the mosque).

"How many expulsions we had, war, everything... But from where we were evicted (to Siberia, to Uzbekistan), we returned to our Homeland. And we're not going anywhere. Many do not understand this. Many people do not understand what the Motherland is, and we understand it well, we know it well!"(representative of youth, Simferopol).⁶¹⁶

Regarding the confessional identity of the Crimean Tatars, revealed by the same representative study of the ARCSPO conducted in 2015, we can state the

---

⁶¹⁶ Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoi vesny»: transformatsiya identichnosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2016. - № 3 (133).

following. The majority of respondents stated that they are Muslims (84%). The mufti was named among the most authoritative public figures. Among the religious rites and rituals of Islam, Crimean Tatars make more donations (95%, including 35% said that they make them regularly), hold a post during Ramadan (69%, including 15% - regularly), less often-pray on Fridays in the mosque (54%, incl. regularly – 7%), pray (44%, including regularly – 6%). At the same time, only 2% said that they pray five times a day, pray in the mosque on Friday, observe the fasting in Ramadan and give alms, thus respecting the most important Islamic religious canons⁶¹⁷.

Thus, the Crimean-Tatar ethnic community is rather declaratively religious, which is expressed in a rather low proportion of Crimean Tatars who observe the most important religious rites from those who do not observe, as well as from Crimean Tatars who adhere to other religious views or do not adhere to any. At the same time, As E. S. Muratova points out, for the Crimean Tatars "Islam is an integral part of culture, moreover, it is its basis, core"⁶¹⁸.

Analyzing the Islamic factor in the system of values of the Crimean-Tatar ethnic community, it is important to study not only the position of religion in this system, but also the ratio of religious and ethnic origins in the Crimean-Tatar culture. The Crimean-Tatar ethno-political process at the present stage, which stems from the mass repatriation of the Crimean Tatars from the places of deportation, is characterized by the strengthening of the position of religious identity in the structure of the Crimean Tatars' identities. This is reflected in the increase in the number of mosques in Crimea, as well as the proportion of people who observe religious canons. In this regard, the Crimean-Tatar case has similar features to the Muslim population of the post-Soviet period in Russia, characterized by the revitalization of ethnic and religious traditions. The difference of the Crimean-Tatar case is in that this process at the Crimean Tatars is largely due to the vital need to appeal to the representatives of the Crimean-Tatar ethnic group to their traditions. In this regard E. S. Muratova

---

⁶¹⁷ Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoj vesny»: transformatsiya identichnostei // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2016. - № 3 (133).

⁶¹⁸ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

rightly points out, " actualized in those years, the values of survival (associated with repatriation, the need to start everything "from scratch", the collapse of the USSR, etc.) led to the turn of secularized before categories of people to traditional values, among which religion began to play a key role. The issue of survival / self-preservation of the nation in its historical homeland remained relevant throughout the Ukrainian period of the history of Crimea."⁶¹⁹

The dynamics of increasing Islamization of young people became common for all Muslim nations of the post-Soviet space. "For young people born before or after repatriation, Islam has also become one of the most important values."⁶²⁰

As follows from the focus group study conducted by scientists of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky in 2017, the Crimean-Tatar community as a favorable process considers the revitalization of the spiritual heritage, recorded at the present stage:

"Young people today, I'm surprised, go to jami. Our mosques filled. Young people are very united, and, in my opinion, all is well now with religion" (male, 57 years, u. v. Sovetskii).

"25 years ago, two or three men went to mosques, and now all the mosques are full. And this suggests that the people are still rallying, and mainly young people. Every Friday more than 200 people come to our mosque and 95% of them are young people" (male, 65 years, Sudak).

"The positive trend is that young people started to turn for religion, and if knowledge of religion will increasingly reach the young, then we will probably and morally improve themselves. Because in Islam everything is pure, everything is fair, and it leads only to prosperity and tolerance towards other nationalities" (male, 57 years, u. v. Sovetskii)⁶²¹.

As for the level of religiosity of the Crimean Tatars after the events of 2014, contrary to some hypotheses, there was no surge in religiosity, expressed in the

---

⁶¹⁹ Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 137.

⁶²⁰ Ibid.

⁶²¹ Ibid.

increase in the number of practicing Muslims. Changes in the level of religiosity of the Crimean Tatars, if they took place, were of a short-term, episodic nature. They were a reaction to the rapidly changing political situation in Crimea, accompanied by an abundance of fears, real and imaginary threats. Turning to religion was an attempt to find "ground underfoot" in a situation where other social institutions could not offer clear answers to the questions. As a result, the importance of confessional self-identification of Crimean Tatars (especially those who are dissatisfied with the current situation in Crimea) has increased, but this did not lead to an increase in the share of practicing Muslims⁶²².

Another important aspect of the study of religious values of the Crimean-Tatar ethnic community is the presence of religious trends and trends that have emerged in the Crimean-Tatar environment since the early 1990s. Experts consider these trends to be those that are non-traditional in the religious system of the Crimean Tatars. As E. S. Muratova notes, "many see in them the factor of split of the nation, its departure from the traditions inherited from ancestors, and, consequently, threat to survival/self-preservation of the Crimean Tatars in the Homeland"⁶²³.

The state policy of the Russian Federation in Crimea in the field of Islam after 2014 was based on the following components:

- Stricter legislation on the activities of a number of Islamic groups and organizations.
- Closure of Islamic educational institutions (usually due to their non-compliance with sanitary-epidemiological and other standards) and changes in the rules of mosques.

The trials of representatives of the Crimean Tatars belonging to the non-traditional for the Crimean-Tatar environment Islamic movements and perceived by the Crimean Tatars as persecution, become a factor contributing to the rapprochement and intra-group consolidation of the Crimean Tatars. The process of ethnic consolidation and group cohesion has reduced the intra-group division in some

---

⁶²² Muratova E.S. Islam i krymskie tatary posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 139-140.

⁶²³ Ibid. – S. 139.

aspects, which clearly demonstrates the change in attitude towards representatives of non-traditional Crimean-Tatar religious groups. As pointed out by E. S. Muratova," if until 2014 their presence was perceived by the majority of Crimean Tatars as a threat to the integrity of the nation, leading to its assimilation, in the last few years the attitude began to change. The dominant discourse is "these are our people", "they are also a part of the Crimean-Tatar nation"⁶²⁴. These are criminal proceedings against persons of Crimean-Tatar nationality who belong to certain Islamic religious groups, in particular, to the organization "Hizb ut-Tahrir" banned by the Supreme Court of the Russian Federation. Many Crimean-Tatar respondents perceive pressure on them, according to the focus group study, as pressure carried out on ethnic (and at the same time political) grounds, and therefore causes alienation and discontent:

"Hardly anyone thinks that their flow is correct, just sitting in us an ineradicable sense of justice always makes itself felt. In fact, they serve time absolutely for nothing, even if they have some ideas that we do not quite like. In any case, they did nothing, never killed anyone, did not commit any terrorist attacks" (female, 65 years, Bakhchisarai).

"For these three years, probably, the only thing that has changed is the attitude to this problem. That is, it has always been a problem for us, these religious movements, a lot of problems created and provoked regression, not progress. Now we have something changed, we began to treat them with sympathy. These are our people, our nation. We live next to them, we are neighbors. We have compassion for them" (female, 50 years, Bakhchisarai).⁶²⁵

Based on the above, we can draw the following conclusions regarding the transformation of the identity structure of the Crimean-Tatar ethnic community after the transition of the Crimea under the actual control of the Russian Federation:

- The structure of identities of the Crimean-Tatar population of Crimea, consisting of ethnic, religious, regional and civil identities, has been significantly

---

⁶²⁴ Muratova E.S. Islam i krymskie tatary posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.

⁶²⁵ Ibid.

influenced by the political processes that rapidly occurred in the period under consideration.

- Confessional identity has reached a higher position in the structure of identities of the Crimean-Tatar population.

- The regional identity of the Crimean Tatars is inextricably linked with ethnic identity, which can be explained by the close historical connection of the Crimean Peninsula with the Crimean-Tatar ethno-genesis.

– The civil identity of the Crimean Tatars has an ambivalent character: formal loyalty is associated with Russia, and the real-ideologically – emotional-with Ukraine. At the same time, civil loyalty with Ukraine is disproportionately higher than civil loyalty with the Russian Federation.

- Ethnic identity, as pointed out by V. I. Mukomel and S. R. Khaykin, "varies slightly among representatives of different socio-demographic groups of the Crimean-Tatar population, which allows us to judge it as the most stable, serving as the core of many identities of the Crimean Tatars."⁶²⁶

We can agree with the statement of the rector of the Moscow Islamic Institute D. V. Mukhetdinov, who said that the result of the regional process of building a dialogue with the Crimean Tatars in the near future will have a direct impact on the policy vector of the Federal center in relation to Muslim minorities, including the vector of state-confessional interaction with Islam at the Federal level in general and in many subjects of the Federation in particular."⁶²⁷

After analyzing the balance of power in the socio-political and religious structure of the Crimean-Tatar ethno-political process, it can be stated that the events of 2014, associated with the actual loss of Ukraine's control over Crimea, had a significant impact on the alignment of socio-political and religious actors of the Peninsula, changed the structure and nature of the relationship of key forces that determine the ethno-religious state of the Crimean-Tatar and, more broadly, the

⁶²⁶ Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoi vesny»: transformatsiya identichnostei // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2016. - № 3 (133). – S. 68.

⁶²⁷ Istoricheskii god dlya musul'man Kryma. Krymskie tatory v sostave Rossii glazami musul'man mira: 2014 / sost. D. Mukhetdinov, D. Akhmetova. – M.: Izdatel'skii dom «Medina», 2016. – S. 9.

Muslim community of Crimea. The nature of the policy of the new republican authorities testifies to the desire to subdue the independent centers of influence on the Crimean-Tatar (Muslim) population of the Republic. As one of the goals of this desire for subordination, we consider the leveling of potential threats to the socio-political state of the region in the new political and legal conditions. Leveling should be achieved by creating alternative governing bodies of the Crimean-Tatar ethnic community, including the religious sphere.

CONCLUSION

The aim of the dissertation research was to analyze the Crimean-Tatar ethno-political process in the conditions of inclusion of the Crimea in the Russian Federation. To achieve it, the following tasks were solved:

- The analysis of the theoretical and methodological foundations of the study of the Crimean-Tatar ethno-political process is carried out.

- The political-legal and socio-cultural institutions of the traditional Crimean-Tatar society, including their relationship with modern phenomena of ethno-political life are studied.

- The features of the Crimean-Tatar ethno-political process are revealed.

- The ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group in the period of formation of the national movement after 1944, the period of being a part of the Ukrainian state, as well as in the process of inclusion of the Crimea in the Russian Federation was studied.

- The motives and values of the Crimean-Tatar ethnic group in the conditions of inclusion of the Crimea in the Russian Federation are analyzed.

- The structure of identities of the Crimean-Tatar ethnic group after the events of 2014 is investigated.

After analyzing the politicization of the Crimean-Tatar ethnic group since the Soviet era, the following conclusions can be drawn:

- The Crimean-Tatar national movement had a blurred organizational structure. The elements that ensured the functioning of the movement were the initiative groups that made up the network. The network type of traffic provided viability in the face of authoritarian/totalitarian political regime.

- Lack of formal leadership in the movement, a single management center.

- The core of the movement were the cells-initiative groups formed on the territorial principle: within the street, village, district, and city.

- The main forms of the Crimean-Tatar national movement, depending on the stage of its development, were petition campaigns, mass political actions (demonstrations, rallies, may days, laying flowers at monuments, marches on memorable dates, etc.), as well as delegations sent to the state and party authorities of the USSR. The low efficiency of petition campaigns since 1964 has led to a decline in their intensity. Since then, the nature of petitions has changed from begging to critical in relation to the national policy of the government of the USSR.

- The absence of the originally specified criteria participate in the movement. Any Crimean Tatar wishing to provide all possible support to the movement could become a member of the initiative group of the Crimean-Tatar national movement.

- The presence of coordination within the network, manifested in informing the higher cells by lower. Initiative groups of the Crimean-Tatar national movement coordinated their activities through regularly held regional, Republican (in UzSSR) and all-Union meetings.

- The set of goals of the Crimean-Tatar national movement in the USSR remained unchanged throughout its existence. It consisted of the rehabilitation and repatriation of the Crimean-Tatar population to the places of exodus in 1944, as well as the restoration of the Crimean-Tatar national statehood on the Crimean Peninsula (in the format of the restoration of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic of 1921).

- The changing social structure of the Crimean-Tatar society has influenced the nature of the Crimean-Tatar national movement. In 1960-1970 there was a change of generations of activists of the movement. The Crimean-Tatar national movement itself with its own set of symbols ("veterans", "prisoners") became a resource of ethno-political mobilization of the Crimean Tatars in this period. There was also a layer of Crimean-Tatar intellectuals, consisting of persons who have received higher education and were ready to broadcast the historical memory to other members of the Crimean-Tatar community.

- The strengthening of repressive measures of the state against activists of the Crimean-Tatar movement, expressed in the existence of legal restrictions and illegal

practices, contributed to the development of new strategies of the Crimean-Tatar national movement. One of these strategies was the merging in 1968 of the national movement of Crimean Tatars with the all-Union human rights movement in the USSR. The agenda of the Crimean-Tatar national movement was incorporated into the general agenda of the democratic movement of the USSR, gaining new strength and support.

- The geographical scope of the movement changed depending on its stage. First, the Crimean-Tatar national movement was limited to the UzSSR, then-the UzSSR and other Central Asian republics, and then the city of Moscow and the Peninsula of Crimea expanded the list of locations of the movement.

Other conclusions made on the results of the candidate's research were:

An important outcome of the events of 2014 related to the actual loss of control over Crimea by Ukraine was the growth of group cohesion of the Crimean-Tatar ethnic community. This phenomenon is reflected in the willingness of many members of this ethnic community to push back to the distant plan separated them before moments. The most significant here is the change in attitude to the representatives of a number of Islamic religious movements, from among the people of the Crimean-Tatar nationality.

Another result of these events was an increase in the inter-ethnic distance between the inhabitants of the Peninsula. The destruction of inter-ethnic relations is reflected in the growth of xenophobic attitudes, the decrease in the number of mixed marriages, which is caused by an increase in the rejection of this phenomenon, as well as a drop in the level of trust in other ethnic groups.

On the other hand, the result of those events was the growth of group cohesion of the Crimean-Tatar ethnic community. The process of ethnic consolidation and group cohesion has reduced intra-group division in some aspects. This phenomenon is reflected in the willingness of many members of this ethnic community to put aside the differences that previously divided them. The most significant here is the change in attitude towards representatives of a number of Islamic religious movements from among the Crimean-Tatar nationality.

Despite the growth of group cohesion and ethnic consolidation since 2014, the current situation within the Crimean-Tatar ethnic group is characterized by a radical polarization of ethno-political actors (organizations, movements), whose political and legal statuses are different, and whose ideological positions are antagonistically opposite. In this regard, it is extremely difficult to identify the consolidated position of the Crimean-Tatar ethnic community on the issue of its self-determination. This is the problem presented in the title of this study.

After the annexation of Crimea to the Russian Empire in 1783, the state created conditions conducive to the departure from the Peninsula of Crimean Tatars inhabiting it and colonization by colonists from a number of provinces of the Russian Empire. Over the next century and a half, there was a de facto replacement of the population of the Crimean Peninsula, which became part of the historical memory of the Crimean-Tatar ethnic community and a resource of its ethno-political mobilization.

After analyzing the balance of power in the socio-political and religious structure of the Crimean-Tatar ethno-political process, it can be stated that the events of 2014, associated with the actual loss of Ukraine's control over Crimea, had a significant impact on the alignment of socio-political and religious actors of the Peninsula, changed the structure and nature of the relationship of key forces that determine the ethno-religious state of the Crimean-Tatar and, more broadly, the Muslim community of Crimea. The nature of the policy of the new republican authorities testifies to the desire to subdue the independent centers of influence on the Crimean-Tatar (Muslim) population of the Republic. As one of the goals of this desire for subordination, we consider the leveling of potential threats to the socio-political state of the region in the new political and legal conditions. Leveling should be achieved by creating alternative governing bodies of the Crimean-Tatar ethnic community, including the religious sphere.

The structure of the identities of the Crimean-Tatar population of the Crimea, composed of ethnic, religious, regional and civic identities, have experienced a significant impact from the political processes, rapidly proceeding during the period:

- Confessional identity has reached a higher position in the structure of the Crimean-Tatar population's identities.

- The regional identity of the Crimean Tatars is inextricably linked with ethnic identity, which can be explained by the close historical connection of the Crimean Peninsula with the Crimean-Tatar ethno-genesis.

– The civil identity of the Crimean Tatars has an ambivalent character: formal loyalty is associated with Russia, and the real-ideologically – emotional-with Ukraine. At the same time, civil loyalty with Ukraine is disproportionately higher than civil loyalty with the Russian Federation.

Referendums, as acts of national will, have become a topical phenomenon in recent years. The purpose of their conduct is a direct expression of the will of citizens on one of the three, or all together points:

- Expansion of ethnic and / or regional powers.
- Gaining state independence.
- Joining other state/union with another state.

As M. N. Guboglo aptly noted in his work "Anthropology of trust", "by analogy with the "parade of sovereignty", prepared at the turn of the last two decades of the last century, the collapse of the Soviet Union, today in the humanitarian knowledge introduced the concept of "parade of referendums."⁶²⁸ This process, which covers many regions of the world and, above all, Eurasia, is determined by the change in the balance of power between the US and Russia, the reduction of the weight and role of Europe in international relations, the strengthening of turbulent processes and the aggravation of internal and inter - state contradictions.

Ethno-demographic and sociocultural specificity of the Crimea Peninsula related to the role and value of the Crimean-Tatar ethno-community in the historical fate of the territory, but due to historical and political processes, trapped in a demographic against an ethnic minority causes difficulty in the use of the majoritarian mechanisms in the conduct of the referendums for the determination of

---

⁶²⁸ Guboglo M.N. Antropologiya doveriya. Etnosotsiologicheskie i etnopoliticheskie ocherki – M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. – S. 396.

the political fate of the entire Peninsula. The will of the inhabitants of the Peninsula on the principle of arithmetic majority, in our view, is illegitimate in relation to the Crimean-Tatar ethnic group. In our opinion, the only acceptable format for the referendum on its political status in terms of the above circumstances would be a separate referendum on ethnic grounds, where the counting of votes and the identification of the final expression of will would not be based on classical majority principles, but on the unanimous consent of the "ethnic triad": Russians, Ukrainians and Crimean Tatars. But it is obvious that holding a referendum in this format would be impossible for a number of reasons, primarily due to the inevitable in this case, the emergence of unacceptable in modern democratic society situation of ethno-political stratification, in which the will of the inhabitants of the Peninsula, not belonging to the "ethnic triad" would be vulnerable and politically less valuable. This idea was actively promoted by R. Chubarov, the leader of the Mejlis of the Crimean-Tatar nation, which later became banned in Russia, and, predictably, was not approved⁶²⁹. Based on the above, it can be stated that the referendum, in the two types considered, is not suitable in the conditions of the historical, political, demographic and other circumstances in which the multi-ethnic Peninsula of Crimea is located. The presence of the armed forces of a foreign state and/or any other paramilitary groups in the territory of residence and expression of will during the referendum to determine the political fate of the Crimean Peninsula in 2014 only increased the delegitimization of the Russian state in the political consciousness of the Crimean-Tatar ethnic community, reducing the distance of trust in the state institutions of the Russian Federation. This is the problem of self-determination of the Crimean-Tatar community in the new political and legal realities.

The problem of institutionalization of Crimean-Tatar society in modern Russia is the presence of objective problems of integration of this ethnic group into the Russian nation-citizenship. The objective problem is that the concept of "Russian nation-citizenship" is more of a declarative nature today and does not act as an

---

⁶²⁹ Vyvodit' lyudei na mitingi protiv vooruzhennykh soldat my ne budem // Kommersant-Ukraina. 04.03.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2422297> (data obrashcheniya: 01.05.2018).

objectively existing reality. In other words, it is impossible to integrate into something that does not exist. Nation-citizenship is a nation of free citizens with common civil values. In modern Russia, if there is a political nation, it is not a nation of free citizens who have an agreement with the state, but a "nation of citizens" who do not have any contract with the state⁶³⁰. As rightly pointed out by professor of SPSU, V. A. Achkasov, we (the citizens of Russia - author's note) have no unity and agreement on whether the modern borders of Russia should be considered an acceptable reality, as well as on the content of the concept of "nation"⁶³¹. We hypothesize that modern Russian identity is built not on citizenship, but on nationality, which ensures loyalty to the state, its institutions and individuals representing or even personifying the state. Today, the current President of the Russian Federation Vladimir Putin is among such persons, whose loyalty forms a national identity.

One of the main conclusions of the dissertation research is that the modern Crimean-Tatar ethnic group is politically mobilized, which implies a certain common political views, values and attitudes of the majority of its members, as well as a group readiness to preserve and/or gain new political status for their ethnic group. The current state of the Russian political nation, built on the principle of loyalty to the state, and not on the principle of civil identity, is an objective difficulty for the institutionalization of the Crimean-Tatar community within the all-Russian socio-cultural space. The illegal status of the bodies claiming to represent the Crimean Tatars, the policy of coercion to the loyalty of the dissenting part of the politicized Crimean-Tatar ethnic group, the presence of victimized factors of political behavior are the objective reasons that impede the integration of this community into the Russian socio-cultural space.

---

⁶³⁰ Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti. - SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. – S. 185-186.

⁶³¹ Ibid.

LIST OF ABBREVIATIONS AND SYMBOLS

ASSR – Autonomous Soviet Socialist Republic

CPSU – Communist party of the Soviet Union

UN – United Nations

RSFSR – Russian Soviet Federative Socialist Republic

RF – Russian Federation

USSR – Union of Soviet Socialist Republics

SFRY – Socialist Federal Republic of Yugoslavia

TSSR – the Tajik Soviet Socialist Republic

TASSR - the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

UzSSR – the Uzbek Soviet Socialist Republic

USSR – the Ukrainian Soviet Socialist Republic

CC CPSU – Central Committee of the Communist party of the Soviet Union

u.v. – urban village

CIS – Commonwealth of Independent States

RAS – Russian Academy of Sciences

SAMC – the Spiritual administration of Muslims of Crimea

SCMU – the Spiritual Center of Muslims of Ukraine

SCMC – the Spiritual Center of Muslims of Crimea

RMIMCU, "Kiev Muftiat" Religious management of independent Muslim communities of Ukraine "Kiev Muftiat»

SAMER - spiritual administration of Muslims of the European part of Russia

SAM RF - the Spiritual administration of Muslims of the Russian Federation

REFERENCES

173. Abdulatipov R.G. Rossiiskaya natsiya. Etnonatsional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh. - M., 2005.
174. Avksent'ev A.V., Avksent'ev V.A. Etnicheskie problemy sovremennosti i kul'tura mezhnatsional'nogo obshcheniya. - Stavropol', 1993.
175. Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy: keis krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniya // POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza. - 2009. - T. 5, № 3. - S. 49-64.
176. Aetdinov E.Kh. Etnopoliticheskaya mobilizatsiya kak reaktsiya na vneshnie vyzovy // POLITEKS. - 2009. - № 3.
177. Akhmadeev, K. N. Ethno-political mobilization in the context of ethno-political studies / Akhmadeev, K. N. // Questions of science. 2018. - No. 2.
178. Akhmadeev, K. N. Linguistic and Diaspora factors of ethno-political mobilization of the Crimean-Tatar ethnic group / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 2.
179. Akhmadeev, K. N. The basic characteristics of the traditional Chechen society: economic, political and legal aspects / Akhmadeev, K. N. // Society: politics, Economics, law. 2017. No. 9. P. 20-24.
180. Akhmadeev, K. N. Turkish factor in the Crimean-Tatar ethno-political process / K. N. Akhmadeev. // Society: politics, Economics, law. 2018. - No. 3.
181. Alekseeva L.M. Istoriya inakomysliya v SSSR: Noveishii period. - M., 2001.
182. Altan M.B. Pis'mo El'daru Seidametovu, 6.02.2005, 18.02.2005. - Arkhiv avtora; Kyrymly Kh. Pis'mo El'daru Seidametovu, 12.01.2005. - Arkhiv avtora. / tsit. po Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspory: sovetskii period (1917-1944 gg.) / Kul'tura narodov Prichernomor'ya. - 2005. - № 69. - S. 139-141.
183. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Rossiiskoi Federatsii №127-APG16-4 ot 29 sentyabrya 2016 g.
184. Asanbaev M. Etnicheskaya mobilizatsiya i teorii etnicheskogo konflikta / Kazakhstanskii tsentr gumanitarno-politicheskoi kon'yunktury. 2008. URL: <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/268-etnicheskaya->

- [mobilizatsiya-i-teorii-etnicheskogo-konflikta.html](#) (data obrashcheniya: 17.10.2017).
185. Astvatsurova M.A. Diaspory v Rossiiskoi Federatsii: formirovanie i upravlenie (Severo-Kavkazskii region). - Rostov n/D; Pyatigorsk, 2002.
186. Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problem bezopasnosti. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2012. – 232 s.
187. Achkasov V.A. Riski etnopoliticheskoi mobilizatsii v usloviyakh krizisa razvitiya // Politika razvitiya i politiko-administrativnye otnosheniya: sb. statei / otv. red. Smorgunov L.V., Morozova E.V. - Krasnodar, 2009.
188. Achkasov V.A. Etnopolitologiya. – SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005.
189. Baranov A.V. Gosudarstvennaya natsional'naya politika na yuge Rossii: priority i napravleniya reform. – Krasnodar, 2003. – 57 s.
190. Baranov A.V. Krymsko-tatarskoe dvizhenie: tendentsii konfliktnosti i uchastiya v mirostroitel'stve // Vlast'. - 2015. - № 1.
191. Bekirova G.T. Krymskie tatory. 1941-1991: (opyt politicheskoi istorii). - Simferopol': Tezis, 2008. Ona zhe: Krymskotatarskaya problema v SSSR (1944-1991) / sost. G. Bekirova. - Simferopol': Tsentr informatsii i dokumentatsii krymskikh tatar, 2004.
192. Bodaninskii U.A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu: iskusstvo i proizvodstva // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. – 576 s.
193. Boitsova E.V., Gankevich V.Yu., Muratova E.S., Khairedinova Z.Z. Islam v Krymu: Ocherki istorii funktsionirovaniya musul'manskikh institutov. – Simferopol': Elin'o, 2009. – 432 s.
194. Bonch-Osmolovskii G.A. Krymskie tatory: verovaniya // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. - Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. – 576 s.
195. Bonch-Osmolovskii G.A. Krymskie tatory: zanyatiya i promysly tatar // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. – 576 s.
196. Borisova O.V. Etnicheskie grupy v politicheskom protsesse (kontseptual'nye osnovy etnopolitologii). - Ul'yanovsk, 2003. - 172 s.

197. Bromlei Yu.V. Ocherki teorii etnosa. - Izd. 2-e dop. — M.: Izd-vo LKI, 2008. — 440 s.
198. Bromlei Yu.V. Ocherki teorii etnosa. - M.: Nauka, 1983; On zhe: Natsional'nye protsessy v SSSR: v poiskakh novykh podkhodov. M., 1988; On zhe: Bromlei Yu.V. Etnologiya. - M., 1994.
199. Bugai N.F. L. Beriya I. Stalinu. Soglasno Vashemu ukazaniyu... - M.: AIRO – KhKh, 1995. – 320 s.
200. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. - M., 1990.
201. Veleshko E.N. Politicheskoe povedenie krymskotatarskikh repatriantov kak viktimologicheskaya problema // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
202. Vozgrin V.E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar. – M.: Mysl', 1992. – 446 s.
203. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam RSFSR: Krymskaya ASSR. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (data obrashcheniya: 30.01.2018)
204. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam RSFSR: Krymskaya ASSR. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 (data obrashcheniya: 30.01.2018);
205. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastei respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i natsional'nosti. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (data obrashcheniya: 30.01.2018);
206. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 goda. Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastei respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i natsional'nosti. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (data obrashcheniya: 30.01.2018);
207. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastei respublik SSSR po polu i natsional'nosti. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (data obrashcheniya: 30.01.2018);

208. Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001: Natsional'nyi sostav naseleniya. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_population/select_51?box=5.1W&rz=1_1&rz_b=2_1&k_t=01&botton=cens_db (data obrashcheniya: 30.01.2018);
209. Vyvodit' lyudei na mitingi protiv vooruzhennykh soldat my ne budem // Kommersant-Ukraina. 04.03.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2422297> (data obrashcheniya: 01.05.2018).
210. Gasprinskii I. Rossiya i Vostok. Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina. – Kazan': Fond Zhien «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo», 1993. – 130 s.
211. Glava Kryma priznal fakty ischeznoveniya krymskikh tatar na poluostrove. URL: <http://www.interfax.ru/russia/402161> (Data obrashcheniya: 14.02.2018).
212. Grokh M. Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'yu sformirovavsheisya natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope // Natsii i natsionalizm. - M., 2002. - S. 121–145.
213. Guboglo M.N. Antropologiya doveriya. Etnosotsiologicheskie i etnopoliticheskie ocherki – M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. – 544 s.
214. Guboglo M.N. Etnosotsiologiya i etnopolitologiya v orbite sotsiologicheskogo znaniya // Rusin. - 2006. - № 3.
215. Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. - M., 1998.
216. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. - M.: OOO «Izd-vo AST», 2002.
217. Gumplovich L. Osnovy sotsiologii. - SPb., 1899.
218. Deklaratsiya o natsional'nom suverenitete krymskotatarskogo naroda №45 ot 28 iyunya 1991 g.
219. Dombrovskii F.O. Neskol'ko slov o bashtanakh v Evpatoriiskom uezde // Krymskie tatory: khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture. – Simferopol': izdatel'stvo «DOLYa», 2005. – 576 s.
220. Dragunskii D.V. Etnopoliticheskie protsessy na postsovetском prostranstve i rekonstruktsiya Severnoi Evrazii // Polis. - 1995. - № 3.
221. Drobizheva L.M. Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii v postsovetской Rossii. - M., 2003.

222. Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 1990-kh gg. — M., 1996.
223. Edinyi federal'nyi spisok terroristicheskikh organizatsii URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>
224. Efimov S.A. Nekotorye sotsiologicheskie shtrikhi k voprosu ob identichnosti krymchan / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.— Simferopol': SONAT, 2012. — Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
225. Zheltukhina O.A. Krymskie tatory v XIX – nachale XX vv. URL: <http://qrim.org/?p=34781> (Data obrashcheniya: 02.03.2018).
226. Zorin V.Yu. Natsional'naya politika v Rossii: istoriya, problemy, perspektiva. - M., 2003. – 287 s.
227. Ivanov V.V. Fenomen etnichnosti: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. - Ulan-Ude, 2003. – 144 s.
228. Istoricheskii god dlya musul'man Kryma. Krymskie tatory v sostave Rossii glazami musul'man mira: 2014 / sost. D. Mukhetdinov, D. Akhmetova. – M.: Izdatel'skii dom «Medina», 2016. – 208 s.
229. Kal'noi I.I. Kontury krymskoi regional'noi identichnosti: pro et contra // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
230. Kiseleva N., Mal'gin A., Petrov V., Formanchuk A. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniya. - Simferopol': Salta, 2015. - 351 s.
231. Krym prisoedinili k reabilitatsii // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2457770> (Data obrashcheniya: 08.05.2018).
232. Krymskie tatory v Krymu i v mire: problemy i perspektivy natsional'nogo vozrozhdeniya // Doklad predsedatelya Medzhliisa krymskotatarskogo naroda M. Dzhemileva na Vsemirnom kongresse krymskikh tatar – Simferopol', 2009. URL: <http://textarchive.ru/c-1284193.html> (data obrashcheniya: 24.12.2017).
233. Krymsko-tatarskii narod: bez prava na Rodinu (pervaya polovina 1940-kh – nachalo 190-kh gg.). – 2-e izd. pererab. / vstup. st., sost., komment.,

- imennoi ukazatel', geogr. ukazatel', perechen' dok., spisok sokrashch. R. I. Khayali. – Simferopol': DOLYa, 2006. – 252 s.
234. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie / red. M.N. Guboglo, S.M. Chervonnaya, Seriya: «Natsional'nye dvizheniya v SSSR», TsIMO. - M., 1992. – T. I. Istoriya. Problemy. Perspektivy. - S. 92-93.
235. Kryazhkov V.A. Krymskii pretsedent: konstitutsionno-pravovoe osmyslenie // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. - 2014. - № 5 (102). - S. 82-96.
236. Kuts N., Muratova E. Proshloe, nastoyashchee i budushchee krymskikh tatar v diskurse musul'manskogo soobshchestva Kryma // Krymskii politicheskii dialog. K.: “K.I.S.” - 2014. - 64 s.
237. Kushner (Knyshev) P.I. Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy. - M.: AN SSSR, 1951. - 285 s.
238. Lantukh N.A. Ob «ostrovnoi napravlenosti krymskoi regional'noi identichnosti / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
239. Lenin V.I. Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu // Polnoe sobranie sochinenii. M., 1987, T. 24. On zhe O prave natsii na samoopredelenie // Polnoe sobranie sochinenii. M., 1987, T. 25.
240. Malakhov V.S. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya. - M., 2005.
241. Malashenko A.V. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii. – M.: Moskovskii Tsentr Karnegi, 1998. – 222 s. On zhe: Malashenko A.V. Musul'manskii mir SNG. – M., 1996. – 182 s. On zhe: Malashenko A.V. Islam dlya Rossii. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. – 192 s.
242. Mart'yanov V.S. Spravedlivy li etnonatsional'nye dekonstruktsii sovremennykh natsii? // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. - Ekaterinburg: UrO RAN, 2006. - Vyp. 6. - S. 244-257.
243. Materialy Plenuma TsK KPSS 19-20 sentyabrya 1989 goda. – M.: Politizdat, 1989. – 129 s.
244. Mukomel' V.I. Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetskie konteksty. - M.: Dipol'-T, 2005.

245. Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatory posle «Krymskoi vesny»: transformatsiya identichnosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2016. - № 3 (133).
246. Muratova E.S. Islam i krymskie tatory posle 2014 goda // Islam v sovremennom mire. – 2017. – T. 13, № 1. – S. 133-144.
247. Muratova E.S. Islam i natsional'nye interesy Ukrainy // Natsional'nye interesy Ukrainy / pod red. d.f.n. prof. Gabrielyana O.A. – Simferopol'. OOO «Energiya Del'ta», 2007.
248. Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5.
249. Muratova E.S. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh // Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2016. — № 5 (sentyabr'-oktyabr'). – S. 163-171.
250. Mukhetdinov D., Khabutdinov A. Krym: musul'manskaya obshchina v kontekste obshchego razvitiya regiona // Islam v sovremennom mire. - 2014. - № 4(36). - S. 51–58.
251. Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g. / Goskomstat SSSR. - M., 1990.
252. Natsional'nyi vopros v SSSR. Sbornik dokumentov... S. 321. Tsit. Po Guboglo M.N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii. – M., 1998. - S. 648.
253. Nemtsy v Krymu: ocherki istorii i kul'tury. – Simferopol': Tavriya Plyus, 2000. – 252 s.
254. Net krymskogo tatarina – net problem? // Golos Kryma. - 2008. - №5 (737).
255. Osmanov D. Rashid Bragin: «Ob"edinit' musul'man i rabotat' vo blago ikh» // Golos Kryma. – 1997. – 17 oktyabrya.
256. Otkrytoe pis'mo gosudarstvennoi vlasti // Minaret. – 2000. - № 35. – S. 20-21.
257. Pain E.A. Mezhdru imperiei natsiei: modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike Rossii. - M., 2004.
258. Pain E.A. Etnopoliticheskii mayatnik (Dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetsoi Rossii). - M., 2004.
259. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uezdam 50 gubernii

- Evropeiskoi Rossii: Tavricheskaya guberniya (za vychetom Berdyanskogo, Dneprovskogo i Melitopol'skogo uezdov, no vklyuchaya Sevastopol'skoe gradonachal'stvo). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420 (data obrashcheniya: 30.01.2018);
260. Polozhenie o Medzhlise krymskotatarskogo naroda. Prinyato v novoi redaktsii s uchetom dopolnenii i izmenenii na tret'ei sessii IV Kurultaya krymskotatarskogo naroda, g. Simferopol', 12 sentyabrya 2004 g.
261. Popov V.A. Politicheskaya antropologiya i etnopolitologiya: ob"ekty i predmety izucheniya // Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoi antropologii : v 2 t. / sost. i otv. red. V.V. Bocharov. - SPb., 2006. - T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse.
262. Postanovlenie VI Kurultaya ot 29 marta 2014 g. «O realizatsii krymskotatarskim narodom prava na samoopredelenie na svoei istoricheskoi territorii – v Krymu». URL: http://www.qrim.ru/about/docs/samoopredelenie_qirimli (Data obrashcheniya: 08.05.2018).
263. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR № 494. «O poryadke primeneniya stat'i 2 Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28 aprelya 1956 goda». Moskva, Kreml'. 5 sentyabrya 1967 g. № 1862-VII. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/6709051.htm> (data obrashcheniya: 04.12.2017).
264. Postanovlenie Prezidiuma TsK ot 24 noyabrya 1956 goda «O vosstanovlenii natsional'nykh avtonomii Kalmytskogo, Karachaevskogo, Balkarskogo, Chechenskogo i Ingushskogo narodov» / RGANI F. 3. OP. 12. D. 145. L. 109-115.
265. Postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 15.08.1978 №700 «O dopolnitel'nykh merakh po ukrepleniyu pasportnogo rezhima v Krymskoi oblasti». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9736.htm (data obrashcheniya: 16.12.2017).
266. Revunenkov E.V., Reshetov A.M. Sergei Mikhailovich Shirokogorov // Etnograficheskoe obozrenie. - 2003. - № 3. - S. 108.
267. Ryabtsev O.V. Krymsko-tatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. – Rostov n/D: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2007.
268. Ryabtsev O.V. Setevoi printsip deyatelnosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii : na primere

- krymsko-tatarskogo natsional'nogo dvizheniya: dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02. – Rostov n/D, 2008. - 182 s.
269. Safarov A. Krym posle anneksii RF: komu meshaet medzhlis krymskikh tatar? «Deutsche Welle», 19.02.2016.
270. Safonkina E.A. Turtsiya kak novyi faktor politiki «Myagkoi sily» // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. - 2014. - № 2. - S. 145-166.
271. Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspory: sovetskii period (1917-1944 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.
272. Senyushkina T.A. Etnonatsional'naya konfliktnost' v Krymu kak viktimologicheskaya problema // Kul'turnyi obmen i formirovanie tolerantnosti v mnogoetnichnom grazhdanskom obshchestve: materialy seminara (17 iyunya 2003 g.) – Simferopol': ChP Faktor, 2003.
273. Senyushkina T.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Krymu: analiz, prognoz, tendentsii // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
274. Sikevich Z.V. Problema etnicheskogo riska i natsional'nye men'shinstva v postsovetskikh gosudarstvakh // Rasy i narody. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy. - M., 1997. - № 24. - S. 277.
275. Sikevich Z.V. Problema etnicheskogo riska i natsional'nye men'shinstva v postsovetskikh gosudarstvakh // Rasy i narody. Ezhegodnik. - 1997. - № 24. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy. - S. 277.
276. Smit E. Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma. - M.: Praxis, 2004. – 466 s.
277. Soglashenie po voprosam, svyazannym s vosstanovleniem prav deportirovannykh lits, natsional'nykh men'shinstv i narodov. Edinyi reestr pravovykh aktov i drugikh dokumentov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv. - Bishkek, 09.10.1992. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=153> (data obrashcheniya: 06.02.2018).
278. Starchenko R.A. Referendum v Krymu 16 marta 2014 g.: prichiny i posledstviya // Vestnik rossiiskoi natsii. - 2015. - № 1 (39). - S. 182-206.

279. Tablitsy s itogami Federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Perepis' naseleniya v Krymskom federal'nom okruge». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (data obrashcheniya: 30.01.2018).
280. Temnenko V.A. Ot sil'noi lichnosti k sile zakona: o zadachakh predstavitel'stva verkhovnoi rady Avtonomnoi respubliki Krym v Verkhovnoi Rade Ukrainy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT, 2012. - 408 s.
281. Temnenko V.A. Krym – vypavshee zveno konfliktnoi dugi // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
282. Tishkov V.A. O natsii. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html (Data obrashcheniya: 22.01.2018).
283. Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. - M.: Nauka. 2003. — 544 s.
284. Tishkov V.A. Sotsial'naya antropologiya: professiya i prizvanie. Interv'yu s professorom Valeriyem Tishkovym // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. - 2001. - № 4.
285. Tokarev S.A. Problema tipologii etnicheskikh obshchnostei. (K metodologicheskim problemam etnografii) // Voprosy filosofii. - 1964. - № 11.
286. Ukaz Prezidenta Ukrainy №518/99 ot 18 maya 1999 g. o Sovete predstavitelei krymskotatarskogo naroda (na ukr. yaz.) // Sila prava: Zb. zakoniv Ukraïni ta mizhnar.-prav. aktiv / Tsentri informatsii ta dokumentatsii krims'kikh tatar // Uklad. R. Chubarov. - Kiiv, 2002a.- S. 93.
287. Ukaz Prezidenta Ukrainy №573/2000 ot 07 aprelya 2000 g. o Polozhenii o Sovete predstavitelei krymskotatarskogo naroda (na ukr. yaz.) // Sila prava: Zb. zakoniv Ukraïni ta mizhnar.-prav. aktiv / Tsentri informatsii ta dokumentatsii krims'kikh tatar; Uklad. R. Chubarov. - Kiiv, 2002b. S. 93–95.
288. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28.04.1956 «O snyatii ogranichenii po spetsposeleniyu s krymskikh tatar, balkartsev, turok – grazhdan SSSR, kurdov, khemshilov i chlenov ikh semei, vyselennykh v period Velikoi Otechestvennoi voiny. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5080.htm (data obrashcheniya: 16.12.2017).

289. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 5 sentyabrya 1967 goda «O grazhdanakh tatarskoi natsional'nosti, prozhivavshikh v Krymu». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/670905.htm> (Data obrashcheniya: 04.12.2017).
290. Ukazanie ministra Vnutrennikh del Uzbekskoi SSR vnutrennikh del UzSSR №221 ot 25 aprelya 1978 g. «O grazhdanakh tatarskoi natsional'nosti, ranee prozhivavshikh v Krymu» (neopublikovannoe) // Khronika tekushchikh sobytii. - Vyp. 32. - S. 3-7.
291. Ukraïns'ke suspil'stvo 1992-2006. Sotsiologichnii monitoring / Za red. d. ek. n. V. Voroni, d. sots. n. M. Shul'gi. – K.: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2006. – 578 s.
292. Umerov I. O Fevzi Yakubove i drugikh («Poluostrov», 2004 g.) // Tochka zreniya / sost. A. Khalilov. – Simferopol': «Odzhak'», 2005. – S. 20.
293. Umerov I.R. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
294. Ursu D.P. Bekir Choban-zade. Zhizn'. Sud'ba. Epokha. – Simferopol': Krymskoe uch.-ped. izdatel'stvo, 2004. - S. 63, 67; Arian S. Kirim'daki soykirim i unutmaymiz. – Ankara, 1994. – S. 24 / tsit. po Seidametov E.Kh. Formirovanie krymskotatarskoi diaspory: sovetskii period (1917-1944 gg.) / Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. - № 69. – S. 139-141.
295. Fadeicheva M.A. Polietnicheskoe obshchestvo i strategii etnicheskoi politiki gosudarstvennoi vlasti // Sotsium i vlast'. - 2013. - №2 (40). - S. 45-49.
296. Fadeicheva M.A. Etnopoliticheskie strategii gosudarstv v global'nom mire // Rossiya v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeistviya: materialy VI Vserossiiskogo kongressa politologov, Moskva, 22-24 noyabrya 2012 g. - M.: RAPN, 2012. - S. 474-475.
297. Federal'nyi zakon RF «O politicheskikh partiyakh» ot 11.07.2001 N 95-FZ.
298. Filatov A.S. Krym: etnokul'turnye orientiry i politicheskie ustanovki. Krymskii irredentizm i ukrainskii separatizm / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.

299. Khabutdinov A.Yu. «Russkoe musul'manstvo» Ismaila Gasprinskogo: edinstvo v mnogoobrazii. – M.: ID «Medina», 2011.
300. Khairuddinov M.A. Kul'tura musul'manstva i narodnaya pedagogika krymskikh tatar // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2002. - № 28. – S. 166-173.
301. Khan'ya S. Tselinograd, iyun' 1979 g.: k voprosu o nesostoyavsheisya nemetskoj avtonomii v Kazakhstane. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39425/1/ASI20_009.pdf (data obrashcheniya: 18.12.2017).
302. Khronika tekushchikh sobytii. - Vyp. 51.
303. Chervonenko V. Medzhlis: zapret, tyur'ma i emigratsiya / VVS Ukraina. 18 maya 2016. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/05/160518_ru_s_mejlis_tatars_history (Data obrashcheniya: 22.02.2018).
304. Chervonnaya S.M. Iskusstvo tatarskogo Kryma. – M., 1995. – 240 s.
305. Chervonnaya S.M. Vozvrashchenie krymskotatarskogo naroda: problemy entokul'turnogo vozrozhdeniya // Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie. 1994–1997 gody / pod red. M.N. Guboglo. - M.: In-t etnologii i antropologii, 1997. - T. 4. - 342 s.
306. Guboglo M. N., Chervonnaya S. M. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: v 2 t. / M. N. Guboglo, S. M. Chervonnaya ; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. M., 1992. T. 2.
307. Chervonnaya S.M. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie, 1994-1996 g. – M.: RAN, In-t etnologii i antropologii, 1997.
308. Chervonnaya S.M. Problemy vozvrashcheniya i integratsii krymskikh tatar v Krymu: 1990-e gody. – M., 1997. – 154 s.
309. Shakurova G.R. Sovremennye podkhody k izucheniyu etnichnosti. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059 (Data obrashcheniya: 11.05.2018).
310. Shevchuk A.G. Obzorno-analiticheskaya otsenka tekushchei sotsiokul'turnoi i etnokonfessional'noi situatsii v tsirkumpontiiskom geopoliticheskom prostranstve // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik.– Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.

311. Shnirel'man V.A. Intellektual'nye labirinty. Ocherki ideologii v sovremennoi Rossii. - M.: Academia, 2004.
312. Emirova A.M. Krymskotatarskie sobstvennye imena kak kumulyativnye znaki etnicheskoi kul'tury // Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. – Simferopol': SONAT, 2012. – Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. - 408 s.
313. Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlya vuzov / Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. - M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. - 376 s.
314. Belitser N. Krims'ki tatari yak korinnii narod. – K.: DP «Natsional'ne gazetno-zhurnal'ne vidavnitstvo», 2017. – 120 s. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – L.: Verso, 1983.
315. Aydingun I. The Crimean Tatars in the Crimea: source of Conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians? // Central Asia and the Caucasus. - 2004. - № 6 (30).
316. Aydingun I., Aydingun A. Crimean Tatars return home: identity and cultural revival // Journal of ethnic and migration studies. – 2007. - Vol. 33, № 1. – P. 113-128.
317. Boldyrev A. Crimean factor in the Russia-Turkey relations 21.04.2014 URL: <https://journal-neo.org/2014/04/21/rus-kry-mskij-faktor-v-rossijsko-turetskih-otnosheniyah/> (Дата обращения: 10.02.2018).
318. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. - Cambridge, 1996.
319. Calhoun C. Nations matter. Culture, History and the cosmopolitan Dream. - L.; N.Y., 2007. Он же: Калхун К. Национализм. - М., 2006.
320. Dawson J. Ethnicity, Ideology and Geopolitics in the Crimea // Communist and Post-Communist Studies. – 1997. - Vol. 30, № 4. – P. 429.
321. Deutsch K.W. Nationalism and social communication. - Camb., 1953.
322. Eriksen Th. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. – L.: Pluto Press, 1993.
323. Ethnic groups and boundaries / ed. F. Barth. - Bergen, 1969.
324. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978. – 260 p.

325. Gellner E. Nations and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983.
326. Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. – UK: Harvard University Press, 1992.
327. Gurler R.T. Turkey's Soft Power towards Central Asian Countries after the Cold War. - 2011. URL: www.uli.sakarya.edu.tr/sites/uli.sakarya.edu.tr/file/1371681799-recep_gurler.pdf.pdf (Дата обращения 04.02.2018).
328. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge, 1985.
329. Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations / Ed. by S. Olzak, J. Nagel. - L., 1986. – P. 14.
330. Olzak S. The global dynamics of racial and ethnic mobilization. - Stanford, 2006.
331. Open Society Institute Report. P. 21 URL: <http://www.iccrimea.org/population.html> (дата обращения: 30.01.2018).
332. Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. - N. Y., 1981.
333. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora (Oxford University Press). – 1991. - Vol. 1, № 1. – P. 83-99.
334. Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. - Cambridge: Harvard University Press, 2007. - 359 p.
335. Shafer B.C. Nationalism: Myth and Reality. - London: Gollancz, 1955.
336. The Crimean Tatars in the Crimea: source of conflict or stability between Crimean Russians and Ukrainians / Ethnic relations and population migration. 2004. – Vol. 6, № 30.
337. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame. SAGE, 1997. – 334 p.
338. Torbakov I. Crimea – the next Bosnia? (struggle for military control between Ukraine and Russia) // National Review. – 1993. - 8.9.
339. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı [Электронный ресурс] = Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. URL:

<http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (Дата обращения: 22.03.2018).

340. Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. – N. Y.: Elsevier, 1981.
341. Vanhanen T. Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism (Vol. 7). - Stamford, Connecticut: JAI Press, 1999.
342. Wilson A. The Crimean Tatars. A Situation Report of the Crimean Tatars for International Alert. - Sidney-Cambridge, 1993.; Он же: Crimean Tatars. Repatriation and Conflict Prevention. Open Society Institute, Forced Migration Projects. – N. Y., 1996.

APPENDIX

Table 1.
The number of persons of Crimean-Tatar nationality, deported from Crimea in 1944 (compiled by source: Appeal of the Crimean-Tatar nation to the XXIII Congress of the CPSU (March 1966))

	Total	%	Men	%	Women	%
Total	238500	100	88950	37,29	149550	62,71
Among them:						
Children up to 16 years	99400	41,7	49700	20,85	49700	20,85
Teenagers	13300	5,6	6650	2,8	6650	2,8
Women over the age of 18	93200	39,1	-	-	93200	39,1
Men over the age of 18	32600	13,6	32600	13,6	-	-

Table 2.
Settlement and language of the Crimean Tatars (in thousand people and % according to the all-Union population census of 1989)

Territory	Population (thousand people and %)	Crimean-Tatar language as native language
USSR total	271715 (100%)	250442 (92,6%)
city	187301 (68,9%)	-
countryside	84414 (31,1%)	-
Uzbek SSR	188772 (69,5%)	175890 (93,2%)
Ukrainian SSR	46807 (17,2%)	43334 (92,6%)
Russian SFSR	21275 (7,8%)	19013 (89,4%)
Tajik SSR	7214 (2,7%)	6794 (94,2%)
Kazakh SSR	3169 (1,2%)	2818 (88,9%)
Kirghiz SSR	2924 (1,1%)	2593 (88,7%)
The remaining republics of the USSR	1554 (less than 1%)	-

Table 3.
Native language-language of the nationality (in % according to all-Union census
of the population of 1989.)⁶³²

Nations, which had Federal Republics in 1989		Nations, which had Autonomous republics in 1989 (including nations of Dagestan)			
Azerbaijani	97,7	Abkhazians	93,5	Bashkirs	72,3
Georgians	98,2	Avars	97,2	Buryat	86,3
Kazakhs	97,0	Agula.	94,9	Kalmyks	90,0
Kirghiz	97,0	Balkars	93,6	City	47,0
Latvians	94,8	Dargin	97,5	Komi	70,4
Lithuanians	97,7	Ingush	96,9	Lezgins	91,6
Russian	99,8	Kabardians	97,2	Maris	80,8
Tajiks	97,7	Karakalpaks	94,1	Mordvin	67,1
Turkmen	98,5	Kumyks	97,4	Nogays	89,9
Uzbeks	98,3	Laks	93,6	Ossets	87,0
Estonians	95,5	Rutultsy	94,8	Tartars'	83,2
Armenians	91,7	Tabasarans	95,9	Udmurt	69,6
Belarusians	70,9	Tuvans	98,5	Chuvash	76,4
Moldavians	91,6	Tsakhurs	95,2	Yakuts	93,8
Ukrainians	81,1	Chechen	98,1		
Crimean Tatars 92,6					

Table 4.
Self-identification of Crimean residents*

№	Name of social group	Primarily	Secondarily
1	Crimean people	24,4%	25,3%
2	Russian	19,7%	9,5%
3	Citizen of Ukraine	15,6%	22,5%
4	Crimean Tatars	11,7%	1,7%
5	World citizens	6,9%	4,7%
6	Ukrainians	5,3%	2,2%

⁶³² Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie Tom I. Istoriya. Problemy. Perspektivy. / Red. M.N. Guboglo, S.M. Chervonnaya, Seriya: «Natsional'nye dvizheniya v SSSR», TsIMO - M. 1992. - S. 92-93.

7	Soviet people	3,9%	8,9%
8	Russians	2,5%	5,8%
9	The inhabitants of a particular territory (town, village)	1,4%	5,3%
10	Europeans	1,4%	3,6%
11	Colleagues (by work, studies, hobbies...)	0,8%	3,3%
12	Own variant / not responded	1,7% / 4,7%	1,7% / 5,6%

* On the basis of sociological research conducted by the center for ethno-social research on March 1-2, 2008 in the mode of field sociological survey of residents of Simferopol and rural suburbs. Sampling error does not exceed 4.8%⁶³³.

Table 5.

The structure of the identities of the inhabitants of the Crimea in the ethnic section * (in %)

Who do you consider yourself first of all?	Crimean Tatar	Russian	Ukrainians	AR of Crimea as a whole	Ukraine
a resident of his village(town, city)	11,2	10,4	12,5	10,8	27,2
Crimean**	41,5	52,3	35,0	46,0	6,6
citizen of Ukraine	25,6	21,1	40,7	26,8	51,6
representative of his ethnic group, nation	17,0	1,1	0,6	3,3	1,8
a citizen of the former USSR	2,3	13,4	10,1	11,3	7,3
European citizen	0,6	0,1	0,4	0,2	1,3
world citizen	1,4	0,9	0,6	1,0	2,9

⁶³³ Filatov A.S. Krym: etnokul'turnye orientiry i politicheskie ustanovki. Krymskii irredentizm i ukrainskii separatizm / Voprosy razvitiya Kryma. Nauchno-prakticheskii diskussionno-analiticheskii sbornik. Vyp. 16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT, 2012. – 408 s.

other	0,3	0,6	0,1	0,7	0,7
-------	-----	-----	-----	-----	-----

* According to the data of a series of sociological surveys carried out by S. A. Efimov in 2006, in comparison with the data of general Ukrainian studies. The sample size - not less than 1700 people, the sample population reflected the main parameters of the population of AR of Crimea over 18 years of age by sex, age, nationality, type of settlement. In Ukraine, the survey data for 2006, carried out by the Institute of sociology of NAS of Ukraine⁶³⁴.

**In the all-Ukrainian survey, the answer was formulated as "a resident of the region (region or several regions) where you live".

Table 6.
Survey data on the status of Crimea within Ukraine in ethnic section (2006) (in%).

Do you agree with the following statement: "It is important for me that Crimea is a republic, not a region"?	Crimean Tatars	Russians	Ukrainians	AR of Crimea as a whole
Agree	76,8	60,4	55,1	61,2
Disagree	4,5	9,8	10,3	9,0
Difficult to answer	18,5	29,8	34,6	29,8

Table 7.
Inter-census dynamics of ethnic composition in Crimea (according to population censuses conducted in 1989, 2001 and 2014)

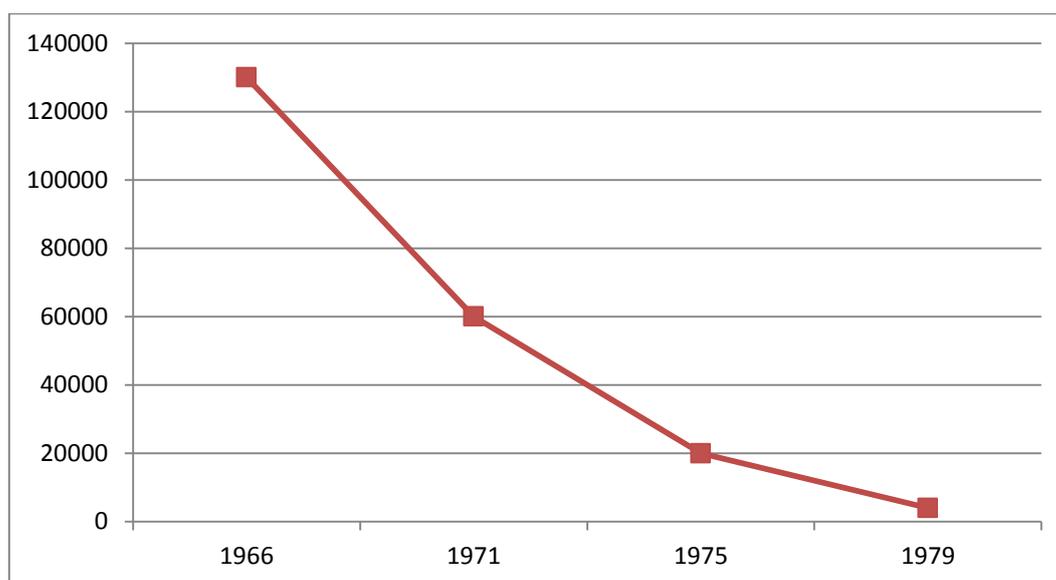
⁶³⁴ Ukraïns'ke suspil'stvo 1992-2006. Sotsiologichnii monitoring / Za red. d. ek. n. V. Voroni, d. sots. n. M. Shul'gi. – K.: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2006. – 578 s.

	People, 1989	The percentage of those who indicated their nationality % 1989	People, 2001	The percentage of those who indicated their nationality % 2001	People, 2014	The percentage of those who indicated their nationality % 2014
Russians	1629542	67,05	1450394	60,67	1492078	67,90
Ukrainians	625919	25,75	576647	24,12	344515	15,68
Crimean Tatars	38365	1,58	245291	10,26	232340	10,57
Tartars	10762	0,44	13602	0,57	44996	2,05
Belarusians	50054	2,06	35157	1,47	21694	0,99
Armenians	2794	0,11	10088	0,42	11030	0,50
Other	73059	3,01	70030	2,93	50911	2,32
Pointed	2430495	100,0	2390319	100	2197564	100,00
Did not point	0		10890		87205	
Total:	2430495		2401209		2284769	

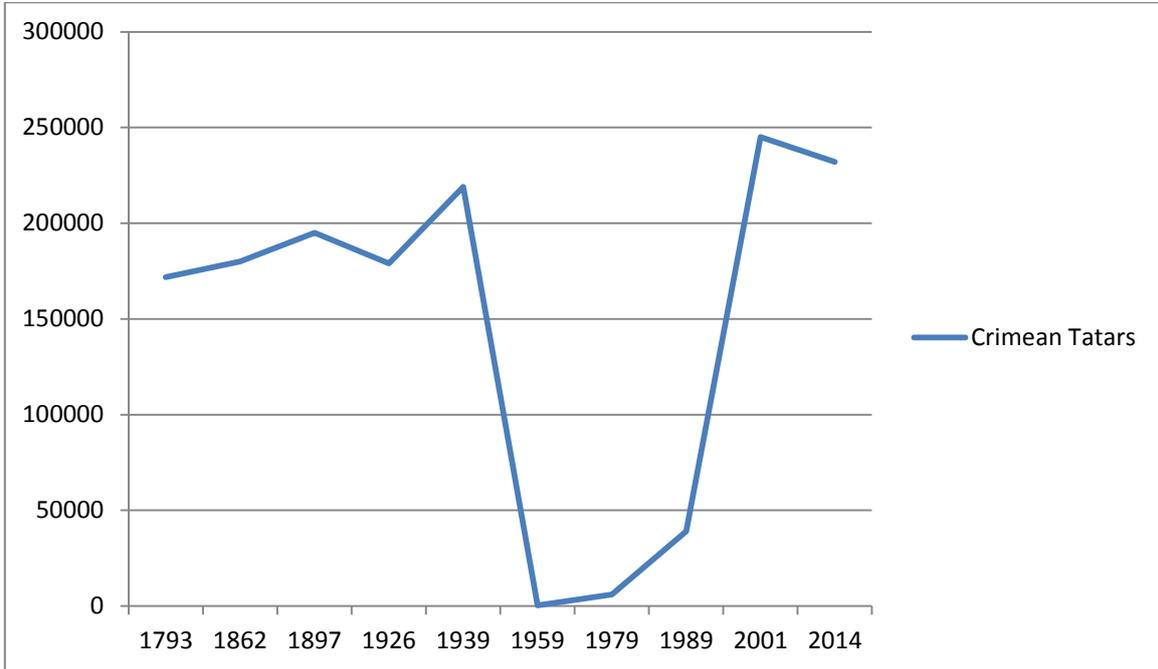
Table 8.
Dynamics of crisis phenomena in some branches of handicraft production
of the traditional Crimean-Tatar society. A comparison of indicators
before the October revolution of 1917 and after.

Productions	Number of workers		Production per year		Cost of production per year		Note
	Until 1914	In 1924	Until 1914	In 1924	Until 1914	In 1924	
Felt makers	60	12	10800 poods of wool	2160 poods	216000 rubles	43200 rubles	50% of production was exported to the North when exporting Crimean fruits
Torbock makers		13	204000 items	15600 items	142800 rub. at cost 7 rub./10 items	23400 rub. at cost 15 rub./10 items	25% of production was exported to the North

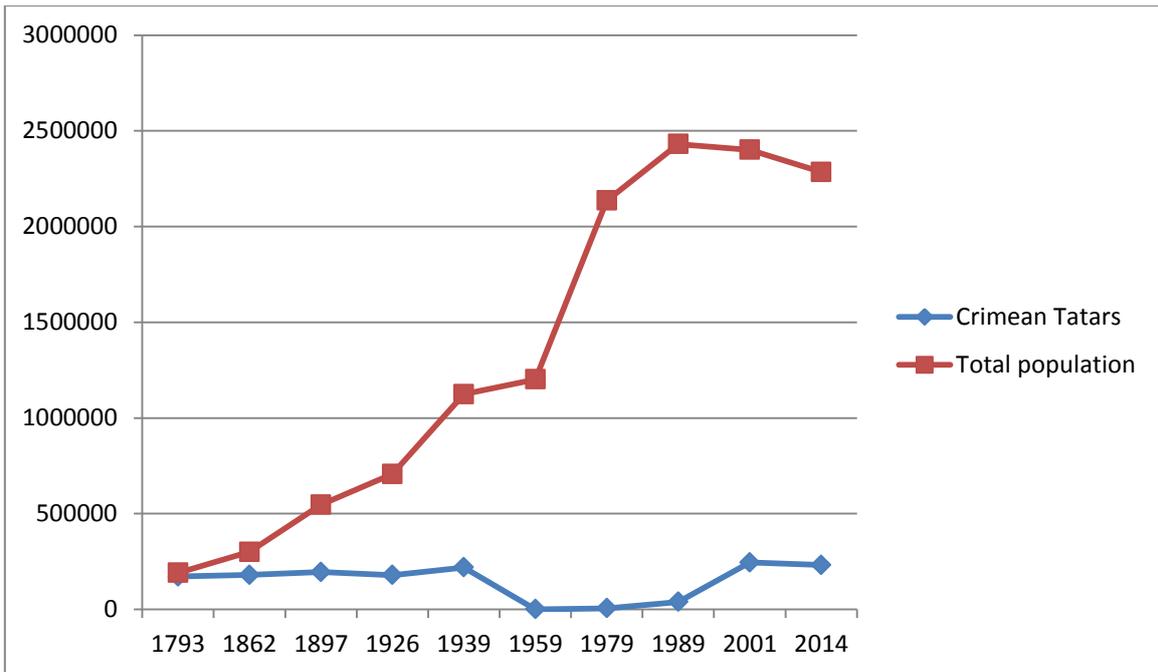
Graph 1. Dynamics of the number of signatures in petitions in support of the demands of the Crimean-Tatar national movement addressed to the authorities of the USSR.

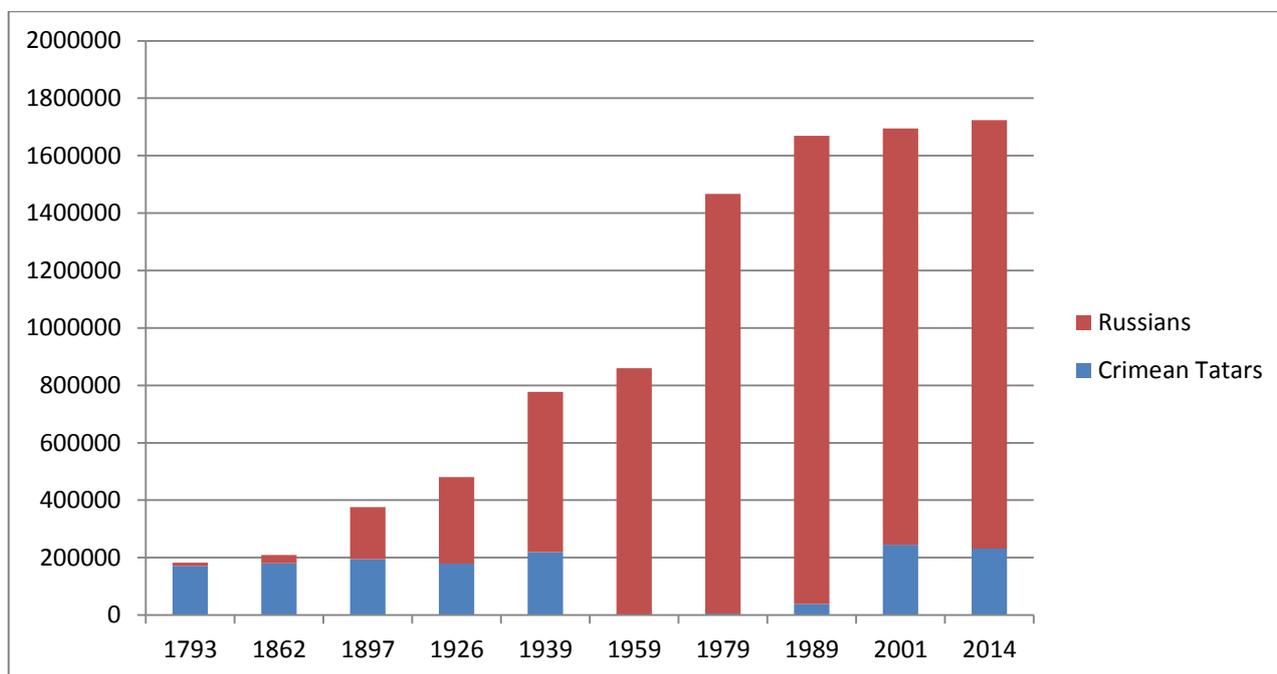
Graph 2.
The number of Crimean-Tatar population of Crimea in historical periods
(late XVIII – 2014)**

Graph 3.
The number of Crimean-Tatar population relative to the total population of Crimea in historical periods (late XVIII-2014)**

Histogram.
The ratio of the Crimean-Tatar and Russian population of Crimea
in historical periods (late XVIII – 2014)**

** Data for the histogram and graphs 2 and 3 are used from the following sources:

- Open Society Institute Report. P. 21 URL: <http://www.iccrimea.org/population.html>
(дата обращения: 30.01.2018);

- Fisher A. The Crimean Tatars. – Stanford: Stanford university press, 1987. – p. 88.

- Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uezdov 50 gubernii Evropeiskoi Rossii: Tavricheskaya guberniya (za vychetom Berdyanskogo, Dneprovskogo i Melitopol'skogo uezdov, no vklyuchaya Sevastopol'skoe gradonachal'stvo). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420 (data obrashcheniya: 30.01.2018);

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam RSFSR: Krymskaya ASSR. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (data obrashcheniya: 30.01.2018)

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam RSFSR: Krymskaya ASSR. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 (data obrashcheniya: 30.01.2018);

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastei respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i natsional'nosti. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (data obrashcheniya: 30.01.2018);

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 goda. Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastei respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i natsional'nosti. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (data obrashcheniya: 30.01.2018);

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastei respublik SSSR po polu i natsional'nosti. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (data obrashcheniya: 30.01.2018);

- Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001: Natsional'nyi sostav naseleniya. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/select_51?box=5.1W&rz=1_1&rz_b=2_1&k_t=01&botton=cens_db (data obrashcheniya: 30.01.2018);

- Tablitsy s itogami Federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Perepis' naseleniya v Krymskom federal'nom okruge». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (data obrashcheniya: 30.01.2018).

Подписано в печать 01.10.2018 г   Формат 60x84 ¹/₁₆   Цифровая   Печ.л. 14.8
Тираж 12 экз.   Заказ № 05/10   печать

Типография «Фалкон Принт»
(197101, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 41, литер Б,
Тел. 8 (812) 313-26-39, сайт: falconprint.ru)